ПРОВЕРЕНО 1935 г.

К. П. Кондыревъ.

ИНСТИНКТЪ.

С.-Петербургъ.

190.

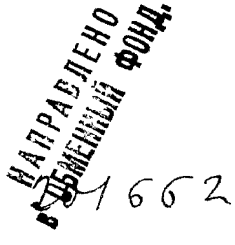
К. П. Кондыревъ.

Инстинктъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

С.-Петербургъ.
1900.

„Пров 38“



Типографія Исидора Гольдберга, Екатерин. кан., 94.

ИНСТИНКТЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Принципъ жизни.

I. Установленъ ли наукою „законъ“ борьбы за существованіе?

Съ того времени, какъ въ наукѣ воцарилась столь плодотворная теорія эволюціи Ламарка и Дарвина, моралисты философы рѣзко разошлись съ естественниками въ основныхъ взглядахъ на жизнь и ея законы.

Первые, исходя изъ высшихъ стремленій человѣческой природы, объявили закономъ этой природы любовь, братство и взаимопомощь. Основою всей человѣческой жизни и поступковъ они старались утвердить законъ сохраненія и развитія всякой жизни на землѣ. Нѣкоторые естественники, увлеченные новымъ движеніемъ, слѣдствіемъ геніальныхъ идей англійскаго реформатора, каждый, отмѣченный Ч. Дарвиномъ, фактъ провозглашали закономъ природы и основою жизни старались иногда утвердить борьбу за существованіе или, вѣрнѣе, борьбу за жизнь. Нещепетильные въ нравственномъ отношеніи, философы пытались положить эту біологическую гипотезу въ основу этики и узаконить съ благословенія науки борьбу людей, т. е. злобу, вражду, хитрость и взаимоуничтоженіе, что пришлось многимъ психопатамъ, какъ нельзя болѣе, по сердцу.

Такое разногласіе во взглядахъ на основную суть и смыслъ всякой жизни могло привести только къ розни два главныя направленія человѣческой мысли и къ безплодному ихъ взаимоотрицанію.

Еще Левинъ въ романѣ гр. Л. Н. Толстого отрекается отъ науки вслѣдствіи того, что та возводитъ борьбу въ законы жизни. Законъ природы не можетъ противорѣчить закону нравственности и разума; борьба безнравственна и неразумна, говорятъ моралисты, и потому она не можетъ быть закономъ природы; наука, выдумывающая такіе законы, тоже безнравственна и неразумна, а потому это лженаука и для здравомыслящихъ и добрыхъ людей она не нужна.

— Наука не можетъ быть ни нравственна, ни безнравственна,

отвѣчаютъ приверженцы теоріи борьбы,—ей нѣтъ дѣла до чувствованій и стремленій моралистовъ и до ихъ предвзятыхъ мнѣній, основанныхъ на этихъ стремленіяхъ. Наука изучаетъ факты и заключаетъ о законахъ природы на основаніи этихъ фактовъ, независимо отъ желаній моралистовъ, и тѣмъ хуже для нихъ, что явленія жизни не соотвѣтствуютъ ихъ понятіямъ.

И обѣ стороны правы. Моралисты—потому, что законы человѣческой жизни и отношеній могутъ быть обусловлены только взаимопомощью и сочувствіемъ людей другъ другу. а не ихъ борьбою, чего, впрочемъ, никогда не отрицалъ самъ Дарвинъ и его благоразумные послѣдователи. Дарвинисты правы потому, что законы научные должны быть устанавливаемы экспериментальнымъ или математическимъ методомъ.

Но посторонній зритель, присутствуя при этомъ спорѣ, вынужденъ заключить, что или одна изъ отрицающихъ другъ друга сторонъ неправа, или обѣ, т. е. онъ долженъ отказаться или отъ нравственныхъ ученій, или отъ экспериментальной науки. или же отъ науки и нравственности одновременно и впасть въ безразсвѣтный скептицизмъ.

Ожесточеніе спора какъ съ той, такъ и съ другой стороны влечетъ только къ шаржу и сгущаетъ потемки, въ которыхъ бродитъ человѣческая мысль нашего времени.

Но нѣтъ ли во всемъ этомъ спорѣ какого-либо случайнаго недоразумѣнія или недосмотра? Дѣйствительно ли научные факты такъ радикально противорѣчатъ основамъ нравственныхъ ученій? Дѣйствительно ли существуетъ такой законъ природы. который можно было бы назвать закономъ борьбы за существованіе? Установленъ ли этотъ законъ строго-научнымъ изслѣдованіемъ біологическихъ явленій согласно экспериментальному или математическому методу? Управляетъ ли онъ всѣми жизненными явленіями или извѣстною ихъ категоріею и какою именно? Не есть ли „законъ борьбы“ совсѣмъ даже не законъ, а только теорія или даже простого гипотеза, способствующая объясненію нѣкоторыхъ біологическихъ явленій, а именно явленій естественнаго подбора, и наконецъ, дѣйствительно ли такая гипотеза объясняетъ явленія подбора и эволюціи въ мірѣ организмовъ?

Всѣ эти вопросы, почему-то, въ разгарѣ спора оставались, обыкновенно, въ тѣни, и увлеченіе все крѣпче и крѣпче утверждало „борьбу“ въ качествѣ несомнѣннаго научнаго закона. Сомнѣвающіеся, какъ и всегда, не рѣшались противорѣчить разгорячившимся авторитетамъ.

Но вотъ выступаетъ въ научномъ лагерѣ, несомнѣнный авторитетъ—профессоръ Шарль Ришэ и, не увлекаясь партійностью, прямо и смѣло заявляетъ, что такого закона природы не существуетъ: „Борьба за жизнь, говоритъ онъ, не болѣе, какъ явленіе. Это не теорія и даже не гипотеза! Борьба за жизнь, какъ понималъ ее Дарвинъ и его послѣдователи, имѣетъ очевидную цѣль—это сохраненіе жизни...“

Я подчеркиваю слова: сохраненіе жизни, для того, чтобы имѣть право этимъ терминомъ обозначить тотъ принципъ, который, будучи причиной борьбы, составляетъ основу и всѣхъ другихъ дѣйствій животныхъ, какъ я въ этомъ давно убѣдился, положивъ законъ

сохраненія жизни въ основу предлагаемаго сочиненія. Конечно, подъ смысломъ сохраненіе жизни можно подразумѣвать и ея развитіе, тѣмъ болѣе, что развитіе жизни является прямымъ слѣдствіемъ постояннаго стремленія къ ея сохраненію.

Ежели мы будемъ разсматривать всѣ движенія организмовъ, включая сюда и органическіе процесы или отправленія, движенія безсознательныя, простые и сложные рефлексы, автоматическія дѣйствія, дѣйствія инстинктивныя или ихъ психическія причины—чувства и, наконецъ, вполнѣ сознательные, разумные поступки людей, мы найдемъ, что всѣ они совершаются какъ бы съ цѣлію сохраненія жизни или самого индивида, или его рода, вида и т. д. Каждое отправленіе, каждый рефлексъ, каждое чувство и побужденіе какъ будто стремятся къ достиженію этой цѣли; каждый органъ, ткань, клѣтка или ея части какъ бы приспособлены для наилучшаго выполненія такихъ цѣлесообразныхъ движеній.

Ежели нѣкоторые факты—какъ напр.: борьба, болѣзни, порочныя отклоненія, смерть и даже самоубійство—по внѣшнему виду противорѣчатъ всеобщности такого единообразія, то это противорѣчіе только кажущееся, и даже эти факты являются прямымъ слѣдствіемъ закона сохраненія жизни, какъ и всѣ остальныя біологическія явленія.

Не такъ ли казалось Аристотелю, незнакомому съ закономъ всемірнаго тяготѣнія, что существуютъ тѣла легкія, которыя. въ противоположность тяжелымъ тѣламъ, имѣютъ стремленіе кверху, а не книзу, т. е. какъ бы не притягиваются землею, но отталкиваются ею. Съ открытіями Галилея и Ньютона всѣ узнали, что явленія „легкости“, казавшіяся противными явленіямъ тяжести, представляютъ собою ея же необходимыя слѣдствія.

Что явленія борьбы дѣйствительно существуютъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, точно такъ же, какъ нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя тѣла, предоставленныя себѣ, подымаются кверху. Но всякое животное, когда оно борется, то борется только для сохраненія жизни (индивидуальной, рода, вида и т. д.), или для того, что кажется ему необходимымъ для проявленія, развитія и обезпеченія жизни (индивидуальной, рода, вида и т. д.), слѣдовательно, и въ случаяхъ борьбы за жизнь, животное не отступаетъ отъ закона всѣхъ своихъ движеній—закона сохраненія жизни, хотя бы слѣдствіемъ борьбы оказалась смерть самого животнаго, его конкурентовъ или противниковъ. Такимъ образомъ, слѣдствіемъ сохраненія жизни могутъ быть явленія борьбы и смерти, какъ слѣдствіемъ тяжести—легкость, или слѣдствіемъ притяженія земли—поднятіе нѣкоторыхъ тѣлъ кверху.

Въ дѣйствительности „законъ“ борьбы за жизнь никогда не былъ установленъ естественниками и не можетъ быть установленъ согласно строго-научному методу, ни экспериментально, ни математически.

Чарльзъ Дарвинъ замѣтилъ явленіе, примѣнявшееся съ древности многими сельскими хозяевами; а именно—то, что путемъ подбора производителей или сѣмянъ достигается результатъ улучшенія породъ домашнихъ животныхъ или хозяйственныхъ растеній и развитія въ нихъ тѣхъ особенностей, которыя человѣкъ находитъ болѣе полезными или выгодными. Онъ также замѣтилъ, что подобный подборъ про-

изводится хозяевами иногда сознательно, но большею частью безсознательно, вслѣдствіи лучшаго охраненія болѣе цѣнныхъ особей и склонности къ ихъ пріобрѣтенію въ хозяйства. Эти явленія онъ назвалъ искуственнымъ подборомъ, результатомъ котораго было постоянное искуственное измѣненіе породъ домашнихъ животныхъ и хозяйственныхъ растеній въ направленіи, выгодномъ для человѣка.

Желая установить великій законъ естественной эволюціи всего органическаго міра, Ч. Дарвинъ долженъ былъ придти къ заключенію, что въ природѣ существуетъ и естественный подборъ, руководимый уже не человѣкомъ, но законами или явленіями самой органической жизни. И онъ предположилъ, что естественный подборъ, необходимый для теоріи эволюціи, останется необъясненнымъ, ежели не допустить „борьбы за жизнь“ въ качествѣ единственнаго, отмѣченнаго въ литературѣ, фактора регуляціи размноженія. Онъ, кромѣ того, предупреждаетъ, что примѣняетъ этотъ терминъ въ широкомъ, часто въ метафорическомъ смыслѣ. Такъ, напр., онъ допускаетъ выраженіе: растеніе борется съ засухой, вмѣсто того, чтобы сказать, что оно зависитъ отъ влажности, или находитъ, что омела борется съ другими, приносящими плоды, растеніями тѣмъ, что соблазняетъ птицъ съѣдать свои плоды и разносить свои сѣмена. Дарвинъ утверждаетъ даже, что среди многихъ терминовъ, примѣнимыхъ къ этимъ явленіямъ, онъ только ради удобства выбираетъ выраженіе борьба за жизнь.

Такимъ образомъ, подъ тенденціознымъ знаменемъ „борьбы“ было соединено Дарвиномъ множество разнообразнѣйшихъ явленій, факторовъ естественнаго подбора, не малое число которыхъ гораздо болѣе подходило къ противоположнымъ борьбѣ явленіямъ взаимопомощи, приспособленія и пр., какъ, напримѣръ, въ случаѣ обсѣмененія омелы.

Слишкомъ усердные послѣдователи новаго ученія, какъ это обыкновенно случается, поняли метафору въ буквальномъ смыслѣ, превратили букву въ догматъ и борьбу организмовъ въ законъ природы, по которому ловкость, хитрость, пронырливость, обманъ, безсердечность, нахальство и разбой оказались качествами болѣе развитыхъ или высшихъ существъ, правдивость, кротость и доброта—недостатками низшихъ, осужденныхъ на вымираніе.

Такое ученіе, утверждающее кулачное право, оправдывающее зло, пороки и нѣкоторые дикіе инстинкты доисторическихъ предковъ человѣка, не могло не понравиться порочнымъ людямъ и не найти многочисленныхъ послѣдователей среди ученыхъ и непричастной естествознанію толпы. Оно производило шумъ, лестно поощрявшій новыхъ проповѣдниковъ принципа всеобщей борьбы, которая уже понималась какъ не метафорическая, но дѣйствительная, активная борьба каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго. Съ университетскихъ каѳедръ раздавались вдохновенныя рѣчи, въ которыхъ ораторы старались убѣдить слушателей, что, несмотря на наружный миръ и дружбу, всѣ они непрерывно враждуютъ и борятся между собою не на жизнь, а на смерть изъ-за всего, даже изъ-за каждаго глотка воздуха. „И въ этомъ нетрудно убѣдиться, говорилъ одинъ изъ ораторовъ, стоитъ лишь герметически закупорить всѣ отверстія и поры въ стѣнахъ этой аудиторіи такъ, чтобы вентиляція ея совершенно прекратилась—и борьба проявится самымъ ужасающимъ образомъ. Вы сами уви-

дите, господа, что, какъ только кислорода окажется недостаточно для вашего дыханія. вы всѣ будете рады затоптать и задушить другъ друга изъ-за какой-нибудь щелки, чрезъ которую можно получить хоть одинъ глотокъ свѣжаго воздуха“. И слушатели убѣждались, что они дѣйствительно и постоянно борятся другъ съ другомъ, что борьба эта не порокъ, но, напротивъ, основной законъ ихъ жизни и интенсивность или энергія этой борьбы—единственный критерій ихъ высшей организаціи.

Молодые слушатели принимали на вѣру доказательства профессора, несмотря на то, что такими пріемами легко было бы доказывать все, что угодно, хотя бы, напр., всеобщее страданіе кровохарканіемъ: стоило лишь примѣшать ко, вдыхаемому слушателями, воздуху такое количество хлора, которое вызываетъ кровь и т. д.

„Все борется между собою и всегда, говорили восторженные приверженцы новаго „закона“, все борется и на землѣ, и въ воздухѣ, и въ водѣ, и даже внутри нашихъ собственныхъ организмовъ, хотя мы не всегда замѣчаемъ эту всеобщую борьбу“. По ихъ объясненію не только хищники въ борьбѣ со своею добычею и корова съ травою, которую она поѣдаетъ, но эмбріоны борятся за свое рожденіе и даже яйца птицъ за свое вылупленіе. Безъ доказательствъ допустили возможность всякой пасивной борьбы, и остается лишь непонятнымъ, почему не провозгласили борьбу яичницы, ибо, ежели сырыя яйца могутъ бороться, то почему не бороться варенымъ?

Всеобщность и постоянство борьбы доказываются обыкновенно лишь тѣмъ, что борьба происходитъ повсюду (?), и въ воздухѣ, и на землѣ, и въ водѣ, и даже внутри организмовъ, и тѣмъ, что борьба происходитъ часто (?), и будто бы мы только почему-то ея не замѣчаемъ.

Такіе вопросы могла бы болѣе точно рѣшить одна лишь сравнительная статистика случаевъ борьбы и взаимопомощи или приспособленія, которая, очевидно, невозможна.

Мы же можемъ пока отмѣтить только то, что явленія дѣйствительной борьбы за жизнь, разъ существуютъ противоположныя ей явленія, не всеобщи и не постоянны. Мы даже предполагаемъ, что число первыхъ ничтожно въ сравненіи съ числомъ послѣднихъ. Самыя хищныя изъ животныхъ посвящаютъ этой дѣятельности лишь небольшую часть своего времени, а не у хищниковъ явленія подобной борьбы настолько рѣдки, что составляютъ лишь исключительные случаи и нарушеніе ихъ обычной дѣятельности, тогда какъ всѣ безъ исключенія движенія животныхъ подчинены закону сохраненія жизни.

Ежели многіе зоологи-мизантропы способны подозрѣвать всюду и всегда явленія борьбы, то это зависитъ лишь отъ ихъ плохого душевнаго настроенія; но и самые записные песимисты изъ нихъ не могутъ доказать всеобщности этого квази-закона и не могутъ положить его въ основу всякаго органическаго движенія.

Что значитъ голословное утвержденіе. будто явленія борьбы встрѣчаются часто? Этотъ вопросъ могли бы рѣшить только цифры. но ихъ-то и не имѣется въ распоряженіи науки. Что инымъ кажется частымъ, то можетъ по провѣркѣ оказаться рѣдкимъ и даже исключи-

тельнымъ, на томъ простомъ основаніи, что человѣкъ гораздо легче замѣчаетъ и запоминаетъ явленія исключительныя, особенно—возбуждающія эмоціи, нежели обыкновенныя, привычныя явленія будничной жизни, остающіяся почти всегда незамѣченными; но они-то и составляютъ главную суть и основу природы и жизни. Итакъ, утвержденія о всеобщности и частотѣ явленій борьбы въ природѣ, требующія для доказательства нѣкотораго пафоса и рѣчей, дѣйствующихъ болѣе на чувство, нежели на умъ слушателей, быть можетъ хорошая поэзія, но въ качествѣ доказательствъ не имѣютъ никакого научнаго значенія и не могутъ служить для установки мнимаго закона борьбы за жизнь.

Какъ можетъ существовать въ мірѣ какое бы то ни было живое существо, ежели законъ природы—борьба всего міра противъ этого несчастнаго, одинокаго существа? Ежели все борется противъ нашего существованія, то почему же мы существуемъ?

И земля, и вода, и воздухъ, и растенія, и животныя, и космическія силы, и люди—все, очевидно, способствуетъ нашему существованію, все обусловило, создало и поддерживаетъ нашу жизнь, а мы говоримъ, что законъ всего этого—борьба противъ насъ, а нашъ законъ—борьба со всѣмъ міромъ. Съ кѣмъ же намъ бороться, ежели мы безъ всего этого существовать не можемъ?

Не противоположный ли законъ дѣйствительно царитъ надъ явленіями жизни? Не законъ ли приспособленія и взаимопомощи, не законъ ли сохраненія жизни? Быть можетъ, онъ настолько часто проявляется въ окружающей насъ природѣ, и мы такъ къ нему приглядѣлись, что перестали даже его замѣчать, и видимъ лишь одни, поражающіе нашъ взоръ, исключительные случаи, подбирая и группируя которые, думаемъ создавать самые общіе біологическіе законы.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что: 1) Законъ борьбы за существованіе добытъ не экспериментальнымъ и не математическимъ путемъ, а явился лишь въ качествѣ вспомогательной гипотезы, за отсутствіемъ другой, для объясненія механизма естественнаго подбора; 2) понятіе этой гипотетической борьбы до сихъ поръ не опредѣлено точно и во всѣхъ своихъ деталяхъ, и не соотвѣтствуетъ какой-либо одной опредѣленной группѣ біологическихъ явленій, захватывая факты разныхъ категорій, якобы способствующіе процесу естественнаго подбора; 3) активная борьба организмовъ, хотя и наблюдается въ природѣ, не имѣетъ характера всеобщности и постоянства, необходимыхъ для всякаго закона природы, и потому можетъ быть лишь причислена къ явленіямъ, наряду съ противоположными явленіями приспособленія и взаимопомощи, причемъ послѣднія могутъ превосходить факты борьбы и по количеству, и по біологическому значенію; 4) какъ тѣ, такъ и другія, и третьи подчиняются принципу сохраненія жизни.

II. Теоріи Мальтуса и професоровъ Шенка и Оршанскаго.

Вопросъ объ эволюціи въ органическомъ мірѣ тѣсно связанъ съ вопросами о регуляторахъ размноженія и о наслѣдственности, области которыхъ до сихъ поръ почти не освѣщены наукою. „Причины, сдерживающія естественное стремленіе каждаго вида къ раз-

множенію, крайне темны", говоритъ Дарвинъ *). Очевидно, что одинъ фактъ борьбы за существованіе не можетъ объяснить всѣхъ явленій численнаго преобладанія того или другого вида и, кромѣ того, нетрудно доказать, что борьба слишкомъ часто влечетъ за собою неблагопріятныя въ этомъ смыслѣ послѣдствія даже для вида побѣдителей.

Существуютъ, вѣроятно, иные законы природы и иные регуляторы біологическихъ явленій, до сихъ поръ еще неизвѣстные, неизслѣдованные и даже, быть можетъ, неподозрѣваемые, которые, однако, оказываютъ главное вліяніе на подборъ, происхожденіе и размноженіе тѣхъ или другихъ видовъ, не будучи борьбою даже въ ультра-метафорическомъ смыслѣ. Не слѣдуетъ кромѣ того забывать, сколь опасны метафоры для строго логическихъ построеній, требуемыхъ точными науками.

Какъ примѣръ возможности біологическаго регулятора размноженія, можно допустить слѣдующее предположеніе.

Если, прогремѣвшая недавно, теорія професоровъ Шенка и Оршанскаго окажется вѣрною, и избытокъ питанія дѣйствительно благопріятствуетъ рождаемости самокъ, а недостаточность питанія рождаемости самцовъ, хоть какого-нибудь вида животныхъ, мы будемъ имѣть въ этомъ простомъ явленіи примѣръ могущественнаго регулятора размноженія съ вполнѣ цѣлесообразною дѣятельностью, разсѣивающей тревожныя опасенія приверженцевъ теоріи Мальтуса, которая, какъ извѣстно, по мнѣнію Ч. Дарвина, обусловливаетъ біологическую необходимость борьбы за жизнь.

„Борьба за существованіе неизбѣжно вытекаетъ изъ быстрой прогресіи, въ которой всѣ органическія существа стремятся размножиться. Каждое существо, въ теченіи своей жизни производящее нѣсколько яицъ или сѣмянъ, неминуемо должно подвергаться истребленію въ какомъ-нибудь возрастѣ своей жизни, въ какое-нибудь время года или, наконецъ, въ какіе-нибудь случайные годы. иначе, въ силу начала геометрической прогресіи размноженія, численность его достигла бы такихъ размѣровъ, что ни одна страна въ мірѣ не могла бы прокормить или вмѣстить его потомства, говоритъ Ч. Дарвинъ. Отсюда, продолжаетъ онъ, такъ какъ производится болѣе особей, чѣмъ можетъ выжить, то въ каждомъ случаѣ должна быть борьба или между особями того же вида, или между особями различныхъ видовъ. или съ физическими условіями жизни **). Это ученіе Мальтуса, съ вящей силой примѣняемое ко всему растительному и животному міру, такъ какъ здѣсь не можетъ оказывать вліянія ни искуственное увеличеніе пищи, ни благоразумное воздержаніе отъ брака" ***).

Такимъ образомъ, Ч. Дарвинъ, вслѣдъ за Мальтусомъ, видитъ единственный естественный регуляторъ размноженія въ борьбѣ за существованіе.

---

*) Ч. Дарвинъ. Происхожденіе видовъ. Гл.: Природа препятствій, задерживающихъ размноженіе.

**) Т. е. работа, приспособленіе, взаимопомощь и др., отличныя отъ дѣйствительной борьбы, явленія.

***) Сочиненія Ч. Дарвина т. I. ч. II: „Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго отбора". Перев. проф. К. Тимирязева, стр. 45.

Но, какъ мы замѣтили, теорія професоровъ Шенка и Оршанскаго даетъ возможность намѣтить еще одинъ регуляторъ, гораздо менѣе жестокій, чѣмъ безпощадный „законъ“ борьбы для непремѣнной погибели.

Дѣйствительно, предположимъ, что разсматриваемый видъ животныхъ находится въ условіяхъ жизни, вполнѣ нормальныхъ на нѣкоторой ограниченной территоріи, доставляющей ему вполнѣ достаточное для нормальнаго питанія количество пищевыхъ веществъ. Если въ этомъ случаѣ количество самцовъ достаточно для нормальнаго оплодотворенія самокъ, рождаемость и самокъ, и самцовъ въ нормальномъ количественномъ отношеніи обезпечена, и законъ Мальтуса, по которому животныя должны размножаться въ постоянной геометрической прогресіи, останется въ силѣ. Но какъ только, вслѣдствіи размноженія животныхъ, количество пищевыхъ веществъ окажется недостаточнымъ, и питаніе особей даннаго вида понизится, приплодъ, даже сохраняя геометрическую прогресію, долженъ нарушить нормальное количественное отношеніе новорожденныхъ самокъ и самцовъ и тѣмъ понизить процентъ рождаемости въ послѣдующіе періоды, т. е. равномѣрность геометрической прогресіи окажется нарушенною.

Если вначалѣ количество самцовъ было только достаточнымъ для оплодотворенія самокъ, то послѣдствіемъ недоѣданія окажется избытокъ самцовъ и недостатокъ въ самкахъ. Процентъ же ежегоднаго прироста вслѣдствіи рождаемости обыкновенно зависитъ отъ послѣднихъ, т. е. отъ количества самокъ, а не отъ количества самцовъ, такъ какъ каждый самецъ можетъ оплодотворить безразлично и нѣсколько большее число самокъ и меньшее, причемъ каждая изъ самокъ можетъ производить въ среднемъ лишь нѣкоторое, строго опредѣленное, количество дѣтенышей въ годъ. Если не принимать во вниманіе другихъ факторовъ, при постоянномъ числѣ самокъ ежегодное количество новорожденныхъ должно оставаться также постояннымъ, несмотря на увеличеніе или уменьшеніе, конечно, въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, количества самцовъ. Уменьшеніе же числа самокъ всегда и неминуемо влечетъ за собою пониженіе рождаемости, тогда какъ увеличеніе этого числа влечетъ за собою ея повышеніе.

Такимъ образомъ, если теорія Шенка и Оршанскаго вѣрна, недостатокъ питанія долженъ вызвать, во-первыхъ, пониженіе рождаемости самокъ, а вслѣдствіи того, во-вторыхъ, пониженіе рождаемости вообще, и тѣмъ безъ всякой борьбы можетъ низвести численность особей даннаго вида снова до ея нормы, т. е. автоматически установить равновѣсіе между количествомъ пищевыхъ средствъ и числомъ потребителей.

Впрочемъ, пока первоначальная геометрическая прогресія еще сохраняется, и недостатокъ пищи не вызвалъ своего второго слѣдствія (пониженія рождаемости вообще), но отражается лишь на процентномъ отношеніи новорожденныхъ самокъ и самцовъ, недостатокъ питанія, только увеличивая количество самцовъ, какъ бы увеличиваетъ этимъ средства борьбы разсматриваемаго вида, которая (въ прямомъ и въ метафорическомъ смыслѣ) можетъ иногда повести къ увеличенію средствъ питанія и тѣмъ снова на нѣкоторое время возстановить геометрическую прогресію размноженія.

Но въ этомъ случаѣ борьба (особенно въ метафорическомъ смыслѣ, какъ, напр.: земледѣліе для человѣка или оттѣсненіе травоядными конкурентовъ и увеличеніе, такимъ образомъ, своихъ пастбищъ и т. п.) не имѣетъ цѣлью гибели индивидовъ, вступающаго въ борьбу, вида, но прямо направлена къ сохраненію ихъ жизни и прежнихъ условій размноженія.

Въ случаяхъ увеличенія количества пищи до избытка, какъ это бываетъ иногда при переселеніяхъ или, напримѣръ, было при ввозѣ нашихъ домашнихъ животныхъ, лошадей и рогатаго скота, въ Америку, гдѣ они нашли благопріятныя условія естественнаго питанія и, одичавъ, поражали натуралистовъ быстротой своего размноженія, регуляція размноженія должна привести къ противоположнымъ фактамъ. Обильное питаніе, повышая процентное отношеніе новорожденныхъ самокъ, должно вызвать сильное повышеніе рождаемости въ слѣдующихъ поколѣніяхъ со все увеличивающимся преобладаніемъ самокъ, пока недостатокъ пищи не дастъ себя почувствовать, регулируя рождаемость въ обратномъ направленіи. Подобный регуляторъ могъ бы постоянно и автоматически уравновѣшивать количественныя отношенія индивидовъ и средствъ для ихъ питанія въ данной мѣстности, безъ необходимой гибели большинства индивидовъ каждаго вида въ борьбѣ за жизнь, какъ того требуетъ теорія Мальтуса, регулируемая гипотезой борьбы за существованіе.

III. Борьба и подборъ.

Великій основатель эволюціонной теоріи прекрасно понималъ, что факты „борьбы“ не всегда цѣлесообразны въ біологическомъ смыслѣ и даже по отношенію къ явленіямъ естественнаго подбора, которымъ борьба нерѣдко вредитъ вмѣсто того, чтобы ихъ обусловливать.

„Всѣ существа, говоритъ Дарвинъ, въ значительной мѣрѣ подвергаются и чисто случайному истребленію, не имѣющему никакого отношенія къ естественному подбору. Такъ, напримѣръ, громадное число яицъ и сѣмянъ ежегодно пожирается... Но многія изъ этихъ яицъ или сѣмянъ, если бы они не были истреблены, можетъ быть, произвели бы особей, лучше приспособленныхъ къ остальнымъ условіямъ жизни, чѣмъ тѣ, которыя уцѣлѣли. Точно также громадное число взрослыхъ растеній и животныхъ, независимо отъ того, приспособлены ли они наилучшимъ образомъ къ условіямъ своего существованія или нѣтъ, ежегодно погибаетъ отъ случайныхъ причинъ“... *)

Эти случайныя причины въ данномъ случаѣ почему-то не носятъ общаго имени борьбы за жизнь, быть можетъ, именно потому, что не способствуютъ явленіямъ подбора?

Конечно, и борьба можетъ иногда приводить къ благопріятнымъ для жизни вида результатамъ (нѣтъ худа безъ добра); но она чаще приводитъ къ результатамъ, неблагопріятнымъ для жизни и неблагопріятнымъ въ смыслѣ подбора. Чѣмъ борьба болѣе ожесточенна, тѣмъ

*) Ч. Дарвинъ. Происхожденіе видовъ, стр. 58.

болѣе вредитъ она обѣимъ борящимся сторонамъ, въ особенности благодаря тому, подмѣченному Дарвиномъ, факту, что силы борящихся почти всегда уравновѣшены.

Въ ожесточенной и продолжительной борьбѣ терпитъ какъ побѣжденный, такъ и побѣдитель, и послѣдній иногда не менѣе перваго, а иногда даже, какъ мы это постараемся выяснить, болѣе перваго.

Наконецъ, склонность къ борьбѣ обнаруживаетъ низкую степень приспособленія, что, очевидно, составляетъ важный недостатокъ, въ смыслѣ подбора, сохраняющаго лишь, по ученію большинства эволюціонистовъ, наиболѣе приспособленные типы.

Въ случаяхъ наклонности побѣдителей къ бою, борьба ведетъ одинаково къ ихъ уничтоженію, какъ и къ уничтоженію побѣжденныхъ.

Предположимъ, что въ нѣкоторой странѣ появился человѣкъ, одаренный въ избыткѣ и физической, и психической энергіей, но крайне неприспособленный къ условіямъ жизни людей. Такой человѣкъ можетъ сдѣлаться знаменитымъ разбойникомъ, революціонеромъ или завоевателемъ изъ побужденій, конечно, чисто эгоистическихъ. Предположимъ, что человѣкъ этотъ сумѣлъ возбудить природные инстинкты борьбы въ своихъ соотечественникахъ, заражая ихъ своими эмоціями, и что онъ въ теченіи многихъ лѣтъ предается вмѣстѣ съ ними отчаянной войнѣ со всѣми сосѣдними племенами и даже предпринимаетъ тяжелые походы для борьбы съ отдаленными, безвредными для его націи, народами. Предположимъ, что человѣкъ этотъ нѣчто вродѣ Наполеона I. Спрашивается: каковы должны быть слѣдствія многолѣтней борьбы такого человѣка и его соотечественниковъ въ смыслѣ естественнаго подбора?

Если нація, вступающая въ борьбу со всѣмъ міромъ вслѣдъ за такимъ, плохо приспособленнымъ, человѣкомъ, одарена высокими физическими и психическими качествами, она, безъ сомнѣнія, будетъ выходить побѣдительницею изъ большинства сраженій и войнъ; но, конечно, не безъ урона для себя. Предположимъ, что каждая крупная побѣда или походъ будетъ ей стоить одну десятую часть наличнаго войска, десять побѣдъ уничтожатъ всю ея армію, которую придется какъ бы сформировать заново, постепенно пополняя новобранцами, т. е. пополняя отборными людьми, лучшими производителями націи, какъ наиболѣе годными для войны и походовъ солдатами. Лучшіе борцы часто въ то же время и лучшіе производители, чѣмъ объясняется инстинктивная склонность самокъ къ борцамъ и особенно къ побѣдителямъ. Сотня подобныхъ побѣдъ или десять и даже менѣе разъ заново сформированная армія можетъ отнять у страны почти всѣхъ ея лучшихъ производителей, оставивъ для оплодотворенія лишь хилыхъ, больныхъ и вообще забракованныхъ, и тѣмъ превратить націю чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ изъ крѣпкой и здоровой въ слабую, болѣзненную, обреченную на вырожденіе и на гибель въ борьбѣ съ менѣе сильнымъ въ прежнее время противникомъ, не истребившимъ, однако, подобно побѣдителямъ, въ непрерывной борьбѣ большинства своихъ лучшихъ производителей.

Вырожденіе и гибель націи могутъ явиться слѣдствіемъ ея чрезмѣрной воинственности и слишкомъ многихъ побѣдъ, отвлекающихъ отъ страны и уничтожающихъ ея лучшихъ производителей. Въ наше

время даже самый посредственный хозяинъ отбираетъ на убой болѣе слабыхъ представителей своего скота, оставляя лучшихъ для приплода; системы же современнаго милитаризма находятъ болѣе цѣлесообразнымъ совершенно обратное: для войны отбираются лучшіе индивиды, болѣе же слабые и болѣзненные оставляются на приплодъ.

Хорошо, если миръ между народами проченъ, а войны не кровопролитны и, отбывъ повинность, солдатъ возвращается къ семьѣ, теряя, какъ производитель, лишь нѣсколько лѣтъ, хотя, быть можетъ, и лучшихъ; но если страна воинственна и войны кровопролитны, если походы продолжаются непрерывно, то лучшіе производители въ нихъ гибнутъ или, по крайней мѣрѣ, истощаются, теряя и силы, и время, и здоровье, если не самую жизнь.

Справедливость неминуемой гибели отъ вырожденія, слишкомъ воинственнаго или склоннаго къ борьбѣ, народа подтверждается многими фактами исторіи. Китай представляетъ блестящій примѣръ необыкновеннаго размноженія и переживанія народа, не имѣющаго склонности къ борьбѣ. На глазахъ исторіи, въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій возникли, боролись и пали такія могучія и сильныя государства, какъ древній Египетъ, Ассирія, Персія, Греція, Македонія, Римъ и др., поочередно стремившіяся побороть все, что съ ними соприкасалось. Ни одно государство древняго міра не уцѣлѣло до нашего времени. Но добродушный Китай родился и выросъ еще въ доисторическія времена и живетъ до сихъ поръ своею кроткою жизнью, удивляя міръ могучимъ ростомъ, безобидностью и той непонятною тайною своей жизнеспособности, которая такъ противорѣчитъ идеямъ нашихъ варварскихъ инстинктовъ борьбы и, основаннымъ на нихъ, понятіямъ о прогресѣ.

„Поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ!“ И это справедливо не только для человѣка, но и для всего міра живыхъ существъ. Борцы гибнутъ въ борьбѣ и отъ ненужной тяжести своего вооруженія. Если бы борьба была единственнымъ или главнымъ факторомъ подбора, то прежде всего наслѣдственность должна была бы сохранять для животныхъ естественныя орудія борьбы ихъ предковъ. Но на дѣлѣ мы видимъ какъ разъ обратное: давно погибли мамонты съ ихъ невѣроятной мускульной силой и ихъ несокрушимыми бивнями, своими несоотвѣтственными размѣрами мѣшавшими животному приблизиться къ чему бы то ни было, погибли мастодонты, вооруженные двумя парами бивней, ихтіорнисъ и другія зубастыя птицы съ когтями на крыльяхъ, игуанодоны и многія подобныя имъ, покрытыя могучею броней, животныя и т. д. Гдѣ всѣ эти бивни, панцыри, гигантскіе когти, разросшіеся рога и прочее вооруженіе, отягощавшее животныхъ прошлыхъ геологическихъ періодовъ? Куда дѣлись эти существа, приспособленныя, какъ будто, главнымъ образомъ къ бою, къ борьбѣ за жизнь? Въ настоящее время мы видимъ почти полное разоруженіе животнаго царства, и высшіе организмы почти не одарены природою никакимъ естественнымъ оружіемъ для боя, но зато въ высокой степени надѣлены средствами приспособленія.

Наслѣдственность не сохранила современнымъ животнымъ наиболѣе грозныхъ орудій борьбы ихъ предковъ, а изъ этого невольно приходится заключить, что естественный отборъ оказывалъ предпо-

чтеніе не упорнѣйшимъ борцамъ и не побѣдителямъ въ бояхъ, но наилучше приспособленнымъ къ окружающей средѣ, т. е. видамъ, приспособленнымъ къ природѣ и къ животнымъ. Приспособленіе же, даже и въ метафорическомъ смыслѣ, не всегда можно назвать борьбою, въ точномъ же смыслѣ оно ей почти противоположно.

Професоръ Альберъ Годри (Albert Gaudry, de l'Institut de France et de la Société royale de Londre) отрицаетъ даже существованіе борьбы за жизнь, какъ біологическаго фактора геологическихъ эпохъ. Борьба, по его мнѣнію, если и бывала, то лишь случайно и какъ исключеніе.

„Говорили, пишетъ онъ, будто-бы существа въ различныя геологическія эпохи нерѣдко вступали въ бой между собою и будто бы въ этихъ бояхъ болѣе сильные побѣждали слабѣйшихъ, такъ что побѣда доставалась особямъ, наиболѣе одареннымъ; такимъ образомъ, прогресъ долженъ былъ являться слѣдствіемъ враждебныхъ столкновеній и страданій прошлаго времени. Не таково заключеніе, являющееся результатомъ изученія палеонтологіи. Исторія животнаго царства развертываетъ передъ нашимъ взоромъ картину эволюціи, гдѣ все комбинировано, какъ въ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ зерна, которое превращается въ прекрасное дерево, покрытое цвѣтомъ и плодами, или яйца, превращающагося въ сложное и красивое животное.

Не слѣдуетъ вѣрить, будто порядокъ возникъ вслѣдствіи безпорядка“ *).

Такимъ образомъ, мы видимъ: 1) что борьба нерѣдко ведетъ къ, такъ называемой случайной, гибели и сильныхъ, и слабыхъ индивидовъ безъ всякаго различія и безъ отношенія къ естественному подбору, имѣющему, по ученію эволюціонистовъ, въ результатѣ сохраненіе лишь самыхъ совершенныхъ организмовъ; 2) что борьба часто уничтожаетъ лучшихъ производителей, особенно же имѣющихъ наклонность къ бою, что прямо противорѣчитъ роли, приписываемой ей въ явленіяхъ естественнаго подбора, а, слѣдовательно, борьба не можетъ быть его главнымъ или единственнымъ факторомъ; 3) что борьба не составляетъ даже хотя бы нѣсколько вліятельнаго фактора естественнаго подбора, такъ какъ орудія борьбы не сохраняются наслѣдственностью, но все болѣе и болѣе ею уничтожаются по мѣрѣ эволюціи животнаго царства; наконецъ, 4) что палеонтологія, въ лицѣ проф. А. Годри, прямо указываетъ, что въ развитіи животныхъ и ихъ органовъ въ теченіи геологическихъ эпохъ борьба за жизнь не играла никакой существенной роли. Указаніе же это, какъ нельзя лучше, согласуется съ нашимъ заключеніемъ, по которому ожесточенная и двусторонняя борьба животныхъ или упорные инстинкты борьбы даже у одаренныхъ видовъ влекутъ за собою ихъ вырожденіе, т. е. прямо противорѣчатъ явленіямъ эволюціоннаго подбора.

А потому, если даже, отмѣченный великимъ реформаторомъ естествознанія, фактъ такого естественнаго подбора дѣйствительно наблюдается въ природѣ, его нельзя объяснить гипотезою борьбы за жизнь, основанной на предполагаемомъ постоянствѣ геометрической прогресіи Мальтуса.

---

*) A. Gaudry. Essai de Paléontologie philosophique, стр. 30.

IV. Законъ органическихъ явленій.

Но время идетъ, природа не остается на мѣстѣ, и виды организмовъ постоянно, хотя и медленно, измѣняются. Представляетъ ли собою это измѣненіе прогресивную, или регресивную эволюцію, или и ту и другую одновременно?—объ этомъ мы, конечно, не можемъ судить, пока не имѣемъ критерія прогреса. Прослѣдить общее направленіе естественной эволюціи органическаго міра въ ея деталяхъ можно, конечно, лишь съ помощью палеонтологіи. И только по этому общему направленію можно, хоть отчасти, судить объ основныхъ принципахъ или законахъ эволюціи организмовъ, а слѣдовательно, косвенно и о причинахъ, ее обусловливающихъ. Мы видимъ, что наслѣдственность не стремится къ сохраненію или развитію ни силы организмовъ, ни средствъ ихъ взаимной борьбы или орудій пасивной обороны, но развиваетъ лишь органы общенія съ внѣшнимъ міромъ, т. е. органы сложныхъ движеній и усовершенствованные органы чувствъ, иначе сказать органы приспособленія; т. е. стремится къ гармоническому развитію и сохраненію жизни.

Естественное развитіе и сохраненіе жизни выражается тѣмъ фактомъ, что, по мѣрѣ эволюціи организмовъ, все большее и большее ихъ количество получаетъ возможность совмѣстно обитать на данной територіи, безъ боя и борьбы, но приспособившись другъ къ другу и взаимно поддерживая общую жизнь, какъ поддерживаютъ жизнь, помогая другъ другу, спеціализованныя клѣтки или ткани одного и того же организма.

Въ наше время бо́льшіе шансы на жизнь имѣетъ не хищникъ, враждующій со всею живою природою, но миролюбивая корова, которая кормитъ своимъ молокомъ человѣка, и человѣкъ, который кормитъ посѣянною имъ травою корову.

Въ цѣпи столь сложныхъ отношеній и взаимной зависимости, которыми связаны, по указанію Дарвина, всѣ организмы, населяющіе ту же територію, безъ всякаго сомнѣнія, преобладаютъ факты приспособленія и взаимопомощи, но не борьбы или боя, и первые играютъ наиболѣе существенную роль въ вопросахъ наслѣдственности и сохраненія жизни.

Это очевидно даже изъ всѣхъ примѣровъ, приводимыхъ самимъ Дарвиномъ. Такъ, онъ говоритъ, что шмели, переносящіе цвѣточную пыль, необходимы для оплодотворенія анютиныхъ глазокъ (Viola tricolor) и краснаго клевера (Trifolium pratense L.), шмелямъ же въ свою очередь необходимъ ихъ медъ; и Дарвинъ заключаетъ, что „если бы весь родъ шмелей вымеръ или сталъ рѣдокъ въ Англіи, то и анютины глазки и красный клеверъ стали бы также рѣдки или совсѣмъ исчезли бы“. Молочные продукты въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, служатъ однимъ изъ важныхъ пищевыхъ средствъ для человѣка, который съ этою цѣлью разводитъ коровъ и засѣваетъ значительные участки земли клеверомъ, питающимъ рогатый скотъ. Оплодотвореніе и, какъ было сказано, существованіе клевера обусловлено, кромѣ того, присутствіемъ шмелей, которыхъ, по указанію Ньюмана и Дарвина, болѣе двухъ третей уничтожаютъ полевыя мыши, разоряя ихъ

гнѣзда; полевыхъ мышей истребляютъ домашнія кошки, а потому близъ селеній и городовъ гнѣзда шмелей попадаются чаще, и оплодотвореніе клевера болѣе обезпечено. По остроумному замѣчанію Карла Фогта, кошекъ разводятъ въ Англіи, главнымъ образомъ, старыя дѣвы, въ которыхъ, какъ извѣстно, тамъ нѣтъ недостатка. Изъ этого можно заключить, что избытокъ старыхъ дѣвъ обезпечиваетъ количество и качество молочныхъ продуктовъ, питающихъ англійскій народъ и составляющихъ вывозной товаръ Англіи. Оставивъ въ сторонѣ шутку К. Фогта, мы можемъ заключить, что: 1) человѣкъ, 2) корова, 3) клеверъ, 4) шмель и 5) мышь связаны между собою взаимною зависимостью существованія, причемъ въ этой сложной цѣпи зависимостей и отношеній гораздо болѣе случаевъ взаимопомощи, чѣмъ случаевъ борьбы, и послѣдніе, очевидно, не нужны для жизни, входя какъ дисонансъ въ органически-гармоничное сплетеніе взаимоотношеній. Вотъ, главныя отношенія существъ этой цѣпи:

1) человѣкъ кормитъ корову клеверомъ;
2) корова кормитъ человѣка молокомъ;
3) человѣкъ разводитъ клеверъ;
4) клеверъ даетъ нектаръ, которымъ питаются шмели;
5) шмели оплодотворяютъ клеверъ;
6) мыши разоряютъ гнѣзда шмелей;
7) кошки уничтожаютъ мышей.

Даже не прибавляя старыхъ дѣвъ, изъ семи случаевъ взаимоотношеній различныхъ организмовъ мы имѣемъ только два случая (6-й и 7-й) борьбы и пять случаевъ взаимопомощи. Клеверъ замѣчателенъ, кромѣ того, еще своимъ отношеніемъ къ особому виду бактерій, гнѣздящихся въ спеціальныхъ наростахъ на его корняхъ; бактеріи эти доставляютъ клеверу азотъ, который онѣ заимствуютъ непосредственно изъ воздуха. Безъ такихъ бактерій клеверъ не можетъ произрастать, и въ настоящее время почвѣ полей и луговъ дѣлаются прививки бактерій съ цѣлію успѣшной культуры клевера. Эти три случая помощи, получаемой однимъ организмомъ отъ другого безъ борьбы и вреда, можно прибавить къ вышеприведеннымъ, включивъ и бактерій въ цѣпь, связанныхъ взаимною зависимостью, организмовъ, и тогда мы будемъ имѣть уже 8 случаевъ взаимопомощи на 2 борьбы.

Можно быть увѣреннымъ, что въ цѣпь эту входятъ еще тысячи отношеній взаимопомощи и весьма ограниченное число явленій борьбы. Какія изъ этихъ отношеній болѣе важны для жизни и пригодны для наслѣдственности, какія безполезны и могутъ безъ вреда для жизни исчезнуть?—слишкомъ очевидно. Мнѣ кажется, что въ эту цѣпь существъ мыши включены только для кошекъ, кошки только для мышей, и, ежели и тѣ и другія будутъ изъ нея выключены, жизнь и взаимоотношенія остальныхъ организмовъ не потерпятъ никакого ущерба.

Борьба хищниковъ почти не имѣетъ значенія въ экономіи современной природы, особенно среди ея высшихъ организмовъ. Въ прошедшіе вѣка и геологическія эпохи хищники, очевидно, имѣли для жизни остальныхъ существъ значеніе асенизаторовъ природы, пожирая трупы погибшихъ организмовъ, но съ тѣхъ поръ, какъ эта роль оказалась въ большинствѣ случаевъ излишнею, они потеряли

всякій смыслъ существованія и обречены на вымираніе и гибель. А между тѣмъ, хищники, искуснѣйшіе борцы среди животнаго царства, они одарены лучшими средствами для боя, но въ настоящее время представляютъ собою лишь исключительное явленіе ненужнаго переживанія и на нашихъ глазахъ вымираютъ.

Согласно Дарвину и Спенсеру, дѣйствительно, переживаютъ лишь наиболѣе приспособленные виды, и это приспособленіе по отношенію къ органической природѣ заключается въ способности извлекать, необходимую пользу изъ чужой жизни для своей и оказывать въ то же время чужой жизни и ея развитію наисущественнѣйшую поддержку.

Въ подобныхъ фактахъ выражается съ полною ясностью принципъ сохраненія жизни, которому слѣдуютъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, взаимоотношенія организмовъ растительнаго и животнаго міра.

Строеніе тканей, органовъ и организмовъ, какъ это указываетъ професоръ Ш. Ришэ, собственныя движенія животныхъ, безсознательныя и сознательныя, какъ мы уже говорили, явленія приспособленія, наслѣдственности, подбора, диференціаціи органовъ, асоціаціи клѣтокъ въ организмы и организмовъ въ общества, точно также, какъ явленія питанія, роста, размноженія, психическія чувства или эмоціи, инстинктивныя побужденія, желанія и воля, и всѣ, основанные на нихъ, разсужденія и поступки и т. д., носятъ ясные признаки цѣлесообразности или приспособленія, которые, въ сущности, являются выраженіемъ одного и того же принципа сохраненія жизни.

Закона сохраненія жизни не преступилъ и до нашего времени первородный комочекъ протоплазмы тѣхъ геологическихъ эпохъ, когда впервые возникла жизнь на нашей планетѣ. Сохраняя свою жизнь въ теченіи многихъ тысячъ вѣковъ, онъ все росъ и дѣлился и жилъ среди всякихъ невзгодъ и разрушительныхъ дѣйствій природы. Онъ сохранилъ свою жизнь до сего дня и теперь покрываетъ собою все лицо земли въ видѣ множества видовъ животныхъ и растеній, изъ которыхъ каждое представляетъ лишь частицу его первороднаго и безсмертнаго тѣла, размножающагося и сохраняющагося дѣленіемъ.

Сознательныя движенія, точно такъ же, какъ и само сознаніе, слишкомъ мало изучены и совсѣмъ не класифицированы, чтобы о нихъ можно было говорить съ достаточною точностью и ясностью; но всѣ рефлексы, всѣ безсознательныя движенія, всѣ органическіе процесы и отправленія строго слѣдуютъ этому основному принципу движеній организмовъ — принципу сохраненія жизни. Здѣсь нѣтъ мѣста для перечисленія всѣхъ этихъ движеній, достаточно упомянуть о сложныхъ рефлексахъ лягушки съ отрѣзанною головою, наблюденія надъ которою до того поражали нѣкоторыхъ ученыхъ и натурфилософовъ, что они готовы были приписывать этимъ движеніямъ полную сознательность и помѣщать сознаніе въ каждый отрѣзокъ спинного мозга и въ каждый гангліозный узелъ симпатической нервной системы, ежели не въ каждую клѣтку. входящую въ составъ организма.

Такая лягушка, если положить на одну изъ ея заднихъ конечностей каплю разбавленной сѣрной кислоты, сначала слегка отдернетъ лапку, какъ бы отстраняясь отъ непріятнаго внѣшняго раздраженія, но капля продолжаетъ дѣйствіе и снова вызываетъ тотъ же рефлексъ,

который все усиливается, и лягушка, повторяя тѣ же движенія, какъ бы старается стряхнуть каплю; когда же и это не помогаетъ, рефлексъ распространяется и на другую конечность, которою лягушка, будто бы, пытается устранить раздражителя, т. е. потереть ею раздражаемое мѣсто, наконецъ, ежели раздраженіе не прекращается, рефлексъ можетъ распространиться далѣе, и обезглавленная лягушка дѣлаетъ прыжокъ, уходя отъ мѣста, гдѣ получаетъ вредное раздраженіе. Всѣ эти, вполнѣ безсознательныя, движенія кажутся до того цѣлесообразными, что нѣкоторые имъ приписывали разумность или произвольность; но въ этой ихъ цѣлесообразности проявляется только, общій для всѣхъ движеній, принципъ сохраненія жизни, управляющій движеніями животнаго даже тамъ, гдѣ онъ, какъ въ данномъ случаѣ, вполнѣ безцѣленъ.

До чего въ непроизвольныхъ движеніяхъ нашего собственнаго организма проявляется иногда могущественно этотъ принципъ, можно ясно видѣть изъ слѣдующаго поразительнаго факта.

Всѣмъ извѣстно, что наши дыхательныя движенія, продолжающіяся непрерывно, во время бодрствованія и сна, и необходимыя для сохраненія нашей жизни, подчинены въ то же время нашей волѣ; мы можемъ произвольно ускорить или замедлить наше дыханіе, можемъ даже пріостановить его по нашему желанію на нѣкоторый срокъ, но пусть кто нибудь попробуетъ безъ всякихъ приспособленій, одной произвольной задержкой своего дыханія, прекратить свою жизнь, и онъ увидитъ, насколько безсильна его воля, когда она вступаетъ въ борьбу съ закономъ движеній собственнаго организма, грудь сама, побѣждая насиліе воли, раздвинется и воздухъ, какъ бы, самопроизвольно ворвется и наполнитъ легкія, сохраняя, вопреки собственному желанію, жизнь такого неудачнаго самоубійцы.

Опытъ этотъ ясно доказываетъ каждому силу принципа сохраненія жизни, дѣйствующаго въ его собственномъ организмѣ.

Когда рѣка течетъ сообразно наклону ея русла, когда камень падаетъ внизъ, когда пыль подымается столбомъ къ небу, мы не думаемъ и не говоримъ о цѣлесообразности этихъ движеній, они намъ не кажутся цѣлесообразными; но, начиная съ движенія амебы или соковъ растенія и кончая рефлексами животнаго, лишеннаго головного мозга, всѣ безсознательныя движенія органической природы представляются намъ, какъ бы, направленными разумомъ, т. е. въ высшей степени цѣлесообразными. Всѣ эти спеціально жизненныя движенія отличаются, какъ обыкновенно думаютъ, отъ всѣхъ другихъ движеній своею цѣлесообразностью. Легко замѣтить, что предполагаемая цѣлесообразность выводится единственно изъ того факта, что движенія эти служатъ для сохраненія жизни. Только по аналогіи съ собственными чувствами, указывающими нашему сознанію такія же движенія, поступки или цѣли при всѣхъ нашихъ сознательныхъ жизненныхъ дѣйствіяхъ, мы приходимъ къ заключенію, что и всѣ организмы, и всякая живая матерія, дѣйствуя въ смыслѣ сохраненія жизни, дѣйствуютъ цѣлесообразно, т. е. какъ будто бы имѣютъ въ себѣ или внѣ себя тѣ же, управляющія ихъ движеніями, цѣли, которыя и мы постоянно въ себѣ сознаемъ и чувствуемъ. А потому нѣкоторые были готовы допустить, что не только каждый ганглій симпатической нерв-

ной системы, но даже каждый комочекъ протоплазмы, каждая амеба имѣетъ сознаніе и знаетъ цѣли своихъ движеній. Мы, конечно, не имѣемъ никакого основанія приписывать сознаніе, подобное нашему—человѣческому, животнымъ, не обладающимъ для этого органами, подобными человѣческимъ, а тѣмъ болѣе организмамъ, совершенно лишеннымъ нервной системы. А ежели такіе организмы не имѣютъ сознанія, то ихъ безсознательная цѣль можетъ ли быть ихъ собственною? Если же это цѣль, дѣйствующей въ нихъ, природы, то, не смѣя природѣ навязывать, подобныхъ человѣческимъ, цѣлей, такое однообразіе явленій мы называемъ ихъ закономъ, т. е. **закономъ сохраненія жизни**. Цѣлесообразность движеній уже не является намъ, какъ выраженіе ихъ психической основы, но просто, какъ проявленіе основного біологическаго закона, доходящаго до сознанія высшихъ животныхъ въ видѣ стремленій и чувствъ, направляющихъ ихъ сознательныя движенія, точно такъ же, какъ направляетъ и безсознательныя, но закона, нисколько не зависящаго отъ этого или какого либо другого сознанія.

Вопросъ оказывается лишь перевернутымъ: не сознаніе наше создаетъ **стремленіе къ сохраненію жизни**, но само это **стремленіе** подчиняетъ себѣ наше сознаніе и всю его дѣятельность, и дѣйствія наши цѣлесообразны настолько, насколько они подчиняются этому, внѣ нашего сознанія родившемуся, стремленію и насколько сознаніе наше проявляетъ его и служитъ ему. Цѣлесообразность—только одно изъ проявленій того, до сихъ поръ, неизвѣстнаго, которое мы называемъ **жизнью**, необходимое условіе и законъ ея; она, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ фальшивымъ понятіемъ о, выдуманной, будто бы, самимъ животнымъ и зависящей только отъ его мыслительныхъ способностей, предвзятой цѣли всѣхъ его движеній.

Дѣйствія животныхъ **цѣлесообразны въ смыслѣ сохраненія жизни**, точно такъ же, какъ движенія всѣхъ физическихъ тѣлъ цѣлесообразны въ смыслѣ тяготѣнія ихъ другъ къ другу или въ смыслѣ сохраненія движенія (силъ).

Пусть факты цѣлесообразности объясняются высокимъ **приспособленіемъ** организмовъ къ жизни; пусть это высокое приспособленіе, въ свою очередь, объясняется **переживаніемъ** наиболѣе приспособленныхъ; но въ самихъ **этихъ явленіяхъ—приспособленія и переживанія** наиболѣе приспособленныхъ, развѣ не выражается, опять таки, самымъ яснымъ образомъ основной принципъ всѣхъ органическихъ явленій—**принципъ сохраненія жизни**?

Причины этого основного принципа пока неизвѣстны, именно, потому, что онъ пока **основной**, какъ неизвѣстны причины всемірнаго тяготѣнія.

Вопросъ о томъ: можетъ ли въ природѣ существовать самъ по себѣ принципъ сохраненія жизни и управлять всѣми явленіями въ органическомъ мірѣ?—равносиленъ вопросу: возможенъ ли законъ тяготѣнія, т. е. могутъ ли физическія тѣла дѣйствовать тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, могутъ ли они другъ друга притягивать на разстояніи?

И, ежели Ньютонъ, на основаніи наблюденія движеній небесныхъ тѣлъ, убѣдился, что все въ природѣ происходитъ такъ, какъ будто бы тѣла взаимно притягиваются, всякій мыслящій человѣкъ на осно-

ваніи наблюденія явленій въ органическомъ мірѣ (органическихъ движеній), имѣетъ полную возможность убѣдиться, что все въ этихъ явленіяхъ происходитъ такъ, какъ будто организмы стремятся къ сохраненію жизни. Не будучи спеціально естественникомъ, но много лѣтъ изучая естественныя науки, для освѣщенія вопросовъ меня интересовавшихъ и, главнымъ образомъ, вопросовъ объ основахъ сознательныхъ поступковъ людей и животныхъ, я поневолѣ пришелъ къ заключенію, что *законъ сохраненія жизни*—основной законъ всѣхъ біологическихъ явленій и что ему подчинены всѣ безъ исключенія *движенія организмовъ*, какъ сознательныя, такъ и безсознательныя. Поэтому законъ сохраненія жизни и составляетъ основную идею предлагаемаго сочиненія, поглотившаго много лѣтъ труда и размышленій, имъ проникнуты и направляются почти всѣ мои теоріи и выводы и онъ привелъ меня къ тѣмъ доводамъ и заключеніямъ, которыя я предлагаю благосклонному вниманію читателя.

ЧАСТЬ I КРИТИЧЕСКАЯ.

Что означаетъ слово инстинктъ?

Понятіе—инстинктъ не имѣетъ до нашего времени ни общепризнаннаго значенія, ни яснаго смысла, ни точнаго научнаго опредѣленія, безъ которыхъ, конечно, невозможно никакое разсужденіе объ инстинктѣ.

Въ обыденной рѣчи, какъ и въ психологіи, слово инстинктъ употребляется въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ. Имъ поперемѣнно обозначаютъ: то сознательныя дѣйствія животныхъ, въ которыхъ не хотятъ или боятся видѣть дѣйствія не менѣе нашихъ разумныя, то безсознательные чисто органическіе процесы приспособительнаго характера, то сложные рефлексы, то привычные, заученные акты—такъ называемыя вторичныя автоматическія движенія, то, наконецъ, смутныя внутреннія чувства, которыхъ ни смыслъ, ни происхожденіе намъ непонятны, черты характера, страсти, состоянія духа и разныя психо-физіологическія отправленія и явленія поодиночкѣ или же цѣлыми групами заразъ, какъ кому вздумается. Точно такъ же и въ свѣтской или въ научной литературѣ слову инстинктъ придается авторами самое разнообразное и произвольное, хотя всегда темное, значеніе.

„Народъ, лишенный свободы, имѣетъ инстинкты, но не имѣетъ чувствъ“, говоритъ De Custine.

Буало выражаетъ мнѣніе, будто

„Оселъ, всѣхъ менѣе развитый по природѣ,
Инстинкту своему безропотно послушенъ“.

„Всѣ животныя, утверждаетъ Бюффонъ, имѣютъ инстинкты, которые ихъ никогда не обманываютъ“.

„Совѣсть, это—инстинктъ справедливости, умъ—инстинктъ истины, сердце—инстинктъ любви“, находитъ Ch. Dolfus.

Жофруа старается убѣдить читателя въ томъ, что „человѣкъ вѣритъ инстинктомъ, а умомъ сомнѣвается“.

„У человѣка, говоритъ К. Ушинскій, мы замѣчаемъ такъ

мало инстинктовъ, что, можетъ быть, одно только сосаніе груди младенцемъ и глотаніе слѣдуетъ признать вполнѣ инстинктивными дѣйствіями".

Вольтеръ, какъ извѣстно, написалъ:

„Напрасно разума мы хвалимъ превосходство!
Онъ превзошелъ инстинктъ на самомъ дѣлѣ въ чемъ?
Въ чемъ этихъ двухъ началъ различіе и сходство?..
— Инстинктомъ править Богъ, а человѣкъ умомъ!

Кондильякъ опредѣляетъ инстинктъ какъ привычку, лишенную размышленія—„L'instinct n'est que l'habitude privée de la reflexion" (т. е., вѣроятно, заученное или вторичное автоматическое дѣйствіе). Паскаль говоритъ: l'instinct, c'est encore l'intelligence.

Говорятъ о строительныхъ инстинктахъ насѣкомыхъ, о музыкальномъ инстинктѣ птицъ и композиторовъ, объ инстинктѣ собственности и воровства, объ инстинктахъ изслѣдованія и любознательности и объ инстинктѣ высиживанія цыплятъ. Нѣкоторые толкуютъ даже объ инстинктахъ эмбріоновъ или объ ихъ внутри-утробныхъ инстинктивныхъ движеніяхъ.

„Инстинктъ или ничто, или начало знанія", говоритъ Кондильякъ.

„Мы называемъ инстинктами все то, чего мы не понимаемъ", замѣтилъ одинъ извѣстный психологъ. Замѣчаніе извѣстнаго психолога относилось не только къ употребленію слова инстинктъ такъ-называемыми „профанами" въ обыденной рѣчи, но и ко всей научной и философской литературѣ, касающейся этого предмета.

И дѣйствительно, какъ въ общей, такъ и въ спеціальной литературѣ царитъ беззаконный хаосъ. лишь дѣло коснется не только теоретическаго описанія механизма инстинкта, но даже просто одного выясненія понятія слова инстинктъ.

Нѣкоторые считаютъ инстинктивныя дѣйствія дѣйствіями сознательными или разумными, и остается непонятнымъ, какую роль играетъ у нихъ слово инстинктъ. Другіе признаютъ такія дѣйствія безсознательными, рефлекторными и даже разсматриваютъ ихъ просто какъ сложный рефлексъ; хотя всякій рефлексъ сложенъ и множество рефлексовъ даже очень сложны, такъ что граница между инстинктомъ и рефлексомъ при этомъ объясненіи вполнѣ исчезаетъ и опять-таки остается непонятнымъ, зачѣмъ авторъ употребляетъ слово инстинктъ, когда говоритъ просто о сложномъ рефлексѣ. Третьи, считая инстинктивныя дѣйствія безсознательными, въ отличіе отъ рефлексовъ, приписываютъ имъ сознательное начало или происхожденіе подобно индивидуальнымъ привычкамъ или вторичнымъ автоматическимъ движеніямъ, закрѣпленнымъ силою наслѣдственности въ потомствѣ цѣлаго вида. Такая гипотеза хотя и могла бы служить для объясненія генезиса инстинктовъ, но нисколько не опредѣляетъ ихъ внѣшняго или внутренняго отличія отъ рефлексовъ и какихъ бы то ни было автоматическихъ движеній, не объясняетъ намъ природу или механизмъ инстинкта и, не зная самого явленія, берется за рѣшеніе вопроса объ его происхожденіи. Четвертые, наблюдая одни факты и отрѣшась отъ всякихъ предвзятыхъ психологическихъ возрѣній или же принимая заразъ теоріи всѣхъ своихъ предшественниковъ, объявили инстинктивныя дѣйствія

чѣмъ-то среднимъ между чисто сознательными и безсознательными, или рефлекторными, и приписываютъ имъ попеременно то признаки первыхъ, то вторыхъ; въ зависимости отъ разсматриваемаго случая они признаютъ инстинкты иногда сложными рефлексами, иногда разумными произвольными дѣйствіями и, наконецъ, иногда автоматическими движеніями съ нѣкоторою примѣсью „частицы“ сознанія, т. е. впадаютъ въ рядъ безвыходныхъ противорѣчій. И, наконецъ, пятые, замѣтивъ логическую невозможность всѣхъ существующихъ теорій инстинкта, объявили просто, что всѣ разсужденія объ этомъ предметѣ не имѣютъ никакихъ фактическихъ основъ и имѣть ихъ не могутъ, что всѣ тѣ ученые и философы, которые толкуютъ объ этомъ вопросѣ точно такъ же, какъ и всѣ тѣ изъ простыхъ смертныхъ, которые по своей наивности употребляютъ слово инстинктъ, заблуждаются, ибо нигдѣ никакихъ инстинктовъ нѣтъ и быть не можетъ, что предполагать ихъ глупо, что есть только сознательныя или безсознательныя движенія, есть только поступокъ или рефлексъ.

Послѣднее мнѣніе выражаетъ и знаменитый психіатръ проф. Мейнертъ въ слѣдующихъ строкахъ:

„Скажу здѣсь нѣсколько словъ по поводу понятія объ инстинктѣ (Triebe), введеннаго Jacobi. Понятіе это, по моему мнѣнію,—абсурдъ. Я признаю только два рода нервной дѣятельности: рефлекторную и сознательную. Между рефлексомъ и сознательнымъ движеніемъ не существуетъ ничего средняго, ничего такого, что можно было бы назвать инстинктомъ“... и т. д. *).

Диксіонеры даютъ намъ слѣдующія опредѣленія слова инстинктъ, производимаго ими то отъ латинскаго, то отъ греческаго корня. Instinctus (instinctum, супинъ отъ instinguere, толкать, побуждать—отъ in—въ, къ, и stinguere, тотъ же корень, что греческое στίζειν—колоть)—побудокъ. По большому энциклопедическому словарю Larousse, инстинктъ это—„естественное движеніе (?), побуждающее совершить нѣкоторые опредѣленные акты безъ помощи размышленія (?)“.

Въ **Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Эфрона** находимъ опредѣленіе г. *Вл. Соловьева*: „Инстинктъ... означаетъ способность (психическую или физическую?) и стремленіе у животныхъ и людей къ такимъ дѣйствіямъ, которыя соединяютъ цѣлесообразность съ безотчетностью и приводятъ къ результату полезному не только для дѣйствующаго индивида, но еще болѣе для его рода“. Далѣе: стремленіе это „исключаетъ ясную сознательность и преднамѣренность“ дѣйствія и т. д. Тамъ же находимъ опредѣленіе другого автора: „терминомъ инстинктъ обозначаются всѣ тѣ умственныя способности, которыми обусловливается совершеніе дѣйствій, хотя и соотвѣтствующихъ окружающимъ животное внѣшнимъ условіямъ и направленныхъ вообще къ пользѣ особи или всего вида, но выполняемыхъ безъ необходимаго пониманія связи между совершеннымъ дѣйствіемъ и вытекающими изъ него послѣдствіями“. Признаки: „прирожденность и непреднамѣренность“. Оказывается, что инстинктомъ называются такія умственныя способности, которыя вызываютъ непреднамѣренныя дѣйствія или, что то же, такая воля, которая производитъ непроизвольныя движенія, такое сознаніе, которое обусловливаетъ безсознательные поступки.

Dictionnaire des Sciences Philosophiques p. Franck „Инстинктъ, это внутреннее раздраженіе (?), заставляющее животное или человѣка совершать извѣстные акты безъ участія ума или воли (?).“—Таковы всѣ внутренніе безсознательные рефлексы и автоматическія движенія.

---

*) Prof. Th. Meynert. „Психіатрія“. Перев. М. Люна, стр. 185.

Dictionnaire usuel des Sciences Medicales p. Dechambre Duval et Lereboullet Опредѣленіе то же, что и предыдущее, но авторъ находитъ, что оно „гребуетъ объясненія“. Объясненіе заключается въ томъ, что элементами инстинктивнаго акта признаются. 1) автоматизмъ его, 2) органическая потребность, 3) предопредѣленная форма реализаціи акта, независящая отъ ума животнаго, и 4) импульсивное (?) начало его.

Несмотря на это оказывается, что инстинктивное дѣйствіе все-таки „разумно“. Но такъ какъ разумное дѣйствіе, которое не зависитъ отъ ума животнаго, научный диксіонеръ не можетъ, конечно, подобно Вольтеру, приписать самому Богу, то разумъ, проявляющійся въ дѣйствіи этомъ, называется „тайнымъ, недоступнымъ сознанію и не подчиняющимся волѣ“. . Вотъ и все объясненіе.

Далѣе говорится, что „большое число сознательныхъ дѣйствій (actes intellectueles) животныхъ инстинктивны“.

Гербертъ Спенсеръ. Основанія Психологіи. (Перев. со 2-го англ. изд., т. II, гл. „Инстинктъ“, стр. 153—166). Британскій философъ не даетъ прямого опредѣленія инстинкта. „Ежели мы ограничимся употребленіемъ этого слова“, говоритъ онъ, „дѣйствительнымъ значеніемъ его, въ такомъ случаѣ мы можемъ описать инстинктъ, какъ сложный рефлексъ, я говорю описать, а не опредѣлить, на томъ основаніи, что мы не можемъ провести никакой ясной демаркаціонной линіи между инстинктомъ и простымъ рефлексомъ“... Черезъ двѣ страницы читаемъ: „между тѣмъ какъ въ первичныхъ формахъ рефлекса за одиночнымъ впечатлѣніемъ слѣдуетъ одиночное сокращеніе и между тѣмъ какъ въ болѣе развитыхъ формахъ рефлекса за одиночнымъ впечатлѣніемъ слѣдуетъ цѣлая комбинація сокращеній, здѣсь, въ той формѣ рефлекса, которую мы отличаемъ какъ инстинктъ, за комбинаціей впечатлѣній слѣдуетъ комбинація сокращеній“...

Демаркаціонная линія, какъ будто, найдена и на ней можно бы основать новое опредѣленіе инстинкта, а именно: инстинктъ—такой сложный рефлексъ, который слѣдуетъ за комбинаціею впечатлѣній. Но мнѣ кажется, что эта демаркаціонная линія и это опредѣленіе невозможны. Кажется, что въ дѣйствительности ни одинъ рефлексъ не слѣдуетъ за одиночнымъ впечатлѣніемъ, а потому вовсе не отличается этимъ отъ инстинктивнаго движенія. Да и существуетъ ли еще одиночное впечатлѣніе? Каждый простѣйшій звукъ, одна только нота, взятая на какомъ угодно инструментѣ, какъ доказалъ Гельмгольцъ, состоитъ изъ цѣлой комбинаціи различныхъ сливающихся звуковъ, каждый шумъ, какъ бы онъ ни былъ простъ и отрывоченъ, обусловливается цѣлыми рядами разнообразныхъ воздушныхъ колебаній, слѣдующихъ другъ за другомъ въ теченіе нѣкотораго промежутка времени, а слѣдовательно, состоитъ изъ цѣлой комбинаціи раздраженій и соотвѣтствующихъ имъ впечатлѣній; простой лучъ солнца, пропущенный въ темную комнату сквозь едва видимое отверстіе, можетъ быть разложенъ призмою на безчисленное количество цвѣтовъ и оттѣнковъ спектра, и каждая полоса спектра производится біліонами колебаній въ секунду, а потому не обусловитъ точно также простого или одиночнаго раздраженія. Наконецъ, если бы мы и могли даже какимъ либо искуственнымъ способомъ создать „одиночное“ впечатлѣніе, то оно оказалось бы настолько слабымъ и ничтожнымъ, что навѣрное не вызвало бы вовсе никакого отвѣтнаго движенія. Всякій рефлексъ нуждается для реализаціи своей въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ раздраженій, изъ которыхъ ни одно не можетъ быть разсматриваемо, какъ элементарное. Такъ, ежели мы ощущаемъ щекотаніе въ носу, то это щекотаніе должно быть до извѣстной степени интенсивно и продолжаться нѣкоторый промежутокъ времени для того, чтобы вызвать рефлексъ чиханія. Ежели, при нѣкоторой интенсивности, щекотаніе это продолжается слишкомъ короткій промежутокъ времени и затѣмъ прекращается—рефлексъ остается невызваннымъ и мы сознаемъ, что хотѣли чихнуть, но не чихнулось, ежели раздраженіе повторяется непрерывно, но не имѣетъ достаточной интенсивности, то и тогда рефлексъ не наступаетъ. Рефлексъ вызывается только послѣдствіемъ суммированія интенсивныхъ, обширныхъ, сложныхъ, продолжительныхъ и многократно повторяющихся раздраженій, т. е. только цѣлая комбинація впечатлѣній разрѣшается, наконецъ, рефлексомъ. Такимъ образомъ, демаркаціонная линія, указанная Г. Спенсеромъ, едва ли можетъ быть принята; инстинкты, которые онъ описываетъ, едва ли существуютъ и называетъ онъ этимъ именемъ, вѣроятно, сложные рефлексы, которые по какимъ либо причинамъ кажутся удивительными или необъяснимыми. Подъ видомъ инстинкта Г. Спенсеръ описываетъ, напримѣръ, словами Карпентера на стр. 154 рефлексы

мухолова: „Случалось видѣть не разъ, говоритъ Карпентеръ, что мухоловъ, только что вылупившійся изъ яйца, схватывалъ своимъ клювомъ насѣкомое, т. е. исполнялъ такой актъ, который требуетъ не только очень точной оцѣнки разстоянія, но еще и умѣнья регулировать очень точнымъ образомъ свои мускульныя движенія, сообразно разстояніямъ". Рефлексъ этотъ настолько рѣдко наблюдается, а потому настолько удивителенъ, что философъ не затрудняется причислить его къ инстинктамъ, несмотря на то, что, слѣдующія за этимъ хватаніемъ пищи, дѣйствія мухолова, не менѣе удивительныя, никто даже и не думаетъ относить къ инстинктивнымъ. Дѣйствія же эти таковы: схвативъ муху, мухоловъ съ замѣчательною точностью проглатываетъ ее, причемъ препровождаетъ не въ дыхательное горло или гортань, дабы не засорить бронхи и не причинить опасности своей жизни или вреда здоровью, но прямо и акуратно въ пищеводъ строго расчитанными и соразмѣренными сокращеніями соотвѣтственныхъ мускуловъ, которыхъ употребленіе, очевидно, ему до тонкости извѣстно и загѣмъ, при помощи ряда послѣдовательныхъ, удивительно точныхъ движеній, мухоловъ препровождаетъ проглоченное насѣкомое въ свои пищеварительные органы, гдѣ совершаетъ надъ нимъ серію химическихъ операцій съ искуствомъ, недоступнымъ лабораторному ученому и съ тонкимъ знаніемъ своего дѣла, превращая трупъ насѣкомаго въ питательную лимфу, а негодные для питанія остатки, мухоловъ весьма искусно выбрасываетъ вонъ, дабы они не засорили его пищеварительнаго апарата. Всѣ эти процесы, требующіе не только оцѣнки разстоянія для соразмѣренія съ ними мускульныхъ сокращеній, но, кромѣ того, оцѣнки вещества, имѣющихся реактивовъ, технической ловкости и громадной учености, выполняемые только что вылупившимся изъ яйца мухоловомъ, никто не подумалъ отнести къ инстинктамъ, быть можетъ, на томъ основаніи, что дѣйствія эти совершаетъ не одинъ только мухоловъ, но и всякая другая, болѣе обыденная птица и даже каждое животное изъ тѣхъ, къ которымъ мы настолько привыкли, что не удивляемся ихъ обычной дѣятельности. Ежели вполнѣ механическое начало акта питанія мы причисляемъ къ инстинктамъ, то казалось бы, на какомъ основаніи не причислить къ нимъ же его продолженіе.

Но вотъ какими соображеніями мотивируются взгляды Г. Спенсера.

Въ § 195 почтенный философъ говоритъ: „Очевидно, что инстинктъ отстоитъ гораздо далѣе (?) отъ чисто физической жизни (?), чѣмъ простой рефлексъ. Простой рефлексъ принадлежитъ одинаково, какъ внутреннимъ процесамъ, совершающимся во внутренностныхъ органахъ, такъ и процесамъ внѣшняго приспособленія, инстинктъ же не имѣетъ такого всеобщаго характера. Почки, легкія, печень не обнаруживаютъ никакихъ инстинктовъ; инстинкты обнаруживаются только въ дѣйствіяхъ того нервно-мускульнаго апарата, который представляетъ дѣятеля психической жизни". Почему инстинкты обнаруживаются только дѣятельностью мышцъ, служащихъ также и для произвольныхъ или сознательныхъ движеній? Потому ли, что инстинктивныя дѣйствія сознательны и произвольны? Но нѣтъ!—они автоматичны, по мнѣнію Г. Спенсера, они ничѣмъ не отличаются отъ движеній внутренностныхъ органовъ, ничѣмъ, кромѣ названія, они не отличаются даже отъ остальныхъ рефлексовъ поперечно-полосатыхъ мышцъ, т. е. отъ тѣхъ рефлексовъ, которыхъ Г. Спенсеръ не называетъ инстинктами. При всемъ стараніи я не вижу большого различія между рефлексами внѣшнихъ или внутренностныхъ органовъ и этимъ инстинктивнымъ, по мнѣнію Г. Спенсера, хватаніемъ мухъ мухолова.

Въ сущности процесъ тотъ же самый: если за раздраженіемъ слѣдуетъ безсознательное непроизвольное движеніе, едва ли есть надобность называть такое хватаніе мухъ инстинктивнымъ; оно рефлекторно и только

Разницы, очевидно, не видитъ и авторъ, пока пользуется для опредѣленія инстинкта примѣрами изъ области рефлексовъ; когда же онъ случайно сталкивается съ фактами дѣйствительныхъ инстинктовъ, то новыя положенія философа приходятъ въ противорѣчіе съ его основными опредѣленіями, и на стр 156 онъ говоритъ чрезвычайно осторожно:

„Въ своихъ высшихъ формахъ, инстинктъ, вѣроятно, сопровождается зачаткомъ (?) сознанія".

Это противорѣчіе приводитъ автора къ разсужденіямъ о сыромъ матерьялѣ сознанія, о физической и психической жизни и пр., въ которыхъ рефлексъ является психическимъ актомъ и удаляется отъ физической жизни вполнѣ механическимъ путемъ.

Выводъ получается одинъ: инстинктъ—это сложный рефлексъ, т. е. дѣйствіе

безсознательное, и противорѣчіе этому выводу въ томъ, что инстинктъ иногда бываетъ сознательнымъ дѣйствіемъ... Но какъ, почему и когда?

А. Бэнъ. Психологія. Гл. IV (стр. 77). „Инстинктъ опредѣляется, какъ способность, независящая отъ обученія". Какая же это способность—физическая или психическая, т. е. безсознательная или сознательная? А. Бэнъ отвѣчаетъ: „Это названіе усвояется тому, что можетъ быть сдѣлано прежде опыта или ученія, таковы: сосаніе у дитяти, хожденіе на четырехъ ногахъ (?) у теленка, клеваніе у птицы, только что вылупившейся изъ яйца, материнскія попеченія у животныхъ вообще и т. д. Очевидно, область обширная и разнообразная, въ которую входитъ, пожалуй, не только хожденіе, но и стояніе на четырехъ ногахъ теленка, а можетъ быть и лежаніе на боку поросенка и пр. Здѣсь не одни только безсознательныя движенія, не одинъ автоматизмъ и рядомъ съ процесомъ сосанія новорожденнаго, не многимъ отличающимся иногда отъ перистальтическихъ движеній кишекъ, А. Бэнъ причисляетъ къ инстинктамъ материнскія попеченія, т. е. акты вполнѣ сознательные и требующіе часто усиленной работы всѣхъ психическихъ способностей и даже вмѣщающіе подчасъ цѣлый отдѣлъ наукъ педагогическихъ; а потому, конечно, трудно сказать, причисляетъ ли Бэнъ инстинктивныя дѣйствія къ сознательнымъ или къ безсознательнымъ? Надо предполагать, что и къ тѣмъ и къ другимъ поочередно.

Далѣе онъ, впрочемъ, самъ поясняетъ, что слѣдующіе предметы исчерпываютъ изучаемую область:

1) Рефлекторныя дѣйствія.
2) Комбинированныя гармоническія движенія.
3) Первичныя обнаруженія чувствованій.
4) Зародыши воли (?).

И все это вмѣстѣ съ первичными обнаруженіями и „зародышами" составляетъ, по мнѣнію англійскаго психолога, инстинктъ .. Но... это опять-таки тѣ же безсознательные рефлексы, иногда съ „зачатками сознанія", какіе мы уже видѣли у Г. Спенсера.

Г. Гефдингъ. Очерки Психологіи, основанной на опытѣ. М. 1892 г., стр. 85. „Инстинктъ опредѣлили, какъ цѣлесообразное (?) дѣйствіе, не сопровождаемое сознаніемъ." Таковъ всякій рефлексъ и всякое безсознательное автоматическое движеніе, заключающееся въ послѣдовательномъ рядѣ рефлекторныхъ актовъ; таковы всѣ органическіе процесы, локомоція и пр.

Цѣлесообразность, замѣчаемая почему-то лишь въ исключительныхъ случаяхъ, только въ движеніяхъ рѣдко наблюдаемыхъ, приводитъ въ смущеніе многихъ авторовъ и они ищутъ ей объясненія, какъ явленію, будто бы, исключительному и неприсущему всѣмъ движеніямъ животныхъ. Въ данномъ случаѣ Гефдингъ видитъ объясненіе цѣлесообразности въ возможности свести инстинкты къ врожденнымъ привычкамъ, которыя, конечно, какъ и всѣ привычки должны были имѣть когда либо началомъ сознательныя, т. е. разумныя движенія.

Можно ли предполагать, что всѣ безсознательныя движенія животныхъ, называемыя авторами инстинктами, были когда либо сознательными и разумными? Такое предположеніе должно привести къ возведенію предковъ многихъ насѣкомыхъ, какъ, напримѣръ, пчелъ, на степень геніальнѣйшихъ существъ, которыя разумно строили свои соты, вычисляли ихъ размѣры и вмѣстимость, такъ какъ постройки эти при наименьшей затратѣ матерьяла и труда вмѣщаютъ наибольшее количество меда. Дарвинъ прекрасно доказалъ, что такого сознательнаго расчета у пчелъ никогда не было, и что совершенство безсознательной работы объясняется гораздо проще, не требуя вмѣшательства ни пчелинаго, ни посторонняго разума. („Происхожденіе видовъ").

Наконецъ, насѣкомыя, ухаживающія за своими яйцами, съ цѣлью обезпеченія и огражденія жизни будущаго потомства, до появленія котораго они никогда не доживаютъ, рѣшительно не могли въ этомъ случаѣ поступать разумно, или сознательно, такъ какъ они никогда не знали того, что происходило только послѣ ихъ смерти.

Ко всѣмъ этимъ вопросамъ намъ, впрочемъ, придется еще вернуться и разобрать ихъ болѣе подробно при изложеніи взглядовъ на инстинктъ гг. Гартманна, проф. В. Вундта и др.

Prof. Claus. Учебникъ Зоологіи, стр. 91. „Инстинктъ опредѣляется какъ безсознательно дѣйствующій механизмъ, унаслѣдованный вмѣстѣ съ организаціей и реагирующій на раздраженія такимъ образомъ, что послѣдствіемъ этого является,

какъ бы сознательное (?), цѣлесообразное (?) отправленіе организма... Существенную сторону въ инстинктѣ представляетъ его безсознательность и прирожденность... Самая простая форма инстинкта, быть можетъ, тождественна со способностью живой матеріи отвѣчать опредѣленнымъ образомъ на раздраженія".

Т. е., по мнѣнію проф. Claus'a, инстинктъ вполнѣ сливается съ рефлексомъ и сознаніе не играетъ никакой роли въ его проявленіяхъ.

Ernest Haeckel. Histoire de la Creation des Etres organisés. (Paris 1884, стр. 543).

Необходимо разсматривать инстинкты, какъ умственныя въ сущности привычки, пріобрѣтенныя посредствомъ приспособленія, переданныя потомству и закрѣпленныя въ немъ наслѣдственностью.

Во всемъ остальномъ, касающемся этого вопроса, E. Haeckel отсылаетъ къ Дарвину, объявляя себя приверженцемъ всѣхъ его взглядовъ на инстинктъ.

Джоржъ Роменсъ. Умъ животныхъ. (Перев. Холодовскаго. Спб., 1889 г. Введеніе) Авторъ приводитъ нѣсколько извѣстныхъ ему опредѣленій инстинкта, критически разбираетъ ихъ и даетъ три собственныхъ опредѣленія. Онъ говоритъ, что серъ Веніаминъ Броди опредѣляетъ инстинктъ „какъ начало, по внушенію котораго животныя, независимо отъ опыта и разсужденія, выполняютъ извѣстныя произвольныя дѣйствія, необходимыя имъ для предохраненія ихъ какъ индивидовъ, или для продолженія рода, или же полезныя имъ въ какомъ нибудь другомъ смыслѣ".

Мы не можемъ не замѣтить, что въ этомъ опредѣленіи независимость инстинктивныхъ дѣйствій отъ опыта и разсужденія указываетъ на ихъ безсознательность или автоматизмъ, а тотъ фактъ, что они являются произвольными, указываетъ на ихъ сознательность, такъ какъ только сознательныя дѣйствія мы называемъ произвольными. Противорѣчіе это слишкомъ очевидно, но не выяснено ни авторомъ опредѣленія, ни Дж. Роменсомъ, цитирующимъ его.

Дж Роменсъ вполнѣ соглашается съ опредѣленіемъ Броди и находитъ только, что оно недостаточно выясняетъ различія между инстинктомъ и разумомъ (?) и тотъ фактъ, что всѣ инстинктивныя дѣйствія приспособительны. Дополненіе къ этому опредѣленію Дж Роменсъ видитъ въ опредѣленіи д-ра Гартманна (Филос. Безсознательнаго): „инстинктивное дѣйствіе есть дѣйствіе предпринимаемое для преслѣдованія цѣли, но безъ сознательнаго пониманія, въ чемъ состоитъ эта цѣль". Дж. Роменсъ находитъ, что въ этомъ опредѣленіи опускается только однообразіе инстинктивныхъ дѣйствій у различныхъ индивидовъ одного и того же вида; но развѣ не опускаются въ немъ: наслѣдственность инстинктовъ, или ихъ необходимая врожденность, начало органическое, аффективный характеръ и многое другое, о чемъ будетъ рѣчь впереди?

Дж. Роменсъ, дополняя опредѣленіе д-ра Гартманна, даетъ послѣдовательно три новыхъ опредѣленія инстинкта, представляющихъ, очевидно, три фазы развитія его взглядовъ по мѣрѣ того, какъ онъ писалъ свое интересное сочиненіе

I-е опредѣленіе: „Мы получимъ болѣе точное и полное опредѣленіе инстинкта, какъ такого психическаго дѣйствія, которое направлено къ выполненію приспособительныхъ движеній, предшествуетъ индивидуальному опыту и не нуждается въ знаніи связи между употребляемыми средствами и достигаемыми цѣлями, но выполняется одинаково при тѣхъ же соотвѣтственно условіяхъ всѣми индивидами того же вида"

Здѣсь инстинктивное дѣйствіе является психическимъ, т. е. сознательнымъ и въ то же время автоматическимъ—безсознательнымъ, что доказывается однообразіемъ выполненія и, главное, тѣмъ, что оно не требуетъ знанія и опыта. Дж. Роменсъ не объясняетъ такого совмѣщенія и говоритъ далѣе: „Во всѣхъ этихъ пунктахъ инстинктъ отличается отъ разума, за исключеніемъ того, что въ инстинктѣ содержится, какъ и въ разумѣ, сознательный элементъ (?)"... Что это за сознательный элементъ, предшествующій опыту и знанію?—остается вполнѣ неизвѣстнымъ.

Все, что есть сознательнаго въ разумѣ, по ученію психологовъ, слагается изъ опыта, изъ ощущеній, представленій и пр., т. е изъ элементовъ, составляющихъ сумму наличныхъ знаній, а не предшествующихъ ему, и которые поэтому мы не можемъ называть не нуждающимися въ знаніи и опытѣ.

II-ое опредѣленіе: „Инстинктивныя дѣйствія суть такія, которыя, благодаря частому повторенію, становятся настолько привычными, въ ряду поколѣній, что всѣ индивиды того же вида автоматически выполняютъ тѣ же дѣйствія при

соотвѣтственно одинаковыхъ условіяхъ"... Здѣсь нѣтъ уже болѣе рѣчи о сознательномъ элементѣ, инстинктивное дѣйствіе является вполнѣ автоматическимъ, или безсознательнымъ, и все объясняется привычкою, зависящею отъ частаго, будто бы, повторенія тѣхъ же дѣйствій. Но можно ли назвать часто повторяемыми тѣ акты, которые выполняются животными одинъ только разъ въ жизни и все-таки называются зоологами инстинктивными?

Нѣкоторыя такъ-называемыя инстинктивныя дѣйствія насѣкомыхъ производятся даже рѣже, чѣмъ одинъ разъ въ жизни, такъ какъ выполняются не всѣми индивидами и не въ каждомъ поколѣніи. Такія способности не передаются наслѣдственностью непосредственно отъ родителей къ ихъ дѣтямъ, такъ какъ часто не составляютъ функцій родителей.

III-е опредѣленіе: „Инстинктъ есть рефлекторное дѣйствіе, въ которое входитъ элементъ сознанія. Слѣдовательно, названіе это охватываетъ собою всѣ тѣ умственныя способности, которыя участвуютъ въ сознательныхъ и приспособительныхъ дѣйствіяхъ, предшествующихъ индивидуальному опыту, не обусловливаемыхъ знаніемъ связи между прилагаемыми средствами и достигаемыми цѣлями, но проявляющихся одинаково при одинаковыхъ и часто повторяющихся условіяхъ у всѣхъ индивидовъ того же вида".

Это окончательное и главное опредѣленіе Дж. Роменса, оно совмѣщаетъ въ себѣ всѣ противорѣчія предыдущихъ.

Инстинктъ является, по Дж. Роменсу, сложнымъ рефлексомъ или вторичнымъ автоматическимъ движеніемъ, передаваемымъ изъ рода въ родъ наслѣдственностью и въ то же время отличается отъ таковыхъ присутствіемъ „сознательнаго элемента".

„Зачатокъ сознанія" Г. Спенсера, „зародыши воли" А. Бэна и „сознательный элементъ" Дж. Роменса представляютъ, повидимому, одну и ту же таинственную сущность, при посредствѣ которой они находятъ необходимымъ отличить инстинктивные процесы отъ рефлексовъ, несмотря на то, что сами же называютъ инстинкты сложными рефлексами.

Однако, Дж. Роменсъ поясняетъ, что этотъ „сознательный элементъ" не что-либо мистическое или трансцендентальное, а вполнѣ реальная, хотя бы и весьма малая „доза сужденія или разума", т. е., очевидно, доза индивидуальнаго опыта и знанія, доза представленій и асоціацій, запасъ или комбинаціи которыхъ и составляютъ содержаніе всякаго „сужденія" или „разума", но въ то же самое время инстинктивныя дѣйствія, по Дж. Роменсу, предшествуютъ всякому опыту и не нуждаются въ знаніи, что противорѣчитъ одно другому и, конечно, невозможно. Остается допустить, что „сужденіе", „разумъ и сознательный элементъ" сами предшествуютъ всякому опыту; г. е. допустить врожденныя идеи и врожденныя представленія, дѣйствующія въ инстинктахъ. О безплодности такого допущенія черезъ нѣсколько страницъ мы отвѣтимъ прекрасными словами проф. В. Вундта. Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія Дж. Роменсъ говоритъ: „Какъ справедливо замѣчаетъ проф. Вирховъ, трудно или невозможно провести границу между инстинктивными и рефлективными дѣйствіями" [1]). А чрезъ нѣсколько строкъ. „Если данное дѣйствіе сопровождается сознаніемъ, оно инстинктивно, если же нѣтъ, то оно рефлективно" [2]).

Тамъ же читаемъ: „Между инстинктомъ и разумомъ нельзя провести точной границы"... „какъ выражается Попъ, эти два принципа вѣчно далеки и вѣчно близки" (?) [3]). И въ другомъ мѣстѣ: „Говоря объ умѣ и интелектѣ, я буду всегда противополагать ихъ инстинкту"... [4])

Всѣ эти понятія вмѣстѣ, несмотря на всю ихъ несовмѣстимость, Дж. Роменсъ громко называетъ „той точкой зрѣнія, съ какой смотритъ на инстинктъ наука"... [5])

Конечно, это такъ, ежели подъ наукою разумѣть не сумму дѣйствительныхъ знаній, а сборникъ всевозможныхъ мнѣній, выраженныхъ когда либо учеными.

G. J. Romanes. L'Evolution mentale chez les Animaux (Paris 1884, стр. 152 и пр.).

---

[1]) Умъ животныхъ, стр. 11.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 13.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же, стр. 10.

Въ этомъ весьма интересномъ, какъ, впрочемъ, и предыдущій, трудѣ своемъ Дж. Роменсъ повторяетъ третье изъ приведенныхъ имъ опредѣленій инстинкта; но здѣсь „сознательный элементъ“ получаетъ уже другое — новое значеніе. Дж. Роменсъ поясняетъ, что „раздраженіе, производящее рефлективное движеніе, въ крайнемъ случаѣ можетъ быть ощущеніемъ (?), но зато раздраженіе, производящее инстинктивное движеніе, всегда—перцепція“. [1]) Итакъ, сознательнымъ элементомъ является уже не доза сужденія или разума, но „перцепція“, она уже не сопровождаетъ инстинктивное движеніе, но вызываетъ или производитъ его. Кажется страннымъ, что природѣ зачѣмъ-то понадобилось заставить животное сознать тотъ импульсъ, который вызываетъ лишь рядъ безсознательныхъ движеній, что перцепція, способная привести сознаніе и волю въ движеніе, вызываетъ въ данномъ случаѣ одни только рефлексы. Интересно кромѣ того, какая это именно перцепція имѣетъ такія слѣдствія? Какая перцепція заставляетъ, напримѣръ, ласточку вить безсознательно (?) свое гнѣздо? перцепція ли это чужого гнѣзда, или же перцепція ухаживающаго за нею самца, перцепція ли яйца, разбившагося случайно о землю, перцепція ли угла подъ карнизомъ, гдѣ было бы такъ апетитно свить свое гнѣздо, или же перцепція чего либо другого, намъ неизвѣстнаго и доступнаго лишь птичьему сознанію?.. Но Дж. Роменсъ не объясняетъ намъ этого, что, впрочемъ, понятно, такъ какъ объяснить этого невозможно. Вотъ разсужденія почтеннаго автора, которыя привели его къ такому заключенію „Ежели перцепція отличается отъ ощущенія тѣмъ, что первая заключаетъ въ себѣ сознательный элементъ (?) [2]) и ежели инстинктивное дѣйствіе отличается отъ рефлекторнаго тѣмъ, что проявляетъ сознательный элементъ, можно заключить, что раздраженіе, производимое ощущеніемъ, играетъ по отношенію къ рефлексу ту же роль, что раздраженіе, производимое перцепціею, по отношенію къ инстинкту; потому что, если бы ощущеніе могло вызвать дѣйствіе, повидимому, инстинктивное, дѣйствіе это дѣйствительно инстинктивнымъ ex hypothesi не могло бы быть названо (согласно моему опредѣленію); и наоборотъ, если бы перцепція могла служить возбудителемъ дѣйствія, повидимому, рефлекторнаго, это дѣйствіе, согласно моему опредѣленію, не могло бы быть настоящимъ рефлексомъ. Если же мы согласимся пріурочить терминъ инстинктивный къ нервнымъ процесамъ, заключающимъ въ себѣ сознательный элементъ, то окажется, что этимъ элементомъ является перцепція и что онъ отчасти входитъ въ составъ всякаго раздраженія, вызывающаго инстинктивное дѣйствіе“.

Во-первыхъ, самыя основныя опредѣленія, на которыя ссылается Дж. Роменсъ, не вѣрны и не ясны; во-вторыхъ, посылки ошибочны и ощущеніе вовсе не исключаетъ сознательности, и даже наоборотъ—требуетъ ея, а потому и не различается въ этомъ отъ перцепціи, въ третьихъ, ежели бы подобное различіе и существовало, то одно различіе это не было бы еще достаточною причиною для того, чтобы ощущеніе признать необходимымъ началомъ рефлекса, а перцепцію необходимымъ началомъ инстинктивнаго дѣйствія, въ четвертыхъ, изъ всѣхъ этихъ допущеній, все-таки совсѣмъ не вытекаетъ того, что старательно выводитъ изъ нихъ авторъ.

Вполнѣ аналогичнымъ подобному разсужденію, хотя и болѣе его обоснованнымъ, будетъ слѣдующее·

Ежели луна отличается отъ солнца тѣмъ, что послѣднее заключаетъ въ себѣ элементъ свѣта, и ежели день отличается отъ ночи тѣмъ, что проявляетъ собою элементъ свѣта,—приличествуетъ признать, что, такъ какъ солнце есть причина дня, то луна будетъ причиною ночи, потому что ежели бы солнце было причиною ночи, то ночь, согласно моему опредѣленію, не могла бы быть настоящею ночью, такъ какъ солнце не заключаетъ въ себѣ элемента темноты, и наоборотъ—если бы луна была причиною дня, то день не былъ бы днемъ, а былъ бы ночью,

---

[1]) Рѣчь, очевидно, идетъ не о перцепціи, не заключающей въ себѣ, по ученію психологовъ, ничего сознательнаго, но объ апперцепціи, т. е. о сознательномъ воспріятіи, такъ какъ Дж. Роменсъ указываетъ, будто перцепція заключаетъ въ себѣ сознательный элементъ (un élément mental)... *Авторъ.*

[2]) Дословнѣе—умственный элементъ или элементъ разсудка... Я употребляю выраженіе сознательный элементъ, чтобы моя терминологія не расходилась съ терминологіею г. Холодовскаго, переводчика соч „Умъ Животныхъ“, цитированнаго выше.

а ночь была бы днемъ, а не ночью... А потому, ежели мы назовемъ ночью время сутокъ, заключающее въ себѣ элементъ темноты, то изъ этого слѣдуетъ, что этотъ элементъ есть луна и что она *отчасти* составляетъ причину всякой ночи... Это разсужденіе имѣетъ еще то преимущество передъ разсужденіемъ г. Роменса, что солнце и на самомъ дѣлѣ есть дѣйствительная причина дня, тогда какъ рефлексы вызываются вовсе не ощущеніями, а только раздраженіями. А между тѣмъ уже много поколѣній не могло услышать подобныхъ доводовъ въ астрономіи, но въ психологіи, даже въ физіологической, въ экспериментальной, въ зоопсихологіи мы все еще довольствуемся подобными доводами.

Т. Рибо. Наслѣдственность душевныхъ свойствъ. (Пер. О. Ф. Ф. Спб. 1884 г., стр 11 и слѣд.) На страницѣ 12-й этого полнаго фактовъ и мысли сочиненія Т. Рибо выражаетъ слѣдующій взглядъ на инстинктъ: „*Инстинктъ и умъ* (интелигенція) *одно и то же* и между ними существенная разница только въ степени, но не въ сущности". Здѣсь, очевидно, выражается взглядъ, прямо противоположный мнѣнію тѣхъ ученыхъ, которые утверждаютъ, что инстинктъ безсознателенъ, что онъ не отличается отъ сложнаго рефлекса и происходитъ отъ привычки, какъ, ею выработанное и переданное наслѣдственностью, автоматическое движеніе. Конечно, ежели авторъ считаетъ инстинктъ не только равнымъ, но даже тождественнымъ уму, то онъ необходимо признаетъ и всякое инстинктивное дѣйствіе сознательнымъ, а потому глубоко отличающимся отъ всѣхъ рефлексовъ и автоматическихъ безсознательныхъ дѣйствій

Но, принимая во вниманіе доказательства Спенсера, авторъ дастъ вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдующее опредѣленіе „Инстинктъ есть для насъ *сложный рефлекторный актъ*". „Затрудненіе въ томъ, откровенно говоритъ Т. Рибо на стр. 13, что въ этихъ сложныхъ рефлексахъ почти невозможно отрицать признаки, которые приближаютъ ихъ къ чисто психическимъ явленіямъ"

„Такимъ образомъ, инстинктъ намъ кажется съ одной стороны результатомъ психической дѣятельности, съ другой—результатомъ совершеннаго автоматизма, актомъ чисто механическимъ, исключающимъ всякое сознаніе".

Т. Рибо, какъ добросовѣстный ученый, не замалчиваетъ противорѣчій и не можетъ ужиться съ ними; они его гнетутъ и требуютъ разрѣшенія.

Къ сожалѣнію, разрѣшаетъ онъ ихъ чисто діалектическимъ путемъ:

„Я думаю, говоритъ Т. Рибо, что затрудненіе устранилось бы нѣсколько, если бы согласились принимать *состоянія сознанія* за то, что они въ дѣйствительности представляютъ: только за *явленія, сопровождающія извѣстные нервные процессы*"..

„Состояніе сознанія есть въ дѣйствительности сложное явленіе, предполагающее особенное состояніе нервной системы, это нервное дѣйствіе не есть что либо придаточное, но *составная часть явленія*, его основаніе, фундаментальное условіе, какъ только это дѣйствіе появилось, явленіе уже существуетъ въ самомъ себѣ, а какъ только къ этому дѣйствію присоединяется сознаніе, явленіе существуетъ и для самого себя, сознаніе его дополняетъ, завершаетъ, но не составляетъ всецѣло".

„Принявъ эту гипотезу, (?) говоритъ Т. Рибо, посмотримъ, какъ объясняется ею сущность инстинкта".

„Прежде всего существуетъ начальное, первичное состояніе, заключающееся въ зрительномъ, обонятельномъ, или слуховомъ воспріятіи (перцепціи)".

Далѣе слѣдуетъ весьма важное дополненіе къ этимъ предположеніямъ. „*Ощущенія второго порядка* (внутреннія, висцеральныя или органическія ощущенія) *должны играть главную роль въ инстинктахъ*, относящихся къ витью гнѣздъ, заботамъ о дѣтенышахъ" .. Такое утвержденіе, вѣроятно, основано на наблюденіяхъ и на опытѣ; оно само по себѣ не вытекаетъ, конечно, изъ предыдущей гипотезы.

„Это первичное состояніе должно сопровождаться сознаніемъ".

Кромѣ первичнаго состоянія по Т. Рибо трудно не допустить сознанія еще въ послѣднемъ предѣлѣ проявленія инстинктовъ: въ дѣйствіяхъ и результатахъ".

„Можно вмѣстѣ съ Гартманомъ, говоритъ Т. Рибо, опредѣлить инстинктъ, какъ дѣйствіе, сообразное съ цѣлью, но *безъ сознанія цѣли*" (стр. 12), и нѣсколько строкъ ниже· „Остаются промежуточныя состоянія, лежащія между первичнымъ ощущеніемъ и конечнымъ дѣйствіемъ, т. е. тотъ *механизмъ*, часто необыкновенно сложный, который собственно и составляетъ *сущность инстинкта*...

„Я склоненъ думать, что въ тѣхъ типическахъ случаяхъ, гдѣ организація совершенна, при проявленіяхъ инстинкта, чаще всего не бываетъ никакого сознанія".

Далѣе: „Отсутствіе сознанія даже важно потому, что автоматизмъ становится тогда совершеннѣе!"

Слѣдовательно, эти промежуточныя состоянія заключаются въ инстинктивныхъ движеніяхъ, которымъ авторъ и желаетъ приписать автоматизмъ, тогда какъ другіе доводы наводятъ его на мысль о сознательности дѣйствій, будто бы составляющихъ послѣдній этапъ въ проявленіи инстинкта. Но дѣйствія эти, быть можетъ, не что иное, какъ тѣ же самыя инстинктивныя движенія, что и промежуточныя состоянія?

Не думаю, чтобъ авторъ подъ промежуточными состояніями подразумѣвалъ внутренніе органическіе, нервные процесы потому, что тогда нельзя было бы говорить объ ихъ большомъ совершенствѣ при автоматическомъ дѣйствіи, такъ какъ внутренніе органическіе процесы никогда не бываютъ сознательными и для инстинктовъ никѣмъ не изслѣдованы. Впрочемъ, Т. Рибо еще болѣе поясняетъ, что безсознательными онъ считаетъ движенія, говоря объ автоматизмѣ привычекъ, отъ которыхъ, будто бы, происходятъ всѣ инстинкты и, наконецъ, опять таки со свойственной ему прямотою выводитъ старыя противорѣчія наружу. На стр. 15 читаемъ.

„Правда и то, что если инстинктъ, за исключеніемъ начальнаго его состоянія заключается большею частью въ безсознательномъ, чисто физіологическомъ процесѣ, то, съ другой стороны, весьма вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ и потомъ сопровождается извѣстной степенью сознанія". Слѣдуетъ заключить, что иногда инстинктивныя движенія бываютъ сознательными, иногда полусознательными, иногда просто рефлекторными.

„Противорѣчія остались и ихъ трудно примирить съ первымъ положеніемъ, по которому инстинктъ и разумъ одно и то же и между ними существуетъ разница только въ степени, но не въ сущности".

Знаменитый психологъ, говоря одновременно о всѣхъ столь разнообразныхъ дѣйствіяхъ, носящихъ въ литературѣ общее названіе инстинктивныхъ, очевидно, не можетъ разрѣшить намъ загадку инстинкта и вопросъ попрежнему остается открытымъ [1]).

H. Beaunis. Les sensations internes, стр. 54. „Инстинктивныя дѣйствія отличаются отъ дѣйствій рефлективныхъ и автоматическихъ своею сложностью, характеромъ координаціи и цѣлесообразностью, и въ то же время отличаются отъ чисто сознательныхъ дѣйствій своимъ слѣпымъ и непроизвольнымъ характеромъ". Этимъ предварительнымъ опредѣленіемъ французскій мыслитель и физіологъ, очевидно, сводитъ инстинкты къ рефлексамъ, если только понимать слова „aveugle" и „irresistible" въ смыслѣ безсознательныхъ и непроизвольныхъ, такъ какъ указанныя имъ различія ихъ отъ рефлексовъ и автоматическихъ дѣйствій едва ли достаточны (сложность, характеръ координаціи и результаты). Но далѣе проф. Бони, подтверждая нашу догадку, открываетъ въ то же время читателю всю ширину и неразработанность вопроса, говоря:

„Но въ дѣйствительности, если смотрѣть въ корень вещей, инстинктъ ни что иное, какъ болѣе сложный рефлексъ, а умъ играетъ значительную роль въ средствахъ, употребляемыхъ для достиженія его конечной цѣли". То есть наоборотъ, чѣмъ сказано у Т. Рибо, который полагаетъ, что эти „промежуточныя состоянія" одни лишь безсознательны. Проф. Бони даетъ намъ кромѣ того цѣнное указаніе: „Un besoin est le point de depart des actes instinctifs" (Потребность является исходной точкой инстинктивныхъ дѣйствій), въ противоположность Роменсу и Рибо, считающимъ исходнымъ пунктомъ инстинкта сознательный актъ чувственной перцепціи.

Н. Н. Ланге Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. (Одесса. 1893, стр. 147).

Весьма цѣнно для насъ, хотя и краткое указаніе Н. Н. Ланге. „Инстинктивныя движенія отличаются отъ рефлексовъ главнымъ образомъ тѣмъ, что между ощущеніемъ и движеніемъ вставляется особое психическое состояніе, которое мы

---

[1]) Послѣ того, какъ эта статья была уже написана во Франціи, появилось новое сочиненіе Т. Рибо („La Psychologie des Sentiments" par Th. Ribot, Paris, Alcan, 1896), переведенное теперь и на русскій языкъ, кажется подъ заглавіемъ „Психологія чувствъ", въ которомъ читатель можетъ найти много вѣрныхъ и интересныхъ указаній, относящихся къ вопросу объ инстинктѣ.

называемъ инстинктивными эмоціями или влеченіями". Я думаю, что эти „эмоціи или влеченія" представляютъ собой то же, что проф. Вундтъ называетъ побужденіями, а проф. Бони потребностями, но едва ли ощущеніе означаетъ то, что гг. Роменсъ и Рибо называютъ „перцепціею". Жаль, что остается неизвѣстнымъ, какъ понимать слово „ощущеніе" и какую роль придавать эмоціямъ при самомъ выполненіи инстинктивныхъ движеній.

К. Ушинскій. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія (Томъ I, гл. XIV).

Нашъ знаменитый педагогъ, какъ и многіе другіе, считаетъ инстинктъ просто сложнымъ рефлексомъ, вполнѣ автоматическимъ дѣйствіемъ, безъ всякаго участія въ немъ сознанія и признаетъ у человѣка только два инстинкта: инстинктъ сосанія и инстинктъ глотанія. Авторъ приписываетъ инстинктамъ сознательное происхожденіе отъ привычекъ.

Д-ръ Эдуардъ фонъ-Гартманнъ. Философія Безсознательнаго (Т. I, гл. III. Безсознательное въ инстинктѣ). Д-ръ Гартманнъ въ своей Философіи Безсознательнаго даетъ такое опредѣленіе·

„Инстинктъ есть дѣятельность, преслѣдующая нѣкоторую цѣль, не сознавая ея".

Опредѣленіе это, конечно, слишкомъ широко и туманно, такъ какъ всякая дѣятельность преслѣдуетъ нѣкоторую цѣль, если результаты ея разсматривать, какъ цѣли и всякая безсознательная дѣятельность не сознаетъ этихъ цѣлей. Точно также въ сознательныхъ дѣйствіяхъ субъективная цѣль можетъ не совпадать съ объективною, т. е съ результатами болѣе или менѣе отдаленными и, при наблюденіяхъ надъ дѣйствіями животныхъ хотя бы вполнѣ сознательными, со стороны можно усмотрѣть безсознательныя цѣли этихъ дѣйствій, то есть тѣ ихъ результаты, которые лежатъ далѣе сознанія и намѣреній самого животнаго. Цѣлесообразными дѣйствіями у животныхъ мы называемъ тѣ дѣйствія, которыя стремятся к ъ с о х р а н е н і ю ж и з н и и н д и в и д а и л и к ъ с о х р а н е н і ю ж и з н и в и д а, а такими являются всѣ дѣйствія безъ исключенія всякаго нормальнаго животнаго, въ чемъ и проявляется общій законъ всѣхъ животныхъ движеній: законъ сохраненія жизни.

Цѣлесообразными и безсознательными движеніями надо признать всѣ органическіе процесы, всѣ рефлексы и автоматическія движенія животныхъ, а не одни только инстинкты, а потому опредѣленіе д-ра Э. Гартманна слишкомъ широко и неточно и не выдѣляетъ инстинктивной дѣятельности изъ всей совокупности другихъ функцій животныхъ организмовъ.

Далѣе Гартманнъ старается доказать слѣдующія положенія:

1) Инстинктъ не есть чистое (?) слѣдствіе физической организаціи животнаго.

2) Инстинктъ не есть врожденный механизмъ мозга или мысли, и

3) Инстинктъ есть проявленіе дѣятельности разумной и безсознательной (?).

И, въ концѣ концовъ, выводитъ заключеніе, что. „И н с т и н к т ъ е с т ь с о б с т в е н н а я и л и ч н а я д ѣ я т е л ь н о с т ь и н д и в и д а и и с х о д и т ъ и з ъ г л у б и н ы е г о с у щ е с т в а, при чемъ, какъ мы видѣли, эта „глубина существа" не физическая организація животнаго и не механизмъ его мозга или мыслей. Такое сверхчувственное опредѣленіе, конечно, не выясняетъ вопроса и „глубина существа" остается еще менѣе понятной, чѣмъ само запутанное и сложное явленіе инстинкта.

Точно также и доказательства приведенныхъ положеній д-ра Э Гартманна страдаютъ несоотвѣтствіемъ дѣйствительности, поэтической фантастичностью, отсутствіемъ точности, научной обоснованности, а иногда даже логичности.

Несмотря на всю мощь своей оригинальной и смѣлой мысли, германскій философъ въ теоріи инстинктовъ только ставитъ или возбуждаетъ новые вопросы, но нисколько не разрѣшаетъ ихъ. Его великая заслуга состоитъ въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе на важное значеніе б е з с о з н а т е л ь н а г о въ поступкахъ и въ жизни животныхъ и человѣка, а не въ рѣшеніи вопроса о безсознательномъ; точно также, какъ заслуга Канта состоитъ въ возбужденіи новыхъ вопросовъ о компетенціи человѣческаго разума, а не въ окончательномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ. Что „инстинктъ не есть чистое (?) слѣдствіе физической организаціи животныхъ", д-ръ Гартманнъ старается доказать, устанавливая два слѣдующіе мнимо-научные факта:

1) инстинкты могутъ быть совершенно различными, несмотря на сходство животныхъ, и

2) у животныхъ различной организаціи встрѣчаются одинаковые инстинкты.

Первое доказывается тѣмъ, что всѣ науки имѣютъ, будто бы, одинаковые

органы для плетенія своей паутины, одинъ видъ плететъ ее лучеобразно, другой неправильно, третій совсѣмъ ея не плететъ... Почти всѣ птицы имѣютъ, будто бы, одинаковые органы для витья гнѣздъ (клювъ и ноги); „но какъ различны гнѣзда, восклицаетъ Гартманнъ, — по своей формѣ, способу постройки, прочности и т. д.."

Очевидно, примѣры эти нисколько не доказываютъ утвержденій автора, такъ какъ ежели паутины разныхъ видовъ пауковъ различаются между собою, то и виды различаются тоже. Мы думаемъ, что и птицы не менѣе различны между собою, чѣмъ ихъ гнѣзда; птицы одного вида вьютъ болѣе или менѣе схожія между собой гнѣзда, хотя и въ этихъ гнѣздахъ, какъ и въ отдѣльныхъ птицахъ, могутъ быть индивидуальныя различія. Утвержденіе, что всѣ птицы имѣютъ одинаковые органы для витья гнѣздъ, а именно, клювы и ноги,—странно, ибо едва ли кто рѣшится утверждать, что органы эти имѣютъ менѣе различій у разныхъ видовъ птицъ, чѣмъ ихъ гнѣзда. Ежели всѣ птицы имѣютъ клювы и ноги, то всѣ онѣ вьютъ ими гнѣзда—вотъ и все сходство этихъ органовъ съ ихъ функціями; ежели органы эти немного разнятся у различныхъ видовъ, то и гнѣзда ихъ имѣютъ не слишкомъ большое различіе, такъ какъ всегда остаются гнѣздами. Да и гдѣ мѣра этимъ различіямъ? Какъ рѣшить вопросъ, что болѣе разнится—гнѣзда или клювы различныхъ видовъ птицъ? И неужели же только одни ноги и клювы участвуютъ въ дѣлѣ витья гнѣздъ и только отъ ихъ различій можетъ зависѣть различіе въ гнѣздахъ? А вкусы птицъ, привычки ихъ, ростъ, анатомическое строеніе, величина и количество яицъ и птенцовъ, сила умственныхъ способностей, нервная система, наконецъ, органы чувствъ: острота зрѣнія, осязанія, наконецъ — мѣстность, климатъ, условія матеріала и пр., и пр.

Строеніе и функціи центральной нервной системы проявляются гораздо болѣе во всякой дѣятельности животныхъ, чѣмъ строеніе ихъ органовъ внѣшняго приспособленія, а потому, если сравнивать произведенія организмовъ въ зависимости отъ ихъ строенія, надо принимать во вниманіе строеніе нервныхъ системъ разсматриваемыхъ животныхъ, и не только одни морфологическія различія организмовъ, но и функціональныя ихъ различія и различія потенціальныя, т. е. ихъ способности, влеченія и пр. Допустивъ даже возможность основывать свои взгляды на одномъ лишь изученіи физическаго строенія животныхъ, пришлось бы, для точнаго ихъ научнаго доказательства, сравнивать то, что до сихъ поръ еще во многомъ никому неизвѣстно, такъ какъ ежели даже предположить, что сравнительная анатомія располагаетъ достаточнымъ для этого количествомъ данныхъ, все-таки область гистологіи остается пока ограниченною силою современныхъ микроскоповъ, а область физіологіи несовершенствомъ гистологіи съ одной стороны и съ другой — неизвѣстностью многихъ силъ природы и почти всѣхъ силъ—движеній, совокупность которыхъ составляетъ то, что мы называемъ жизнью организма.

Впрочемъ, самъ д-ръ Э Гартманнъ въ концѣ главы опровергаетъ всѣ эти свои утвержденія, восклицая:

„Какъ объяснить, что *инстинкты настолько схожи у индивидовъ одного и того же вида*?“ (стр. 128) и объясняетъ это явленіе тотчасъ же тѣмъ, что одинаковыя организаціи и одинаковыя внѣшнія данныя обусловливаютъ одинаковыя цѣли, преслѣдуемыя въ жизни и выборъ одинаковыхъ средствъ для ихъ достиженія, иными словами обусловливаютъ одинаковые инстинкты. Но д-ръ Гартманнъ утверждаетъ, что все-таки организація животныхъ нисколько не объясняетъ ему ихъ дѣятельности.

Второй пунктъ этого положенія, гласящій, что *у животныхъ различной организаціи встрѣчаются одинаковые инстинкты*, д-ръ Гартманнъ доказываетъ слѣдующимъ разсужденіемъ: „На деревьяхъ, говоритъ онъ, живутъ сразу птицы, у которыхъ ноги приспособлены или нѣтъ къ лазанью, обезьяны съ цѣпкими хвостами или безъ хвостовъ, бѣлки, лѣнивцы, пумы и проч.“.

Рѣчь идетъ объ инстинктѣ, слѣдовательно, жизнь на деревьяхъ д-ръ Э. Гартманнъ причисляетъ къ инстинктамъ? Но въ такомъ случаѣ и жизнь въ водѣ можно тоже отнести къ спеціальному инстинкту? А въ водѣ живутъ организмы еще болѣе разнообразные; примѣры еще болѣе богатые можно бы почерпнуть изъ жизни въ водѣ. Наконецъ, обычай жить на земномъ шарѣ, быть можетъ, можно тоже причислить къ инстинктамъ? .. Впрочемъ, и на деревьяхъ, кромѣ упомянутыхъ д-ромъ Гартманномъ животныхъ, живутъ еще насѣкомыя, ихъ личинки и гусеницы, живутъ, быть можетъ, бактеріи и пласмодіи. Разнообразіе очень большое. Но всѣ эти орга-

низмы имѣютъ во всякомъ случаѣ то общее въ своей организаціи, что даетъ имъ всѣмъ возможность жить на деревьяхъ, и чего не замѣтилъ, однако, д-ръ Э. Гартманнъ; а это они несомнѣнно имѣютъ и разнятся они между собой постолько, посколько ихъ дѣйствія и движенія не похожи одни на другія. Инстинкты же проявляются тоже въ движеніяхъ.

Свое второе положеніе о томъ, что инстинктъ не есть врожденный механизмъ мозга, или мысли (?), д-ръ Э. Гартманнъ доказываетъ тѣмъ, что инстинктъ не механическое и не автоматическое движеніе, такъ какъ, по его мнѣнію, врожденный механизмъ можетъ проявляться только въ автоматическихъ движеніяхъ. Но если механизмъ сознательной мысли, какъ это ясно доказываетъ проф. Мейнертъ, а за нимъ и многіе другіе, зависитъ отъ врожденной организаціи полушарій большого мозга, то почему же всякій другой не чисто автоматическій или рефлекторный процесъ не можетъ имѣть своего врожденнаго механизма? и чѣмъ, наконецъ, доказывается, что врожденная нервная организація можетъ проявляться только въ видѣ рефлекса или автоматическаго движенія. Д-ръ Э. Гартманнъ по крайней мѣрѣ этого ничѣмъ не доказываетъ.

Философъ Безсознательнаго допустилъ бы даже возможность такой врожденной мозговой организаціи для инстинкта въ томъ случаѣ, если бы инстинктъ функціонировалъ „непрерывно“, но этого нѣтъ въ дѣйствительности, увѣряетъ онъ, и инстинктъ всегда ожидаетъ нѣкоторой перцепціи (?) для начала своего дѣйствія...

Но вѣдь и не всякій рефлексъ, слава Богу, дѣйствуетъ постоянно и непрерывно, иначе мы постоянно и безъ остановки чихали бы, и кашляли, и дергали руками и ногами, иначе всѣ люди страдали бы хореей или пляскою св. Вита и даже болѣзнью хуже этой пляски, которую законъ д-ра Гартманна покушается навязать всѣмъ животнымъ. Нѣтъ, къ счастію, автоматическіе механизмы вовсе не дѣйствуютъ въ природѣ постоянно и непрерывно, и не должны такъ дѣйствовать для нашего всеобщаго благополучія. Автоматическій механизмъ тоже ждетъ своего импульса, ждетъ того внѣшняго, или внутренняго раздраженія, которое приведетъ его въ дѣйствіе, хотя рефлексы и автоматическія движенія, по единогласному мнѣнію всѣхъ физіологовъ, имѣютъ свою врожденную нервную организацію, свой матеріальный механизмъ.

Далѣе, д-ръ Гартманнъ также бездоказательно и также смѣло переходитъ къ новому трансцендентальному опредѣленію инстинкта, чтобы хоть какъ-нибудь подготовить читателя къ еще болѣе неожиданнымъ дальнѣйшимъ своимъ выводамъ: „Инстинктъ и пластическая дѣятельность организующей силы не что иное, какъ одинъ и тотъ же принципъ; они только кажутся разными, проявляясь при различныхъ обстоятельствахъ, безъ чего оба непремѣнно слились бы въ одно цѣлое. Инстинктъ не зависитъ отъ организаціи тѣла или мозга, и было бы гораздо вѣрнѣе сказать, что сама эта организація есть продуктъ инстинктивной дѣятельности“.

Такимъ образомъ, инстинктъ превращается въ трансцендентальную организующую силу, въ отвлеченное понятіе, независимое отъ физическихъ явленій, но управляющее ими, т. е. обращается въ мистическое „Безсознательное“, о которомъ трудно говорить съ основаніемъ. Точно такую же организаторскую силу приписывалъ Шопенгауэръ своей трансцендентальной „Волѣ“, когда утверждалъ, что форма животныхъ организмовъ не что иное, какъ проявленіе ихъ воли, что органы суть продукты дѣятельности этой воли, и также старался научно доказать всѣ эти утвержденія [1]). Воля и Безсознательное должны, конечно, въ этихъ важныхъ случаяхъ писаться съ большой буквы для внушенія таинственнаго къ себѣ уваженія и вѣры...

Третье положеніе послѣ такой научной подготовки уже прямо гласитъ: „Инстинктъ есть проявленіе разумной и безсознательной дѣятельности“

Почему же эта животная дѣятельность сразу и разумна и безсознательна и какъ это можетъ быть? Инстинктъ, по мнѣнію д-ра Гартманна, не можетъ быть дѣятельностью внѣшняго и чуждаго животному разума, это видно изъ его утвержденія, что „инстинктъ есть собственная и личная дѣятельность индивида“... (стр. 126). Какимъ же образомъ эта личная дѣятельность животнаго, будучи безсознательною, можетъ быть названа въ то же время разумною? Ежели

[1]) Шопенгауэръ. „Міръ, какъ воля и представленіе“.

она опредѣляется разумною на томъ основаніи, что она какъ бы цѣлесообразна, то вѣдь и рефлексы тоже цѣлесообразны: перистальтическія движенія кишекъ цѣлесообразны, движенія сердца—цѣлесообразны, точно такъ же, какъ и движенія шейки мочевого пузыря; но всѣ они никогда не называются разумными, такъ какъ таковыми принято обозначать не цѣлесообразныя, а только сознательныя дѣйствія животныхъ.

„Мы открыли", говоритъ д-ръ Э. Гартманнъ на стр. 98-ой 1-го тома своей Философіи Безсознательнаго,—„единственно возможное объясненіе дѣйствительнаго инстинкта: Инстинктъ, это сознательное желаніе средства для достиженія безсознательной цѣли" (въ подлинникѣ курсивъ)... Съ этимъ открытіемъ, дѣйствительно, можно поздравить д-ра Гартманна, ежели бы только оно было нѣсколько положительнѣе обосновано и доказано.

Во-первыхъ, нельзя согласиться уже и съ тѣмъ, что инстинктъ есть желаніе. Многіе изъ современныхъ психологовъ, признавая, что въ совокупность ряда явленій, представляемыхъ инстинктивными процесами, входятъ между прочимъ. какъ одна изъ составныхъ частей этой цѣпи и общія психическія чувства, которыя проф. Вундтъ называетъ побужденіями, проф. Бони потребностями, Чарльзъ Дарвинъ чувствами, проф. Ланге эмоціями или влеченіями и пр.; но никто не рѣшался отождествлять инстинктъ съ этими внутренними чувствами животныхъ. Задолго до д-ра Гартманна люди говорили объ инстинктивныхъ желаніяхъ или стремленіяхъ, и никто не отрицалъ ихъ возможности, а потому открывать инстинктивныя желанія было бы слишкомъ поздно, но никто не отождествлялъ этой части инстинктивнаго процеса съ его цѣлымъ, д-ръ Э. Гартманнъ отождествилъ ихъ и сдѣлалъ новое открытіе.

Итакъ, по опредѣленію философа-песимиста, инстинктъ это—желаніе, и кромѣ того еще желаніе сознательное... Понятно и очень просто!... потому что безсознательныхъ желаній не существуетъ. Желанія могутъ быть неопредѣленными, когда ихъ объектъ не сознается достаточно ясно, но само по себѣ желаніе, какъ психическое чувство, начинаетъ существовать лишь съ того момента, когда оно вступаетъ въ сознаніе, т. е. желаніе или сознается, какъ внутреннее чувство, или же оно, просто, не существуетъ, а потому мы можемъ положить, какъ аксіому, тотъ фактъ, что желаніе всегда бываетъ сознательнымъ. Существуетъ даже мнѣніе, по которому желаніе представляетъ собою лишь нѣкоторое состояніе сознанія; согласно этому возрѣнію говорить о сознательности или о безсознательности желанія, все равно, что говорить о сознательности или о безсознательности самого сознанія. Но главное въ открытіи д-ра Гартманна заключается въ томъ, что сознательное желаніе, которое онъ ошибочно отождествляетъ съ инстинктомъ, есть желаніе средства для достиженія безсознательной цѣли. Такимъ образомъ, и само это желаніе является вполнѣ опредѣленнымъ; кромѣ того, что оно сознательно само по себѣ, оно имѣетъ объектомъ нѣчто тоже вполнѣ сознательное и извѣстное, и это нѣчто есть только средство для достиженія какой-то цѣли, остающейся навсегда внѣ сознанія, а потому, конечно, не цѣли самого животнаго. Чья же это цѣль? Для д-ра Гартманна это цѣль „Безсознательнаго", для А. Шопенгауэра это была бы цѣль „Воли", которая находится одновременно и внѣ животнаго, и внутри его и подчинена ему, и руководитъ имъ, управляетъ всѣмъ міромъ, какъ организующая сила и производится въ то же время самими животными; попросту, это цѣль какихъ-то духовъ, вѣдомыхъ однимъ лишь вѣрующимъ въ нихъ философамъ, но для того, кто въ этихъ духовъ не вѣритъ, слово цѣль останется словомъ безъ смысла, и онъ охотно замѣнитъ его другими терминами—слѣдствіе или результатъ.

По опредѣленію д-ра Гартманна, объектомъ инстинктивнаго желанія является нѣкоторое, извѣстное животному, средство, и такъ какъ инстинктивное желаніе предшествуетъ опыту, въ которомъ животное могло бы познакомиться съ этимъ средствомъ, то знаніе средства является, по Гартманну, какъ бы врожденнымъ. Этого мы опять-таки не можемъ допустить и докажемъ въ своемъ мѣстѣ, что инстинктивныя желанія, предшествующія необходимымъ для ихъ выполненія опытамъ, бываютъ неопредѣленны и смутны, т. е., оставаясь сознательными субъективно, какъ чувства, не имѣютъ еще объективнаго направленія, для установки котораго нуждаются въ пріобрѣтеніи опытнаго знанія или же въ посторонней помощи, т. е. средства остаются внѣ области сознанія до опытнаго съ ними знакомства (см. тоже у проф. Вундта о врожденныхъ представленіяхъ). Наконецъ, средства эти, являясь цѣлями инстинктивныхъ желаній животныхъ, нельзя называть

средствами, безъ указанія на то: чьи это средства и для достиженія чьей цѣли?

Исключивъ всѣ противорѣчія изъ опредѣленій д-ра Э. Гартманна и дополнивъ его согласно вышесказанному, получимъ слѣдующую болѣе точную формулу: субъективныя проявленія инстинктовъ характеризуются желаніями объектовъ и дѣйствій, сознаваемыхъ только послѣ опытнаго съ ними знакомства и служащихъ ближайшимъ этапомъ въ несознаваемомъ біологическомъ процессѣ.

Только въ этомъ послѣднемъ видѣ мы согласны принять формулу д-ра Гартманна и даже будемъ ее защищать и доказывать въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Что инстинктивная дѣятельность животныхъ не есть дѣятельность сознательная, д-ръ Гартманнъ доказываетъ слѣдующими положеніями.

1) На стр. 121 онъ утверждаетъ, будто бы, „проявленія инстинкта одинаково совершенны на всѣхъ ступеняхъ животнаго царства", тогда какъ умственныя способности животныхъ уменьшаются по мѣрѣ того, какъ мы будемъ опускаться къ низшимъ видамъ. Такимъ образомъ, если сознательная дѣятельность животныхъ пропорціональна ихъ умственнымъ способностямъ, инстинктъ какъ будто бы не можетъ быть признанъ дѣятельностью сознательною, или зависящею отъ ума животныхъ.

Но, ежели д-ръ Э. Гартманнъ утверждаетъ безъ всякихъ доказательствъ, что инстинкты проявляются съ одинаковымъ совершенствомъ на всѣхъ ступеняхъ животнаго царства, то знаменитый Флуренсъ утверждаетъ, что инстинктъ и умъ обратно пропорціональны, т. е., что животныя, стоящія на низшихъ ступеняхъ развитія, проявляютъ болѣе совершенные инстинкты, чѣмъ высшія животныя, одаренныя болѣе сильнымъ умомъ, нежели первыя. Этого же мнѣнія придерживается знаменитый Кювьэ и многіе другіе натуралисты. Мнѣніе это даже носитъ въ наукѣ названіе закона Флуренса У Дарвина же, въ „Происхожденіи Человѣка", читаемъ: „Пуше показалъ въ интересной статьѣ, что на самомъ дѣлѣ этого обратнаго отношенія (инстинкта и ума) не существуетъ. Насѣкомыя, обладающія самыми замѣчательными инстинктами, принадлежатъ, конечно, къ самымъ умнымъ". Мнѣніе Пуше, очевидно, раздѣляетъ съ ними и самъ Дарвинъ. Къ какому же изъ этихъ трехъ мнѣній мы должны примкнуть? или почему мы должны принять бездоказательно утвержденіе д-ра Гартманна о неизмѣнности инстинктовъ сообразно съ измѣненіями умственныхъ способностей тогда, какъ упомянутые авторитеты науки противорѣчатъ ему: одни утверждая, что инстинктъ и умъ обратно пропорціональны, а другіе, что они всегда пропорціональны другъ другу?

Эти примѣры намъ ясно показываютъ, какъ опасно полагаться на бездоказательныя утвержденія даже авторитетовъ науки, они также показываютъ намъ то, что доказательство д-ра Гартманна не имѣетъ никакого фактическаго основанія и само по себѣ требуетъ еще доказательства, являясь не установленнымъ въ наукѣ фактомъ, какъ это могло бы показаться по догматическому тону изложенія, а только весьма мало вѣроятной личной гипотезой д-ра Гартманна, въ наукѣ не принятой.

Но высказавъ эту гипотезу, философъ все-таки побѣдоносно восклицаетъ: „Не очевидно ли послѣ этого, что законъ инстинкта отличается отъ того, который управляетъ сознательнымъ мышленіемъ?" И продолжаетъ уже безъ всякихъ доказательствъ: „Умъ животныхъ возрастаетъ съ годами (развиваясь вслѣдствіе воспитанія, упражненія и опытности), инстинктивныя дѣйствія наоборотъ (?) представляютъ ту особенность, что, развившіяся въ уединеніи, животныя исполняютъ ихъ такъ же хорошо (?), какъ и тѣ, которыя пользовались уроками своихъ родителей, и что въ первый разъ, ранѣе всякаго опыта и упражненія, успѣшность инстинктивныхъ дѣйствій не менѣе обезпечена, чѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ (?)".

Все это, пожалуй, можетъ быть принято простодушнымъ читателемъ за доказанное или за всѣмъ извѣстное; но въ дѣйствительности нѣтъ и тѣни фактическихъ основаній для всѣхъ этихъ мнимыхъ законовъ инстинктивной дѣятельности. Мы увидимъ далѣе, что всѣ инстинкты для совершеннаго выполненія требуютъ упражненія, опыта и знанія, что при полномъ отсутствіи послѣднихъ они могутъ остаться не выполненными и привести животныхъ къ погибели, что птицы учатся вить гнѣзда, летать и клевать, что молодыя млекопитающія учатся даже сосать свою матку и производятъ это гораздо совершеннѣе послѣ нѣсколькихъ опытовъ, чѣмъ въ первый разъ, что взрослыя животныя выполняютъ болѣе сложныя инстинктивныя дѣйствія, чѣмъ животныя молодыя и т. д., и т. д...

Библиотека Академии Наук СССР

3) По мнѣнію д-ра Гартманна: „Инстинктъ (наоборотъ сознательному акту) имѣетъ отличительнымъ признакомъ отсутствіе сомнѣній и колебаній (?); онъ дѣйствуетъ сразу, тотчасъ же, какъ только сознаніе подаетъ ему поводъ къ дѣйствію (?)“. Все это опять-таки голословно, бездоказательно и чудесно, все это показываетъ намъ только то, что уважаемый философъ недостаточно знакомъ съ инстинктомъ, не замѣтилъ его сомнѣній и колебаній, а вовсе не то, что инстинкты ихъ дѣйствительно не имѣютъ. По Гартманну, эта быстрота дѣйствій встрѣчается одинаково у низшихъ животныхъ и у высшихъ (?). Факты, какъ мы увидимъ далѣе, показываютъ, что инстинктивныя стремленія въ первичныхъ своихъ проявленіяхъ выражаются неумѣлыми, неопредѣленными и нерѣшительными дѣйствіями, т. е. колебаніями, тогда какъ только при достаточной опытности животнаго пріобрѣтаютъ замѣченныя Гартманномъ быстроту, опредѣленность и отсутствіе колебаній.

4) Четвертое доказательство того, будто бы инстинкты животныхъ не имѣютъ ничего общаго съ дѣятельностью ихъ сознанія, состоитъ лишь изъ разсужденія объ воображаемомъ инстинктѣ гусеницы ночного павлиннаго глаза (Saturnia pavonia minor), это же разсужденіе находимъ въ „Лекціяхъ о душѣ человѣка и животныхъ“ проф. Вундта (Переводъ со 2-го нѣм. изданія, Спб. 1894 г., на стр. 401) переписаннымъ почти слово въ слово, съ нѣкоторою лишь перестановкою фразъ. Мы читаемъ у проф. Вундта: „Гусеница ночного павлиньяго глаза прилѣпляетъ къ верхнему концу оболочки своей личинки двойной сводъ изъ крѣпкихъ щетинъ, которыя лишь на верхушкѣ соединены тонкими ниточками; этотъ сводъ открывается при легкомъ давленіи изнутри, всякому же давленію извнѣ онъ оказываетъ сопротивленіе“. По этому поводу Аутенритъ въ своемъ сочиненіи „Ansichten über Natur' und Seelenleben“ (О жизни природы и души) замѣчаетъ: „Если бы гусеница поступала на основаніи размышленій или соображеній, то она должна бы по человѣческому разумѣнію принять во вниманіе слѣдующее: она попадетъ въ состояніе личинки и тогда будетъ подвержена всякимъ случайностямъ безъ возможности спасенія, если не приметъ своевременно мѣръ для защиты; изъ состоянія личинки она должна выйти въ качествѣ бабочки, не имѣя органовъ или силъ, чтобы сломать оболочку, которую она свила, будучи гусеницею, и не имѣя возможности выдѣлить подобно другимъ бабочкамъ сокъ, который могъ бы растворить шелковую ткань; слѣдовательно, если она не приметъ уже въ качествѣ гусеницы мѣръ для выхода изъ своего мѣста заключенія, она должна въ немъ погибнуть. Далѣе ей должно быть ясно при устройствѣ личинки, что ей стоитъ только приготовить сводъ, который легко вскрывается изнутри и служитъ защитой снаружи, и что она тогда въ свое время будетъ въ состояніи выйти въ качествѣ бабочки; что эти условія будутъ осуществимы, если она совьетъ сводъ изъ жесткихъ шелковыхъ щетинъ, сходящихся въ срединѣ. Кромѣ того, она должна знать впередъ, что для этой цѣли годится тотъ же шелкъ, изъ котораго сдѣлана вся оболочка, лишь съ извѣстными искусственными приспособленіями. Между тѣмъ, никакое изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній не могло быть преподано ей родителями, такъ какъ ихъ уже не было въ живыхъ, когда она вылупилась изъ яйца. Она не могла также узнать этого дѣла путемъ упражненія или опыта, такъ какъ совершаетъ его всего одинъ разъ въ жизни, и не путемъ подражанія, такъ какъ она живетъ одиноко. Однако, умъ ея, во время ея жизни въ качествѣ гусеницы, не могъ подвергаться особенному развитію: она ползала на листьяхъ, на которыхъ родилась, и ѣла ихъ, и для этого не требовалось никакого размышленія, такъ какъ листья были передъ нею, можетъ быть, она цѣплялась за листъ для того, чтобы не свалиться съ него, и перелѣзала на другую сторону листа, чтобы не промокнуть въ случаѣ дождя; она нѣсколько разъ сбрасывала свою кожицу, ставшую ей неудобной, и при этомъ все ея тѣло изгибалось, но тогда она не дѣлала кокона. Это была вся ея жизнь, вся ея умственная дѣятельность“.

Всю эту тираду, приписываемую В. Вундтомъ Аутенриту, мы находимъ у д-ра Э. Гартманна безъ какого либо намека на заимствованіе и можемъ счесть собственностью германскаго философа. Такимъ образомъ, заключаетъ пр. Вундтъ, инстинктивныя дѣйствія не могутъ быть объяснены ни сознательнымъ размышленіемъ, ни индивидуальными асоціяціями; подобное объясненіе требуетъ невозможнаго предвидѣнія. Гартманнъ, приводя этотъ примѣръ, оговаривается, будто его „теоретическое (?) раздѣленіе инстинкта отъ сознанія можетъ привести читателя къ заключенію, что онъ и на практикѣ (?) глубоко раздѣляетъ инстинктивную и сознательную дѣятельность животныхъ; и считаетъ нужнымъ увѣрить читателя, что этого

въ дѣйствительности нѣтъ, отсылая для доказательства къ другимъ мѣстамъ своего сочиненія, гдѣ онъ отождествляетъ инстинктивную дѣятельность съ сознательною или же доказываетъ, что вторая входитъ, какъ часть, въ составъ первой.

Мы не можемъ не видѣть во всѣхъ этихъ доказательствахъ путаницы, явныхъ противорѣчій и постоянныхъ самоотрицаній. Въ приведенномъ примѣрѣ будто бы инстинктивнаго дѣйствія, ежели не искать въ немъ ничего другого, кромѣ описаннаго, мы усматриваемъ только вполнѣ безсознательныя и непроизвольныя движенія и процесы, т. е. рефлексы.

Инстинктомъ мы называемъ что-то отличное отъ чисто сознательнаго акта и отличное въ то же время отъ безсознательнаго рефлекса, какъ бы послѣдній ни былъ сложенъ (ежели только мы различаемъ сознательную дѣятельность, какъ основанную на индивидуальномъ опытѣ и знаніи отъ рефлекторной); и если онъ ничѣмъ не отличается отъ какого-либо изъ нихъ, то и само слово инстинктъ не имѣетъ ни смысла, ни цѣли.

Принявъ формулу проф. Гартманна, по которой инстинктъ сознательное желаніе с р е д с т в а для достиженія безсознательной цѣли, въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, для того, чтобы допустить сознательность дѣйствій гусеницы, намъ вовсе не нужно предполагать, что конечная цѣль ея дѣйствій должна быть ей извѣстна; наоборотъ,—мы заранѣе признали эту цѣль безсознательною. Насколько же проявляла гусеница дѣятельность сознанія при вышеописанной работѣ по отношенію къ средствамъ, а не къ конечнымъ результатамъ дѣйствія, авторы не нашли нужнымъ или возможнымъ изслѣдовать. Быть можетъ, подобная задача превышаетъ силы и средства методовъ современной науки, быть можетъ, сознаніе организмовъ, имѣющихъ такъ мало сходства съ нами, ускользаетъ отъ нашего наблюденія, изслѣдованія и пониманія, такъ какъ о чужой сознательной дѣятельности мы привыкли судить только по аналогіи съ собственною и только въ самихъ себѣ мы можемъ непосредственно созерцать сознательные процесы. Быть можетъ, по всѣмъ этимъ причинамъ и не имѣя пока лучшаго критерія сознательной дѣятельности, мы склонны признавать всѣ дѣйствія организмовъ, стоящихъ на низкой ступени развитія, за дѣйствія безсознательныя, тѣмъ болѣе, что, по утвержденію проф. В. Вундта, никто намъ не мѣшаетъ объяснить любое движеніе животнаго, какъ волевое, сознательное или рефлекторное (Душа Ч. и Ж. Лекція 23) А потому и такъ-называемые инстинкты насѣкомыхъ, ихъ гусеницъ и личинокъ мы склонны объяснять какъ рефлексы и никто этому не мѣшаетъ. Но значитъ ли это, что мы дѣйствительно правы? Ежели психическая жизнь насѣкомыхъ намъ почти вполнѣ недоступна, ежели мы не можемъ съ увѣренностью отдѣлить ихъ сознательную дѣятельность отъ рефлексовъ, ежели въ наукѣ не прекращаются споры даже о томъ, одарены или не одарены эти организмы сознаніемъ, а сравнительная анатомія и гистологія не выработали еще методовъ для распознаванія морфологическихъ основъ сознательной жизни и для различенія ихъ отъ основъ жизни безсознательной, то мы не имѣемъ никакой возможности достаточно точно и безошибочно различать сознательную или произвольную дѣятельность насѣкомыхъ отъ ихъ рефлекторной дѣятельности. Не имѣя возможности различать эти двѣ ясно разграниченныя въ природѣ групы явленій, какъ можемъ мы думать о различеніи инстинктивной дѣятельности у тѣхъ же животныхъ, тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя имѣетъ такъ много точекъ соприкосновенія и съ тою и съ другою, ея границы такъ смутны и такъ неуловимы, что и въ самихъ себѣ мы умѣемъ узнавать ее только въ самыхъ исключительно рѣдкихъ случаяхъ. А потому, я думаю, говорить объ инстинктивной дѣятельности насѣкомыхъ, не рѣшивъ вопроса объ ихъ сознательной дѣятельности, по крайней мѣрѣ преждевременно.

Наконецъ, я думаю, что не слѣдуетъ никогда заранѣе называть какое либо дѣйствіе животнаго инстинктивнымъ и уже потомъ начинать изслѣдованіе—сознательно ли оно или безсознательно и на основаніи этого изслѣдованія заключать о природѣ инстинкта. Было бы по крайней мѣрѣ благоразумнѣе сперва изслѣдовать основы неизвѣстнаго акта и уже, опираясь на это изслѣдованіе, давать ему названіе безсознательнаго рефлекса, или же инстинктивнаго дѣйствія, или чисто сознательнаго.

Къ нашему удивленію многіе изъ современныхъ натуралистовъ и психологовъ поступаютъ совершенно обратно, а именно: для того, чтобы изслѣдовать, что такое инстинктъ, они набираютъ всѣ тѣ явленія, которыя какой нибудь писатель или же просто толпа вздумали когда либо окрестить этимъ именемъ, и начинаютъ ихъ изслѣдовать по всѣмъ правиламъ, не имѣющей опредѣленнаго ме-

тода, науки. Конечно, въ рукахъ однихъ ученыхъ оказывается большее количество фактовъ одного рода, а въ рукахъ другихъ большее количество фактовъ совершенно другого рода, но названіе фактовъ у тѣхъ и у другихъ одно и то же—все это „инстинкты"; и вотъ поднимаются споры, одни утверждаютъ, что инстинкты бѣлы, другіе—что они черны, факты перетасовываются, перепутываются, и въ результатѣ получается пестрая каша, сразу и черная и бѣлая, которую нельзя никуда приспособить, никуда помѣстить. Упорные продолжаютъ перемѣшивать ее съ ожесточеніемъ, благоразумные отъ нея сторонятся улыбаясь, чистоплотные выбрасываютъ ее за окно, подобно тому, какъ выбросилъ Мейнертъ инстинктъ за окно своего психологическаго міросозерцанія. Я позволяю себѣ утверждать, что психологія насѣкомыхъ намъ пока такъ мало доступна, что мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ изслѣдовать, основываясь на ней, вопроса: что такое инстинктъ? Мы даже не имѣемъ права считать инстинктъ терминомъ, достаточно точно и основательно примѣняемымъ къ нѣкоторымъ видамъ движеній или дѣятельности животныхъ вообще и особенно насѣкомыхъ. Я думаю, что такое мнѣніе, несмотря на то, что оно противорѣчитъ вышеприведенному заключенію проф. В. Вундта, вполнѣ совпадаетъ съ его же собственными словами и ученіями, а именно на стр. 883, II тома русск. пер. его Физіологической Психологіи проф. Вундтъ говоритъ, что инстинктивное дѣйствіе останется непонятнымъ, ежели не принять особаго побужденія (психическаго) къ нему и далѣе: „Это внутреннее развитіе побужденій, конечно, должно изучаться нами не на животныхъ, но на человѣкѣ". По моему мнѣнію, все это обозначаетъ, что инстинктъ дѣлается понятнымъ или различается нами отъ чисто сознательнаго дѣйствія точно такъ же, какъ и отъ рефлекса, только тогда, когда мы признаемъ его внѣшнія проявленія основанными на внутреннихъ или психическихъ побужденіяхъ, т. е. на явленіяхъ, существующихъ только въ сознаніи, и эти явленія, существующія только въ сознаніи, эти основы инстинктивныхъ движеній мы можемъ ясно видѣть и изучать у самихъ себя и только по аналогіи можемъ судить о подобныхъ-же явленіяхъ у животныхъ, содержаніе сознанія которыхъ намъ почти недоступно.

Очевидно, знаменитый психологъ отступилъ отъ своего справедливаго мнѣнія, когда сталъ изучать основы инстинкта на чужихъ разсужденіяхъ о нѣкоторыхъ необъясненныхъ дѣйствіяхъ гусеницы ночного павлиньяго глаза. Философъ же пессимистъ не ограничиваетъ своего свободнаго изслѣдованія матерьяльными преградами природы, онъ стремится проникнуть въ глубину сознанія низшихъ животныхъ и даже безсознательныхъ растеній. На стр. 104 „Философіи Безсознательнаго" Гартманнъ увѣряетъ насъ, что инстинкты существуютъ не только въ растительномъ царствѣ, но даже у низшихъ одноклѣточныхъ организмовъ, которые будто бы „удалены отъ сознанія болѣе растеній, не имѣющихъ его".

Какъ могутъ быть удалены какіе бы то ни было организмы отъ сознанія болѣе тѣхъ, которые совсѣмъ сознанія не имѣютъ, и какъ можно допускать существованіе у такихъ безсознательныхъ и даже удаленныхъ отъ сознанія организмовъ инстинкты, опредѣляя инстинктъ, какъ сознательное желаніе средства и т. д.,—остается невыясненнымъ.

Далѣе Гартманнъ описываетъ открытый и изслѣдованный имъ инстинктъ одноклѣточнаго животнаго слѣдующимъ образомъ: „Arcella vulgaris — протоплазматическій комочекъ, содержащійся въ выпукловыгнутой раковинѣ... ежели арцеллѣ случайно приходится лежать на спинѣ на днѣ капли воды (находящейся подъ микроскопомъ) въ продолженіе двухъ или трехъ минутъ, наблюдаютъ, какъ она истощается въ напрасныхъ усиліяхъ найти около себя твердую точку опоры своими псевдоподобіями. Но вдругъ отъ двухъ до пяти темныхъ точекъ появляются въ глубинѣ комочка протоплазмы"... и т. д. Оказывается, что эти точки—воздушные пузырьки, которые быстро растутъ и выросши подымаютъ арцеллу со дна капли къ ея поверхности, гдѣ, плавая на свободѣ, арцелла можетъ повернуться въ любую сторону, и это явленіе Гартманнъ называетъ инстинктомъ.

Внутри организма арцеллы, вслѣдствіе продолжительныхъ внѣшнихъ или внутреннихъ раздраженій, очевидно, происходитъ нѣкоторый химическій процесъ, слѣдствіемъ котораго внутри протоплазмы выдѣляются воздушные пузырьки, процесъ этотъ оказывается полезнымъ арцеллѣ и, на основаніи только одной этой полезности, Гартманнъ находитъ нужнымъ называть его инстинктомъ, другого основанія нѣтъ и найти невозможно. Но какой же изъ всѣхъ физіологическихъ внутреннихъ процесовъ не бываетъ полезенъ животному? Какое иное нормальное отдѣленіе или выдѣленіе животныхъ организмовъ не обладаетъ подобною же цѣле-

сообразностью. Вѣдь арцелла, кромѣ того, что выдѣляетъ воздушные пузырьки; имѣетъ еще и раковинку; эту раковинку точно также выдѣлило изъ себя ея протоплазматическое тѣло посредствомъ нѣкотораго сложнаго и удивительно цѣлесообразнаго химическаго процеса, благодаря которому арцелла имѣетъ скелетъ, щитъ и домъ. Такое органическое выдѣленіе еще болѣе, чѣмъ фабрикація воздушныхъ пузырьковъ съ внѣшняго вида приближается къ инстинктамъ животныхъ, цѣль его подобна витью гнѣздъ, строительнымъ инстинктамъ бобра и пр.; отчего же Гартманнъ не выбралъ его для описанія строительныхъ инстинктовъ простѣйшихъ, несмотря даже на то, что явленіе это болѣе обще и болѣе распространено, то есть обладаетъ болѣе характерными признаками инстинктовъ?.. Быть можетъ, именно потому, что явленіе это обыденно, общеизвѣстно и менѣе поразило умъ философа... Вѣдь мы очень часто называемъ инстинктами именно то, что насъ поражаетъ Явленія обыденныя, какъ, напримѣръ, отдѣленія слюны, желчи, желудочнаго сока, служащія не для поднятія къ поверхности воды, а для правильнаго пищеваренія и происходящія съ замѣчательною послѣдовательностью и цѣлесообразностью у высшихъ животныхъ еще болѣе поразительны для изучавшихъ эти явленія, чѣмъ выдѣленія воздушныхъ пузырьковъ протоплазмою арцеллы, однако никто никогда не называетъ ихъ инстинктивными.

Эта цѣлесообразность біологическихъ явленій многихъ путаетъ и сбиваетъ съ толка, а между прочимъ какъ легко объясняется она по ученію Ч. Дарвина переживаніемъ наиболѣе приспособленныхъ. Всѣмъ ясно, что животныя, необладающія цѣлесообразной организаціею или цѣлесообразными движеніями и дѣйствіями, не могутъ жить и должны сейчасъ же погибнуть, какъ голько появятся на свѣтъ, а слѣдовательно, всѣ отправленія и органическіе процесы всѣхъ извѣстныхъ и существующихъ видовъ необходимо должны быть цѣлесообразными.

Что же удивительнаго въ томъ органическомъ выдѣленіи воздушныхъ пузырьковъ, которое даетъ возможность арцеллѣ переворачиваться, когда она не имѣетъ возможности сдѣлать этого посредствомъ внѣшнихъ приспособительныхъ движеній. Чѣмъ отличается этотъ внутренній химическій процесъ отъ другихъ процесовъ, пищеварительныхъ, тканеобразовательныхъ, выдѣлительныхъ и проч., происходящихъ въ протоплазмѣ той же арцеллы или другихъ, болѣе развитыхъ организмовъ? На какомъ основаніи съ такимъ шумомъ и трескомъ описывается этотъ процесъ въ качествѣ инстинкта одноклѣточныхъ? Любое движеніе псевдоподій арцеллы съ гораздо большимъ правомъ могъ Гартманнъ описать, какъ инстинктъ, тѣмъ болѣе, что инстинкты всѣхъ животныхъ до сихъ поръ наблюдались и описывались, какъ приспособительныя движенія внѣшнихъ органовъ, а никогда не какъ внутренніе органическіе процесы (Спенсеръ).

5. Далѣе на стр. 106 Гартманнъ старается убѣдить окончательно въ томъ, что инстинктивные акты невозможно объяснить сознательными дѣйствіями: „Данныя, необходимыя для мотивированія инсгинктивнаго дѣйствія, говоритъ онъ, не могутъ быть никоимъ образомъ доступны для сознанія (здѣсь, очевидно, авторъ опять забылъ о своихъ сознательныхъ средствахъ)... въ то же время результатъ не есть слѣдствіе сознательной мысли“...

Для доказательства положеніе это раздѣляется на два слѣдующихъ:

1) Факты, необходимые познанію (для мотивированія инстинктивныхъ дѣйствій), находятся въ будущемъ и настоящее не даетъ никакихъ указаній для ихъ предвидѣнія, и

2) Когда такіе факты доступны и въ настоящемъ, то, чтобы понимать ихъ значеніе и строить на ихъ основаніи сознательныя умозаключенія, надо обладать опытностью, которой обыкновенно нѣтъ у животныхъ.

Для доказательства приведенъ примѣръ опять изъ жизни насѣкомыхъ, а потому, не придавая ему значенія, чтобы не повторять сказаннаго, пройдемъ его молчаніемъ.

Въ общемъ же мнѣ кажется, что приведенныя положенія имѣютъ не много, а только одинъ смыслъ, именно, что результаты инстинктивныхъ дѣйствій нельзя разсматривать, какъ сознательные. Мы уже согласились съ этимъ пунктомъ, когда говорили о безсознательныхъ цѣляхъ, и думаемъ, что, несмотря на это, инстинктъ все-таки проявляется посредствомъ вполнѣ сознательныхъ дѣйствій. А потому никакое доказательство безсознательности результатовъ не въ состояніи утвердить положенія о безсознательности самихъ дѣйствій.

Какъ это ни удивительно, но послѣ всѣхъ этихъ доказательствъ д-ръ Гартманнъ переходитъ къ прямо противоположной точкѣ зрѣнія и начинаетъ доказы-

вать, что для мотивированія инстинктивныхъ дѣйствій у животныхъ имѣются не только всѣ сознательныя данныя и необходимое количество знаній, но даже, что инстинктъ даетъ неограниченное ясновидѣніе, предчувствіе, таинственное откровеніе и полное знаніе, не нуждающееся ни въ какомъ опытѣ,—знаніе по интуиціи, по ясновидѣнію Животныя до опыта знаютъ враговъ своихъ... увѣряетъ д-ръ Э. Гартманнъ. Они знаютъ, что годно имъ въ пищу и что имъ вредитъ. Щука никогда не проглатываетъ ерша, который свободно около нея гуляетъ. Ни одно животное не ѣстъ ядовитыхъ веществъ и т. д. Приходится опять повторить урокъ великаго Дарвина: если бы щуки глотали ершей *) или обезьяны ѣли ядовитые плоды, то ни щукъ не было бы на свѣтѣ, ни обезьянъ, а были бы такія породы, которыя этого не дѣлаютъ потому, что только эти послѣднія могли бы выжить

Всѣ животныя знаютъ пищу, пригодную для ихъ пищеварительнаго апарата, полагаетъ д-ръ Гартманнъ, утверждавшій недавно, что инстинктъ съ сознаніемъ ничего общаго не имѣетъ. На основаніи этого новаго предположенія извѣстнаго берлинскаго философа нетрудно дойти до заключенія, что животныя замѣчательные анатомы, физіологи, химики, ботаники, зоологи и пр., что они точно знаютъ свой пищеварительный апаратъ, а потому и пищу, которая для него пригодна?

Нѣтъ, они этого не знаютъ и ѣдятъ совсѣмъ не то, что на основаніи теоретическихъ возрѣній находятъ полезнымъ для своего организма. Ѣдятъ они только то, что своимъ видомъ, или запахомъ, или иными внѣшними раздражителями рефлекторно возбуждаетъ ихъ апетитъ, а возбуждаетъ ихъ апетитъ только то, что ѣли ихъ предки въ теченіе многихъ вѣковъ и поколѣній, а предки ихъ ѣли только полезное для своего организма, потому что тѣ, которые ѣли вредное, по этой самой причинѣ, не могли сдѣлаться ихъ предками и погибли, не оставивъ потомства и потомству въ наслѣдіе своихъ пагубныхъ наклонностей и вкусовъ.

Такъ должны мы заключить на основаніи выясненныхъ Дарвиномъ явленій органической жизни, такъ должны мы думать на основаніи наблюденія фактовъ природы. Дарвинъ и другіе авторы приводятъ много примѣровъ ошибокъ и несовершенства инстинктовъ, изъ которыхъ можно ясно видѣть всю несостоятельность гипотезы ясновидѣнія и непогрѣшимаго знанія по инстинктивной интуиціи. Обезьяны и другія животныя, перевезенныя въ отдаленныя отъ мѣста ихъ родины страны, утрачивали способность различать полезныя и вредныя яства среди растеній и плодовъ, не встрѣчавшихся ихъ предкамъ или имъ самимъ на ихъ родинѣ, поѣдали все и погибали отъ отравленія. Нельзя же предположить, что въ этихъ случаяхъ непогрѣшимость интуитивнаго знанія процесовъ собственнаго пищеваренія животныя утрачивали въ путешествіяхъ.

Далѣе д-ръ Гартманнъ приводитъ многочисленные примѣры непогрѣшимыхъ знаній, погрѣшимость которыхъ извѣстна каждому, имѣвшему дѣло съ вопросомъ. Но замѣчательнѣе всего его удивленіе передъ тѣмъ, какъ самецъ узнаетъ свою самку. Дѣйствительно, вѣдь надо мало того, что знать себѣ подобныхъ, никогда не видѣвши самого себя въ зеркалѣ, но надо знать еще и отличительные признаки своей самки, иногда совсѣмъ на самца не похожей, надо знать анатомію самки. Гартманнъ съ восторгомъ и удивленіемъ описываетъ это врожденное знаніе у нѣкоторыхъ видовъ животныхъ.

Мы считаемъ себя обязанными пополнить списокъ явленій, достойныхъ возбудить такое же удивленіе. Животныя дѣйствительно всегда узнаютъ не только свою самку, но всякое другое животное одного съ ними вида при полномъ даже отсутствіи внѣшняго сходства.

Датскій догъ, увидя въ первый разъ болонку, никогда не принимаетъ ее за змѣю, за зайца или за медвѣдя. Мало того, неодушевленные предметы узнаютъ другъ друга, и ежели мы, желая добыть немножко водорода, нальемъ въ пробирку съ цинкомъ вмѣсто сѣрной кислоты — баварскаго пива, реакція не произойдетъ, такъ какъ реактивы эти имѣютъ иныя другъ къ другу отношенія, тогда какъ сѣрная кислота и цинкъ всегда и безошибочно узнаютъ другъ друга и тотчасъ же соединяются, какъ только приходятъ въ соприкосновеніе. Но даже, и не соприкасаясь, на разстояніи всѣ мертвыя тѣла узнаютъ другъ друга до мельчайшихъ подробностей, точно оцѣнивая масу, и кромѣ того на такихъ громадныхъ

*) Ежели только дѣйствительно глотаніе ершей можетъ причинить какой-либо вредъ пищеварительнымъ апаратамъ щуки, въ чемъ можно сомнѣваться, такъ какъ другія рыбы (напримѣръ, налимъ) благополучно проглатываютъ и перевариваютъ ершей и мнѣ приходилось видѣть ершей въ желудкахъ налимовъ.

разстояніяхъ, на какихъ никогда самцы не узнаютъ своихъ самокъ. Земля всегда узнаетъ солнце и вертится только около него, никогда не ошибаясь и не бросаясь вертѣться вокругъ какого-нибудь ночника или хотя бы вокругъ спутника Марса. Каждое химическое тѣло, каждый матерьяльный атомъ, существующій въ мірѣ, всегда и вездѣ узнаютъ другъ друга, и едва ли кому-нибудь придетъ въ голову удивляться непогрѣшимости ихъ знаній тамъ, гдѣ надо искать еще болѣе удивительныхъ и болѣе естественныхъ законовъ природы.

Точно такъ же, какъ и при мнимомъ узнаваніи пищи, видъ, запахъ или иное раздраженіе, исходящее отъ самки, должны вызывать влеченія, которыя и обусловливаютъ опредѣленныя сознательныя дѣйствія самцовъ высшихъ животныхъ, или же эти спеціальныя раздраженія непосредственно вызываютъ рядъ движеній чисто рефлекторныхъ у менѣе развитыхъ организмовъ. Изъ всего упомянутаго Гартманнъ выводитъ такое заключеніе. „Мы установили слѣдующія истины, говоритъ онъ:—Инстинктъ не есть слѣдствіе сознательной самой по себѣ(?) воли, ни слѣдствіе строенія организма, ни проявленіе механизма, зависящаго отъ мозговой организаціи, ни проявленіе механизма разумнаго и безжизненнаго(?), который былъ бы извнѣ внесенъ(?) въ индивида, не будучи внутреннею сущностью его существа (l'essence intime de son être)".

Мы уже разсмотрѣли основы всѣхъ этихъ положеній, а послѣднее „съ внутреннею сущностью существа" имѣетъ слишкомъ трансцендентальный характеръ и не можетъ быть рѣшено на основаніи доступныхъ наблюденію фактовъ природы.

Въ очевидный ущербъ своей философіи д-ръ Эдуардъ фонъ-Гартманнъ кончаетъ главу объ инстинктѣ словами Шеллинга: „Между самыми значительными феноменами природы для всякаго мыслящаго ума являются инстинкты животныхъ. Они могутъ служить самымъ чувствительнымъ пробнымъ камнемъ для распознаванія истинной философіи".

В. Вундтъ. Основанія физіологической психологіи. Москва. 1881 г. Томъ II, стр. 882 и слѣд. „Психологическая теорія прирожденныхъ животныхъ побужденій или такъ-называемыхъ инстинктовъ колеблется между двумя крайностями. По одному изъ этихъ возрѣній животное рождается уже съ готовыми представленіями, относящимися къ области его инстинкта. Птица рождается съ образомъ гнѣзда, которое она будетъ впослѣдствіи вить, пчела съ образомъ ячейки, которую она современемъ построитъ. Противоположная теорія смотритъ на инстинктивныя дѣйствія, какъ на продуктъ индивидуальнаго опыта, причемъ животное дѣйствуетъ, будто бы, или по собственному соображенію, или по примѣру другихъ особей своего вида. Ошибка той и другой теоріи заключается въ томъ, что обѣ онѣ сводятъ инстинктъ на познаніе; первая теорія считаетъ это познаніе врожденнымъ, вторая—пріобрѣтеннымъ".

О врожденныхъ познаніяхъ довольно ясно высказались противники и критики Канта, да и самъ Кантъ, считавшій врожденными только самыя общія идеи, не могъ бы допустить врожденныхъ представленій гнѣзда, ячейки или половыхъ отправленій. Познанія же, пріобрѣтенныя индивидуумомъ, составляютъ сущность его ума, а не инстинкта. Далѣе справедливо говоритъ знаменитый психологъ:

„Непосредственная причина инстинктивныхъ дѣйствій не можетъ заключаться въ унаслѣдованныхъ представленіяхъ, лежащихъ въ сознаніи уже готовыми.

„Во-первыхъ, такія представленія сами по себѣ нисколько не объяснили бы инстинктивнаго дѣйствія, которое останется совершенно непонятнымъ, если не принять особаго побужденія къ нему. Во-вторыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы видимъ инстинктивное побужденіе въ самой первоначальной формѣ, мы не находимъ ничего, что указывало бы на существованіе опредѣленныхъ представленій. Это внутреннее побужденіе, конечно, должно изучаться нами не на животныхъ, а на человѣкѣ".

Влеченіе, какъ мы увидимъ далѣе, не зависитъ вначалѣ отъ представленій, но связывается съ послѣдними въ теченіе индивидуальнаго развитія. Въ послѣдующихъ собственныхъ опредѣленіяхъ В. Вундтъ отожествляетъ инстинктъ съ побужденіемъ, а инстинктивное движеніе съ рефлексомъ.

На стр. 967 читаемъ:

„Подъ названіемъ инстинктивныхъ движеній мы разумѣемъ движенія, обусловленныя побужденіями". . „Побужденія суть состоянія неопредѣленнаго стремленія или отвращенія, при которыхъ существующее чувство удовольствія или не-

удовольствія выражается въ тѣлесныхъ движеніяхъ"... „Мы должны считать эти движенія зависящими отъ унаслѣдованной организаціи механическимъ результатомъ внѣшнихъ чувственныхъ раздраженій, которыя въ то же время пробуждаютъ чувство" (?).

На стр. 885 „При пробужденіи побужденій внѣшними чувственными раздраженіями приходятъ въ дѣйствіе уже вполнѣ готовые механизмы".

Далѣе на стр 967 нѣсколько условно: „Слѣдовательно, съ своей физической стороны (?) инстинктивныя движенія суть движенія рефлективныя".

На стр. 886 тоже еще условнѣе: „Чѣмъ проще проявленія инстинкта, тѣмъ болѣе приближаются они къ рефлективному движенію". Но, очевидно, сознавая слабость отожествленія инстинкта съ рефлексомъ, авторъ категорически заявляетъ (на стр. 886): „Рефлексъ собственно есть идеальная (?) исходная точка инстинкта".

И въ дальнѣйшемъ поясненіи этого В. Вундтъ впадаетъ въ тѣ же самыя противорѣчія, что Роменсъ, Спенсеръ, Бэнъ и др.

„Мы, говоритъ онъ,—не знаемъ ни одного организма, у котораго проявленія побужденій состояли бы только въ рефлекторныхъ движеніяхъ. Даже у простѣйшихъ животныхъ побужденія выражаются дѣйствіями, предполагающими извѣстную степень сознанія(?)

На стр. 967: „Они (инстинктивныя движенія) отличаются отъ обыкновенныхъ рефлексовъ тѣмъ, что сопровождаются (?) сознаніемъ".

Какъ бы оно ни показалось намъ неожиданнымъ, по мнѣнію В. Вундта, сопровождающая инстинктивное дѣйствіе „степень сознанія"—это даже не маленькая доза сужденія, но „психическіе процесы, которые даже въ своей простѣйшей формѣ не могутъ быть объяснены простымъ механизмомъ рефлекса" *).

„Самое простое инстинктивное дѣйствіе есть уже проявленіе воли", читаемъ мы на стр. 967.

И, наконецъ, даже: „Если большинство наблюдателей не желаетъ объяснить инстинктовъ дѣятельностью ума, это не отъ того, чтобы въ строительныхъ инстинктахъ бобра и пчелы или въ общественныхъ инстинктахъ муравьевъ, термитовъ и пр. нельзя было видѣть проявленій ума, но напротивъ—отъ того, что въ нихъ слишкомъ много ума...", который, впрочемъ, авторъ не считаетъ вполнѣ индивидуальнымъ, такъ какъ онъ, по его мнѣнію, даже превосходитъ обыкновенный человѣческій умъ и тоже не можетъ допустить его постороннее происхожденіе, но почитаетъ за фактъ, что: „при всей инстинктивности своихъ дѣйствій животное все-таки опредѣляется индивидуальнымъ опытомъ и нерѣдко явственно проявляетъ извѣстную степень размышленія и предусмотрительности".

В. Вундтъ „Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ". (Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія д-ра Розенбаха. С.-Петербургъ, 1894 г., стр. 398—433).

В. Вундтъ въ своихъ „Лекціяхъ о душѣ человѣка и животныхъ" на тридцати пяти страницахъ, посвященныхъ инстинкту, разбираетъ почти тѣ же вопросы, что и Гартманнъ, очевидно, находясь подъ вліяніемъ идей нѣмецкаго философа, хотя и относится скептически къ его мистицизму. Въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія Вундтъ даетъ намъ три разныхъ и, кажется, несовмѣстимыхъ опредѣленія инстинкта.

I. (Стр. 398). „Движенія, которыя первоначально произошли изъ простыхъ или сложныхъ волевыхъ актовъ, а затѣмъ или въ теченіе индивидуальной жизни, или путемъ наслѣдственной передачи, сдѣлались отчасти или вполнѣ механическими, называются инстинктивными".

II. (Стр. 405): „Мы понимаемъ подъ инстинктивной дѣятельностью такую, которая цѣлесообразна, но не произвольна и совершается отчасти подъ вліяніемъ импульсивнаго влеченія, отчасти въ видѣ рефлекса".

III. (Стр. 419). „Будучи результатомъ влеченія, слѣдовательно волевымъ дѣйствіемъ, инстинктъ, какъ бы далеко мы его не прослѣдили, всегда можетъ быть выводимъ лишь изъ подобныхъ же, хотя и болѣе простыхъ, волевыхъ дѣйствій".

Во второмъ изъ этихъ опредѣленій, Вундтъ говоритъ, что инстинктивная дѣятельность, хотя (?) и цѣлесообразна, но не произвольна, въ третьемъ же, что инстинктъ — необходимо волевое дѣйствіе; такимъ образомъ, инстинкты являются заразъ дѣйствіями непроизвольными и волевыми, безсознательными и

*) Стр. 887.

сознательными, но эти два положенія вполнѣ исключаютъ другъ друга, а слѣдовательно, исключаютъ и всѣ тѣ взгляды и разсужденія, которые къ нимъ приводятъ. Первое опредѣленіе называетъ инстинктивными дѣйствіями: „движенія, которыя первоначально произошли изъ простыхъ или сложныхъ волевыхъ актовъ..." и т. д. Вопросъ о происхожденіи инстинкта еще далеко не рѣшенъ. Дарвинъ допускаетъ одновременно двѣ гипотезы ихъ генезиса и развитія... но во всякомъ случаѣ ранѣе, чѣмъ рѣшать вопросъ о происхожденіи инстинктовъ, необходимо знать, что такое инстинктъ и чѣмъ инстинктивныя дѣйствія отличаются отъ другихъ дѣйствій животныхъ.

Настоящее опредѣленіе Вундта основываетъ объясненіе неизвѣстнаго факта на фактѣ еще менѣе извѣстномъ, болѣе сложномъ, причемъ второй фактъ познается не иначе, какъ черезъ первый.

„Движенія, которыя первоначально произошли изъ простыхъ (?) или сложныхъ волевыхъ актовъ, а затѣмъ въ теченіе индивидуальной жизни сдѣлались... механическими...", обыкновенно принято называть не инстинктивными, а привычными дѣйствіями, привычками или вторичными автоматическими движеніями. Они изслѣдованы и изучены болѣе инстинктовъ, не врождены и могутъ быть нами наблюдаемы на самихъ себѣ и на другихъ во всѣ фазы ихъ развитія и тѣмъ глубоко отъ инстинктовъ отличаются.

Вторичныя автоматическія дѣйствія во всемъ и вполнѣ зависятъ отъ личнаго и сознательнаго опыта, они никогда и ничѣмъ этому опыту предшествовать не могутъ, они вполнѣ индивидуальны, а потому составляютъ особую категорію движеній и ихъ невозможно смѣшивать съ инстинктами, такъ какъ послѣдніе свойственны всѣмъ индивидамъ того же вида или многимъ изъ нихъ и имѣютъ своимъ отличительнымъ признакомъ врожденность.

Всякій волевой актъ — необходимо актъ сознательный, точно такъ же какъ всякій сознательный актъ въ то же время и волевой; а потому опредѣленіе Вундта можно формулировать такъ: движенія, которыя выработались изъ сознательныхъ и путемъ наслѣдственности переданы потомству, какъ безсознательныя, называются инстинктивными.

Допустивши подобное положеніе и считая инстинктивными актами все, что въ дальнѣйшемъ описаніи В. Вундта къ нимъ причисляется, какъ, напр., дѣятельность насѣкомыхъ по охраненію своего будущаго потомства и пр., приходится признать возможными у предковъ современныхъ животныхъ такія странныя психическія способности, какъ предвидѣніе и ясновидѣніе, возможность существованія которыхъ проф. Вундтъ окончательно самъ отвергаетъ. Объявляя, во избѣжаніе надѣленія животныхъ такими чудесными дарованіями, ихъ инстинктивныя дѣйствія безсознательными, т. е. независящими отъ психическихъ способностей индивида, В. Вундтъ переноситъ только причины ихъ отъ умственныхъ способностей современныхъ животныхъ къ тѣмъ же способностямъ давно отжившихъ, т. е. куда-то въ даль, въ неизвѣстное, подобно тому, какъ авторъ философіи безсознательнаго переносъ ихъ изъ міра реальнаго въ міръ трансцендентныхъ существъ.

На стр. 412 читаемъ: „всѣ проявленія инстинктовъ представляютъ въ точномъ смыслѣ слова привычныя дѣйствія", т. е. наслѣдственныя привычки, происходящія отъ первоначально-сознательныхъ дѣйствій. Сосаніе груди новорожденнымъ младенцемъ В. Вундтъ называетъ дѣйствіемъ инстинктивнымъ и прекрасно описываетъ психическую сторону этого автоматическаго процеса, но согласно опредѣленію Вундта пришлось бы заключить, что, ежели современные грудные младенцы исполняютъ актъ сосанія механически, то ихъ предки-младенцы должны были сосать груди своихъ матерей вполнѣ сознательно и произвольно.

Приходится допустить, что наши предки были удивительно умными и энергичными младенцами Или же—что они сосали груди лишь достаточно возмужавъ для сознательнаго и произвольнаго выполненія этого акта и, благодаря глубокомысленной настойчивости въ этомъ, вѣроятно, пріятномъ для нихъ упражненіи, изъ привычки предковъ развился въ теченіе вѣковъ столь полезный для современнаго человѣчества автоматическій инстинктъ младенцевъ. Таковы выводы изъ законовъ и опредѣленій современной психологіи инстинкта.

Исключивши же волевыя дѣйствія предковъ изъ опредѣленія Вундта, получимъ въ остаткѣ только слѣдующее: „движенія отчасти или вполнѣ механическія называются инстинктивными дѣйствіями".

Очевидно, что подобное опредѣленіе указываетъ только на то, что Вундтъ считаетъ инстинктивными дѣйствіями движенія механическія или безсознательныя, т. е. рефлексы, чему противорѣчитъ третье его опредѣленіе, указывающее, что

инстинктъ есть волевое дѣйствіе, которое никогда не могло быть инымъ, и, выраженное на стр. 400, мнѣніе, по которому слѣдуетъ признать, что во всякомъ инстинктивномъ дѣйствіи можно замѣтить вліяніе разума животнаго, т. е., что всѣ инстинктивныя дѣйствія сознательны.

„Такимъ образомъ, заключаетъ проф. Вундтъ цитированное разсужденіе о гусеницѣ ночного павлиньяго глаза: инстинктивныя дѣйствія не могутъ объясняться ни сознательнымъ размышленіемъ, ни индивидуальными асоціаціями, подобное объясненіе требуетъ невозможнаго предвидѣнія. Но и противоположная гипотеза, еще недавно защищаемая Спенсеромъ, по которой всѣ инстинктивныя дѣйствія разсматриваются, какъ сложныя рефлекторныя движенія, соразмѣрныя съ закономъ физической организаціи, также не выдерживаютъ критики".

„Дѣйствительно, говоритъ проф. Вундтъ на стр. 402,—выдѣленіе шелка гусеницей, паутины паукомъ, воска пчелой физически такъ же необходимы, какъ всякія физіологическія отдѣленія. Но какъ же объяснить обработку этихъ веществъ послѣ ихъ выдѣленія столь опредѣленнымъ искуснымъ способомъ? (?)". Мы предполагаемъ, что безсознательную обработку выдѣленій можно объяснить такъ же, какъ объясняется безсознательная обработка пищи внутри организма, посредствомъ пережевыванія ея коренными зубами и сдабриванія ея слюною, затѣмъ препровожденіемъ въ реторту желудка... Неужели же цѣлесообразные автоматическіе процесы организма понятны намъ только тогда, когда они совершаются во внутренностныхъ органахъ, скрытыхъ отъ нашего взора, и становятся тотчасъ же необъяснимыми, какъ только будутъ нами замѣчены въ дѣятельности органовъ внѣшняго приспособленія?

Обработка насѣкомыми своихъ выдѣленій вполнѣ подобна органической обработкѣ пищи, акты для охраненія яицъ вполнѣ сходны съ внутри-утробными актами, имѣющими цѣлью охраненіе и питаніе плода; всѣ эти органическіе процесы безсознательны и различаются между собою только тѣмъ, что одни изъ нихъ доступны нашему зрѣнію, а другіе ему не доступны; а потому акты эти могутъ быть совсѣмъ не инстинктивными. „Организація можетъ пояснить лишь вещество, а не форму, которая есть продуктъ работы", говоритъ Вундтъ. Вещество, а не форму?. но что же такое это вещество, какъ не форма? Вѣдь, многіе химики признаютъ возможность происхожденія всѣхъ элементовъ отъ одного основного, а слѣдовательно всякое тѣло, всякое вещество, можетъ быть, есть только форма одного основного вещества—матеріи; а матерія есть, быть можетъ, лишь форма движенія, какъ основательно могутъ предполагать это физики.

Наконецъ, ежели признать формою нѣчто болѣе чувственное, болѣе наглядное, то почему же организація не можетъ пояснить формы и не можетъ ее требовать или производить? Организація обусловливаетъ не только вещество, но и форму его, хотя мы и не видимъ въ этихъ двухъ словахъ существенной разницы. Организація требуетъ формы будучи сама только формою. Птицы несутъ яйца опредѣленной формы и всѣ животныя производятъ дѣтей чрезвычайно сложной и строго опредѣленной формы, обусловленной единственно ихъ собственною организаціею.

Наконецъ, даже всѣ органическіе процесы сводятся къ выработкѣ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ формъ вещества, и ежели организація животныхъ не поясняетъ намъ нѣкоторыхъ формъ, то это еще не значитъ, что формы эти не зависятъ отъ организаціи, а значитъ только то, что мы недостаточно хорошо знаемъ организацію животныхъ и всѣ ея функціи.

Второе опредѣленіе таково: „Мы понимаемъ подъ инстинктивной дѣятельностью такую, которая цѣлесообразна, но не произвольна и совершается отчасти въ видѣ импульсивнаго влеченія, отчасти въ видѣ рефлекса".

Инстинктивная дѣятельность цѣлесообразна, но не произвольна?.. и этимъ она отличается, по мнѣнію проф. Вундта, отъ всякой другого рода дѣятельности животныхъ?

Но, спросимъ опять, какая же непроизвольная дѣятельность не цѣлесообразна? дѣятельность ли органовъ кровообращенія, выдѣленія ли разныхъ железъ, дѣятельность ли желудка или нервной системы? внутренняя ли органическая дѣятельность или внѣшняя рефлекторная? всѣ они не произвольны, но какая же изъ нихъ не цѣлесообразна? Питаніе организма, ростъ его, возобновленіе тканей, движеніе соковъ, химическіе процесы, процесы физическіе и механическіе, процесы размноженія или развитія плода, оборонительные рефлексы, агресивные, точно такъ же какъ сложные рефлексы и координированныя автоматическія движенія, всѣ эти непроизвольныя движенія организма въ высшей степени цѣлесообразны и не могутъ быть даже мыслимы нецѣлесообразными, ибо какое животное могло бы жить на землѣ, ежели его непроизвольныя движенія были бы не цѣлесообразны?

Можемъ ли мы вообразить себѣ живой организмъ, движеніе пищеварительныхъ органовъ котораго не способствовало бы питанію его организма и не переваривало бы поглощенную пищу, а только засоряло бы ею внутренности? железы котораго выбрасывали бы наружу, необходимые для жизненныхъ процесовъ, соки или выдѣляли внутрь яды, разрушающіе организмъ? сердце котораго, сокращаясь въ ритмическихъ движеніяхъ, не разсылало бы питательныхъ соковъ къ каждой клѣткѣ, а раздувало бы только артеріи, наполняя ихъ, напримѣръ, сѣроводородомъ, безъ всякой цѣли и смысла, въ то время, какъ рефлексы не служили бы для охраненія организма отъ внѣшнихъ разрушительныхъ вліяній или цѣлямъ сближенія организма съ объектами сохраняющими и поддерживающими его жизнь, но безцѣльно раздирали бы тѣло животнаго на мелкіе клочья, подвергая его вліянію внѣшнихъ разрушительныхъ силъ, тогда какъ координированныя движенія, не обладая цѣлесообразностью, превратились бы въ отвратительныя безсмысленныя судороги, напрасно утомляющія и изнуряющія организмъ, причиняя животному только страданія? Можемъ ли мы вообразить себѣ такой живой организмъ, непроизвольныя движенія котораго были бы не цѣлесообразны? Можемъ ли мы допустить возможность такихъ нецѣлесообразныхъ нормальныхъ движеній? Конечно, нѣтъ!.. А ежели мы не можемъ допустить нецѣлесообразности въ непроизвольныхъ движеніяхъ нормальнаго организма, то мы не можемъ, во-первыхъ, противопоставлять этихъ двухъ понятій, т. е. формулировать выраженіе: „цѣлесообразная, но не произвольная дѣятельность“, не можемъ, во-вторыхъ, считать подобнаго противоположенія особымъ видомъ непроизвольной дѣятельности и называть ее инстинктомъ, въ отличіе отъ всякой другой непроизвольной дѣятельности, какъ будто бы нецѣлесообразной.

Такимъ образомъ, первая часть этого опредѣленія заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, недоразумѣніе и, во-вторыхъ—инстинкта не опредѣляетъ; и все, что можно вынести изъ нея, это только то, что въ данномъ случаѣ В Вундтъ считаетъ инстинктивную дѣятельность непроизвольною.

Вторая часть этого опредѣленія утверждаетъ, что эта непроизвольная инстинктивная дѣятельность „совершается отчасти подъ вліяніемъ импульсивнаго влеченія, отчасти въ видѣ рефлекса“.

Едва ли можно видѣть иную разницу между непроизвольнымъ, импульсивнымъ дѣйствіемъ и рефлексомъ, кромѣ той, что импульсивное дѣйствіе разсматривается какъ ненормальный рефлексъ, процесы котораго могутъ пасивно созерцаться неучаствующимъ въ немъ сознаніемъ; т. е. какъ рефлексъ патологическій, и только поэтому нецѣлесообразный. Никто, конечно, не согласится причислить инстинктивныя дѣйствія къ явленіямъ патологическимъ, къ болѣзненнымъ рефлексамъ.

Выраженіе: „Непроизвольное дѣйствіе, совершаемое подъ вліяніемъ импульсивнаго влеченія“, очевидно, ничѣмъ не отличается отъ общепринятаго термина—импульсивное дѣйствіе.

Крафтъ-Эбингъ называетъ импульсивныя дѣйствія мимовольными.

„Поступокъ, говоритъ онъ, является при этомъ, какъ въ глазахъ виновника, такъ и свидѣтелей, немотивированнымъ и потому непонятнымъ, онъ удивляетъ и смущаетъ самого виновника“.

„Дѣйствіе представляется какимъ то органическимъ насиліемъ, вытекающимъ изъ безсознательной области мышленія, похожимъ на судорогу въ области психомоторной...“

„Въ самомъ дѣлѣ, эти импульсивныя, мимовольныя дѣйствія встрѣчаются только при состояніи помѣшательства, зависящаго отъ психическаго вырожденія“ *)... тогда какъ инстинкты проявляются не только у однихъ помѣшанныхъ на почвѣ вырожденія, но главнымъ образомъ у всѣхъ вполнѣ нормальныхъ индивидовъ, у вырождающихся же, наоборотъ, они часто являются извращенными, ослабленными или совсѣмъ утраченными. А потому мы думаемъ, что инстинктивныя дѣйствія не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствіями импульсивными, въ которыхъ сознаніе является совершенно пасивнымъ и удивляющимся постороннимъ зрителемъ, лишеннымъ даже возможности заниматься другимъ какимъ либо дѣломъ во время исполненія организмомъ импульсивныхъ непроизвольныхъ и безсознательныхъ движеній, кромѣ объективнаго ихъ созерцанія и удивленія.

Остается заключить, что психологъ сводитъ инстинктъ къ рефлексу: „инстинктивныя дѣйствія непроизвольны и выполняются какъ рефлексъ“.

*) Крафтъ-Эбингъ. Учебникъ Психіатріи, гл. IV, § 2, стр. 112

По третьему опредѣленію инстинктъ—волевое дѣйствіе, слѣдовательно, дѣйствіе сознательное, не автоматическое, не механическое и не рефлексъ.

Но я всегда готовъ защищать третье опредѣленіе В. Вундта, опровергаемое только противорѣчіями другихъ его опредѣленій. В. Вундтъ оканчиваетъ свои разсужденія объ инстинктахъ, причисляя къ нимъ всѣ заученныя и привычныя движенія, даже локомоцію ходьбы или игру на фортепьяно, онъ раздѣляетъ инстинкты на пріобрѣтенные (вторичныя автоматическія движенія) и унаслѣдованные, такъ что инстинкты даже теряютъ свой необходимый характеръ врожденности и всеобщности, и, наконецъ, находитъ существенное различіе между инстинктами человѣка и животныхъ, такъ что человѣкъ пріобрѣтаетъ новый существенный признакъ, отличающій его отъ всякой низшей твари, но, къ сожалѣнію, увы, не въ пользу человѣка

У человѣка, читаемъ на стр. 419, инстинкты представляются привычками, установившимися или путемъ индивидуальнаго упражненія, или благодаря унаслѣдованію отъ прежнихъ поколѣній; у животныхъ же они являются въ видѣ цѣлесообразнаго приспособленія волевыхъ дѣйствій къ жизненнымъ условіямъ .

Слѣдовательно, у человѣка цѣлою групою низшихъ безсознательныхъ функцій болѣе чѣмъ у животныхъ, а у животныхъ болѣе цѣлою групою функцій сознательныхъ или психическихъ. Привычныхъ или заученныхъ автоматическихъ движеній у животныхъ по Вундту не существуетъ... „оставляя въ сторонѣ (почему то) не относящіеся сюда результаты дресировки“ *)... Далѣе же читаемъ: „Какъ послѣдствіе изъ вышеизложенныхъ отношеній вытекаетъ, что въ животныхъ инстинктахъ господствуетъ рефлекторный характеръ“ (??) **)...

Чарльзъ Дарвинъ. „Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора“, гл. VIII. „Происхожденіе человѣка“, т. I, гл. III. и статья „Инстинктъ“.

Чарльзъ Дарвинъ нѣсколько разъ подходитъ къ разрѣшенію вопроса объ инстинктѣ въ разныхъ мѣстахъ извѣстнѣйшихъ трудовъ своихъ, а именно: 1) въ главѣ VIII „Происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора“, озаглавленной—Инстинктъ; 2) во II и III главѣ 1-го тома „Происхожденія человѣка“ и 3) въ особой статьѣ „Инстинктъ“ посмертнаго изданія.

Во всѣхъ этихъ замѣчательныхъ трудахъ своихъ Дарвинъ подходитъ къ вопросу со свойственной ему осторожностью. Тщательно выдѣляя темныя мѣста его, авторъ нигдѣ не разрѣшаетъ на словахъ не разрѣшеннаго на дѣлѣ, очевидно, занятый главнымъ образомъ иными задачами, чѣмъ изслѣдованіе этого психологическаго вопроса.

„Я долженъ предупредить, замѣчаетъ Дарвинъ,—что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до происхожденія душевныхъ способностей, точно такъ же, какъ нѣтъ дѣла и до происхожденія самой жизни. Насъ касаются только разнообразныя проявленія инстинкта и другихъ душевныхъ способностей животныхъ, принадлежащихъ къ одному и тому же классу“.

Это предупрежденіе не помѣшало, однако, великому основателю эволюціоннаго ученія сосредоточить все свое вниманіе на вопросѣ объ измѣненіяхъ инстинкта и на основаніи изученія этихъ измѣненій подарить міру новую теорію происхожденія инстинктовъ путемъ постепеннаго накопленія полезныхъ для вида особенностей организаціи и, зависящихъ отъ нихъ, способностей, а также и закончить главу объ инстинктахъ словами: „Наконецъ, быть можетъ, это и не логическій выводъ, но мое воображеніе гораздо болѣе удовлетворяется, ежели мы разсматриваемъ такіе инстинкты, каковъ инстинктъ молодой кукушки, выбрасывающей своихъ пріемныхъ братьевъ (что, впрочемъ, въ наше время оспаривается), или инстинктъ рабовладѣльческихъ муравьевъ, или поѣданіе личинками наѣздниковъ живыхъ тѣлъ гусеницъ, не какъ спеціально дарованные или созданные инстинкты, но какъ малыя послѣдствія одного, общаго закона, приводящаго къ улучшенію всѣхъ органическихъ существъ,—закона размноженія, измѣненія, выживанія сильнѣйшихъ и гибели слабѣйшихъ“.

Точно такъ же осторожно обходится Ч. Дарвинъ съ задачею опредѣленія инстинкта. „Я не попытаюсь, говоритъ онъ,—дать какое-либо опредѣленіе инстинкта“, и дѣйствительно не даетъ опредѣленія самаго явленія, видя со свойственной ему проницательностью поразительный хаосъ разнообразныхъ и несоизмѣримыхъ фактовъ, фигурирующихъ въ современной наукѣ подъ однимъ общимъ именемъ инстинктовъ; но зато даетъ намъ прекрасное опредѣленіе вульгарнаго

*) Стр. 419.
**) Стр. 420.

понятія, соотвѣтствующаго слову—инстинктъ. Вотъ это опредѣленіе „Дѣйствіе, требующее отъ насъ самихъ опытности, если оно выполняется животнымъ, въ особенности очень молодымъ, безъ всякаго опыта, и если оно совершается многими особями одинаковымъ образомъ, безъ того, чтобы эти особи знали, съ какою цѣлью онѣ что-либо выполняютъ—такое дѣйствіе обыкновенно называютъ инстинктивнымъ". Изъ этого осторожнаго опредѣленія можно все-таки заключить, что, по мнѣнію Дарвина, хотя бы ничѣмъ не доказываемому, инстинктивныя дѣйствія, во-первыхъ, предшествуютъ всякому опыту и, во-вторыхъ, характеризуются отсутствіемъ знанія ихъ цѣли.

Эти два свойства, очевидно, отличаютъ инстинктивное дѣйствіе только отъ дѣйствія сознательнаго, но не отъ рефлекса.

Участвуетъ ли сознаніе въ исполненіи инстинктивныхъ дѣйствій и какова его роль въ данномъ случаѣ—авторъ пока умалчиваетъ и мы не вправѣ заключать, что онъ вполнѣ отрицаетъ возможность такого вмѣшательства на одномъ только томъ основаніи, что, по нашему мнѣнію, всякая сознательная дѣятельность необходимо основана на предшествовавшемъ опытѣ, хотя можетъ обойтись и безъ знанія цѣли самаго дѣйствія, или по крайней мѣрѣ можетъ имѣть цѣлью неизвѣстное намъ ощущеніе, т. е. ближайшее субъективное слѣдствіе, а не конечное или объективное, которое мы, со стороны, почитаемъ истинною цѣлью дѣйствія наблюдаемаго животнаго. Но слѣдующія поясненія Дарвина даютъ намъ право заключить, что онъ на самомъ дѣлѣ считалъ инстинктивныя дѣйствія выполняемыми безсознательно, а сознаніе способнымъ вмѣшиваться въ это выполненіе только въ случаяхъ необходимости видоизмѣненія инстинкта и съ цѣлью этого видоизмѣненія.

„Фредерикъ Кювье, говоритъ онъ,—и многіе изъ старинныхъ метафизиковъ сравнивали инстинктъ съ привычкой; это сравненіе, я думаю, даетъ точное понятіе о душевномъ состояніи, при которомъ выполняется инстинктивное дѣйствіе".. „безсознательно выполняются многія привычныя дѣйствія; въ самомъ дѣлѣ нерѣдко въ прямомъ противорѣчіи съ нашею сознательною волею" .. „Привычки легко сочетаются съ другими привычками"... и „многія другія черты сходства между привычками и инстинктами также могли бы быть указаны"... „Если мы предположимъ, что какое-либо привычное дѣйствіе стало наслѣдственнымъ, а можно показать, что это иногда случается, то сходство между тѣмъ, что первоначально было привычкой, и между инстинктомъ станетъ тѣснымъ до неразличимости". Но Дарвинъ не предполагаетъ, чтобы всѣ инстинкты могли произойти отъ привычекъ, а потому изъ всѣхъ его сопоставленій привычекъ и инстинктовъ мы вправѣ заключить только о „душевномъ состояніи, при которомъ выполняются инстинктивныя дѣйствія", а именно, что они „выполняются безсознательно".

Свою теорію безсознательнаго выполненія инстинктивныхъ дѣйствій Дарвинъ, очевидно, основываетъ главнымъ образомъ на своихъ и чужихъ наблюденіяхъ надъ строительными способностями нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, которыя едва ли заслуживаютъ названія инстинктовъ и, быть можетъ, дѣйствительно представляютъ лишь рядъ автоматическихъ безсознательныхъ процесовъ, подобныхъ обыкновеннымъ органическимъ непроизвольнымъ движеніямъ, но когда рѣчь заходитъ объ инстинктахъ животныхъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени развитія и психическія свойства которыхъ намъ болѣе понятны или извѣстны, то Дарвинъ отказывается отрицать участіе сознанія въ выполненіи инстинктивныхъ дѣйствій—онъ признаетъ даже „небольшую примѣсь соображенія или разсудка", которая въ выполненіи инстинктивныхъ дѣйствій „часто играетъ роль даже у животныхъ, стоящихъ на низкой ступени развитія" *). „Крапивникъ или королекъ, говоритъ онъ **),—гнѣздящійся весьма различнымъ образомъ, обыкновенно старается свить гнѣздо такъ, чтобы оно мало отличалось отъ окружающихъ предметовъ; трудно рѣшить, дѣйствуетъ ли здѣсь умъ или инстинктъ. Вѣроятнѣе приписать это явленіе соображенію".

Трудность, представляемая Дарвину этимъ случаемъ, заключается именно въ способности инстинктовъ приспособляться къ случайнымъ и рѣдкимъ обстоятельствамъ, къ которымъ механизмы рефлекторныхъ движеній, очевидно, приспособлены быть не могутъ, отвѣчая постоянно только на одни и тѣ-же, а потому часто встрѣчающіяся раздраженія и всегда одними и тѣми же, а слѣдовательно, не приспособленными къ случайнымъ условіямъ, движеніями.

*) Происхожденіе видовъ, стр. 265.
**) Инстинктъ, стр. 17.

„Королекъ и водяной дроздъ дѣлали гнѣзда безъ покрышекъ, когда попадали въ укромное мѣсто, гдѣ не боялись нападеній“ *).

„Я не сомнѣваюсь, что умъ и опытъ часто играютъ роль при постройкѣ гнѣздъ“ **).

„Водяныя курочки и лебеди, вьющіе гнѣзда въ водѣ или близъ воды, инстинктивно подымаютъ свои гнѣзда, когда замѣчаютъ, что вода подымается“.

„Искалѣченный паукъ, который не могъ плести паутины, измѣнилъ свои привычки и сталъ гоняться за добычею“ ***).

Возможность этого факта, впрочемъ, оспаривается г. В Вагнеромъ, хотя это нисколько не видоизмѣняетъ возрѣній Дарвина на природу инстинкта.

„Одинъ видъ паука жадно хватаетъ маленькій шарикъ хлопчатой бумаги, если лишить его яицъ, которыя лежатъ въ шелковомъ коконѣ, но если предстоитъ выборъ, паукъ всегда возьметъ свои яйца и при томъ его можно обмануть только одинъ разъ: соображеніе исправляетъ свою ошибку“.

Быть можетъ, и многія другія инстинктивныя дѣйствія животныхъ мы часто склонны считать безсознательными только на томъ основаніи, что любимъ умалять психическую жизнь животныхъ, а внутреннія проявленія сознанія намъ слишкомъ мало доступны въ животныхъ, особенно, ежели ихъ строеніе и жизнь представляютъ мало аналогіи съ нашею жизнью и со строеніемъ нашего собственнаго тѣла.

Можно привести масу фактовъ, упоминаемыхъ Дарвиномъ, которые противорѣчатъ его положенію о томъ, будто бы инстинктивныя дѣйствія предшествуютъ всякому опыту, т. е. не нуждаются ни въ знаніи, ни въ обученіи.

Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

„Молодыя животныя попадаются въ западни гораздо легче старыхъ и гораздо ближе подпускаютъ къ себѣ непріятеля“.

„Обезьяны, какъ мы знаемъ, умѣютъ отличать ядовитые плоды, которыми изобилуютъ тропики, между тѣмъ какъ человѣкъ не имѣетъ этой способности. Но съ другой стороны извѣстно, что наши домашнія животныя, перевезенныя въ чужіе края, выйдя въ первый разъ весной, часто ѣдятъ ядовитыя травы, которыхъ впослѣдствіи избѣгаютъ“ ****) и т. д.

Но, впрочемъ, и самъ Дарвинъ предупредительно замѣчаетъ, что „ни одинъ изъ признаковъ“ инстинкта, данныхъ въ его опредѣленіи, „не обладаетъ всеобщностью“.

Итакъ, не только само явленіе, но даже понятіе—инстинктъ, по сознанію геніальнѣйшаго изъ зоологовъ нашего вѣка, остается туманнымъ и „неопредѣленнымъ“, полнымъ всякихъ противорѣчій и ничего точнаго не обозначающимъ.

Хотя Дарвинъ и не далъ намъ полной теоріи инстинкта и точнаго его опредѣленія, но этотъ замѣчательный мыслитель все-таки успѣлъ пролить много свѣта на запутанный вопросъ, далъ масу цѣнныхъ указаній, примѣровъ, двѣ теоріи происхожденія инстинктовъ и сгруппировалъ цѣлый рядъ фактовъ, освѣтивъ ихъ своею трезвою и проницательною мыслью. Чрезвычайно цѣнны для насъ разсужденія Дарвина объ инстинктѣ въ двухъ главахъ его: „Происхожденія человѣка“ *****), почти все содержаніе которыхъ касается даннаго вопроса.

Многіе приписываютъ Дарвину возрѣніе на инстинктъ какъ на чисто механическое движеніе, лишенное всякой сознательности или воли; вышеприведенными примѣрами такое мнѣніе отчасти уже опровергнуто, внимательное же изученіе двухъ указанныхъ главъ сочиненія Дарвина можетъ окончательно довершить это опроверженіе. Я думаю, что нельзя приписать Дарвину чисто механическаго возрѣнія на инстинктъ только благодаря такимъ его мнѣніямъ, какъ, напримѣръ, слѣдующія: „Болѣе сложные инстинкты развились, повидимому, независимо отъ ума“. Или: „Я, впрочемъ, весьма далекъ отъ желанія отрицать, что инстинктивныя движенія могутъ утратить свой опредѣленный и неволевой характеръ“.

Или:.. „Нѣкоторыя обдуманныя дѣйствія, будучи повторяемы нѣсколькими поколѣніями, превращаются, наконецъ, въ инстинкты“ ******)...

Или:... „Мы легко можемъ ошибиться въ оцѣнкѣ умственныхъ способностей

---

*) Инстинктъ, стр. 17.

**) Тамъ же, стр. 18.

***) Тамъ же, стр. 21.

****) Происхожденіе человѣка, т. I, гл. II.

*****) „Происхожденіе человѣка“ Ч. Дарвина. Переводъ подъ ред. Сѣченова, т. I, гл. II и III, стр. 31—117.

******) Происхожденіе человѣка, стр 35.

высшихъ животныхъ и въ особенности человѣка, если будемъ сравнивать ихъ дѣйствія, основанныя на воспоминаніи прошедшихъ событій, на дальновидности, разсудкѣ и воображеніи, съ совершенно сходными дѣйствіями, совершаемыми инстинктивно низшими животными. Въ послѣднемъ случаѣ способность къ такимъ дѣйствіямъ была пріобрѣтена шагъ за шагомъ, путемъ видоизмѣняемости мозговыхъ органовъ и естественнаго подбора, безъ всякаго сознательнаго разсужденія со стороны животнаго въ каждомъ послѣдующемъ поколѣніи *).

„Онъ (человѣкъ) долженъ выучиться своей работѣ посредствомъ упражненія; напротивъ того—бобръ въ состояніи сдѣлать себѣ плотину или прорыть каналъ, а птица свить свое гнѣздо такъ же, или почти такъ же хорошо при первой попыткѣ, какъ и послѣ многолѣтняго опыта“ **). Изъ однихъ этихъ положеній было бы слишкомъ поспѣшно заключать о томъ, что Дарвинъ отрицаетъ участіе сознанія и воли въ исполненіи инстинктивныхъ актовъ животными. Мы можемъ привести столько же или даже болѣе цитатъ, ясно доказывающихъ, что Дарвинъ считаетъ это участіе возможнымъ, и нѣсколько цитатъ, гдѣ онъ признаетъ его даже необходимымъ или же постоянно наблюдаемымъ.

Такъ, напримѣръ, на стр. 33 „Происхожденія человѣка“ читаемъ: „У человѣка и животныхъ существуетъ кромѣ того нѣсколько общихъ инстинктовъ, напр.: чувство самоохраненія, половая любовь, любовь матери къ новорожденному дѣтенышу, способность послѣдняго сосать и т. д.“. Здѣсь, кромѣ послѣдняго случая, инстинкты являются въ видѣ чувствъ и чувствъ, очевидно, вполнѣ сознательныхъ, такъ что дѣйствія, обусловленныя ими, должны быть дѣйствіями произвольными и также сознательными, но не автоматическими и не рефлексами. Точно также инстинктивныя дѣйствія производятся Дарвиномъ отъ психическихъ, т. е. отъ сознательныхъ побужденій или чувствъ, на стр. 83 того же сочиненія:

„Что касается побужденія, заставляющаго животныхъ соединяться обществами и помогать другъ другу, то въ большинствѣ случаевъ его можно объяснить чувствомъ удовольствія или наслажденія, которое они испытываютъ при удовлетвореніи своихъ инстинктовъ, или же чувствомъ неудовольствія, которое остается обыкновенно послѣ неудовлетворенія ихъ“.

„Мы видимъ подобные примѣры очень часто и они особенно поразительны въ пріобрѣтенныхъ инстинктахъ нашихъ домашнихъ животныхъ. Такъ молодая овчарка находитъ величайшее удовольствіе гнать передъ собою стадо овецъ и бѣгать вокругъ него, но никогда не нападаетъ на нихъ; молодая лисья собака любитъ охотиться за лисицей, между тѣмъ какъ другіе виды собакъ, по моему личному наблюденію, не обращаютъ никакого вниманія на лисицъ. Какое сильное чувство внутренняго довольства требуется, чтобы заставить столь подвижныхъ птицъ сидѣть долгіе дни на яйцахъ? Перелетныя птицы тоскуютъ, когда имъ мѣшаютъ улетѣть, можетъ быть потому, что отлетъ въ этотъ долгій путь доставляетъ имъ наслажденіе. Нѣкоторое число инстинктовъ обусловливается непріятными ощущеніями, напр., страхомъ, ведущимъ къ самосохраненію, или направленнымъ преимущественно противъ извѣстныхъ непріятелей“ ***).

Изъ всего этого приходится заключить, что Ч. Дарвинъ, признавая основою инстинктивныхъ дѣйствій сознательныя чувства, не отрицаетъ ихъ произвольности и разумной мотивировки, такъ какъ, ежели животное чувствуетъ наслажденіе при выполненіи инстинктивнаго акта и страданіе при его невыполненіи, то оно, конечно, сознательно стремится къ достиженію этого наслажденія и произвольно выполняетъ инстинктивныя дѣйствія съ цѣлью достичь сознательнаго самоудовлетворенія или удовольствія, которое, по мнѣнію Дарвина, ощущаетъ даже птица, сидя на яйцахъ, ибо сознательная воля не можетъ оставаться пасивною, ежели на нее дѣйствуютъ стимулы такой силы, какъ психическое наслажденіе или страданіе, т. е. счастіе или несчастіе, какъ это называютъ люди.

Такимъ образомъ, проницательный умъ Чарльза Дарвина ясно усматривалъ сознательную природу инстинкта, и, ежели между различными положеніями этого ученаго мы не можемъ не замѣчать нѣкоторыхъ противорѣчій, то они произошли, конечно, не отъ того, что авторъ говорилъ о вещахъ, недоступныхъ его пониманію, но отъ того, что въ одномъ вопросѣ соединялись слишкомъ разно-

*) Тамъ же, стр. 36—37.
**) Происхожденіе человѣка, стр. 37.
***) Происхожденіе человѣка, стр 83—84.

образныя явленія, отъ того, что подъ словомъ инстинктъ по выраженію самого Дарвина—„обыкновенно подразумѣваются различныя, несходныя между собою душевныя дѣятельности“ *)... а ежели дѣятельности эти различны и несходны, то, конечно, и сужденія о нихъ не могутъ быть сходными и однообразными.

В. Вагнеръ. „Вопр. Филос. и Психол.“, кн. 20 и 24. **„Психологическая природа Инстинкта по новымъ даннымъ экспериментальной физіологіи“**.

„Вопр. Фил. и Псих“, № 14 и 15 **„Вопросы зоопсихологіи. Генезисъ Инстинкта“**. **„Научное Обозрѣніе“** 1894 г. №№ 50, 51 и 52. **„Что такое ошибки инстинктовъ“**.

За послѣднее время рядъ интересныхъ статей объ инстинктахъ далъ въ разныхъ журналахъ г-нъ В. Вагнеръ.

Онъ приписываетъ Дарвину и Уолесу взглядъ на инстинкты, какъ на акты вполнѣ безсознательные и всячески защищаетъ такое возрѣніе. О Роменсѣ авторъ говоритъ, что этотъ ученый считаетъ инстинкты актами сознательными и горячо полемизируетъ противъ подобнаго мнѣнія **).

Мы имѣли уже случай выяснить, что какъ Роменсъ, такъ и Дарвинъ склоняются какъ къ тому, такъ и къ другому возрѣнію на инстинкты, а потому взгляды обоихъ ученыхъ не имѣютъ, какъ я полагаю, существеннаго различія.

Г-нъ В. Вагнеръ пытается утвердить свои положенія строго научнымъ экспериментальнымъ путемъ; онъ произвелъ масу весьма интересныхъ опытовъ, а потому и не сомнѣвается въ точности своихъ разсужденій.

Не думая отвергать значеніе экспериментальнаго метода, мы все-таки предполагаемъ, что для правильнаго его примѣненія ему должна бы предшествовать болѣе или менѣе вѣрная гипотеза и точное знаніе того, надъ чѣмъ производятся эксперименты.

Ежели я желаю, съ помощью анатомическаго ножа, изслѣдовать такое психическое явленіе какъ инстинктъ, то предварительно я долженъ отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что я подразумѣваю подъ этимъ терминомъ и хоть приблизительно знать, гдѣ и какія матерьяльныя основы можетъ имѣть въ организмѣ инстинктъ. Въ противномъ случаѣ я буду экспериментировать надъ явленіями, ничего общаго съ задачею не имѣющими, разсѣкать органы животнаго, а не его инстинкты, и смѣшивать въ своихъ умозаключеніяхъ явленія по природѣ своей ни въ чемъ не сходныя.

Предварительная теорія или гипотеза можетъ оказаться правдивой или ошибочной и опытъ, конечно, послужитъ лишь для провѣрки, для подтвержденія или для опроверженія ея. Приступать же къ опытамъ безъ всякой гипотезы—занятіе едва ли цѣлесообразное; а тѣмъ болѣе приступать къ нимъ, не имѣя даже яснаго опредѣленія того понятія, которому должны соотвѣтствовать изучаемые факты.

Ежели мы не умѣемъ точно опредѣлить какого либо понятія, то это значитъ только то, что понятіе это для насъ не ясно, а потому и во внѣшнемъ мірѣ ему не соотвѣтствуетъ какая либо строго опредѣленная група однородныхъ явленій, но разнородные факты, входящіе настолько въ область чуждыхъ имъ явленій, насколько и само понятіе не различается нами отъ другихъ, сливающихся съ нимъ въ одну туманную групу, разнородныхъ понятій. Такимъ образомъ, невозможность опредѣленія происходитъ отъ отсутствія яснаго представленія объ опредѣляемомъ фактѣ и ведетъ неминуемо къ логическимъ ошибкамъ.

Отсутствіе опредѣленія приводитъ къ смѣшенію самихъ явленій. Смѣшеніе явленій, при употребленіи экспериментальнаго метода изслѣдованія, приводитъ къ ошибочнымъ опытамъ надъ явленіями, не принадлежащими къ тѣмъ, которыя должны бы быть изслѣдованы. Опыты надъ несоотвѣтствующими явленіями приводятъ къ ложнымъ заключеніямъ, ошибочнымъ обобщеніямъ и выводамъ. А потому придавать рѣшающее значеніе выводамъ г. В. Вагнера на одномъ только томъ основаніи, что выводы, полученные имъ, выработаны по строго научному методу, изъ цѣлаго ряда прекрасныхъ опытовъ и наблюденій, мы не имѣемъ достаточныхъ основаній, такъ какъ г. В. Вагнеръ не даетъ намъ ни предварительной гипотезы или теоріи инстинкта, ни даже какого либо опредѣленія этого понятія, хотя бы только для временнаго разграниченія области инстинктивныхъ явленій отъ смежныхъ имъ явленій рефлекса и чисто сознательной дѣятельности, а потому мы вправѣ предположить, что и въ экспериментальномъ изслѣдованіи онъ будетъ смѣшивать явленія рефлекса или чисто сознательныя съ явленіями инстинкта и, производя опыты

*) Происхожденіе видовъ, стр. 265.

**) „Вопр. Филос. и Псих.“, кн. 14. стр. 31 и пр. и кн. 20.

надъ первыми, заключать о послѣднихъ и заключать поэтому, конечно, ошибочно. Такія предположенія наши въ дѣйствительности вполнѣ оправдываются.

Г-нъ Вагнеръ производитъ опыты исключительно надъ безпозвоночными, т. е. надъ группою животныхъ, психическая дѣятельность которыхъ почти недоступна нашему наблюденію и изслѣдованію, умственная жизнь которыхъ подвергнута наибольшему сомнѣнію, сознательность которыхъ труднѣе всего доказать и всѣ движенія которыхъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, мы болѣе всего склонны признавать безсознательными.

„Опыты, произведенные мною въ этомъ направленіи, говоритъ г. В. Вагнеръ,— констатируютъ съ полною очевидностью, во-первыхъ, что всѣ тѣ дѣйствія, которыя мы называемъ у нихъ инстинктивными, сохраняются вполнѣ не только послѣ обезглавленія животныхъ, но даже послѣ перерѣзки ихъ на нѣсколько частей"...

Изъ этого, однако, можно было бы, пожалуй, заключить, что „дѣйствія, которыя мы называемъ инстинктивными" совсѣмъ не инстинктивны и ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ рефлексовъ, опыты надъ проявленіемъ которыхъ и производилъ г. Вагнеръ, предполагая, что изучаетъ инстинкты. Но въ опытахъ своихъ, кромѣ сложныхъ рефлексовъ, не болѣе, впрочемъ, удивительныхъ, чѣмъ знаменитые рефлексы обезглавленной лягушки, авторъ наблюдаетъ проявленія сознательной дѣятельности у отдѣленнаго абдомена (брюшныхъ колецъ) многоножки абдоменъ этотъ, по увѣренію г. В. Вагнера, дѣлаетъ опыты, размышляетъ и дѣлаетъ выборъ того или другого дѣйствія; абдоменъ, продѣлавъ одинъ разъ извѣстныя „манипуляціи", ознакомляется съ ними настолько, что во второй разъ тратитъ на нихъ уже значительно менѣе времени и т. д.

„Едва ли можно сомнѣваться поэтому, что мнѣніе, по которому психическую дѣятельность низшихъ животныхъ мы можемъ оцѣнить или только по аналогіи съ нашей душевною дѣятельностью, или никакъ не оцѣнивать, рѣшительно ложно"...*)

Всѣ эти опыты, безъ сомнѣнія, очень интересны и способны пролить много свѣта на нервныя отправленія безпозвоночныхъ животныхъ, но вопросу объ инстинктѣ они останутся чужды до того времени, пока мы точно не узнаемъ, что такое дѣйствительный инстинктъ, что такое рефлексъ и что такое сознательное дѣйствіе у нормальнаго, у цѣльнаго животнаго, психологію абдомена котораго мы желаемъ изучить. Цѣлый рядъ прекрасныхъ наблюденій приводитъ, наконецъ, г. В. Вагнера къ слѣдующимъ 6-ти ошибочнымъ заключеніямъ, которыя мы и разсмотримъ каждое въ отдѣльности:

1) „Сложность актовъ, къ которымъ оказываются способными безпозвоночныя животныя послѣ декапитаціи, не даетъ намъ права считать эти акты рефлекторными" **). Сложность, конечно, понятіе относительное, и ежели г-ну В. Вагнеру угодно признавать рефлексы актами менѣе сложными, чѣмъ инстинкты, то ему слѣдовало бы поточнѣе опредѣлить, въ чемъ именно заключается эта особаго рода сложность, разграничивающая, по его мнѣнію, явленія второго разряда отъ первыхъ. Мы должны, конечно, признать всякій рефлексъ болѣе или менѣе сложнымъ; въ простомъ глотательномъ движеніи человѣка принимаютъ участіе въ опредѣленной послѣдовательности болѣе 30-ти различныхъ мускуловъ, иныя же рефлекторныя движенія достигаютъ такой чрезвычайной сложности, что въ ней не можетъ разобраться, какъ слѣдуетъ, современная физіологія, а гдѣ именно граница сложности рефлекса и начало сложности инстинкта, это, очевидно, никому до сихъ поръ неизвѣстно.

2) „Способности производить сложные, повидимому (?), сознательные акты могутъ быть (?) несомнѣнно наслѣдственными и стоящими внѣ какой-либо связи и зависимости отъ личнаго опыта и наблюденія, изъ чего слѣдуетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ дѣйствіями инстинктивными".

По этому второму положенію г. В. Вагнера оказывается, что онъ называетъ инстинктивными дѣйствіями такія, которыя, во-первыхъ, отличаются отъ рефлексовъ—сложностью, во-вторыхъ, повидимому (только повидимому) сознательны, въ-третьихъ, что они наслѣдственны и предшествуютъ личному опыту и наблюденію. Изслѣдованныя авторомъ у безпозвоночныхъ способности „могутъ быть несомнѣнно наслѣдственными и стоящими внѣ какой-либо связи и зависимости отъ личнаго опыта и наблюденія, изъ чего слѣдуетъ (неизвѣстно почему), что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ дѣйствіями инстинктивными" (?). Первое положеніе мы уже разобрали, третье, очевидно, страдаетъ отсутствіемъ логической обоснованности и кромѣ того ничего не доказываетъ, такъ какъ и рефлексы не только мо-

*) „Вопр Философ. и Псих.", кн. 20, стр. 65.

**) „Вопр. Фил. и Псих.", кн. 24, стр. 359.

гутъ быть наслѣдственными и предшествовать личному опыту, но даже всегда таковы. Остается второе, по которому инстинкты являются дѣйствіями повидимому сознательными,—опредѣленіе странное въ наукѣ. Интересно бы знать, въ чемъ заключается это „повидимому“ и для всѣхъ ли наблюдателей оно одинаково убѣдительно, ибо часто, что для одного „повидимому“ сознательно, то для другого „повидимому“ безсознательно и, во-вторыхъ, ежели такое „повидимому“ сознательное движеніе имѣетъ въ себѣ хоть одинъ истинный признакъ дѣйствительно сознательнаго движенія, то оно несомнѣнно такое и есть, если же оно не имѣетъ ни одного истиннаго признака сознательнаго движенія, то оно не должно быть и „повидимому“ сознательнымъ движеніемъ для человѣка, который смотритъ на дѣло безъ предубѣжденій.

Къ сожалѣнію, г-нъ Вагнеръ не объясняетъ вовсе, что онъ подразумѣваетъ подъ страннымъ терминомъ „повидимому“ сознательныхъ актовъ, и мы склонны предположить, что его, какъ и многихъ другихъ, привела въ смущеніе цѣлесообразность, замѣченная имъ только въ нѣкоторыхъ движеніяхъ животныхъ.

Такое наше предположеніе подтверждается третьимъ выводомъ г-на Вагнера.

3) Хотя эти инстинктивные (?) акты и кажутся сознательными при наблюденіи животныхъ въ нормальныхъ условіяхъ, они, однако, не могутъ быть признаны таковыми вслѣдствіе того, что повторяются безъ измѣненія и послѣ декапитаціи, когда поражаютъ наблюдателя своею безсмысленностью и безполезностью, какъ раньше поражали кажущимся пониманіемъ цѣли и способностью производящихъ эти акты животныхъ къ умозаключенію. (?)

Въ началѣ статьи своей г. В. Вагнеръ утверждаетъ, что наблюденія надъ обезглавленными или перерѣзанными на нѣсколько частей безпозвоночными убѣждаютъ его въ томъ, что „въ смыслѣ разсѣянія психической жизни безпозвоночныя идутъ гораздо далѣе самыхъ низшихъ позвоночныхъ“, т. е. очевидно, что эта „психическая жизнь“ заключается у нихъ не въ однихъ переднихъ или головныхъ нервныхъ узлахъ, но разсѣяна на всемъ протяженіи ихъ организма потому, что проявляется при обезглавленіи животнаго и даже при перерѣзкѣ его на части, здѣсь же г-нъ Вагнеръ заявляетъ категорически, что не можетъ признать этихъ актовъ „психической жизни“ сознательными, такъ какъ они наблюдаются при декапитаціи животнаго, а потому называетъ ихъ инстинктами.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что г-нъ Вагнеръ называетъ инстинктами акты „психической жизни“, которые не могутъ быть сознательными. По общепринятой же терминологіи психическая жизнь есть, безъ сомнѣнія, жизнь сознательная и тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія, нѣтъ, конечно, и психической жизни. Кромѣ того, ежели г-нъ Вагнеръ допускаетъ возможность разсѣянія „психической жизни“ у безпозвоночныхъ, то интересно, на какомъ основаніи онъ отрицаетъ возможность разсѣянія у нихъ сознанія и почему онъ настолько увѣренъ въ невозможности такого разсѣянія, которое, кажется, должно бы сопутствовать разсѣянію „психической жизни“, что даже безъ колебанія объявляетъ и „повидимому сознательныя дѣйствія“ вполнѣ безсознательными? Вмѣсто выясненія такого страннаго отношенія сознанія къ психической жизни г-нъ Вагнеръ предпочелъ безъ доказательствъ и лишнихъ разсужденій лишить свою загадочную „психическую жизнь“ сознанія и въ силу такой ея загадочности назвать ее инстинктомъ, ибо другой причины для такого пониманія найти невозможно.

А потому и оказывается по смыслу терминологіи г-на Вагнера, что инстинктъ — это загадочная и безсознательная психическая жизнь, наблюдаемая, напр., у абдомена многоножки. Мы вовсе не утверждаемъ, что чудесный абдоменъ этотъ обладаетъ сознаніемъ и гораздо болѣе склонны приписать его движенія рефлексамъ, хотя вполнѣ предоставляемъ рѣшить этотъ вопросъ спеціалистамъ.

Мы не можемъ только согласиться съ г-номъ Вагнеромъ въ томъ, что ежели движенія повторяются послѣ декапитаціи, когда поражаютъ наблюдателя своею безсмысленностью (?) и безполезностью, то будто бы этого „пораженія“ достаточно для полнаго доказательства ихъ дѣйствительной безсознательности, особенно же ежели признать найденное г. Вагнеромъ „разсѣяніе психической жизни“.

Дѣйствительно, декапитація, въ такомъ случаѣ, не можетъ быть признана доказательствомъ безсознательности и остается только одно пораженіе наблюдателя безсмысленностью акта или его безполезностью. „Пораженіе“ же явленіе вполнѣ субъективное, доказывающее, конечно, одно только невѣдѣніе удивленнаго фактомъ наблюдателя, а вовсе не безсознательность самаго факта.

Теперь остаются кажущіяся наблюдателю безсмысленность и безполезность акта...

Ежели допустить, что безсмысленность эта кажется не одному только наблюдателю, но даже и всѣмъ, кто увидитъ подобные акты, то и тогда мы не имѣемъ никакого основанія считать ее достаточнымъ доказательствомъ ихъ безсознательности.

Неужели же сознательныя движенія не могутъ быть безсмысленными и безполезными? Такія печальныя качества поступковъ случается наблюдать даже у нормальныхъ людей, а не только у отрѣзаннаго абдомена безпозвоночнаго животнаго. Въ патологическихъ же случаяхъ сознательныя движенія человѣка сплошь и рядомъ бываютъ безсмысленны и безполезны, таково, напр., поведеніе пьяныхъ, многія дѣйствія помѣшанныхъ, людей, находящихся въ афектѣ, подъ вліяніемъ страстей, повышенія температуры и пр и вообще во многихъ случаяхъ ненормальной нервной дѣятельности.

Въ данныхъ наблюденіяхъ условія нервной дѣятельности животнаго далеко не нормальны. Экспериментируемое г. Вагнеромъ безпозвоночное не можетъ дѣйствовать такъ же цѣлесообразно и осмысленно, какъ могло бы поступать цѣльное и нормальное животное, декапитація, по утвержденію одного извѣстнаго физіолога, одна изъ труднѣйшихъ для паціента операцій, а потому можетъ нѣсколько разстроить его нервныя функціи. Перерѣзка животнаго на многія части, я думаю, вполнѣ достаточное основаніе для того, чтобы движенія его частей могли быть, повидимому, безсмысленными или безцѣльными даже и въ томъ случаѣ, ежели бы они были вполнѣ сознательными.

4) Въ слѣдующемъ своемъ выводѣ авторъ заявляетъ: „Инстинктивныя дѣйствія безпозвоночныхъ соотвѣтствуютъ чувственно-двигательнымъ актамъ высшихъ животныхъ, а головной мозгъ первыхъ (т. е. безпозвоночныхъ) функціонально аналогиченъ чувственно-двигательнымъ центрамъ вторыхъ (т. е. высшихъ)“... иначе сказать, по просту: головной мозгъ безпозвоночныхъ — это центръ ихъ инстинктивной дѣятельности. Совершенно неожиданное заключеніе, противорѣчащее всему предыдущему. Какъ же это абдоменъ, лишенный центра инстинктивныхъ движеній, проявлялъ, по мнѣнію В. Вагнера, именно инстинктивную дѣятельность?

Въ 5-омъ выводѣ г-нъ Вагнеръ опять въ пику Роменсу утверждаетъ, что между актами инстинктивными и разумными можетъ быть проведена совершенно опредѣленная граница, между инстинктами и рефлексами такой границы провести (будто бы) „безусловно невозможно“... что намъ вполнѣ понятно, ежели г. Вагнеръ имѣлъ въ своихъ опытахъ дѣло съ дѣйствительными рефлексами, которыя почему то упорно называлъ инстинктами.

Въ 6-омъ и послѣднемъ выводѣ г-нъ Вагнеръ обрушивается не только на Роменса, но и „на субъективный методъ изслѣдованія“... „господствующій (будто бы) въ наукѣ“... Но мы видимъ, что „экспериментальный“ методъ г-на Вагнера все-таки принужденъ основываться на такихъ субъективныхъ (хотя и безъ метода) аргументахъ, какъ „повидимому“ сознательныя движенія или „пораженіе“ наблюдателя „безсмысленностью“ актовъ и пр., а потому мы и должны заключить, что методъ экспериментальный самъ по себѣ, безъ содѣйствія хорошаго субъективнаго метода, очевидно, оказывается несостоятельнымъ и ошибки въ выводахъ происходятъ не отъ негодности того или другого метода, а отъ пренебреженія хотя какимъ либо изъ нихъ тамъ, гдѣ они должны дѣйствовать совмѣстно, а также и отъ пренебреженія требованіями діалектическаго метода, отъ отсутствія яснаго понятія или представленія, а потому и предварительнаго опредѣленія явленія, когда требуется подвергнуть его изслѣдованію не только одного ножа, но и разумной мысли человѣческой, имѣющей свои законы, игнорировать которые бываетъ опасно даже и самому ловкому экспериментатору.

Изъ всего этого очевидно, что ранѣе изслѣдованія психологическихъ свойствъ и анатомическихъ основъ инстинкта само понятіе объ инстинктѣ требуетъ болѣе яснаго опредѣленія и точнаго разграниченія со смежными понятіями о рефлексѣ и о чисто сознательной дѣятельности, представленія объ инстинктивныхъ движеніяхъ должны соотвѣтствовать категоріи явленій, выдѣленныхъ въ особую групу благодаря ихъ однородности, безъ чего невозможно никакое изслѣдованіе инстинкта, никакое ученіе о немъ, или даже просто логичное разсужденіе...

Какъ относится инстинктъ къ сознательному дѣйствію и къ рефлексу.

1. Возможны-ли движенія не сознательныя и не рефлекторныя?

Мы видимъ, что путаница въ понятіяхъ, опредѣленіяхъ и теоріяхъ инстинкта происходитъ. главнымъ образомъ, отъ того, что подъ этимъ именемъ подразумѣваются самыя разнообразныя явленія, а именно почти всѣ виды животной дѣятельности, не получившіе до сего времени достаточнаго объясненія. Сюда относятъ:

1) Нѣкоторые изъ „поразительныхъ“ сложныхъ рефлексовъ. 2) Большинство приспособительныхъ актовъ болѣе или менѣе сложныхъ, совершаемыхъ животными, быть можетъ, вполнѣ механически и непроизвольно, подобно тому какъ совершаются всѣ внутренніе автоматическіе органическіе процесы, но только при посредствѣ органовъ внѣшняго приспособленія: къ такимъ актамъ можно, вѣроятно, отнести многія дѣйствія безпозвоночныхъ и низшихъ позвоночныхъ, хотя они почти совсѣмъ еще не изслѣдованы въ отношеніи ихъ сознательности; эти дѣйствія можно разсматривать, какъ сложные рефлексы прекрасный примѣръ которыхъ представляютъ изслѣдованныя Дарвиномъ строительныя работы пчелъ.

3) Сознательныя дѣйствія животныхъ, сознательность которыхъ подвержена сомнѣнію или же отрицается безъ достаточнаго на то основанія.

4) Нѣкоторыя эмоціональныя движенія людей и высшихъ животныхъ, а именно такія ихъ дѣйствія, которыя хотя и совершаются вполнѣ сознательно, но не основываются на чистыхъ требованіяхъ разсудка или разсужденія и даже могутъ имъ часто противорѣчить, а выполняются по внушенію нѣкоторыхъ изъ такъ-называемыхъ внутреннихъ чувствъ и результаты которыхъ имѣютъ важное біологическое значеніе. Кажущуюся цѣлесообразность этихъ движеній легко объяснить ихъ біологическимъ значеніемъ.

И, наконецъ, 5) вторичныя автоматическія движенія или заученныя дѣйствія, которыя представляютъ собою особый видъ пріобрѣтенныхъ сложныхъ рефлексовъ.

Очевидно, что, совмѣстивши всѣ эти пять групъ животной дѣятельности въ одну и давъ ей общее названіе инстинктовъ, мы не придемъ ни къ какому опредѣленному заключенію о признакахъ инстинкта, такъ какъ, особые для каждой групы движеній, признаки слишкомъ разнообразны и несовмѣстимы безъ противорѣчій. Ихъ невозможно соединить въ какой бы то ни было общей теоріи инстинкта.

А потому, мы постараемся выдѣлить изъ всѣхъ этихъ группъ одну такую, которая. не представляя собою чисто сознательныхъ поступковъ или безсознательныхъ рефлексовъ, заслуживала бы названіе инстинктовъ. Только послѣ изслѣдованія фактовъ этой группы, послѣ опредѣленія по этому изслѣдованію законовъ и признаковъ инстинктовъ, можно приступить къ выборкѣ изъ остальныхъ группъ тѣхъ явленій, которыя тоже имѣютъ отношеніе къ инстинктамъ.

Для этого намъ необходимо имѣть какое либо предварительное, хотя бы и не полное, опредѣленіе инстинктовъ. Такое опредѣленіе, конечно, не можетъ основываться на предвзятыхъ взглядахъ, но должно исходить отъ чего либо извѣстнаго и по отношенію къ инстинкту можетъ имѣть пока только отрицательный или отграничительный характеръ. Опредѣленіе это можетъ быть выведено изъ слѣдующаго соображенія: для того чтобы имѣть право на свое наименованіе, инстинктивное дѣйствіе не должно быть ни сознательнымъ дѣйствіемъ, ни рефлексомъ. Въ дѣйствительности такое положеніе заключаетъ въ себѣ ошибку, приведшую проф. Мейнерта къ ложному заключенію.

Проф. Мейнертъ категорически заявляетъ, будто „существуетъ только рефлексъ и сознательное дѣйствіе и ничего промежуточнаго между ними, ничего такого, что́ мы могли бы назвать инстинктомъ“. Понятно, что такое заявленіе должно прежде всего привлечь наше вниманіе. такъ какъ, ежели оно справедливо, вопроса объ инстинктѣ не существуетъ, ежели несправедливо—необходимо выяснить ошибочность этого заключенія и выдѣлить область дѣятельности. которая могла бы носить имя инстинкта. Для рѣшенія этихъ вопросовъ необходимо, конечно, вначалѣ строго опредѣлить и разграничить области рефлекса и сознанія. Но всѣмъ извѣстно, что сознательныя дѣйствія не что иное, какъ сложные рефлексы въ широкомъ смыслѣ слова и съ объективной стороны всегда могутъ быть разсматриваемы, какъ таковые, на томъ простомъ основаніи, что всякое механическое движеніе имѣетъ всегда достаточныя механическія причины и сознаніе остается только субъективнымъ, а не объективнымъ признакомъ нѣкоторыхъ движеній животныхъ. Законъ сохраненія движенія (энергіи) какъ нельзя болѣе подтверждаетъ этотъ фактъ. Поэтому съ объективной стороны сознательныя движенія мы должны отнести къ сложнымъ рефлексамъ, какъ и всѣ остальныя движенія животныхъ, безразлично, будь они произвольныя или непроизвольныя, разсудочныя или инстинктивныя. Слѣдовательно, дѣленіе всѣхъ движеній человѣка на двѣ строго разграниченныя и смежныя категоріи сознательныхъ дѣйствій и рефлексовъ съ объективной стороны невѣрно.

Съ субъективной стороны намъ кажется, что мы ясно различаемъ всѣ наши дѣйствія, какъ сознательныя или безсознательныя. но этимъ мы нисколько не опредѣляемъ и не разграничиваемъ сознательныхъ дѣйствій и „рефлексовъ“, не указываемъ даже на границы или природныя различія сознательныхъ и безсознательныхъ движеній, но только констатируемъ тотъ фактъ, что мотивы однихъ доступны сознанію, тогда какъ другихъ—не доступны. А потому, такое указаніе негодно для опредѣленія или разграниченія движеній, сознательныхъ и рефлексовъ и недостаточно для отрицанія инстинктовъ точно такъ же, какъ гипотетическое раздѣленіе неизвѣстной сущности всѣхъ явленій природы

на матерію и на силы недостаточно для отрицанія субъективныхъ явленій.

Всеобъемлющее понятіе о рефлексѣ не исключаетъ возможности сознательныхъ дѣйствій точно такъ же, какъ не исключаетъ возможности инстинктовъ, ничего не разграничивая и совмѣщая въ себѣ всѣ виды движеній живыхъ организмовъ.

Такимъ образомъ формула проф. Мейнерта оказывается невѣрною, и, для ея исправленія, замѣнивъ въ ней слишкомъ общее понятіе о рефлексѣ понятіемъ о безсознательномъ движеніи, получимъ новую формулу: существуютъ дѣйствія или сознательныя или безсознательныя и ничего промежуточнаго между ними не существуетъ; очевидно, что проф. Мейнертъ и желалъ сказать именно это, а не что либо иное.

Эта формула совершенно вѣрна, какъ и всякая, подобно составленная. Существуетъ или треугольникъ, или не треугольникъ, я или не я, т. е. предметъ и все остальное и ничего промежуточнаго между предметомъ и всѣмъ остальнымъ не существуетъ, такъ какъ всякое существованіе обязательно мыслится или въ томъ, или въ другомъ или въ обоихъ сразу, но не внѣ обоихъ, вмѣщающихъ въ себѣ всякое существованіе. И это не психологическій или физіологическій фактъ, но просто логическая аксіома. А потому такая формула не исключаетъ возможности инстинктовъ, а только указываетъ на то, что они или въ сознаніи, или внѣ сознанія, или же отчасти въ сознаніи, отчасти внѣ его, но ни въ какомъ случаѣ не въ промежуткѣ, котораго не существуетъ.

Но само по себѣ понятіе о сознаніи не болѣе опредѣленно, чѣмъ понятіе объ инстинктѣ и гораздо менѣе, чѣмъ о рефлексѣ.

Подъ терминомъ сознательное дѣйствіе мы слишкомъ часто подразумѣваемъ дѣйствіе разсудочное, т. е. основанное вполнѣ и исключительно на разсужденіи, и многіе люди увѣрены, что всѣ ихъ сознательныя дѣйствія разумны, т. е. имѣютъ чисто логическія основанія, которыми они обыкновенно стараются ихъ объяснить, или, вѣрнѣе, оправдывать. Но если мы даже допустимъ возможность чисто разсудочныхъ дѣйствій, то, кромѣ нихъ, намъ придется причислить къ сознательнымъ дѣйствія эмоціональныя, никогда не основанныя исключительно на одной логикѣ; сознаніе въ нихъ только участвуетъ, играя второстепенную роль. Такія дѣйствія нельзя назвать чисто сознательными; они имѣютъ, очевидно, безсознательные мотивы и происхожденіе.

Къ эмоціональнымъ дѣйствіямъ можно отнести, въ виду неопредѣленности психологической терминологіи, шесть разныхъ группъ движеній: во-первыхъ, движенія, основанныя на тѣхъ внутреннихъ чувствахъ, которыя представляютъ собою разнаго вида желанія или потребности; во-вторыхъ, движенія, основанныя на собственно эмоціяхъ, т. е. на душевныхъ движеніяхъ, не имѣющихъ характера ни положительныхъ, ни отрицательныхъ желаній, ежели только такія дѣйствительно существуютъ; въ-третьихъ, движенія аффективныя; въ-четвертыхъ, страстевыя или—основанныя на внушеніяхъ страстей; въ пятыхъ, очень къ нимъ близкія, привычныя дѣйствія или привычки, которыя надо отличать отъ заученныхъ движеній, безсознательно выполняемыхъ и, въ-шестыхъ, нѣкоторыя импульсивныя дѣйствія, ко-

торыя скорѣе можно назвать сознаваемыми, чѣмъ сознательными, такъ какъ сознаніе не только не служитъ ихъ основою, но даже не участвуетъ въ ихъ выполненіи, а только созерцаетъ ихъ, хотя бы они и совершались подъ вліяніемъ импульсовъ, посылаемыхъ психомоторными центрами.

Такимъ образомъ, къ сознательнымъ будутъ въ этомъ случаѣ отнесены семь групъ движеній, имѣющихъ, очевидно, различные основы и законы, а именно дѣйствія: разсудочныя, чувственныя, эмоціональныя, страстевыя, привычныя, афективныя и (безъ достаточнаго на то основанія) дѣйствія мимовольныя или импульсивныя.

Если же подразумѣвать подъ сознательными дѣйствіями только одни разсудочныя, то пришлось бы видоизмѣнить формулу проф. Мейнерта такъ: существуютъ только разсудочныя и безсознательныя дѣйствія и ничего промежуточнаго между ними не существуетъ; но подобная формула, очевидно, ошибочна, такъ какъ въ промежуткѣ между разсудочнымъ дѣйствіемъ и безсознательнымъ рефлексомъ мы находимъ шесть групъ различныхъ движеній, среди которыхъ мы и должны искать движенія инстинктивныя. Двѣ послѣднихъ групы движеній, афективныхъ и импульсивныхъ, принадлежатъ къ области патологическихъ явленій, а потому, очевидно, не инстинктивныхъ. Страстевыя и привычныя движенія, какъ случайныя и индивидуальныя, хотя бы и были близкими по внѣшнему виду къ инстинктивнымъ, не могутъ быть отнесены къ нимъ ранѣе изслѣдованія послѣднихъ, во избѣжаніе ошибокъ. Остаются движенія чувственныя и эмоціональныя. Послѣдняя група едва ли можетъ существовать самостоятельно, безъ явной или скрытой связи съ желаніями, а потому намъ остается, соединивъ обѣ групы, изслѣдовать чувственныя и эмоціональныя движенія какъ единственныя, которыя могутъ быть отнесены къ инстинктамъ. Дѣйствительно, мы уже видѣли, что Дарвинъ, Бони и другіе относятъ къ инстинктивнымъ дѣйствіямъ такія, психическимъ мотивомъ которыхъ служатъ наслажденіе, потребности, влеченія, эмоціи и пр., т. е. вообще эмоціональныя чувства; а потому мы не будемъ расходиться съ ихъ взглядами, ежели, руководимые предыдущими доводами, сосредоточимъ наше вниманіе исключительно на чувственно-эмоціональныхъ движеніяхъ для выясненія вопроса объ инстинктѣ. Такимъ образомъ, выяснивъ предварительное отграничительное понятіе объ инстинктѣ, мы должны признать инстинктивными движеніями исключительно лишь движенія чувственно-эмоціональныя, а инстинктами психическіе и физіологическіе процесы, обусловливающіе эти движенія. Теперь попробуемъ выяснить отношеніе инстинктивныхъ движеній къ безсознательнымъ рефлексамъ или къ чисто сознательнымъ, т. е. къ разсудочнымъ движеніямъ.

2. Инстинкты не рефлексы.

Инстинкты не рефлексы и не могутъ быть признаны безсознательными рефлексами потому, что не имѣютъ ихъ главнаго и основного характера—автоматичности. Всякій рефлексъ, простой или сложный, всякое автоматическое или безсознательное движеніе необходимо состоятъ въ сокращеніи нѣкоторыхъ извѣстныхъ

и точно опредѣленныхъ мускуловъ въ извѣстной и строго опредѣленной послѣдовательности. Рефлексъ можетъ совершаться быстрѣе или тише, можетъ прерываться или даже смѣняться другими, подъ вліяніемъ органическихъ стимуловъ, но въ каждомъ безсознательномеханическомъ движеніи всегда приходятъ въ сокращеніе одни и тѣ же мускулы и всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ послѣдовательности, какъ бы ни было сложно движеніе и какъ бы ни было велико количество мускуловъ, которые принимаютъ въ немъ участіе.

Эта постоянная опредѣленность дѣйствующихъ частей, эта строгая послѣдовательность и взаимная связь сокращеній и ихъ однообразіе составляютъ самый характерный признакъ всякаго механизма и главное отличіе безсознательныхъ рефлексовъ и автоматическихъ движеній отъ движеній сознательныхъ. Ежели причислить къ инстинктамъ витье гнѣздъ, въ основѣ котораго, какъ намъ кажется, лежатъ нѣкоторыя инстинктивныя эмоціи, то спрашивается, какія групы мышцъ и въ какой послѣдовательности сокращаются у птицы, когда она вьетъ гнѣздо, когда она разыскиваетъ для этого подходящіе прутики, соломинки, перышки, комочки земли или грязи въ незнакомыхъ и новыхъ мѣстахъ, среди миліона неожиданностей и случайностей, сообразно которымъ она сознательно или безсознательно непрерывно видоизмѣняетъ свои движенія?

Какія групы мышцъ и въ какой послѣдовательности дѣйствуютъ у влюбленнаго юноши, когда онъ идетъ или ѣдетъ на первое свиданіе со своею возлюбленной, дерется изъ-за нея на дуэли или похищаетъ ее изъ родительскаго дома... Вѣдь и это инстинктивное, т. е. чувственно-эмоціональное, дѣйствіе такое же, какъ витье гнѣздъ или ухаживанье пѣтуха, вѣдь и въ этомъ сознательномъ актѣ нѣтъ сознанія цѣли—продолженія рода и сохраненія жизни вида.

Какіе мускулы и въ какой послѣдовательности дѣйствуютъ у охотничьей собаки, убѣгающей изъ дома своего хозяина на цѣлыя сутки въ лѣса и болота, куда влечетъ ее наслѣдственный инстинктъ, несмотря на наказаніе, ожидающее ее за такой побѣгъ?

Какіе мускулы и въ какой послѣдовательности сокращаются у курицы, когда она, нанесши достаточное количество яицъ, отправляется, наконецъ, садиться на нихъ, а для этого одна отыскиваетъ дверь курятни и отверстіе своего гнѣзда, другая по лѣстницѣ подымается на сѣнникъ и находитъ спрятанныя ею подъ крышею въ темномъ углу недавно снесенныя яйца, третья... но положенія могутъ быть настолько разнообразны, что ихъ всѣхъ не перечислишь, движенія такъ не похожи другъ на друга, что объ одинаковыхъ сокращеніяхъ и въ одинаковой послѣдовательности тѣхъ же самыхъ мускуловъ даже у двухъ куръ, отправляющихся садиться на яйца, и рѣчи быть не можетъ, въ другихъ же болѣе сложныхъ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ и подавно... въ чемъ же заключается автоматизмъ инстинктивныхъ движеній? Ежели движеніе направляется психическимъ чувствомъ и памятью и состоитъ въ сокращеніи самыхъ разнообразныхъ мускуловъ въ самой разнообразной и неопредѣленной заранѣе послѣдовательности, быстро приспособляясь къ случайнымъ обстоятельствамъ, то такое движеніе не можетъ имѣть иного механизма, кромѣ сознанія, дѣйствующаго не по предначертанному плану, но сообразно безконечному

числу возможныхъ случайностей, непредвидѣнныхъ требованій мѣста и обстоятельствъ.

Инстинктивное дѣйствіе не можетъ быть рефлексомъ еще и на томъ основаніи, что оно всегда имѣетъ своею причиною сознательный импульсъ—побужденіе.

Этотъ сознательный импульсъ называется тоже побудкомъ, стремленіемъ, инстинктивнымъ влеченіемъ, чувствомъ, желаніемъ, хотѣніемъ, потребностью, эмоціею и пр.

Онъ не представляетъ собою непосредственно двигательнаго импульса, независящаго отъ сознанія и только сообщающаго ему о себѣ, причемъ само сознаніе не играло бы въ выполненіи движенія никакой роли, такъ какъ въ этомъ случаѣ инстинктивныя дѣйствія превратились бы въ патологическія, въ импульсивныя. Побужденіе это—только потенціальный импульсъ инстинктивнаго движенія, который лишь послѣ переработки въ сознаніи, соединяясь съ рѣшеніемъ, образуетъ волю, т. е. ближайшую причину активнаго импульса сознательнаго инстинктивнаго движенія.

Юноша хочетъ обладать любимою дѣвушкой, онъ этого сознательно хочетъ и, ежели стремится къ тому на дѣлѣ, то такова его воля. Точно также курица хочетъ садиться на яйца, когда она отправляется на нихъ садиться, птица хочетъ вить гнѣздо, когда она его вьетъ, и дѣйствія ихъ въ этомъ случаѣ вполнѣ произвольны и сознательны. Ребенокъ хочетъ ѣсть, когда онъ выказываетъ безпокойство, плачетъ и мечется и съ жадностью принимается сосать грудь своей матери, какъ это ясно описалъ проф. Вундтъ.

„Еще интереснѣе, говоритъ Дарвинъ,—разсказъ нѣкоторыхъ авторовъ объ извѣстныхъ испанскихъ овцахъ, которыя съ древнихъ временъ ежегодно переселялись въ маѣ изъ одной части страны въ другую, на разстояніи 400 миль... Авторы единогласно утверждаютъ, что едва наступаетъ апрѣль, овцы выказываютъ своими нетерпѣливыми движеніями крайнее „желаніе“ возвратиться въ свои лѣтнія мѣстопребыванія. „Тревога, обнаруживаемая ими, говоритъ одинъ авторъ,—можетъ въ случаѣ надобности замѣнить календарь. Пастухи должны изощрять всю свою бдительность, чтобы помѣшать побѣгу, такъ какъ извѣстно, что овцы возвратятся на родину. Часто случалось, что три или четыре овцы отправлялись самостоятельно, хотя, по большей части, въ такихъ случаяхъ отдѣльныхъ путниковъ пожирали волки. Основой этого инстинкта послужило страстное желаніе возвратиться на родину, что, какъ мы видѣли, свойственно многимъ породамъ овецъ. Этотъ примѣръ, по моему мнѣнію, представляетъ тѣсное сходство съ переселеніями дикихъ животныхъ“ *). Но лучше всего, какъ мы уже сказали, эти инстинктивныя желанія мы можемъ прослѣдить на себѣ и изучить на человѣкѣ. Всякое желаніе необходимо сознательно и дѣйствіе, выполняемое по желанію—произвольно.

Слѣдовательно, кромѣ того, что инстинктивныя движенія, въ противоположность рефлексу, имѣютъ психическій мотивъ—побужденіе, инстинктивныя движенія не рефлексы еще и потому, что они выполняются сознательно и произвольно.

*) Ч. Дарвинъ, статья „Инстинктъ“, стр. 4.

Многіе авторы замѣтили, что инстинктивныя дѣйствія выполняются совершеннѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда животныя научились ихъ выполненію, когда они пріобрѣли опытность, когда они уже знаютъ, какъ легче и удобнѣе ихъ выполнить.

Теленокъ или жеребенокъ скорѣе находятъ сосокъ своей матки во второй разъ, нежели въ первый послѣ рожденія; цыпленокъ легче различаетъ годныя для его питанія зерна, когда уже научится клевать, тогда какъ вначалѣ клюетъ совсѣмъ неподходящіе предметы. Мнѣ случалось видѣть, какъ недавно вылупившіеся цыплята клевали разноцвѣтныя крапинки узора на черномъ платкѣ, въ который они были посажены. Впослѣдствіи они научились отличать эти крапинки отъ крошекъ варенаго яйца и перестали клевать ихъ, т. е. выполненіе инстинктивнаго акта усовершенствовалось вслѣдствіе опытности и знанія.

Точно такъ же, наблюдая движенія новорожденныхъ жеребятъ и телятъ, я видѣлъ, съ какимъ трудомъ и послѣ сколькихъ неудачъ утомленные они, наконецъ, находятъ въ первый разъ сосокъ своей матери, впослѣдствіи молодое животное находитъ его съ каждымъ разомъ все скорѣе и скорѣе. Сельскимъ хозяевамъ и коннозаводчикамъ извѣстенъ этотъ фактъ, и они принимаютъ мѣры противъ опасной иногда продолжительности изнуряющихъ поисковъ, помогая на первый разъ жеребенку взять сосокъ въ ротъ, т. е. обучая его выполненію инстинктивнаго акта. Такое обученіе самостоятельное или при помощи людей идетъ обыкновенно чрезвычайно быстро.

Роменсъ приводитъ мнѣніе Уолеса, будто „молодыя птицы сознательно подмѣчаютъ способъ постройки гнѣзда, въ которомъ онѣ вывелись, и на слѣдующій годъ, когда имъ приходится вить гнѣзда самимъ, сознательно подражаютъ этому способу“ *), хотя такой фактъ требуетъ подтвержденія.

По наблюденіямъ Леруа и впослѣдствіи Вильсона: „гнѣзда молодыхъ птицъ бываютъ замѣтно хуже гнѣздъ старыхъ, какъ по мѣстоположенію, такъ и по конструкціи“ **).

„Извѣстно, что птицы приспособляютъ свои гнѣзда къ мѣстамъ, гдѣ онѣ ихъ вьютъ. То, что ласточки, корольки и другія птицы пользуются карнизами, трубами и пустыми ящиками, какъ помѣщеніями для гнѣздъ, показываетъ, что онѣ всегда готовы извлечь выгоду изъ измѣнившихся условій“ ***).

„Необходимость или принужденіе, однако часто, заставляетъ птицъ измѣнять положеніе гнѣздъ“...

Одюбонъ увѣряетъ, что чайки на одномъ островкѣ близъ Лабрадока, „вслѣдствіе испытанныхъ преслѣдованій, стали гнѣздиться теперь на деревьяхъ“ вмѣсто скалъ. Кочъ (Couch) замѣчаетъ, что по разрушеніи трехъ или четырехъ обиталищъ воробья (P. domesticus) „вся колонія, какъ бы по взаимному соглашенію, оставила эту мѣстность и поселилась на деревьяхъ въ нѣкоторомъ удаленіи. Но воробьи никогда не вили гнѣздъ на деревьяхъ въ этой мѣстности, а потому воз-

*) Роменсъ. „Умъ животныхъ“, стр. 305.
**) Тамъ же, стр. 306.
***) Тамъ же, стр. 306.

будили всеобщее любопытство“ *)... Ч. Дарвинъ замѣчаетъ кромѣ того, что „гнѣздо измѣняется сообразно съ мѣстностью“, и что при выполненіи инстинктивныхъ актовъ „удобство играетъ важную роль, такъ индійскій славка-портной часто употребляетъ искуственную нить (готовую) вмѣсто того, чтобы сплесть ее“ **).

Изъ подобныхъ этимъ фактовъ и показаній Роменсъ выводитъ, что „инстинктъ витья гнѣздъ можетъ быть дополняемъ, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ породъ, опытомъ и умомъ отдѣльныхъ индивидовъ“..

Леруа говоритъ еще о ласточкахъ, вылупившихся слишкомъ поздно для того, чтобы летѣть со старыми птицами, инстинктъ перелета оказывается не настолько сильнымъ, чтобы заставить ихъ предпринять путешествіе самостоятельно. Онѣ погибаютъ жертвами своего невѣдѣнія и запоздавшаго рожденія, сдѣлавшихъ ихъ неспособными слѣдовать за родителями.

Всѣ эти примѣры и наблюденія, а ихъ можно подобрать еще сотни, по моему мнѣнію, блестяще доказываютъ то, что инстинкты не рефлексы, такъ какъ они требуютъ опытности, измѣняются, приспособляясь къ случайнымъ обстоятельствамъ и выполняются въ совершенствѣ только знающими индивидами.

По справедливому замѣчанію Спенсера, „инстинкты обнаруживаются только въ дѣятельности того нервно-мускульнаго апарата, который представляетъ дѣятеля психической жизни... Почки, легкія, печень не обнаруживаютъ никакихъ инстинктовъ“, добавляетъ онъ, тогда какъ рефлексы происходятъ, очевидно, какъ въ той, такъ и въ другой области организма и преимущественно въ послѣдней ***).

Подъ мускульнымъ апаратомъ психической жизни, конечно, слѣдуетъ понимать поперечно полосатыя мышцы, т. е. мускулы произвольныхъ движеній.

Какъ извѣстно, сознательная или волевая органическая дѣятельность ограничивается сокращеніями тѣхъ же мускуловъ, сокращеніями которыхъ Спенсеръ ограничиваетъ дѣятельность инстинктовъ, что тоже даетъ намъ поводъ подозрѣвать ежели не полную тождественность инстинкта и сознанія, то по крайней мѣрѣ возможность ихъ совмѣщенія, ибо въ противномъ случаѣ при функціонированіи инстинктовъ сознаніе было бы лишено возможности управлять подчиненными ему мускулами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обширныя области поперечно полосатаго механизма принимаютъ участіе въ инстинктивной дѣятельности, произвольная дѣятельность оказалась бы ограниченною и обезоруженною, сознаніе было бы оттѣснено въ неизвѣстныя области или совсѣмъ подавлено, животное же (а въ томъ числѣ и человѣкъ) представляло бы собою безсознательнаго автомата, что ежели и замѣчается нѣкоторыми наблюдателями въ явленіяхъ гипноза, сомнамбулизма и пр., но при инстинктивной дѣятельности никогда, никѣмъ, ни у кого обнаружено не было.

Пока замѣтимъ только, что единство нервно-мускульнаго

---

*) Дарвинъ. „Инстинктъ“, стр. 15.
**) Тамъ же, стр. 16.
***) Спенсеръ. „Психологія“, глава Инстинктъ.

апарата не у сознанія и инстинкта, но у сознательныхъ и у инстинктивныхъ движеній еще разъ свидѣтельствуетъ намъ, что инстинктивныя движенія сознательны.

Кто не замѣчалъ, кромѣ того, какъ мало занято своими безсознательными движеніями вниманіе животныхъ при выполненіи ими какого бы то ни было рефлекса или автоматическаго акта? Кто не наблюдалъ, что при этомъ вниманіе животныхъ направлено на посторонніе такому акту дѣйствія и предметы и что при развитіи рефлексовъ въ органахъ произвольныхъ движеній животное не можетъ въ одно время съ ними выполнять всевозможныя волевыя и сознательныя движенія, которыми обыкновенно и занято все его вниманіе? А между тѣмъ при выполненіи инстинктивныхъ актовъ вниманіе животныхъ, очевидно, сосредоточено на нихъ; разсѣяніе вредитъ имъ и сознательныя дѣйствія никогда не вступаютъ въ борьбу съ инстинктивными, хотя сознаніе бодрствуетъ и занятое выполненіемъ инстинктивнаго акта животное не пріобрѣтаетъ внѣшнихъ признаковъ автомата. Наоборотъ, поглощенное вполнѣ своею инстинктивною дѣятельностью, животное и съ внѣшняго вида остается такимъ же, какимъ бываетъ при завѣдомо сознательныхъ дѣйствіяхъ: оно проявляетъ намѣреніе, вниманіе, сознательное различіе, выборъ, т. е. разсужденіе, и полную силу желанія, т. е. волю. На основаніи всего этого мы можемъ заключить, что инстинктъ не рефлексъ потому, что инстинктивныя движенія выполняются исключительно нервномускульнымъ апаратомъ сознательныхъ и произвольныхъ движеній, какъ указалъ это Спенсеръ.

Итакъ, мы пришли къ заключенію, что инстинкты не безсознательные рефлексы, ни простые, ни сложные, на томъ основаніи, что инстинктивныя движенія 1) не состоятъ изъ строго опредѣленныхъ и всегда повторяющихся въ томъ же порядкѣ сокращеній однихъ и тѣхъ же мускуловъ, но выполняются разными органами въ неопредѣленной заранѣе послѣдовательности; 2) приспособляются къ случайнымъ обстоятельствамъ; 3) при выполненіи ихъ животными не теряютъ сознанія и не принимаютъ видъ автоматовъ; 4) инстинктивныя движенія выполняются нервно-мускульнымъ апаратомъ сознательныхъ и произвольныхъ движеній; 5) имѣютъ всегда сознательный мотивъ, чувство, желаніе; 6) имѣютъ сознательный импульсъ—волю; 7) требуютъ опыта или знанія;—т. е. мы пришли къ заключенію, что инстинктивныя движенія не рефлексы, такъ какъ они имѣютъ всѣ признаки сознательныхъ и произвольныхъ движеній.

3. Инстинкты не вполнѣ сознательны.

Инстинкты проявляются независимо отъ опытности и съ первыхъ же дней послѣ рожденія животнаго обусловливаютъ его движенія и поступки. Изъ этого мы выводимъ заключеніе, что инстинкты не могутъ быть признаны вполнѣ сознательными, такъ какъ они врождены животнымъ.

Фактъ проявленія инстинктовъ при первомъ появленіи животныхъ на свѣтъ, т. е. до всякаго возможнаго опыта, вполнѣ доказываетъ намъ ихъ органическое и безсознательное начало, ежели мы

только не допустимъ возможности врожденныхъ идей или внутриутробнаго и внутриячнаго опыта. Новорожденный теленокъ или жеребенокъ, вставъ на ноги, тотчасъ же начинаетъ ходить около своей матери, отыскивая сосокъ, хотя онъ, очевидно, никакого понятія о соскѣ не имѣетъ. Мнѣ случилось видѣть одного теленка, первые шаги котораго были направлены прямо къ вымени коровы, которое составляло доопытную, а потому несознаваемую „цѣль“ его первыхъ движеній. Теленокъ этотъ, какъ только овладѣлъ своимъ равновѣсіемъ, стоя у головы своей матери, рѣшительно и энергично сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ вымени и остановился, такъ что могъ просунуть свою мордочку подъ пахъ коровы, какъ бы разыскивая сосокъ; хотя розыски на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ, благодаря отсутствію представленія, доопытное направленіе произвольныхъ движеній новорожденнаго было слишкомъ опредѣленно, чтобы его можно было отрицать. Иногда новорожденные телята и жеребята очень долго не находятъ желаннаго соска, но во всѣхъ, мною видѣнныхъ, случаяхъ разыскивали его вполнѣ самостоятельно, когда въ это дѣло не вмѣшивались люди; мать только облизывала свое дитя, предоставляя его дѣйствіямъ полную свободу.

Ежели младенцы нашихъ дней лишены подобныхъ инстинктивныхъ движеній, то это вполнѣ объясняется ихъ утратою, вслѣдствіе постояннаго вмѣшательства взрослыхъ людей во всѣ движенія младенцевъ, отнимающаго у послѣднихъ всякую самостоятельность, но тѣ же инстинкты, хотя не столь совершенные, мы можемъ наблюдать и у ребенка. Вотъ описанія этого инстинкта младенцевъ, сдѣланныя двумя глубокими знатоками психологіи человѣка.

Проф. Мейнертъ, отрицая инстинкты вообще. говоритъ: „Новорожденный ребенокъ, который еще не сосалъ, испытываетъ ощущеніе боли въ пищеварительныхъ органахъ — издаетъ крикъ. Это простой рефлексъ. Въ этомъ ощущеніи боли вслѣдствіе голода нѣтъ абсолютно ничего, что указывало бы ребенку на возможность прекращенія его при помощи извѣстныхъ движеній, нѣтъ даже отдаленнаго намека на представленіе о томъ, что оно можетъ быть утолено сосаніемъ груди. Пусть 10 кормилицъ окружаютъ этого ребенка,—онѣ не спасутъ его отъ голодной смерти! Гдѣ же здѣсь инстинктъ самосохраненія? Ни въ общемъ безпокойствѣ ребенка, ни въ судорогахъ, развивающихся подъ конецъ вслѣдствіе анеміи, не усматриваемъ мы его. Но если мы этого безпомощнаго голоднаго ребенка приложимъ къ грудному соску, то онъ начинаетъ сосать. Актъ сосанія есть также не болѣе, какъ рефлексъ. Вмѣстѣ съ этимъ ребенокъ пріобрѣтаетъ новое представленіе: онъ узнаетъ изъ опыта, что актъ сосанія влечетъ за собою чувство сытости, которое асоціируется также съ иннерваціоннымъ ощущеніемъ сосательнаго рефлекса. Быть можетъ, наконецъ, здѣсь играютъ также роль асоціаціи съ нѣкоторыми обонятельными впечатлѣніями отъ материнской груди. Что ребенокъ сосалъ свои пальцы, можно еще, пожалуй, свести къ рефлекторной игрѣ. Но сосательныя движенія во снѣ явно указываютъ на то, что актъ сосанія создалъ опредѣленныя образныя воспоминанія. Если теперь ребенокъ, испытывающій голодъ, поворачиваетъ голову къ груди матери и, наученный опытомъ, ищетъ сосокъ, то есть ли у насъ логи-

ческое основаніе не видѣть въ этомъ процесѣ сознательнаго процеса, такъ какъ о рефлексѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи... Повторяю: между рефлексомъ и сознательнымъ двигательнымъ актомъ не остается мѣста для инстинкта" *).

Проф. Вильгельмъ Вундтъ смотритъ на дѣло иначе. „Если наблюдать, говоритъ онъ,—первое сосательное движеніе новорожденнаго, происходящее еще раньше, чѣмъ ему пришлось утолить свой голодъ дѣйствительнымъ сосаніемъ, то уподобленіе его рефлексу покажется вполнѣ подходящимъ. Но... Рефлекторная теорія принимаетъ, что сосательныя движенія новорожденнаго происходятъ не только непроизвольно, но и безсознательно (?), что они сообразно характеру рефлекса суть чисто физіологическія движенія, лишенныя всякихъ психологическихъ мотивовъ. Я полагаю, что подобный взглядъ можно выработать лишь за письменнымъ столомъ, и что его не будетъ держаться никто, видѣвшій хоть разъ движенія голоднаго младенца. Всѣ тѣлодвиженія и мимика маленькаго существа свидѣтельствуютъ о неприятныхъ чувствованіяхъ. Его крики и движенія содержатъ безсловесную жалобу: „я голоденъ". Когда къ нему подносятъ предметъ, который можно сосать, напримѣръ, палецъ, или кончикъ подушки, то онъ сейчасъ же прекращаетъ всѣ прочія движенія и всецѣло предается дѣлу сосанія. Конечно, черезъ короткое время возобновляется его прежнее безпокойство, пока не удовлетворятъ его потребности пищей. Никакъ нельзя допустить, чтобы это объяснялось чисто физіологическими рефлексами. Если вообще придавать значеніе проявленіямъ афектовъ, то движенія младенца должны быть принимаемы за проявленія влеченій, слѣдовательно, за дѣйствія, обусловленныя психически. Конечно, нельзя думать, чтобы въ основѣ этихъ первыхъ проявленій влеченія лежало представленіе о томъ, на что эти влеченія направлены. Но это вовсе не необходимо для возникновенія проявленій афектовъ и влеченій" **).

Первое побужденіе къ разыскиванію соска новорожденными животными заключается въ инстинктивномъ чувствѣ, въ голодѣ, который представляетъ собою не что иное, какъ желаніе ѣсть, чувство вполнѣ сознательное и доопытное. Это желаніе можно замѣтить какъ у младенцевъ, такъ и у другихъ новорожденныхъ животныхъ. оно требуетъ нѣкоторыхъ движеній и удовлетворяется при сосаніи. Новорожденное животное желаетъ сосать, т. е. желаетъ движеній, объективныя условія которыхъ ему еще неизвѣстны, и стремится къ осуществленію этого акта; стремленіе это заключается въ разыскиваніи соска для животныхъ, а для младенца въ крикѣ и въ безпокойствѣ, т. е. въ эмоціональныхъ движеніяхъ. Удовлетвореніе инстинктивнаго желанія сосать всегда и во всѣхъ поколѣніяхъ слѣдовало для животныхъ за движеніями, способствующими нахожденію соска, а для ребенка за крикомъ и выразительными движеніями безпокойства, а потому они у каждаго и сохранили свой цѣлесообразный характеръ. Сохраненіе жизни у молодого животнаго зависитъ отъ удачи его по-

*) Prof. Th. Meynert. Психіатрія, стр. 185.

**) Вильгельмъ Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. Переводъ д-ра П. Я. Розенбаха. Стр. 409—410.

исковъ, сохраненіе жизни ребенка—отъ его безпокойства и крика, которыми онъ непроизвольно сообщаетъ людямъ о своемъ голодѣ. Мы не можемъ видѣть поэтому существеннаго различія между инстинктами младенцевъ и новорожденныхъ животныхъ, несмотря на нѣкоторое различіе ихъ внѣшнихъ проявленій. Цыпленокъ, ежели онъ былъ взятъ изъ-подъ курицы, когда не успѣлъ еще вылупиться изъ яйца, а потому не наученный примѣромъ матери, клюетъ самостоятельно крупинки и зернышки, какъ будто умѣетъ уже ихъ различать, хотя бы и не съ полнымъ совершенствомъ, какъ будто отчасти уже знакомъ съ ихъ внѣшнимъ видомъ и знаетъ ихъ назначеніе. Счесть эти движенія вполнѣ безсознательными и не эмоціональными, т. е. не обусловленными инстинктивнымъ желаніемъ, мы не можемъ. Мы склонны думать, что и въ основѣ упоминаемыхъ Спенсеромъ рефлексовъ мухолова, какъ побудительныя къ нимъ причины, могутъ лежать подобныя же инстинктивныя, т. е. психическія влеченія, что не мѣшаетъ акту хватанія мухъ оставаться вполнѣ механическимъ.

Намъ приходится кромѣ того убѣдиться, что только здоровые и бодрые цыплята легко и быстро выполняютъ эти инстинктивныя движенія безъ всякаго указанія и безъ посторонней помощи; болѣзненные же и слабые экземпляры часто сидятъ среди корма неподвижно и не выражаютъ влеченія клевать, пока примѣръ сильнѣйшихъ не побудитъ ихъ къ этому. Можно наблюдать, какъ внимательно слѣдятъ они за движеніями своихъ руководителей и какъ сознательно и неумѣло стараются иногда имъ подражать. Всѣмъ извѣстно, что молодые утята, высиженные курицею, не ожидая примѣра насѣдки, отправляются въ воду и принимаются на удивленіе своей воспитательницы купаться, плавать и нырять. Животныя, которыя тотчасъ же по появленіи на свѣтъ выучиваются ходить, какъ телята, жеребята, ягнята, цыплята, утята и пр., не покидаютъ первое время своей матери, т. е. узнаютъ ее и слѣдуютъ за нею повсюду, приходятъ на ея зовъ и въ случаѣ опасности прячутся около нея, какъ бы увѣренные, что здѣсь найдутъ любовь и защиту.

Чтобы признать врожденныя инстинктивныя дѣйствія вполнѣ сознательными, т. е. сознательными не только по своему выполненію, но и по мотивамъ или побужденіямъ, ихъ вызывающимъ, пришлось бы допустить во всѣхъ этихъ случаяхъ наличность нѣкоторыхъ врожденныхъ знаній или врожденныхъ представленій, какъ это и дѣлаютъ тѣ, кто предполагаетъ, что птица рождается съ представленіемъ своего гнѣзда, пчела съ представленіемъ ячейки и пр.

Мы не считаемъ себя вправѣ вводить въ наши разсужденія подобныя бездоказательныя допущенія, тѣмъ болѣе, что по справедливому мнѣнію г. Вундта, „такія представленія сами по себѣ нисколько не объяснили бы инстинктивнаго дѣйствія, которое совершенно остается непонятнымъ, если не принять особаго побужденія къ нему“... „въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы видимъ инстинктивное побужденіе въ самой первоначальной формѣ, мы не находимъ ничего, что указывало бы на существованіе особыхъ представленій“ *). Не говоря уже обо всѣхъ нелѣпостяхъ, которыхъ требуетъ теорія врожденныхъ представленій

*) В. Вундтъ. „Основы Физіолог. Психологіи“, т. I, стр. 883.

для детальнаго своего развитія, какъ, напримѣръ, при рѣшеніи вопроса: представленіе какого именно гнѣзда врождено птицѣ? того ли, которое она будетъ вить и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совьетъ его, со всѣми подробностями его архитектуры, матерьяловъ и мѣста ихъ нахожденія, или же ей врождено представленіе отвлеченнаго видового гнѣзда и т. д.?.. Пришлось бы заключить, что первое представленіе невозможно, такъ какъ требуетъ отъ птицы предвидѣнія случайныхъ обстоятельствъ, т. е. пророческаго дара, второе же ничему ее не научитъ и остается только приписать птицѣ цѣлую врожденную науку о гнѣздовитіи, теорію гнѣзда, его архитектуру и технологію со всѣми планами и расчетами, что едва ли кто рѣшится допустить... Не говоря уже обо всѣхъ этихъ нелѣпыхъ слѣдствіяхъ гипотезы врожденныхъ представленій, замѣтимъ, что даже Кантъ считалъ непремѣннымъ условіемъ врожденныхъ идей ихъ необходимость, всеобщность и характеръ основныхъ принциповъ разума; онъ не допускалъ возможности врожденныхъ представленій о предметахъ реальнаго міра, которыя мы можемъ пріобрѣсти только посредствомъ чувствъ или опыта *). Мы заключаемъ, что инстинкты, соединяя безсознательность основныхъ мотивовъ съ сознательностью движеній, рѣзко отличаются отъ чисто сознательныхъ или разсудочныхъ процесовъ.

Инстинкты не могутъ быть признаны вполнѣ сознательными, такъ какъ проявленіе ихъ предшествуетъ всякому индивидуальному опыту даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ намъ не очевидна ихъ прирожденность.

Трудно доказать, что всѣ инстинкты врождены, такъ какъ не всѣ они проявляются тотчасъ же по рожденіи, а многіе изъ нихъ развиваются въ извѣстные періоды жизни животныхъ, подобно нѣкоторымъ органамъ и тканямъ, и часто совмѣстно съ ними. Нельзя, напримѣръ, сказать, что борода и усы врождены мужчинѣ, ежели они выростаютъ у него спустя много лѣтъ послѣ рожденія, точно также нельзя утверждать голословно, что половые инстинкты врождены животнымъ, ежели они развиваются въ періодѣ зрѣлости, не проявляясь никогда вскорѣ послѣ рожденія. Ежели механизмы этихъ инстинктовъ дѣйствительно врождены, то они вначалѣ неразвиты и существуютъ лишь задатки для возможности развитія будущихъ инстинктовъ. Можно доказать, что въ проявленіи ихъ часто предшествуютъ всякому индивидуальному опыту знанію и точно такъ же, какъ предшествуютъ имъ инстинктивныя дѣйствія, выполняемыя новорожденными.

Ежели въ примѣрѣ Роменса изъ наблюденій Леруа, гдѣ молодыя, поздно выведенныя, ласточки погибаютъ, не успѣвъ улетѣть вмѣстѣ со своими родителями, мы видимъ случай невыполненія инстинктивнаго дѣйствія, вслѣдствіе недостатка опытности или физическаго недоразвитія, то совершенно обратный случай видимъ мы въ замѣчаніи, приведенномъ Дарвиномъ. Онъ говоритъ: „молодыя кукушки, когда онѣ перелетаютъ въ первый разъ, т. е. два мѣсяца спустя послѣ отлета родителей, не могутъ руководиться памятью“...**). Очевидно, что ихъ инстинктивныя дѣйствія предшествуютъ въ данномъ случаѣ всякому индивидуальному опыту.

---

*) Кантъ „Критика Чистаго Разума“, гл. II, III и IV и пр
**) Дарвинъ. „Инстинктъ“, стр. 2.

„Замѣтимъ, однако, что инстинктъ не всегда отличается непогрѣшимостью“, прибавляетъ Дарвинъ, стараясь предупредить постоянныя и легкомысленныя гипотезы о сверхъестественныхъ основахъ этого явленія: „въ этомъ убѣждаетъ значительное количество погибшихъ ласточекъ, часто попадающихся на пути кораблей, идущихъ по Атлантическому океану. Бродячій лосось также не всегда попадаетъ въ свою рѣку: особи, водящіяся въ Твидѣ, нерѣдко заплываютъ въ Фортъ“ *).

Инстинкты не могутъ быть названы вполнѣ сознательными, такъ какъ ихъ объективныя цѣли, т. е. результаты находятся внѣ сознанія при выполненіи инстинктивныхъ дѣйствій.

Мы видѣли, что объективные результаты инстинктивныхъ дѣйствій, которые многими авторами называются цѣлями инстинктовъ, всегда безсознательны, точно такъ же, какъ объективные результаты рефлексовъ. Слѣдствія инстинктивныхъ дѣйствій непреднамѣренны, несмотря на то, что эти дѣйствія всегда сознательны, а потому имѣютъ цѣли, но они имѣютъ только внутреннія или субъективныя цѣли — удовлетвореніе желаній, наслажденіе и избѣжаніе страданій.

Субъективная цѣль инстинктивнаго дѣйствія должна быть отлична поэтому отъ объективныхъ результатовъ дѣйствія, недоступныхъ сознанію животнаго, но расположенныхъ, какъ бы, въ одномъ съ ними направленіи. Этою сознательною цѣлью является обыкновенно нѣкоторое желаемое психическое состояніе, а объективнымъ слѣдствіемъ нѣкоторыя біологическія явленія или факты, въ которыхъ всегда проявляется ихъ общій принципъ сохраненія и развитія жизни индивида, рода или вида, т. е. законъ сохраненія жизни. Такимъ образомъ, преслѣдованіе субъективныхъ, эгоистическихъ цѣлей приводитъ животное въ то же время къ непредвидѣнному достиженію нѣкоторыхъ біологическихъ результатовъ, лежащихъ за предѣлами его сознанія, желаній и намѣреній. А потому какъ субъективныя цѣли, такъ и вполнѣ отличныя отъ нихъ объективныя слѣдствія инстинктивныхъ дѣйствій необходимо разсматривать, какъ проявленіе однихъ и тѣхъ же законовъ природы, какъ необходимыя слѣдствія однѣхъ и тѣхъ же безсознательныхъ причинъ, которыя слѣдуетъ искать въ нѣдрахъ безсознательныхъ отправленій организма.

Инстинкты не вполнѣ сознательны, такъ какъ ихъ субъективные мотивы имѣютъ безсознательное происхожденіе. Общія основы объективныхъ слѣдствій и субъективныхъ цѣлей инстинктивныхъ дѣйствій, какъ мы видѣли, недоступны сознанію и потому часто кажутся намъ вполнѣ чуждыми другъ другу. Мы предположили эти основы скрытыми отъ сознанія въ нѣдрахъ органической жизни. Дѣйствительно, откуда являются намъ наши инстинктивныя побужденія, наши желанія и стремленія? Кто сомнѣвается въ томъ, что чувство голода, жажды и нѣкоторыя другія имѣютъ чисто органическое происхожденіе? а потому, кто не называетъ ихъ физическими потребностями, отличая ихъ отъ потребностей, называемыхъ иногда психическими? Не трудно будетъ доказать, что и всѣ остальныя чувства, всѣ желанія имѣютъ подобное же происхожденіе. Го-

*) Дарвинъ „Инстинктъ“, стр. 3.

лодъ—это желаніе ѣсть, жажда — желаніе пить, любовь — желаніе спариться и т. д. Слѣдствіемъ удовлетворенія этихъ желаній является сохраненіе чьей либо жизни, причины возникновенія этихъ желаній обыкновенно недоступны нашему сознанію и отъ него рѣдко зависятъ.

Мы не творимъ, не создаемъ своихъ желаній; они непроизвольны и непреднамѣренны, и даже, наоборотъ,—воля и намѣренія наши являются слѣдствіемъ, непроизвольно возникающихъ въ насъ, желаній. „Гдѣ воля воли?"—спрашивали еще древне-индійскіе мудрецы, ясно указывая намъ на непроизвольное и безсознательное происхожденіе нашей воли, т. е. на то, что поступки людей не могутъ быть признаны за процесы вполнѣ сознательные. Мы можемъ положить за фактъ, что инстинктивныя желанія имѣютъ безсознательное происхожденіе.

Инстинкты не вполнѣ сознательны, такъ какъ инстинктивныя дѣйствія бываютъ непреднамѣрены. Руководясь въ своихъ поступкахъ желаніемъ, животное при первомъ проявленіи инстинкта не можетъ до опыта ясно сознавать того, чего оно дѣйствительно желаетъ. Желаніе остается до перваго своего удовлетворенія смутнымъ и неопредѣленнымъ, какъ бы оно ни было интенсивно. Животное ищетъ сознательно, но пока не найдетъ, оно не можетъ знать того, чего оно ищетъ, и дѣйствія его поэтому не могутъ имѣть характера чисто сознательныхъ, т. е. основанныхъ на опытномъ знаніи, на разсужденіи и на ясномъ намѣреніи.

Изъ этого мы выводимъ, что инстинктивныя дѣйствія нельзя назвать вполнѣ сознательными, такъ какъ они 1) врождены, 2) предшествуютъ всякому индивидуальному опыту, 3) при ихъ выполненіи объективныя цѣли или результаты остаются внѣ сознанія, 4) субъективные мотивы или сознаваемыя побужденія имѣютъ безсознательныя причины и происхожденіе, 5) объекты желанія остаются неизвѣстными до опыта и, наконецъ, 6) инстинктивныя дѣйствія непреднамѣрены.

Заключеніе.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ окончательному заключенію, что инстинктивныя дѣйствія въ точномъ и широкомъ значеніи словъ дѣйствія сознательныя и въ то же время рефлексы, а въ узкомъ ихъ значеніи,—ни рефлексы, ни сознательныя дѣйствія, т. е., выражаясь точнѣе, не безсознательные рефлексы и не разсудочныя дѣйствія

Инстинкты являются намъ, такимъ образомъ, не промежуточными между рефлексомъ и сознательнымъ актомъ, но весьма сложными органическими процесами, совершающимися на основаніи общихъ законовъ отчасти въ сознаніи, отчасти въ области ему недоступной.

Изслѣдованіе инстинкта должно, по нашему мнѣнію, пролить яркій свѣтъ на отношеніе органической жизни къ жизни психической, на ихъ внутреннюю зависимость и на неразрывную связь между ними, на дѣйствительное біологическое значеніе и служебную роль сознанія, на основные законы всѣхъ органическихъ движеній, на стремленія и поступки животныхъ, точно такъ же какъ на чувства, на характеры и на дѣла людей или народовъ, которые до сихъ поръ оставались обыкновенно безъ удовлетворительнаго объясненія.

ЧАСТЬ II, ОБЩАЯ.

Что такое инстинктъ?

Ежели мы называемъ рефлекторнымъ движеніемъ такое движеніе, которое не зависитъ ни отъ нашей воли, ни отъ сознанія, и можетъ только, какъ нѣчто объективное, быть имъ воспринято или пасивно ощущаемо; ежели мы называемъ чисто сознательнымъ дѣйствіемъ такое, которое вполнѣ и во всемъ является только плодомъ нашего разсужденія, подобно результату математической выкладки или безстрастнаго логическаго построенія, т. е. такое движеніе, импульсъ котораго вырабатывается исключительно изъ представленій и идей, то кромѣ нихъ мы наблюдаемъ еще цѣлую групу дѣйствій, весьма ясно отличающихся отъ рефлективныхъ движеній и отъ чисто сознательныхъ поступковъ. Есть дѣйствія, которыя, какъ мы видѣли, не могутъ быть названы безсознательными рефлексами, такъ какъ они выполняются сознательно и произвольно, но въ то же время не могутъ быть названы чисто сознательными или разсудочными дѣйствіями, такъ какъ основаны не на однихъ логическихъ умозаключеніяхъ, но на стремленіяхъ или побужденіяхъ, причины которыхъ таятся въ безсознательныхъ нѣдрахъ организма и служатъ главными мотивами для этого рода дѣйствій.

Такимъ безсознательнымъ по своимъ побудительнымъ причинамъ и сознательнымъ по своему выполненію является большинство, ежели только не всѣ человѣческіе поступки; такова, быть можетъ, почти вся совокупность сознательныхъ дѣйствій животныхъ. Инстинктивными движеніями и дѣйствіями можно назвать такіе сознательные акты, въ которыхъ дѣятельность сознанія играетъ второстепенную, подчиненную роль, служа лишь для болѣе совершеннаго выполненія дѣйствій, требуемыхъ органическими побужденіями животнаго.

Инстинктивный процесъ въ начальномъ своемъ періодѣ вполнѣ безсознателенъ и подобенъ рефлексу, съ тою только разницею, что рефлексъ, начинаясь съ раздраженія, заканчивается безсознательными движеніями, а инстинктивный актъ въ своемъ первомъ или безсознательномъ періодѣ, начинаясь съ несознаваемаго раздраженія, переходитъ въ стремленіе, которое воспринимается сознаніемъ, какъ новое субъективное состояніе, и разрѣшается сознательнымъ дѣйствіемъ. Стремленіе это, проникая въ сознаніе, подчиняетъ его себѣ, лишаетъ его возможности дѣйствовать самостоятельно, разрушаетъ и изгоняетъ всѣ несоотвѣтствующія ему асоціаціи, образы и представленія, вызывая въ сознаніи новые, наполняетъ его своими образами, своими идеями или, вѣр-

нѣе, идеями, соотвѣтствующими выработанному организмомъ стремленію и подчиняетъ сознаніе себѣ, заставляя его работать въ направленіи дѣйствующаго инстинкта.

Конечный періодъ инстинктивнаго процеса подобенъ процесу сознательному. Здѣсь животное совершаетъ рядъ произвольныхъ актовъ, какъ и при всякомъ сознательномъ дѣйствіи, и только причина всѣхъ этихъ дѣйствій остается безсознательною и неразумною, эта причина—органическое стремленіе, а потому и конечный результатъ такихъ сознательныхъ дѣйствій является безсознательною цѣлью животнаго. Отсюда ошибочный выводъ, будто животное не можетъ сознательно производить такихъ дѣйствій, полезные результаты которыхъ, очевидно, недоступны его разуму. Въ дѣйствительности же животное производитъ ихъ вполнѣ сознательно подъ вліяніемъ инстинктивнаго стремленія, направляющаго и руководящаго его сознательную дѣятельность и имѣетъ сознательную цѣль, но цѣль субъективную—удовлетвореніе своего стремленія и обусловленное этимъ наслажденіе.

Мнѣніе Пушэ, цитированное Дарвиномъ, указываетъ на то, что человѣкъ долженъ имѣть болѣе инстинктовъ, нежели низшія животныя. Мнѣніе это подкрѣпляетъ и наше предположеніе, что большинство человѣческихъ поступковъ инстинктивны. Ежели не патологическая, то нѣкоторая физіологическая степень бреда величія, очевидно, свойственна всему человѣческому роду, и люди всегда были склонны считать свои дѣйствія разумными, а инстинкты приписывать только животнымъ. Гордость людей во всѣ вѣка служила однимъ изъ главныхъ препятствій для правильнаго объясненія природы, вѣнцомъ или центромъ которой человѣкъ любитъ признавать только себя.

Какъ нѣкогда въ астрономіи, недавно еще въ зоологіи, такъ и сейчасъ въ психологіи противопоставляетъ она человѣческое самообольщеніе свободному изслѣдованію явленій.

Итакъ, не предрѣшая ничего заранѣе, имѣя лишь въ виду особую групу дѣйствій, не относящихся ни къ чисто-разсудочнымъ, ни къ рефлекторнымъ, условимся называть эти дѣйствія инстинктивными, какъ это очень часто и дѣлается въ общежитіи, а иногда и въ спеціальной литературѣ, и постараемся не смѣшивать съ ними никакихъ иныхъ сознательныхъ или безсознательныхъ дѣйствій. Въ этомъ случаѣ мы будемъ имѣть три категоріи животныхъ движеній.

Къ первой категоріи движеній мы отнесемъ достаточно подробно изученную групу безсознательныхъ рефлексовъ. Тотъ органическій процесъ, который носитъ названіе рефлекса, начинается съ какого-либо внѣшняго или внутренняго раздраженія, причемъ ощущеніе можетъ не доходить до сознанія. Раздраженіе это передается нервнымъ токомъ такъ-называемымъ рефлекторнымъ центрамъ, находящимся, главнымъ образомъ, въ сѣромъ веществѣ спинного и продолговатаго мозга (которые въ сущности составляютъ одинъ цѣльный и ясно отграниченный мозговой стволъ), а также и въ гангліозныхъ узлахъ симпатической нервной системы. Въ этихъ центрахъ нервный токъ перерабатывается въ безсознательные импульсы, иногда очень сложныхъ движеній. По двигательнымъ нервамъ такіе импульсы безсознательно передаются соотвѣтственнымъ мышечнымъ волокнамъ, которыя вслѣдствіе этого сокращаются, и въ результатѣ получается безсозна-

тельное или непроизвольное движеніе. Рефлекторное движеніе можетъ быть воспринято сознаніемъ, какъ нѣчто объективное, постороннее ему и отъ него не зависящее, такими явились бы намъ движенія внутренностныхъ органовъ, если бы мы могли наблюдать ихъ у себя; такимъ является намъ біеніе нашего сердца, которое мы можемъ ощутить рукою, суженіе зрачка, которое мы можемъ наблюдать въ зеркало, и пр.

Къ подобнымъ движеніямъ мы относимъ, пока не обнаружена сознательность этихъ дѣйствій, весьма сложныя дѣйствія насѣкомыхъ, называемыя многими авторами ихъ инстинктами и носящія характеръ приспособленія внѣшней среды къ условіямъ своей жизни, что, кажется, смущаетъ наблюдателей и заставляетъ относить эти дѣйствія къ загадочнымъ, т. е. къ инстинктивнымъ.

Нѣкоторые рефлексы сопровождаются паралельными имъ сознательными процесами, и субъектъ можетъ иногда ощущать раздраженіе ихъ вызывающее, или сокращеніе мускуловъ при выполненіи рефлекторныхъ движеній, таковы рефлексы дыханія, кашля, чиханія, глотанія и многія непроизвольныя движенія поперечно-полосатыхъ мускуловъ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ сознательный процесъ можетъ вмѣшаться въ выполненіе движенія и даже вполнѣ овладѣть имъ, и въ результатѣ получится движеніе, смѣшанное изъ рефлекторныхъ и сознательныхъ движеній, такъ или иначе видоизмѣняющихъ другъ друга, что не мѣшаетъ намъ видѣть органическую самостоятельность и обособленность каждаго изъ нихъ, и ихъ существенное различіе.

Ко второй категоріи будутъ принадлежать дѣйствія вполнѣ сознательныя или разсудочныя. Они должны быть сознательными и по побудительной ихъ причинѣ, и по выработкѣ импульса, и по выполненію. Они начинаются съ ощущенія или аперцепціи, или съ цѣлаго ряда ощущеній, слагающихся въ представленія, въ понятія, въ идеи, изъ которыхъ, при посредствѣ асоціацій или мышленія, сознательно вырабатывается сознательный импульсъ, т. е. разсудочное рѣшеніе произвести нѣкоторое необходимое движеніе, или поступокъ. И, наконецъ, въ послѣдней фазѣ развитія процеса, поступокъ выполняется сознательно, преслѣдуя нѣкоторую вполнѣ сознаваемую цѣль.

Къ третьей группѣ мы отнесемъ инстинкты. т. е. такіе органическіе процесы, которые, начинаясь отъ несознаваемыхъ раздраженій, перерабатываются въ спеціальныхъ, еще неизслѣдованныхъ центрахъ въ безсознательные импульсы, причемъ эти импульсы, выработанные центрами инстинктовъ, не передаются мускуламъ по центробѣжнымъ путямъ, т. е. по двигательнымъ нервамъ, но сообщаются прежде сознанію и сообщаются ему не въ видѣ ощущеній, какъ всѣ внѣшнія раздраженія, но въ видѣ психическихъ чувствъ (стремленій или желаній), т. е. проводятся не къ мускуламъ, но къ сѣрому веществу большихъ полушарій, и только съ момента возникновенія этого возбужденія или чувства, инстинктивный процесъ, до тѣхъ поръ безсознательный, становится сознательнымъ.

Подъ вліяніемъ, возникшаго, какъ бы, самопроизвольно въ сознаніи, неопредѣленнаго инстинктивнаго чувства мышленіемъ вырабаты-

вается вторичный сознательный импульсъ къ движенію въ видѣ опредѣленнаго желанія и разумнаго рѣшенія совершить нѣкоторый поступокъ, имѣющій сознательную цѣль, которая заключается въ удовлетвореніи требованіямъ безсознательнаго стремленія для достиженія психическаго довольства.

Желаніе соединяется съ рѣшеніемъ и образуетъ то, что мы называемъ волею, т. е. вполнѣ сформированный импульсъ сознательнаго или произвольнаго дѣйствія.

И, наконецъ, въ послѣдней фазѣ развитія этого процеса движеніе или поступокъ вполнѣ сознательно и какъ бы свободно, т. е. произвольно, выполняется, какъ всякій сознательный и волевой поступокъ, а въ результатѣ получается наслажденіе, зависящее отъ удовлетворенія инстинктивнаго стремленія, или страданіе въ случаѣ задержки этого выполненія.

Такимъ образомъ, инстинктивное движеніе является вполнѣ сознательнымъ; но процесъ, называемый инстинктомъ, отличается отъ процеса, обусловливающаго чисто-сознательный поступокъ, тѣмъ, что начало инстинктивнаго процеса, какъ начало рефлекса, протекаетъ вполнѣ безсознательно, и тѣмъ, что причиною или побужденіемъ къ выработкѣ сознательнаго импульса является не аперцепція, ощущеніе или представленіе, но чувство, называемое психическимъ, какъ называется все, основы чего неизвѣстны, и, наконецъ, тѣмъ, что существуетъ основаніе предполагать особый органъ, вырабатывающій импульсы тѣхъ нервныхъ токовъ, которые, направляясь къ большому мозгу, вызываютъ возникновеніе психическихъ чувствъ, какъ это мы увидимъ далѣе.

Чувства эти мы называемъ инстинктивными чувствами или инстинктивными стремленіями.

Изъ всего этого мы можемъ извлечь слѣдующее новое опредѣленіе инстинкта: инстинктомъ мы называемъ такой нервный процесъ, который начинается безсознательнымъ органическимъ процесомъ и оканчивается сознательнымъ движеніемъ или цѣлымъ рядомъ поступковъ; при чемъ безсознательный импульсъ въ высшихъ центрахъ перерабатывается въ нѣкоторое характерное стремленіе, проявляющееся въ сознаніи въ видѣ общаго чувства; это послѣднее обусловливаетъ дальнѣйшую дѣятельность самого сознанія, т. е. теченіе асоціацій, разсужденіе, рѣшеніе и волю, обусловливающую инстинктивные поступки.

Инстинктивнымъ движеніемъ мы можемъ назвать такое сознательное движеніе, побудительною причиною которому служитъ инстинктивное чувство, имѣющее безсознательное органическое происхожденіе.

Органическія основы безсознательной жизни, сознанія и чувствъ.

1. Основы безсознательной дѣятельности.

Главные органическіе процесы совершаются безсознательно и непроизвольно.

Большая часть важнѣйшихъ жизненныхъ отправленій заключается въ индивидуальной дѣятельности органическихъ клѣтокъ, асоціаціи которыхъ составляютъ организмъ.

Жизнь растеній и низшихъ животныхъ, не обладающихъ нервною системою, состоитъ почти исключительно изъ такого рода дѣятельности; у высшихъ животныхъ на ней лежитъ значительнѣйшая часть основныхъ жизненныхъ процесовъ, нормальное теченіе которыхъ не достигаетъ сознанія и даже не всегда регулируется низшими нервными центрами.

Дѣятельность органическихъ клѣтокъ во многомъ зависитъ отъ условій среды, отъ ея физическихъ и химическихъ свойствъ, гдѣ важную роль играютъ температура и количество питательныхъ матерьяловъ.

Отдѣльныя клѣтки (одноклѣточные организмы), ведущіе самостоятельную жизнь, какъ отдѣльные индивиды, выполняютъ всѣ функціи организма и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, выполняютъ ихъ до того совершенно, что погибаютъ лишь отъ случайныхъ причинъ, будучи способны при надлежащихъ условіяхъ среды къ вѣчной дѣятельности, т. е. къ безсмертію. Клѣтки, входящія въ составъ организма, спеціализируются: заключенныя внутри организма и защищенныя отъ внѣшнихъ вліяній въ силу своего положенія, т. е. иныхъ условій среды, проявляютъ другого рода дѣятельность. нежели клѣтки, находящіяся на его поверхности.

Ежели дѣятельность разнаго рода клѣтокъ. одной и той же асоціаціи или организма, находясь въ полной гармоніи, взаимно дополняетъ другъ друга. напримѣръ: ежели внѣшнія клѣтки хорошо защищаютъ и охраняютъ внутреннія отъ вредныхъ механическихъ, физическихъ и химическихъ вліяній среды, тогда какъ внутреннія клѣтки доставляютъ внѣшнимъ необходимый запасъ удобоусвояемой пищи, то связь между клѣтками прочна, организмъ крѣпокъ, полонъ здоровья и жизни.

Ежели дѣятельность однѣхъ клѣтокъ недостаточно гармонируетъ съ дѣятельностью другихъ и не служитъ ей необходимымъ дополненіемъ, такъ, напримѣръ, ежели внѣшнія клѣтки недостаточно защищаютъ внутреннія, а послѣднія не доставляютъ первымъ необходимаго количества питательнаго матерьяла, то каждая клѣтка для сохраненія своей жизни принуждена выполнять самостоятельно всѣ функціи живого организма, въ чемъ ей препятствуютъ другія ненормально асоціированныя клѣтки, асоціація такихъ клѣтокъ теряетъ всякое значеніе, и организмъ распадается, т. е. гибнетъ; если же при этомъ, благодаря спеціализаціи. вслѣдствіе вліянія условій среды, отдѣльныя части организма или клѣтки не могутъ самостоятельно выполнять всѣхъ жизненныхъ отправленій — онѣ умираютъ. Таковъ естественный законъ всякой асоціаціи.

Одни лишь паразиты не помогаютъ жизни, но вредятъ индивидамъ той асоціаціи, на средства которой они живутъ, а этимъ вредятъ организму и уничтожаютъ самихъ себя. Паразиты бываютъ причиною внутренней борьбы и потому болѣзни и смерти организма. Болѣзни оканчиваются выздоровленіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ концѣ борьбы клѣтки организма, побѣдивъ, уничтожаютъ, вторг-

шихся извнѣ, паразитовъ, или паразиты обусловливаютъ смерть организма, когда являются сами побѣдителями въ этой борьбѣ; но и здѣсь они неизбѣжно погибаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ организмомъ, жизнь котораго была необходимымъ условіемъ для ихъ собственнаго существованія.

Такимъ образомъ, неуравновѣшенная дѣятельность, несовершенство взаимопомощи или взаимная борьба отдѣльныхъ индивидовъ, соединенныхъ въ одномъ организмѣ и живущихъ на общій счетъ, является главною причиною распаденія асоціацій, т. е. причиною смерти организмовъ. Взаимопомощь—необходимое условіе жизни; несовершенство ея и борьба—условіе смерти всѣхъ органическихъ асоціацій.

Индивидуальная дѣятельность асоціированныхъ клѣтокъ, основанная на принципѣ взаимопомощи, подъ вліяніемъ условій среды, принимаетъ различныя формы, совокупность которыхъ проявляется въ видѣ нормальной жизни организма.

Въ сложныхъ организмахъ спеціализованныя клѣтки соединяются въ различныя групы, отправляющія ту или иную функцію организма. Такія групы носятъ названіе тканей и органовъ.

Колективная дѣятельность тканей и органовъ можетъ совершаться автоматически, регулируемая одними условіями среды и цѣлесообразною спеціализаціею отдѣльныхъ клѣтокъ, при полномъ отсутствіи нервной системы.

Но въ болѣе сложныхъ, въ высшихъ организмахъ безъ особыхъ механизмовъ, регулирующихъ одновременную дѣятельность различныхъ клѣтокъ или органовъ, правильная взаимопомощь невозможна, вслѣдствіе того, что дѣятельность одной групы клѣтокъ не можетъ всегда соотвѣтствовать дѣятельности другой, болѣе или менѣе отъ нея отдаленной групы въ силу разнообразія условій среды.

Кромѣ того одни условія среды не всегда побуждаютъ къ согласованію дѣятельности различныхъ органовъ, тѣмъ болѣе, что условія среды одного органа могутъ даже не зависѣть отъ условій среды другого; а потому и существованіе сложныхъ организмовъ оказалось бы немыслимымъ, если бы не было возможности установить связь между состояніями средъ различныхъ органовъ, т. е. связь раздраженій, регулирующихъ условія гармонической одновременной дѣятельности разныхъ органовъ.

Только тѣ сложные организмы могли существовать и развиваться, разныя части которыхъ оказались взаимно связанными такимъ образомъ, что дѣятельность каждой части регулировалась состояніемъ и дѣятельностью другихъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ частей организма.

Такимъ регуляторомъ, такою связью является нервная система, не создающая, но только регулирующая нормальныя функціи различныхъ группъ одной и той же асоціаціи клѣтокъ, регулирующая одновременную дѣятельность различныхъ органовъ животнаго организма.

Связь эта чисто механическая и сущность ея заключается въ томъ, что при нѣкоторомъ воздѣйствіи внѣшней среды (всегда обусловливающей дѣятельность клѣтокъ) на одинъ органъ, соотвѣтственное раздраженіе тотчасъ же передается другому, болѣе отдаленному органу, вызывая его дѣятельность, которая необходимо должна имѣть

своимъ результатомъ взаимопомощь, т. е. гармоническую въ смыслѣ сохраненія жизни дѣятельность разныхъ органовъ, такъ какъ при иныхъ условіяхъ организмы существовать не могутъ и погибаютъ.

Такой нервный механизмъ называется рефлекторнымъ. Въ простѣйшемъ своемъ видѣ онъ состоитъ изъ одной клѣтки, часть которой вытянута въ нервное волокно, передающее раздраженіе отдаленному органу, т. е. онъ состоитъ изъ одного „нейрона". Въ болѣе сложномъ видѣ онъ состоитъ изъ многихъ клѣтокъ: 1) изъ воспринимающаго внѣшнее раздраженіе апарата или органа чувства, 2) нервнаго центра, перерабатывающаго раздраженіе въ двигательный импульсъ, и 3) двухъ нервныхъ путей центростремительнаго, соединяющаго органъ чувства съ нервнымъ центромъ, и центробѣжнаго, соединяющаго послѣдній съ тѣмъ органомъ, движеніе котораго регулируется.

Рефлекторная дуга, имѣющая одинъ центръ, дѣйствуетъ автоматически подъ вліяніемъ раздраженія, безсознательно и непроизвольно; движеніе, ею вызванное, называется простымъ рефлексомъ. Болѣе развитой нервный механизмъ—нервная система представляетъ въ простѣйшихъ случаяхъ нѣсколько рефлекторныхъ центровъ, связанныхъ между собою нервными волокнами такимъ образомъ, что, при разныхъ степеняхъ раздраженія одного изъ центровъ, возбужденіе при достаточной интенсивности можетъ переходить на нѣсколько и даже на всѣ другіе центры и приводитъ въ дѣйствіе связанные съ ними органы. Такія дѣйствія могутъ быть названы сложными рефлексами.

Большинство органическихъ отправленій и движеній животныхъ, которыя совершаются подъ вліяніемъ внѣшнихъ или внутреннихъ раздраженій и участіе въ которыхъ принимаютъ различные органы, болѣе или менѣе другъ отъ друга отдаленные, выполняются при помощи рефлекторныхъ механизмовъ непроизвольно и безсознательно.

Существованіе нервной системы у низшихъ животныхъ нисколько не доказываетъ намъ существованія у нихъ сознанія, или возможности сознательной дѣятельности, пока мы не знаемъ дѣйствительныхъ анатомическихъ основъ этой дѣятельности.

Движенія лягушки съ отрѣзанною головою такъ сходны во многомъ съ движеніями нормальнаго животнаго, что нѣкоторые ученые и философы, приписывая сознанію большую роль, чѣмъ оно дѣйствительно играетъ, рѣшались называть эти движенія произвольными и помѣщать сознаніе въ рефлекторныхъ центрахъ лягушки, а за послѣднее время находятъ его даже у растеній, хотя не указываютъ его органа или необходимаго механизма.

Не опровергая этого мнѣнія, основаннаго на несовершенныхъ опредѣленіяхъ сознанія, замѣтимъ только, что большому мозгу не остается въ такомъ случаѣ никакой опредѣленной функціи, и потеря его должна бы быть маловажною.

Но зато эти опыты надъ лягушками ясно показываютъ намъ, что весьма сложныя дѣйствія, координированныя движенія и часто, какъ бы, расчитанные акты внѣшняго приспособленія совершаются безсознательно и непроизвольно, при помощи рефлекторнаго апарата, даже у такого несовершеннаго организма, какъ обезглавленная лягушка.

Трудно предположить, чтобы у высшихъ животныхъ рефлектор-

ные нервные механизмы были менѣе совершенны, нѣкоторыя наблюденія надъ животными, лишенными большого мозга, доказываютъ противное. Факты сомнамбулизма, гипноза и нѣкоторыхъ патологическихъ состояній иногда даютъ поводъ предполагать, что многія изъ сложныхъ движеній, считавшихся сознательными, человѣкъ способенъ выполнять безъ помощи сознанія и разсудка.

2. Задержка безсознательныхъ отправленій, какъ причина сознательныхъ дѣйствій.

Мы видимъ, что основы и возможность всѣхъ отправленій и движеній, совокупность которыхъ называется жизнью, заключаются въ дѣятельности, во-первыхъ, и главнымъ образомъ, отдѣльныхъ клѣтокъ организма, т. е. въ ихъ индивидуальной дѣятельности, во-вторыхъ, въ колективной дѣятельности группъ клѣтокъ или тканей и органовъ, въ-третьихъ, въ функціяхъ, регулируемыхъ рефлекторными апаратами нервной системы. Всѣ эти движенія или дѣятельности непроизвольны и безсознательны, всѣ они управляются законами физическаго міра и нисколько не зависятъ отъ животнаго ума или логики. Совокупность ихъ составляетъ всю наличность жизненныхъ отправленій, являющихся нашему сознанію въ видѣ потребностей только въ случаѣ *задержки* какой-либо изъ этихъ автоматическихъ дѣятельностей.

Мы не чувствуемъ желанія дышать, пока дыханіе наше совершается автоматически, но тотчасъ же ощутимъ это желаніе, доходящее до непреодолимой потребности, ежели какимъ-либо способомъ наше дыханіе будетъ задержано. Мы не чувствуемъ желанія ѣсть въ то время, когда пищевареніе наше совершается правильно и клѣтки организма нормально отправляютъ всѣ функціи питанія, но какъ только питательные процесы клѣтокъ будутъ задержаны, мы узнаемъ, что мы голодны, то есть желаемъ ѣсть и т. д.

Сознаніе, такимъ образомъ, призывается на помощь безсознательной дѣятельности организма только въ тѣхъ случаяхъ, когда она *задержана*. Сознательныя движенія или поступки служатъ лишь дополненіемъ къ движеніямъ автоматическимъ, сознательная жизнь лишь дополненіемъ къ безсознательной органической жизни. Мысль, разсужденіе, воля и всякая сознательная дѣятельность играютъ въ жизни второстепенную или служебную роль, и потому сознаніе, пользуясь почетнымъ титуломъ руководителя, въ сущности строго подчинено организму, сильному своей безсознательной, но законномѣрной жизнью.

3. Сознаніе и его анатомическія условія.

Сознаніе можно разсматривать съ субъективной стороны, какъ ощущеніе своихъ собственныхъ внутреннихъ состояній, какъ различеніе психическихъ (нервныхъ) явленій,—асоціированіи или комбинированіе ихъ, какъ внутреннее сопоставленіе многихъ впечатлѣній и импульсовъ, выработанныхъ безсознательными нервными центрами.

Сознаніе — это отраженіе въ одномъ общемъ центрѣ того, что происходитъ во многихъ безсознательныхъ нервныхъ центрахъ.

А потому, тогда какъ рефлекторные центры связаны нервными волокнами съ органами ощущенія и движенія, центръ сознанія долженъ быть связанъ нервными путями съ одними лишь нервными центрами безсознательной жизни, но не съ мускулами и не съ органами, воспринимающими внѣшнія раздраженія.

Этотъ выводъ изъ нашего субъективнаго опредѣленія сознанія подтверждается изслѣдованіями строенія нервныхъ центровъ человѣка и высшихъ животныхъ, а потому, ежели мы замѣтимъ у какого бы то ни было животнаго такой крупный нервный центръ, который кромѣ асоціаціонныхъ волоконъ имѣетъ нервное сообщеніе со всѣми остальными или со многими нервными центрами, не имѣя непосредственной связи ни съ какими органами движеній и ощущеній, — мы вправѣ предположить, что животное обладаетъ сознаніемъ и что замѣченный нервный узелъ можетъ быть центромъ его сознательной жизни, хотя только полное изслѣдованіе строенія и отправленія его нервныхъ центровъ и центровъ сознанія вообще можетъ утвердить такое наше предположеніе.

Такимъ образомъ, не имѣя непосредственнаго сообщенія ни съ органами ощущенія, ни съ железами, ни съ мышцами, органъ сознанія получаетъ свѣдѣнія о происходящемъ въ организмѣ или внѣ его не иначе, какъ чрезъ посредство низшихъ безсознательныхъ центровъ, которые возбуждаются дѣятельностью апаратовъ ощущенія, проводимою при посредствѣ центростремительныхъ нервныхъ волоконъ. Точно такъ же органъ сознанія не можетъ привести въ движеніе какой либо членъ организма или заставить сократиться какой-либо мускулъ иначе, какъ чрезъ посредство низшаго безсознательнаго двигательнаго центра, воздѣйствуя не на мускулъ, а на центръ, управляющій его движеніями.

Въ простѣйшемъ видѣ нервный механизмъ можно себѣ представить какъ рядъ рефлекторныхъ центровъ, связанныхъ съ различными частями организма, получающихъ отъ нихъ раздраженія и, подъ вліяніемъ этихъ раздраженій, регулирующихъ движенія разныхъ органовъ, а центръ сознанія, какъ связанный съ рефлекторными центрами, воспринимающій отраженныя отъ нихъ впечатлѣнія, раздражаемый ихъ дѣятельностью и приводящій въ движеніе рефлекторные центры подъ вліяніемъ импульсовъ, полученныхъ отъ нихъ же.

Въ нервной системѣ человѣка, по общему мнѣнію физіологовъ, кора большого мозга представляетъ собою органъ сознанія. Мейнертъ называетъ всѣ остальные безсознательные центры субкортикальными, т. е. подкорковыми. „Въ силу связи съ субкортикальными центрами, кора, говоритъ Мейнертъ,—является„ какъ бы, зрителемъ совершающихся въ нихъ рефлекторныхъ актовъ“*).

„Благодаря анатомической связи коры съ субкортикальными центрами, каждый рефлекторный процесъ въ послѣднихъ проводится къ корѣ и даетъ инервацiонный образъ (Innervationbild)“, который онъ иногда называетъ инервацiоннымъ ощущеніемъ.

„Оно (это инервацiонное ощущеніе) немыслимо безъ предшествовавшаго возбужденія подкоркового центра.

*) Meynert. Психіатрія, стр. 173. Нѣкоторые авторы называютъ субкортикальные центры подсознательными.

„Такимъ образомъ, всякое состояніе возбужденія передняго мозга (т. е. коры, органа сознанія) по существу своему вторично. Всякое образное воспоминаніе есть результатъ ощущенія, побывавшаго предварительно въ подкорковомъ центрѣ“*), т. е. переработаннаго и переданнаго имъ сознанію. Мейнертъ предполагаетъ даже, что „всякое рефлекторное движеніе сопровождается инерваціоннымъ ощущеніемъ“**), т. е. что сознаніе получаетъ свѣдѣніе о всякой дѣятельности безсознательныхъ нервныхъ центровъ, или, какъ бы, объединяетъ въ себѣ всю нервную дѣятельность организма. Быть можетъ, такое мнѣніе справедливо, но во всякомъ случаѣ достовѣрно лишь то, что все содержаніе сознанія и вся его дѣятельность безусловно зависятъ отъ содержанія и дѣятельности низшихъ рефлекторныхъ центровъ, и сознаніе не имѣетъ ничего собственнаго, что не было бы ему передано безсознательнымъ организмомъ, который доставляетъ ему матерьялъ и импульсы для его дѣятельности, не говоря уже о томъ, что безсознательный организмъ создаетъ, питаетъ и охраняетъ нервный органъ сознанія.

4. Подчиненная роль сознанія.

Все содержаніе сознанія заключается въ ощущеніяхъ, которыя комбинируются въ представленія, понятія, идеи и принципы и сохраняются памятью, проявляясь въ видѣ образовъ воспоминанія. Все содержаніе сознанія, совокупность котораго составляетъ основу разсудка, ума, мысли и знанія зависитъ отъ дѣятельности безсознательныхъ органовъ, ими воспринимается извнѣ, перерабатывается и передается сознанію. Но и этого мало: въ томъ сложномъ процессѣ, который мы называемъ инстинктомъ, сама дѣятельность сознанія не только вызывается дѣятельностью организма, не только направляется его безсознательными потребностями и руководится чувствами, но даже въ мельчайшихъ своихъ деталяхъ управляется безсознательными органическими дѣятелями до такой степени, что всякій актъ сознанія ими вполнѣ обусловленъ. Каждый образъ, возникающій въ сознаніи, каждая мечта, заключающаяся въ теченіи этихъ образовъ, каждая мысль, основанная на ихъ сопоставленіи, вполнѣ и во всемъ зависятъ отъ воздѣйствія безсознательныхъ центровъ, играющихъ на инструментѣ сознанія.

Подъ вліяніемъ того или другого задержаннаго органическаго процеса, при воздѣйствіи низшихъ центровъ, въ сознаніи возникаютъ стремленія или потребности, т. е. безсознательными нервными механизмами вызываются тѣ или другіе чувства и образы воспоминанія. Образы эти, какъ бы, вопреки волѣ, вопреки самому сознанію, подсовываются ему, представляются и навязываются его дѣятельности; они, какъ бы, самопроизвольно возникаютъ въ сознаніи, групируются передъ нимъ и текутъ, складываясь въ мысли, въ идеи, въ проекты сознательной дѣятельности, движимые инстинктивнымъ чувствомъ, инстинктивнымъ желаніемъ.

Сознаніе не можетъ отвернуться отъ нихъ, оставить ихъ или

*) Тамъ же, стр. 170.
**) Тамъ же, стр. 158.

отказаться отъ ихъ созерцанія и отъ работы надъ мыслью, которая складывается изъ этихъ навязанныхъ настроеніемъ образовъ, ибо сознаніе не имѣетъ иного, кромѣ нихъ, содержанія и возникновеніе тѣхъ или другихъ образовъ мало зависитъ отъ самого сознанія.

Представленія вызываются и движутся чувствами, чувства зависятъ отъ задержки и состоянія отправленій безсознательныхъ центровъ, отправленія безсознательныхъ центровъ зависятъ отъ состоянія и дѣятельности организма.

Голодному представляются яства и лакомства, онъ думаетъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно ихъ найти, строитъ планы обѣдовъ, изобрѣтаетъ кушанья. Пьяницѣ представляются всѣ прелести одуряющихъ напитковъ, онъ ищетъ средствъ для удовлетворенія своей страсти. Юноша грезитъ о женщинахъ, ему мерещатся личики, или о самостоятельной дѣятельности, онъ строитъ проекты свободы; дѣвица мечтаетъ о женихахъ, о любви и объ искусствахъ. Прозябшему путнику представляется огонь, домъ и теплая постель; изгнанникъ грезитъ о родинѣ, гордецъ—о власти или о славѣ, скупецъ—о деньгахъ, о богатствѣ, добрякъ—о людскихъ страданіяхъ...

На основаніи этихъ образовъ, навѣянныхъ господствующимъ чувствомъ, непроизвольно, но постоянно и настойчиво возникающихъ въ сознаніи, слагаются мысли, міровоззрѣнія и принципы, складываются дѣйствія, поступки, цѣлая жизнь людей и даже исторія народовъ. Преобладаніе тѣхъ или другихъ чувствъ образуетъ то, что мы привыкли называть характеромъ человѣка, отъ котораго зависятъ всѣ его взгляды и все его поведеніе. Основы характера заложены, слѣдовательно, не въ сознаніи, а въ безсознательномъ организмѣ, отъ котораго зависятъ сознаніе и воля человѣка; вотъ почему невозможно доводами одной лишь логики внушить человѣку дѣйствія или хотя бы мысли, несоотвѣтствующія его характеру; вотъ почему очевиднѣйшія истины отвергаются людьми и даже гонятся ими съ особымъ озлобленіемъ, когда онѣ противорѣчатъ внушеніямъ ихъ органическихъ чувствъ и характеровъ, когда онѣ противорѣчатъ мыслямъ, основаннымъ на привычныхъ и любимыхъ образахъ, навѣянныхъ сознанію безсознательнымъ организмомъ. Новыя истины принимаются только тѣми людьми, характерамъ которыхъ онѣ соотвѣтствуютъ; старыя истины принимаются иногда всѣми, но только въ искаженномъ видѣ, приспособленныя къ господствующимъ органическимъ инстинктамъ людей. Вотъ почему самыя чистыя ученія, самыя возвышенныя религіи и міровоззрѣнія древности нерѣдко извращались до неузнаваемости при своемъ распространеніи.

Многіе изъ учителей человѣчества навѣрное отказались бы отъ своихъ ученій въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь распространяются. Объективная истина недоступна людямъ, пока сознаніе ихъ порабощено органическимъ чувствомъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что истина вполнѣ непостижима, хотя бы по пути къ ней воздвигнуты природою почти непреодолимыя для человѣка преграды.

Организмы въ теченіи долгихъ вѣковъ своего существованія развивались и совершенствовались, приспособляясь некъ познанію истины, но только къ жизни, т. е. къ возможно успѣшному отправленію своихъ органическихъ функцій при разныхъ условіяхъ внѣшней среды.

Сознаніе служило для сохраненія жизни, для приспособленія къ этимъ измѣняющимся внѣшнимъ условіямъ, къ непостоянству которыхъ не могъ бы примѣниться никакой однообразно дѣйствующій рефлекторный апаратъ.

Сознаніе возникло, развилось и служило, какъ дополненіе къ безсознательнымъ отправленіямъ организмовъ; оно имѣло цѣлью только ихъ потребности, но никакъ не познаніе отвлеченной, объективной истины, чуждой правящимъ чувствамъ, рождающимся въ тканяхъ и въ органахъ вслѣдствіи задержки безсознательныхъ органическихъ отправленій Истина эта презирается людьми, пока они находятъ помимо нея путь для удовлетворенія своихъ инстинктивныхъ побужденій, которыми переполнено все ихъ сознаніе, какъ и тѣло. Даже поиски этой истины кажутся жалкими, ненужными и смѣшными, когда сознаніемъ владѣетъ какое либо инстинктивное стремленіе, вытѣсняющее изъ него все то, что не нужно въ данный моментъ безсознательному животному организму.

Когда человѣкъ голоденъ, когда онъ влюбленъ, когда онъ страдаетъ отъ зноя или стужи, когда имъ владѣютъ грѣховныя страсти, что ему за дѣло до научныхъ теорій, до философскихъ вопросовъ? — онъ ихъ презираетъ, считаетъ за прихоти самодуровъ, видитъ въ нихъ никуда негодное теоретизированіе или однѣ отвлеченныя бредни.

„Практическій вопросъ“ стоитъ тогда у него на первомъ планѣ и этотъ практическій вопросъ заключается въ удовлетвореніи его временнаго безсознательнаго стремленія, инстинктивнаго побужденія, органической потребности, безсмысленной страсти или порочной наклонности.

Удовлетвореніе нормальныхъ инстинктивныхъ потребностей, конечно, необходимо для жизни организма, а потому въ смыслѣ сохраненія жизни нѣкоторое равнодушіе ко всему, не относящемуся къ потребности даннаго момента, иногда вполнѣ законно и полезно для животнаго; но оно полезно и законно только во время проявленія въ сознаніи дѣйствительныхъ потребностей жизни, а не тогда, когда извращенныя, искуственно культивированныя и ненормально разросшіяся чувства превратились въ пороки, не допуская въ сознаніе человѣка ни одной ясной мысли, ни одного свѣтлаго отчетливаго образа, несоотвѣтствующаго его похотямъ, и заставляя его видѣть весь міръ въ искаженномъ, въ обезображенномъ видѣ.

Инстинктивныя потребности направляютъ и сосредоточиваютъ вниманіе человѣка на такихъ внѣшнихъ явленіяхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ господствующей въ данный моментъ въ его сознаніи потребности, заставляя иногда просто не замѣчать всего того, что къ ней не относится.

Такое вниманіе, направляемое чувствомъ, называется интересомъ. Появленіе интереса къ чему-либо, вѣрный признакъ пробужденія соотвѣтствующаго инстинкта.

Легко узнать, какія чувства болѣе всего свойственны человѣку, зная предметы, способные возбудить его интересъ, зная общество и мѣста, которыя онъ посѣщаетъ, зная вопросы, которые онъ любитъ затрагивать, зная книги, которыя онъ любитъ читать.

Этотъ инстинктивный интересъ заставляетъ людей изслѣдовать

условія, орудія и способы удовлетворенія его инстинктивныхъ потребностей. Образы воспоминанія и асоціаціи, соотвѣтствующіе той же потребности и вызванные тѣмъ же инстинктомъ, служатъ для образованія мыслей, проектовъ и плановъ инстинктивныхъ дѣйствій, а вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ являются главными двигателями того, что мы называемъ изобрѣтательностью или геніемъ.

При помощи инстинктивныхъ двигателей человѣкъ, обладая хорошимъ механизмомъ изслѣдованія, постепенно изобрѣлъ всѣ тѣ средства, орудія, оружія и предметы необходимости или комфорта, которыми пользуется современное культурное общество для удовлетворенія своихъ органическихъ потребностей.

Десятки, а можетъ быть, и сотни тысячелѣтій были потрачены на всѣ эти инстинктивныя изобрѣтенія, человѣческій умъ проявилъ чудовищную эластичность и силу, напрягаясь безчисленное количество разъ подъ гнетомъ инстинктивныхъ органическихъ побужденій.

Въ проявленіяхъ человѣческаго генія, которыми мы такъ гордимся, главное значеніе принадлежитъ, конечно, скромно скрывшемуся отъ взоровъ инстинкту, который посредствомъ чувствъ возбуждаетъ интересъ, поддерживаетъ вниманіе и направляетъ дѣятельность сознанія, отбираетъ матерьялъ для работы ума и наталкиваетъ разсудокъ шагъ за шагомъ на полезныя для жизни изобрѣтенія. Безъ чувства нѣтъ любознательности, нѣтъ интереса; безъ интереса нѣтъ опытовъ: безъ опытовъ нѣтъ изслѣдованій; безъ изслѣдованій нѣтъ изобрѣтеній. Безъ чувства нѣтъ желаній, безъ желаній нѣтъ энергичныхъ поступковъ, нѣтъ интенсивной мысли.

Инстинктивное чувство кажется намъ существенною основою дѣятельности сознанія, главнымъ двигателемъ сознательной жизни высшихъ животныхъ и человѣка.

Что такое чувство?

1. Чувство и ощущеніе.

Существуетъ цѣлый рядъ психическихъ явленій, которыхъ смыслъ слишкомъ мало выясненъ, но которыя составляютъ ежели не все содержаніе нашей внутренней жизни, то главную и важнѣйшую часть ея. Явленія эти поочередно и безразлично носятъ ничего не объясняющія названія: расположеній духа, настроеній, эмоцій, аффектовъ, душевныхъ движеній, состояній сознанія, общихъ психическихъ или внутреннихъ чувствъ и т. д.

Терминъ чувство имѣетъ еще болѣе обширное значеніе; онъ означаетъ всякую перемѣну въ сознаніи, происходящую какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ органическихъ или психическихъ причинъ.

Мы неправильно называемъ органами чувствъ тѣ органы, которые служатъ для образованія о щ у щ е н і й. Слухъ, осязаніе, зрѣніе и прочія ощущенія мы называемъ чувствами, точно такъ же, какъ чувства любви, тревоги или страданія. Всѣ эти состоянія сознанія принадлежатъ къ разнымъ групамъ психическихъ явленій, вполнѣ заслуживающимъ различенія.

Въ этой области мы прежде всего должны различать отъ чувствъ ощущенія. Послѣднія дѣлятся на двѣ групы: на внѣшнія, доставляемыя такъ-называемыми органами чувствъ (вѣрнѣе, органами ощущеній), и на внутреннія ощущенія, подробно описанныя въ интересномъ сочиненіи проф. Бони „Les Sensations internes". Къ послѣднимъ относятся такъ-называемое мускульное чувство, ощущенія, доставляемыя намъ дѣятельностью внутренностныхъ органовъ или ихъ состояніемъ, и нѣкоторыя спеціальныя ощущенія; всѣ они отличаются отъ чувства тѣмъ, что всегда болѣе или менѣе ясно локализируются нами, т. е. относятся къ извѣстной области организма и иногда проэцируются во внѣшнюю среду.

Какъ замѣчаетъ Бони, рѣзкой границы между ощущеніемъ и чувствомъ (sensation morale) провести невозможно. Гдѣ дѣйствительно граница между ощущеніемъ безразличнымъ и доставляющимъ намъ удовольствіе или непріятность? Ежели чувство боли причислить къ ощущеніямъ, то мы всегда замѣтимъ другое психическое чувство, его сопровождающее, а именно, страданіе или неудовольствіе и пр.; но все-таки это психическое чувство только сопровождаетъ ощущеніе, а не составляетъ его, оно не локализовано въ организмѣ и всегда нами отличается отъ ощущенія по этому основному признаку послѣдняго. Разграничивъ такимъ образомъ эти два рода психическихъ явленій, мы замѣтимъ, что съ субъективной стороны чувство не имѣетъ локализаціи, т. е. не имѣетъ никакихъ пространственныхъ признаковъ; оно обще, а потому и носитъ характеръ чего-то нематерьяльнаго, духовнаго; оно, какъ будто бы, заполняетъ всю область сознанія, и только одного сознанія, не существуя нигдѣ внѣ его, т. е. ни во внѣшней средѣ, ни въ организмѣ. Мы можемъ предполагать, что такая субъективная точка зрѣнія была бы ошибочна, что всякое чувство, точно такъ же какъ и ощущеніе, проникаетъ въ наше сознаніе извнѣ, изъ различныхъ органовъ нашего тѣла, и не локализуется нами въ организмѣ, благодаря лишь тому, что не имѣетъ локализаціи въ самомъ органѣ сознанія, т. е. не имѣетъ въ корѣ большого мозга подобно ощущеніямъ своихъ психосенсорныхъ центровъ.

Ежели мы выдѣлимъ ощущеніе изъ области чувствъ, то въ послѣдней останутся три групы разнообразныхъ явленій: во-первыхъ, неопредѣленныя чувства безпокойства или т р е в о г и, во-вторыхъ, чувства—регуляторы движеній—с т р а д а н і е и н а с л а ж д е н і е и, въ-третьихъ, чувства, направляющія дѣятельность сознанія, волю и волевыя движенія—ж е л а н і я.

2. Боль.

Неясно локализованное ощущеніе боли до того близко подходитъ къ чувству страданія, что понятія эти часто смѣшиваются и термины, обозначающіе ихъ, употребляются одинъ вмѣсто другого, но все-таки боль невозможно отождествлять со страданіемъ. Боль почти всегда вызываетъ чувство страданія или неудовольствія, но извѣстны случаи, правда рѣдкіе и быть можетъ ненормальные, когда боль доставляла наслажденіе, какъ ощущеніе горькаго вкуса, которое обыкновенно бываетъ непріятнымъ въ дѣтствѣ и пріятно въ зрѣломъ возрастѣ одному и тому же лицу...

Это даетъ намъ право причислить боль къ ощущеніямъ, вполнѣ отличнымъ отъ страданія. ~~какъ горечь~~ отлична отъ неудовольствія, но несовершенство локализаціи боли, особенно при нѣкоторыхъ внутреннихъ болѣзняхъ, настолько приближаетъ ее къ общимъ чувствамъ, что нельзя не замѣтить отсутствія рѣзкихъ границъ между этими двумя видами психическихъ явленій и не подозрѣвать сходства въ ихъ вліяніяхъ на сознаніе и въ ихъ органическихъ основахъ или анатомическихъ механизмахъ.

Физіологи, точно такъ же какъ и психологи, не выяснили еще вполнѣ механизма боли, не рѣшили вопроса о томъ, слѣдуетъ ли ее отнести къ ощущеніямъ или къ чувствамъ, и до сего дня спорятъ о путяхъ, по которымъ должна проводиться боль къ неизвѣстнымъ болевымъ или инымъ корковымъ центрамъ.

По мнѣнію однихъ, боль проводится особыми болевыми нервами, иногда предполагаютъ даже особые болевые периферическіе органы, т. е. спеціальные концевые нервные апараты для ощущенія боли и розыскиваютъ на кожѣ болевыя точки, отличныя отъ точекъ осязанія, тепловаго и другихъ ощущеній *).

По этой теоріи боль является особымъ видомъ ощущенія, вполнѣ аналогичнаго всѣмъ остальнымъ ощущеніямъ, имѣющимъ свои проводники, периферическіе апараты и нервные центры, а слѣдовательно и съ психологической точки зрѣнія ее нельзя въ этомъ случаѣ разсматривать какъ общее чувство, которому иногда приписывается центральное происхожденіе.

Другіе считаютъ боль, не зависящимъ отъ ощущеній и отличающимся отъ нихъ, общимъ чувствомъ, подобнымъ голоду, жаждѣ, усталости и пр. **).

Третьи, наконецъ, и къ нимъ принадлежитъ большинство, видятъ въ боли ни что иное, какъ видоизмѣненіе любого ощущенія при чрезмѣрной его интенсивности или повышенной возбудимости нервной системы и органовъ чувствъ.

Периферическими проводниками боли признаются въ этомъ случаѣ центростремительные нервы, т. е. нервы, служащіе для проведенія различныхъ ощущеній. По этому мнѣнію боль не представляетъ собою спеціальнаго ощущенія, такъ какъ въ нее могутъ превратиться всѣ другія и вмѣстѣ съ тѣмъ боль не есть чисто внутреннее чувство, потому что проводится периферическими нервами. Боль, съ этой точки зрѣнія, является чѣмъ-то среднимъ между ощущеніемъ и чувствомъ, переходною ступенью отъ одного къ другому. Ежели подобное возрѣніе основательно, то болѣе точное изслѣдованіе явленій боли можетъ помочь взойти отъ извѣстныхъ и подробно изученныхъ ощущеній къ неизвѣстному механизму столь темныхъ психическихъ чувствъ; а потому мы нѣсколько остановимся на разсмотрѣніи данныхъ, касающихся этого вопроса.

Всѣ будутъ согласны съ тѣмъ, что боль представляетъ собою особое состояніе сознанія, являющееся слѣдствіемъ нѣкоторыхъ органическихъ измѣненій. Никто не можетъ отрицать, что органическія измѣненія передаются сознанію посредствомъ нервныхъ

*) Nichols.
**) Strong, Bain, Delboef, Münsterberg и пр.

путей и апаратовъ. Вопросъ, слѣдовательно, заключается только въ томъ, какіе именно пути и апараты, и какъ функціонируютъ, для воспроизведенія этого состоянія сознанія, и какой процесъ въ корѣ большого мозга обусловливаетъ то состояніе сознанія, которое называется чувствомъ или ощущеніемъ боли.

Всякое ощущеніе, какъ извѣстно, проводится спеціальными нервами отъ периферіи къ спеціальнымъ субкортикальнымъ центрамъ, а затѣмъ къ центрамъ коры. Дѣятельность или состояніе возбужденія спеціальнаго центра коры разсматривается, какъ ближайшая физіологическая причина психологическаго явленія — ощущенія.

Ежели боль ощущеніе, то она должна имѣть свои спеціальные проводники и спеціальные центры, ежели она чувство, то имѣетъ иной механизмъ, изслѣдованіе котораго должно освѣтить темный вопросъ о механизмѣ чувствъ вообще.

Данныя для рѣшенія вопроса о боли, т. е. о существованіи или объ отсутствіи ея спеціальныхъ проводниковъ и центровъ, мы можемъ искать въ слѣдующихъ отмѣченныхъ литературою вопроса фактахъ:

1) Ежели постепенно усиливать какое-либо раздраженіе кожи, то испытываемое вначалѣ ощущеніе давленія, холода, тепла и проч., при нѣкоторой интенсивности раздраженія, внезапно переходитъ въ боль, воспринимаемую сознаніемъ, какъ нѣчто новое, непохожее на предшествовавшее ощущеніе, которое съ появленіемъ боли иногда исчезаетъ, какъ бы уступая ей свое мѣсто въ сознаніи, т. е. въ корѣ большого мозга.

2) Нѣкоторые предполагаютъ, что всѣ ощущенія могутъ, усиливаясь, превратиться, наконецъ, въ боль, не исключая ни зрительныхъ, ни слуховыхъ ощущеній.

3) Замѣчено, что при пораненіяхъ ощущеніе прикосновенія предшествуетъ чувству боли. Гольдшнейдеръ, Лерманнъ (Lehrmann) и другіе показали, что время реакціи на боль продолжительнѣе времени реакціи на всякое другое ощущеніе. Ощущеніе давленія предшествуетъ появленію боли и по окончаніи раздраженія исчезаетъ ранѣе ея.

4) Боль, какъ показалъ Ш. Рише, является не только слѣдствіемъ усиленія раздраженій, но и слѣдствіемъ суммированія ихъ; продолжительное или повторяющееся, хотя и легкое раздраженіе нерѣдко вызываетъ чувство боли. Всѣ эти факты заставляютъ предполагать, что ежели не проводники и центры, то раздражители, производящіе боль, и раздражители, производящіе ощущеніе, тождественны, различаясь только степенью интенсивности или продолжительностью; изъ чего можно было бы заключить, что нервно-физіологическіе процесы этихъ двухъ явленій различаются только по интенсивности, ежели бы слѣдующіе факты не противорѣчили такому заключенію.

5) Наркотическія и анестезирующія вещества (хлороформъ и кокаинъ) могутъ иногда производить анальгезію, т. е. выпаденіе чувства боли при сохраненіи способностей ощущенія прикосновенія, тепла и проч.; то же замѣчается при нѣкоторыхъ болѣзняхъ спинного мозга, въ истеріи и т. д. Шиффъ производилъ искуственную анальгезію, разрушая сѣрое вещество спинного мозга, причемъ задніе столбы оставались цѣлыми.

6) Въ другихъ случаяхъ наблюдали полную анестезію съ со-

храненіемъ одной лишь болевой чувствительности; а именно въ разныхъ нервныхъ болѣзняхъ, при вивисекціяхъ или при дѣйствіи углекислоты на кожу (что заставило нѣкоторыхъ допустить возможность четырехъ родовъ ощущенія: болевого, собственно осязанія, т. е. ощущенія прикосновенія и давленія, теплового и холодового).

7) Замѣчали, что при нѣкоторыхъ патологическихъ состояніяхъ самое легкое прикосновеніе или давленіе вмѣсто ощущенія вызывало чувство боли, тогда какъ охлажденіе льдомъ и прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ оставались вполнѣ нечувствительными, и, наоборотъ, въ другихъ случаяхъ при чувствительности къ термическимъ болевымъ раздраженіямъ больные не ощущали боли отъ давленія (это привело къ предположенію о существованіи особыхъ путей или аппаратовъ для воспріятія или проведенія болевыхъ — механическихъ и болевыхъ — термическихъ ощущеній).

8) Локализація боли никогда не бываетъ настолько же точною и опредѣленною, какъ локализація ощущеній, а иногда замѣчательна своею ошибочностью, особенно при раздраженіяхъ внутренностныхъ органовъ; такъ, при нѣкоторыхъ болѣзняхъ сердца боль ощущается въ лѣвой рукѣ, раздраженіе желудка производитъ головную боль, при воспаленіи грудобрюшной преграды боль ощущается въ правомъ плечѣ. Въ одномъ случаѣ при пораненіи правой ноги боль ощущалась въ лѣвой и т. д. *).

9) Извѣстенъ фактъ ирадіаціи боли, состоящій въ томъ, что боль, какъ бы, имѣетъ свойство распространяться на сосѣднія съ раздражаемымъ мѣстомъ области. Сильныя боли лучеобразно распространяются иногда на большія протяженія. Боль одного зуба можетъ распространиться на всю челюсть и даже на цѣлую половину тѣла.

Наибольшая степень ирадіаціи, точно такъ же, какъ и наибольшія отклоненія въ локализаціи боли замѣчаются при раздраженіи внутренностныхъ органовъ, лишенныхъ нервовъ спеціальныхъ ощущеній (т. е., вѣроятно, инервируемыхъ волокнами симпатической системы **).

Всѣ эти факты приводятъ къ тому заключенію, что ежели раздражители, производящіе боль, и нормальныя ощущенія тождественны, и ежели нервы ощущеній способны въ то же время быть проводниками чувства боли, то, безъ сомнѣнія, боль проводится также и другими центростремительными нервами (напр., нервами внутренностныхъ органовъ), которые не служатъ для проведенія какого-либо спеціальнаго ощущенія. А потому трудно предположить, что боль—только усиленная степень нормальнаго ощущенія, точно такъ же, какъ трудно отрицать, что нервный токъ во всякомъ центростремительномъ нервѣ при достаточномъ напряженіи способенъ произвести чувство боли, независимо отъ того, служитъ ли онъ для образованія ощущеній или же только для безсознательной рефлекторной дѣятельности организма.

Данныя физіологіи и анатоміи не представляютъ пока необходимости говорить о существованіи спеціальныхъ болевыхъ нервовъ, но ежели одни и тѣ же периферическіе нервы могутъ служить для про-

*) Landois. Учебникъ физіологіи человѣка. Изд. 2, стр. 916.
**) Тамъ же.

веденія какъ боли, такъ и ощущеній, то центральные проводники и центральная локализація въ обоихъ случаяхъ не могутъ быть одинаковыми, на что ясно указываютъ перечисленные выше факты.

Явленія ирадіаціи боли въ обширныхъ областяхъ организма указываютъ на ирадіацію въ корѣ того нервнаго движенія, которое составляетъ причину сознательнаго чувства боли. Отсутствіе точной локализаціи боли въ организмѣ и особенно ложная локализація при болѣзняхъ внутренностныхъ органовъ указываютъ на вѣроятное отсутствіе спеціально болевыхъ центровъ въ корѣ, на отсутствіе прямой и непосредственной связи каждаго органа, способнаго вызвать болевое чувство, съ соотвѣтствующими психосенсорными центрами и на отсутствіе психосенсорныхъ центровъ для каждаго органа. Возможность самыхъ разнообразныхъ комбинацій при выпаденіи той или иной чувствительности, въ явленіяхъ анальгезіи и анестезіи показываетъ независимость боли отъ ощущеній, а слѣдовательно, независимость и обособленность ихъ механизмовъ. Если же механизмы боли и ощущенія въ одно и то же время тождественны и различны, то они должны быть частію общи, частію же самостоятельны, что блистательно доказываютъ намъ опыты проф. Шиффа.

Руководясь изслѣдованіями Шиффа и нѣкоторыми изъ воззрѣній Мейнерта, можно уяснить себѣ механизмъ боли, ежели не во всѣхъ его деталяхъ, то достаточно для того, чтобы получить нѣкоторое представленіе о возможныхъ физіологическихъ основахъ этого психическаго явленія. Ежели мы предположимъ, что осязаніе и болевое чувство проводятся до спинного мозга одними и тѣми же центростремительными нервами, то локализованное чувство осязанія (ощущеніе давленія и прикосновенія) проводится черезъ задній корешокъ въ гангліозные элементы задняго рога и отсюда вверхъ по заднему столбу той же стороны (ощущеніе тепла проводится, будто бы, сѣрымъ веществомъ). Нарушеніе непрерывности заднихъ столбовъ уничтожаетъ чувство холода, давленія и мышечное чувство... Тогда какъ „проведеніе болевыхъ ощущеній происходитъ черезъ задніе корешки и отсюда черезъ все сѣрое вещество“...

„Если прорѣзать сѣрое вещество, оставивъ лишь небольшой соединительный мостикъ, то послѣдній одинъ въ состояніи проводить болевыя ощущенія кверху. Въ этомъ случаѣ замѣчается, по Schiff'у, лишь замедленіе проведенія. Только съ полной перерѣзкой сѣраго вещества прекращается проведеніе всякихъ болевыхъ ощущеній изъ нижележащихъ частей тѣла. Происходитъ, такимъ образомъ, состояніе анальгезіи, при которомъ осязательныя ощущенія еще продолжаютъ существовать (если задніе столбы не тронуты)“... *)

По изслѣдованію Шиффа, въ спинномъ мозгу пути осязанія и боли расходятся, осязаніе движется по волокнамъ бѣлаго вещества вверхъ въ направленіи къ центрамъ сознанія, нервный токъ боли вступаетъ въ область сѣраго вещества и при посредствѣ его проводится къ головному мозгу.

Можно предположить, что сѣрымъ веществомъ спинного мозга вырабатывается подъ вліяніемъ интенсивнаго раздра-

*) Landois. Учебникъ физіологіи человѣка, стр. 916.

женія тотъ нервный токъ высокаго напряженія, который производитъ въ корѣ болевыя впечатлѣнія. Сѣрое вещество кромѣ проводимости имѣетъ еще одно свойство, и это главное его свойство—давать подъ вліяніемъ раздраженій разряды нервной энергіи, которая въ данномъ случаѣ направляется къ высшимъ центрамъ. Такая дѣятельность сѣраго вещества потребуетъ, конечно, гораздо болѣе времени, чѣмъ простое проведеніе нервнаго тока. Можно даже утверждать, что всякое раздраженіе нервныхъ клѣтокъ субкортикальныхъ центровъ должно сопровождаться выдѣленіемъ нервной энергіи, которая находитъ себѣ истокъ или въ рефлексахъ, когда разряды направлены къ мышцамъ или въ психическихъ явленіяхъ, когда они направляются къ корѣ большого мозга, а потому слѣдуетъ думать, что въ явленіяхъ боли сѣрое вещество спинного мозга служитъ не только проводникомъ, но генераторомъ болевого нервнаго тока.

По указанію проф. Бехтерева, проводники для болевого ощущенія заложены въ передней области боковыхъ столбовъ (у кролика и у курицы). Возможно, что нервный разрядъ, выработанный сѣрымъ веществомъ спинного мозга для воздѣйствія на психосенсорные центры полушарій большого мозга, направляется къ послѣднему (у кролика и у курицы) по боковымъ столбамъ, а потому едва ли необходимо видѣть неизбѣжное противорѣчіе въ опытахъ професоровъ Шиффа и Бехтерева.

Какими путями слѣдуетъ въ сѣромъ веществѣ спинного мозга и далѣе этотъ импульсъ, направляющійся къ корѣ большого мозга, мы не будемъ прослѣживать въ деталяхъ, пока не имѣемъ для этого достаточно точныхъ данныхъ, замѣтимъ только, что онъ доходитъ по большей части до соотвѣтственныхъ психосенсорныхъ центровъ, гдѣ таковые имѣются. При болѣзни пальца мы, хотя и не такъ совершенно, какъ при ощущеніи прикосновенія, локализуемъ чувство боли, но все-таки чувствуемъ, что болитъ палецъ, а не зубъ, и приблизительно знаемъ мѣсто раздраженія, слѣдовательно, локализація боли въ корѣ связана и даже, вѣроятно, совпадаетъ съ локализаціею осязанія, хотя и не имѣетъ столь опредѣленныхъ и постоянныхъ границъ, какъ послѣдняя, т. е. боль, хотя и не имѣетъ своего строго отграниченнаго центра, но, вѣроятно, исходитъ изъ соотвѣтственнаго психосенсорнаго центра коры, неопредѣленно распространяясь на сосѣднія области.

„Боль, говоритъ Мейнертъ, причисляютъ къ чувствамъ. Отличіе ея отъ другихъ чувственныхъ воспріятій (по нашей терминологіи—отъ ощущеній) заключается въ распространенной ирадіаціи“ *).

Центральную ирадіацію боли можно представить себѣ слѣдующимъ образомъ: ежели слишкомъ сильный нервный разрядъ передается изъ субкортикальныхъ въ какой-либо психосенсорный центръ, онъ, какъ бы, переполняетъ его и, вызывая значительные разряды, направляется далѣе не по нормальному пути среднихъ нервныхъ разрядовъ, но по всѣмъ возможнымъ путямъ, хотя бы и трудно проходимымъ, т. е. это интенсивное болевое нервное движеніе передается

*) Prof. Th. Meynert. „Психіатрія“.

во всѣхъ направленіяхъ всѣмъ сосѣднимъ клѣткамъ. не принадлежащимъ данному центру такъ, что болевое возбужденіе распространяется на многіе центры. Число возбуждаемыхъ болью центровъ должно быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ сильнѣе само раздраженіе; чѣмъ сильнѣе боль, тѣмъ обширнѣе ея ирадіація. Ненормальная и спеціальной формы дѣятельность многихъ психосенсорныхъ центровъ проэцируется, какъ особое состояніе соотвѣтственныхъ органовъ; а потому больному кажется пораженною гораздо болѣе обширная область его организма, чѣмъ это есть въ дѣйствительности.

Допустивъ подобное предположеніе. боль можно разсматривать, какъ интенсивное раздраженіе психосенсорныхъ центровъ нервнымъ движеніемъ, выработаннымъ въ сѣромъ веществѣ спиннаго мозга, которое въ корѣ большого мозга ирадіируетъ на сосѣдніе центры и проэцируется на связанные съ ними органы.

Конечно, можно предположить, что ирадіація болевого раздраженія на сосѣднія клѣтки происходитъ еще въ спинномъ мозгу и сообщается корѣ по нормальнымъ центростремительнымъ путямъ, но это для нашей задачи пока безразлично, факты останутся тѣми же и для пониманія ихъ можно принять какъ то, такъ и другое объясненіе, пока изслѣдованіе, наконецъ, не закрѣпитъ какое нибудь навсегда. Во всякомъ случаѣ явленія ирадіаціи или возбужденіе сосѣднихъ центровъ коры при болевомъ раздраженіи одного изъ нихъ составляетъ характерный признакъ чувства боли.

Какія же слѣдствія должно повлечь за собою явленіе центральной ирадіаціи въ психическихъ отправленіяхъ индивида или въ его субъективномъ состояніи.

Первое необходимое слѣдствіе—это неопредѣленная локализація боли въ органахъ. Второе слѣдствіе—измѣнчивость этой локализаціи, границы которой расширяются по мѣрѣ увеличенія интенсивности боли, такъ какъ при этомъ ирадіація въ центральныхъ органахъ распространяется на болѣе обширную область. Мы уже видѣли, что болѣзнь одного зуба можетъ казаться болѣзнью всей головы и даже половины тѣла. Третье слѣдствіе—это видоизмѣненіе функцій въ тѣхъ центрахъ, на которые ирадіируетъ боль, т. е. видоизмѣненіе ощущеній и даже движеній, ежели область ирадіаціи распространяется на психомоторные центры и, наконецъ, четвертое—угнетеніе нормальныхъ психическихъ отправленій или теченія асоціацій иногда до полнаго ихъ прекращенія, что проявляется въ измѣненіяхъ настроенія, сопровождающихъ чувство боли, въ измѣненіяхъ характера, связанныхъ съ продолжительными физическими страданіями и пр. При самой интенсивной боли, т. е. при самой обширной ея ирадіаціи, можно наблюдать полное прекращеніе всякихъ психическихъ отправленій, т. е. потерю сознанія или обморокъ.

Когда болевая ирадіація распространяется на психомоторные центры, наблюдаются явленія въ двигательной сферѣ: ненормальныя сокращенія мускуловъ, подергиванія и пр., наконецъ, *желаніе безполезныхъ или безцѣльныхъ движеній и безпокойство*, а въ болѣе сильной степени бурныя и импульсивныя движенія, и, наконецъ, когда ирадіація продолжительнаго болевого раздраженія за-

хватываетъ обширную психомоторную область коры, можно ожидать эпилептиформный припадокъ, являющійся слѣдствіемъ боли. Угнетеніе болью нормальныхъ психическихъ отправленій можно объяснить кромѣ того навязчивостью боли, благодаря которой страдающему невозможно отвлечь вниманія отъ этого чувства. Навязчивость боли зависитъ отъ разстройствъ асоціацій. Послѣднее явленіе заключается въ томъ, что раздраженіе большого количества нервныхъ клѣтокъ автоматически вызываетъ ихъ ненормальную дѣятельность и дѣятельность другихъ клѣтокъ, связанныхъ съ ними проводящими путями, т. е. вызываетъ рядъ новыхъ отчасти безпорядочныхъ асоціацій, заполняющихъ сознаніе больного и групирующихся около главнаго чувства — боли.

Такимъ образомъ, чувство боли вслѣдствіе отсутствія центральной локализаціи видоизмѣняетъ ощущенія и чувствительность, нарушаетъ теченіе асоціацій, угнетаетъ нормальные психическіе процесы, измѣняетъ настроеніе, вызываетъ рядъ новыхъ частію безпорядочныхъ асоціацій, навязывая ихъ сознанію, т. е. обусловливаетъ содержаніе и направленіе мышленія, порождаетъ безпокойство, желанія нѣкоторыхъ движеній, вызываетъ произвольныя, частію цѣлесообразныя (вслѣдствіе асоціацій) и частію безцѣльныя (вслѣдствіе ирадіаціи) движенія и движенія импульсивныя. То есть боль, заполняя обширную область коры, заполняетъ обширную область сознанія, направляетъ его дѣятельность, обусловливая мысли, поступки и движенія индивида, и этимъ она отличается отъ всякаго ощущенія и приближается къ общему психическому чувству. Въ слабыхъ своихъ степеняхъ, когда центральная ирадіація боли незначительна, она стоитъ ближе къ ощущенію, какъ бы имѣетъ свой центръ и локализуется въ болѣе или менѣе опредѣленной области организма; почти всѣ психическія свойства боли при этомъ вполнѣ аналогичны свойствамъ простыхъ ощущеній. Благодаря такимъ признакамъ, мы можемъ поставить боль на границѣ между ощущеніемъ и чувствомъ, какъ звено, связующее эти два различные вида психическихъ явленій.

Ежели мы возьмемъ для примѣра не болевое раздраженіе, а какое-либо намъ вполнѣ безразличное, т. е. до такой степени мало возбуждающее психосенсорные центры, что мы хотя и воспринимаемъ, но почти не замѣчаемъ его. Ежели мы возьмемъ, напримѣръ, постоянно раздражающее кожу, но не всегда замѣчаемое нами, прикосновеніе платья или давленіе обуви, мы увидимъ, что мы обыкновенно не сознаемъ этихъ ощущеній, пока не обратимъ на нихъ спеціальнаго вниманія, и что они не сопровождаются никакими, или почти никакими, общими чувствами; но стоитъ намъ только усилить эти раздраженія, стоитъ только надѣть узкое платье или тѣсную обувь и ощущенія ихъ давленія чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени превратятся въ чувство боли, къ нимъ можетъ присоединиться какъ бы другое психическое чувство тревоги; нами овладѣетъ безпокойство, неловкость, и расположеніе нашего духа можетъ измѣниться.

Что же собственно произошло? Въ первомъ случаѣ, когда мы не ощущали нашей одежды или обуви, раздраженіе периферическихъ окончаній чувствительныхъ нервовъ, производимое ими, очевидно, не

доходило до сознанія, т. е. оно или не доходило до коры большого мозга, или же, что вѣроятнѣе, достигнувъ своего психосенсорнаго центра, не вызывало разряда и потому далѣе его не распространялось и, не обусловливая новыхъ асоціацій, оставалось внѣ нашего сознанія. Раздраженіе это могло производить рефлексы и производило ихъ; по крайней мѣрѣ въ кожѣ и въ кровеносныхъ сосудахъ, оно доходило до субкортикальныхъ центровъ и, проникая въ эти центры, перерабатывалось ими въ импульсы безсознательныхъ движеній; но ежели оно и доходило до корковыхъ центровъ, то послѣдніе, вѣроятно, всецѣло его поглощали или задерживали. Во второмъ случаѣ, когда мы произвольно обратили вниманіе на одно изъ этихъ раздраженій, мы получили сознательное его ощущеніе, т. е. произошла произвольная асоціація, вызванная, вѣроятно, не однимъ только токомъ раздраженія, но и нѣкоторыми другими, обусловившими разрядъ психосенсорнаго центра и замкнувшими цѣпь асоціацій. Такимъ образомъ, раздраженіе вошло въ область сознанія, произошли нѣкоторые новые нормальные мозговые процесы: сопоставленіе ощущенія съ другими ощущеніями или съ образами воспоминанія, могло возникнуть представленіе, идея, мысль; но... и только! Далѣе дѣло не пошло, чувства никакого не возникло, мы остались безстрастны, индиферентны къ этому безразличному для насъ ощущенію. Въ третьемъ случаѣ, когда платье наше рѣжетъ тѣло или обувь жметъ ногу и, особенно, ежели раздраженіе это продолжительно, намъ уже не надо нарочно обращать вниманіе на раздраженіе, оно само достигаетъ до сознанія и образуетъ асоціаціи, т. е., суммируясь въ психосенсорномъ центрѣ, при нѣкоторомъ напряженіи вызываетъ разряды, распространяющіеся по асоціаціоннымъ волокнамъ на другіе центры коры и, наконецъ, особое нервное движеніе, болевая вибрація, истекающая изъ сѣраго вещества спинного мозга, переполняетъ психосенсорный центръ, заглушаетъ ощущеніе, ирадіируетъ на сосѣдніе центры и производитъ чувство боли, навязчиво врывающееся въ область сознанія и мѣшающее намъ сосредоточиться на иномъ какомъ-либо ощущеніи или на мысли.

Ненормальная дѣятельность обширной групы клѣтокъ, вызывая ряды новыхъ неправильныхъ асоціацій, обусловливая явленіе повышенной чувствительности другихъ органовъ, насильственно отвлекаетъ къ себѣ вниманіе, задерживаетъ нормальные психическіе процесы и задержка нормальнаго теченія психическихъ процесовъ составляетъ причину психическаго чувства страданія или недовольства, сопровождающаго боль; въ этомъ состоитъ суть измѣненія общаго расположенія духа.

Боль средней интенсивности мѣшаетъ свободному (т. е. обычному) теченію асоціацій и, вызывая новыя, заставляетъ насъ думать о нашей болѣзни, сосредоточивать вниманіе на собственныхъ ощущеніяхъ и на всемъ связанномъ воспоминаніемъ съ чувствомъ боли, а также изыскивать средства для ея устраненія. Въ первые моменты по прекращеніи боли возникаетъ особое психическое чувство благосостоянія, не ясно проэцируемое отчасти въ раіонъ прекратившагося раздраженія, оно является слѣдствіемъ устраненія задержки и возстановленія свободнаго, т. е. нормальнаго теченія психическихъ процесовъ. Таковы объясненія фактовъ, являющіяся логическими слѣдствіями нашей гипотезы механизма боли.

3. Ощущеніе, боль и чувство.

Изъ предыдущаго видно, что чувство отличается отъ ощущенія тѣмъ, что не имѣетъ локализаціи въ корѣ, но распространяется на гораздо болѣе обширную область большого мозга и, какъ бы, заполняетъ сознаніе. Оно даетъ общій колоритъ всей сознательной дѣятельности, составляетъ какъ бы фонъ ея и потому называется психическимъ, или общимъ чувствомъ, а въ менѣе интенсивной степени—настроеніемъ. Заполняя сознаніе, не слишкомъ интенсивное чувство совмѣщается съ возникающими въ немъ вслѣдствіи другихъ причинъ, образами и ощущеніями и только видоизмѣняетъ ихъ въ той или другой степени, сообразно со своею интенсивностью точно такъ же, какъ волны отъ брошеннаго камня, распространяясь по гладкой поверхности воды, совмѣщаются съ кольцами волнъ отъ другихъ камешковъ, падающихъ на ту же поверхность; но фигуры совмѣстившихся волнъ видоизмѣняются, вліяя другъ на друга сообразно математическимъ условіямъ своего распространенія.

Слѣдовательно, чувство боли можно разсматривать, какъ интенсивное раздраженіе посредствомъ сильнаго нервнаго тока, выработаннаго въ сѣромъ веществѣ спинного мозга соотвѣтственныхъ психосенсорныхъ центровъ, сопровождаемое обширною ирадіаціею и вызывающее нервные разряды и многочисленныя асоціаціи. Чувство психическаго страданія, сопровождающее чувство боли, заключается въ угнетеніи или въ задержкѣ нормальныхъ психическихъ процесовъ процесами насильственными, составляющими сущность чувства боли.

Чувство же вообще заключается въ такомъ нервномъ движеніи, которое не сосредоточивается въ одномъ психосенсорномъ центрѣ, но охватываетъ многіе центры, управляетъ асоціаціями, вызываетъ или видоизмѣняетъ ихъ и составляетъ сущность настроенія, расположенія духа и даже характера.

Но, какъ мы увидимъ, не всѣ общія чувства возникаютъ и распространяются тѣмъ же путемъ, какимъ возникаетъ и распространяется чувство боли, не всѣ характеризуются ненормальною ирадіаціею или вызываютъ дѣятельность неопредѣленнаго числа сосѣднихъ центровъ. Не всѣ раздраженія, къ счастію животныхъ, въ видѣ боли являются сознанію, когда требуютъ его дѣятельности при задержкахъ или при нарушеніи отправленій организма, которыя не могутъ быть устранены безсознательными рефлексами, иначе вся жизнь животнаго представляла бы одну сплошную болѣзнь, одно сплошное страданіе, тѣмъ болѣе, что чувство боли не возбуждаетъ, а чаще угнетаетъ, работу сознанія или въ лучшихъ случаяхъ суживаетъ ея область.

Большинство нормальныхъ, т. е. физіологическихъ, но не патологическихъ чувствъ, а въ томъ числѣ всѣ инстинктивныя чувства, распространяются на нѣкоторые, хотя бы еще неизвѣстные, но строго опредѣленные центры, обусловливая опредѣленныя асоціаціи и вызывая цѣлесообразныя произвольныя движенія. При первомъ своемъ возникновеніи почти всѣ чувства недостаточно опредѣленны

и требуютъ нѣкоторой подготовки сознанія; въ этомъ періодѣ всѣ чувства имѣютъ много сходства съ чувствомъ боли, сопровождаются страданіемъ и выражаются въ видѣ безпокойства или тревоги, которая затѣмъ опредѣляется въ стремленіе къ какому либо движенію или поступку, или въ желаніе какого-либо объекта.

Къ неопредѣленнымъ чувствамъ мы можемъ причислить боль, страданіе, наслажденіе или удовольствіе и безпокойство или тревогу. Къ опредѣленнымъ чувствамъ—хотѣніе, охоту или желаніе; эти послѣднія, очевидно. представляютъ лишь разныя степени одного и того же чувства, которое мы будемъ называть желаніемъ.

4. Желаніе.

Всякое безсознательное побужденіе можетъ опредѣлиться въ сознаніи. какъ желаніе положительное или отрицательное, т. е. какъ желаніе или какъ нежеланіе, влеченіе. или „фобія“, иначе говоря, какъ стремленіе къ чему-либо или какъ стремленіе отъ чего-либо. Такимъ образомъ, всякое инстинктивное чувство мы можемъ разсматривать какъ желаніе.

На этомъ основаніи нѣкоторые раздѣляютъ чувства, какъ Мейнертъ раздѣляетъ рефлексы, на агресивныя и оборонительныя. Но не слѣдуетъ терять изъ вида, что нѣкоторымъ чувствамъ могутъ соотвѣтствовать оба рода движеній; такъ, напримѣръ, вслѣдствіе вражды можно нападать на врага или удаляться отъ него и т. д.; поэтому едва ли было бы цѣлесообразно положить внѣшніе признаки тѣхъ или другихъ движеній въ основу класификаціи чувствъ.

Мы знаемъ множество чувствъ и для нихъ существуетъ множество названій; таковы: зависть, ревность, надежда, интересъ. боязнь, равнодушіе, веселье, отвращеніе, гнѣвъ, страсть, ужасъ. жадность, стыдъ, самодовольство и много другихъ, ясно или неясно рисующихъ намъ то или иное желаніе и сопровождающія ихъ удовлетворенность или неудовлетворенность, психическое наслажденіе или страданіе.

Всѣхъ чувствъ-желаній я перечислить не сумѣю, но можно подозрѣвать существованіе многихъ такихъ чувствъ, для которыхъ не существуетъ еще названій или же которыя называются именами другихъ, съ ними не сходныхъ. Кромѣ того каждое изъ чувствъ при большей или меньшей своей интенсивности можетъ обусловить различныя состоянія сознанія, различныя внѣшнія проявленія и потому можетъ носить различныя названія; таковы, напримѣръ: симпатія, склонность, влеченіе, любовь, страсть и т. д , которыя всѣ представляютъ собою различныя степени одного и того же положительнаго инстинктивнаго желанія. Про человѣка, который въ данный моментъ желаетъ выпить вина, мы говоримъ, что онъ хочетъ вина, ежели онъ часто желаетъ вина, мы говоримъ, что онъ имѣетъ склонность или влеченіе къ вину, если онъ постоянно его хочетъ, мы говоримъ, что онъ любитъ вино, и, наконецъ, ежели весьма частое желаніе этого человѣка интенсивно почти до непреодолимости, мы говоримъ, что онъ имѣетъ страсть къ вину. Любовь въ дѣйствительности не что иное,

какъ постоянное или частое желаніе чего-либо. Любить бифштексъ—это значитъ часто желать ѣсть бифштексъ, любить женщину—это значитъ постоянно желать воспринимать впечатлѣнія отъ этой женщины, любить искуство—значитъ желать воспринимать впечатлѣнія отъ предметовъ искуства или отъ процесовъ творчества. Любить—значитъ постоянно желать и желать, кромѣ того, съ нѣкоторою степенью интенсивности. Всѣ инстинктивныя чувства сводятся на желанія.

5. Тревога.

Тревога — одно изъ наичаще встрѣчающихся неопредѣленныхъ психическихъ чувствъ, первая стадія всякаго инстинктивнаго чувства, предшествующая его опредѣленію, какъ желаніе. Тревога можетъ или перейти въ желаніе, т. е. опредѣлиться, какъ это мы видимъ въ большинствѣ случаевъ инстинктивной тревоги, или же, оставаясь неопредѣленною, достичь высшихъ степеней развитія и интенсивности, доступныхъ для психическаго чувства, какъ это можно наблюдать между прочимъ въ случаяхъ патологической тревоги, возникающей при пораженіяхъ нѣкоторыхъ внутренностныхъ органовъ или органовъ центральной нервной системы, не обладающихъ болевою чувствительностью.

Всѣ чувства-желанія въ первой стадіи своего психическаго развитія проявляются въ видѣ тревоги.

Мы часто не понимаемъ, не сознаемъ, чего намъ надо; мы только чувствуемъ, что намъ отчего-то „не по себѣ“. Ежели вниманіе наше отвлечено въ это время иными мыслями, поглощено прежними, недостигнутыми еще цѣлями, къ которымъ были направлены всѣ наши стремленія, мы вдругъ начинаемъ не то, что сознавать, но какъ бы чувствовать всю суету этихъ прежнихъ цѣлей, всю ихъ ненадобность и нами овладѣваетъ недовольство. „Не то, не то!“ какъ бы шепчетъ намъ внутренній голосъ на всѣ наши попытки, намѣренія и предпріятія. Мы чувствуемъ, что надо что-то сдѣлать, мы чувствуемъ, что намъ чего-то недостаетъ; но чего намъ недостаетъ? что намъ необходимо сдѣлать? — мы этого не знаемъ. Недовольство наше какъ будто рождается независимо отъ нашей сознательной жизни, какъ будто бы наитіемъ навѣяно намъ извнѣ, откуда-то сообщено нашему духу, какъ будто что-то сверхчувственное коснулось нашей мысли, снизойдя къ ней изъ тайныхъ сферъ неизвѣстнаго, недоступнаго намъ духовнаго міра или изъ четвертаго измѣренія. На дѣлѣ же оно ворвалось въ область сознанія изъ безсознательныхъ темныхъ нѣдръ нашего организма... Вслѣдствіе задержки безсознательныхъ жизненныхъ отправленій, изъ глубины организма проникаетъ въ кору нѣкоторое нервное движеніе, возбуждая въ сознаніи неопредѣленное чувство тревоги, какъ первое сознательное проявленіе задержки важныхъ органическихъ отправленій.

Чувство это характеризуется нарушеніемъ правильнаго теченія асоціацій: легкость и свобода мысли теряются, яркость и отчетливость образовъ исчезаетъ, процесъ логическаго развитія идеи затрудняется, задерживается, а иногда совсѣмъ останавливается. Даже въ слабыхъ степеняхъ тревоги—при легкомъ безпокойствѣ порядокъ пред-

ставленій нарушается, нить разсужденія запутывается и надо нѣкоторое напряженіе воли, нѣкоторое насиліе надъ мыслью и надъ настроеніемъ, чтобы возстановить послѣдовательность теченія асоціацій. Но ежели тревога значительна, усилія воли тщетны, или же они исправляютъ дѣло не надолго, чувство безпокойства въ скоромъ времени снова врывается въ сознаніе, снова путаетъ образы, понятія и мысли и снова пробуждаетъ безпричинное смятеніе духа, безотчетное недовольство и безцѣльныя безпорядочныя движенія.

Въ патологическихъ случаяхъ тревога большею частью не опредѣляется, т. е. не превращается въ опредѣленное желаніе; но, непрерывно развиваясь, она достигаетъ иногда такой интенсивности, которая почти непонятна, невѣроятна для лицъ, незнакомыхъ съ этимъ явленіемъ.

„Ужасъ и мрачное отчаяніе овладѣваютъ сознаніемъ человѣка въ инкубаціонномъ періодѣ бѣшенства", т. е. въ то время, пока заболѣвшій еще не ощущаетъ никакихъ физическихъ страданій.

„Больными овладѣваетъ глубокое угнетеніе,—говоритъ Эйхгорстъ:—они становятся блѣдными, безпокойными и тревожными, лишаются апетита и сна и, въ большинствѣ случаевъ, мучатся невыразимымъ страхомъ передъ этой ужасной болѣзнью. Зрачки расширены, взглядъ неподвиженъ"... *).

Предсердечная тоска, особый видъ высокой степени развитія патологической тревоги, была нерѣдко наблюдаема врачами при отравленіи ядами, преимущественно дѣйствующими на сердце (никотинъ), при грудной жабѣ (angina pectoris) и, какъ предвѣстникъ, во многихъ случаяхъ, тяжкихъ психическихъ разстройствъ.

По словамъ Крафта-Эбинга, „на представленія она (предсердечная тоска) оказываетъ прямо парализующее, задерживающее, нарушающее связь между идеями вліяніе, доходящее даже до полнаго прекращенія воспріятій и потемнѣнія самосознанія, или же вызываетъ ужасающаго свойства идеи бреда и такія же галюцинаціи".

„Въ двигательной сферѣ человѣка, во время приступа предсердечной тоски, проявляется могучее непреодолимое стремленіе къ освобожденію отъ мучительнаго состоянія психическаго напряженія. Предсердечная тоска выражается или инстинктивными (?), безцѣльными движеніями (человѣкъ не можетъ найти себѣ мѣста), или импульсивными, едва ли даже сознательными дѣйствіями, которыя мотивируются только смутно представляющеюся сознанію необходимостью во что бы то ни стало измѣнить невыносимое душевное состояніе, или же, наконецъ, совершенно слѣпымъ буйствомъ, бѣшенствомъ, настоящими психическими судорогами, которыя можно сравнить съ тѣми безсознательными, насильственными двигательными проявленіями (разряженіями, entladungen, décharges), которыя наблюдаются въ эпилептическомъ приступѣ"...

„Описываемыя состоянія представляютъ огромную опасность для самого больного и окружающихъ его лицъ. Ужасныя самоизуродованія, самоубійство, убійство, свирѣпое разрушеніе больнымъ всего,

*) Д-ръ Г. Эйхгорстъ. „Руководство къ частной патологіи и терапіи", пер. д-ра Шапира, томъ IV, стр. 901. Спб. 1892 г.

что попадетъ ему въ руки—самыя частыя событія въ такихъ случаяхъ, безъ труда объясняемыя мучительною тоскою, тяжелымъ разстройствомъ сознанія и аналгезіею больного"*).

Причисляя это чувство къ страданіямъ (douleurs), проф. Бони такъ описываетъ тревогу: „Родъ общаго чувства; какъ будто исходящаго изъ самой глубины нашего существа, мы получаемъ какъ бы интуитивное знаніе того, что жизни нашей грозитъ неминуемая опасность, скрывающаяся въ тайникахъ ея первоисточниковъ; причемъ эмоціональныя состоянія—грусть, отчаяніе, страхъ смерти—несоразмѣрно превышаютъ, дѣйствительно ощущаемыя (физическія), страданія, которыя, смѣшиваясь съ этими ощущеніями, придаютъ имъ совершенно особый необъяснимый характеръ"**).

Къ этому чувству недомоганія (тревоги) въ иныхъ случаяхъ, по описанію того же автора, присоединяются предсердечныя ощущенія. Въ легкихъ степеняхъ это простое: „чувствовать себя нехорошо"—не по себѣ—и „скорѣе неприятное, чѣмъ болѣзненное ощущеніе въ области сердца"; въ болѣе сильной степени это—тоска, ощущеніе тяжести на сердцѣ, сжиманія груди, страха, зловѣщихъ предчувствій, ощущеніе „смерти, которая проходитъ около васъ", ужасныя ожиданія и пр. Явленія эти особенно усиливаются ночью и ежели они продолжительны, то бываютъ причиною смерти.

Другой видъ недомоганія проф. Бони видитъ въ явленіи чрезмѣрной нервной раздражительности (hyperexitabilité nerveuse). типичнымъ образчикомъ которой онъ считаетъ чувство, сопровождающее безсонницу, когда ощущаются безпокойство, нетерпѣніе, раздражительное недовольство (agacement) и общая тревога выражается невозможностью найти себѣ мѣсто и невозможностью оставаться въ прежнемъ положеніи. По его мнѣнію, въ болѣе сильной степени подобное чувство часто является предвѣстникомъ болѣзни, это безпокойство, при которомъ люди „сами не знаютъ ни куда они хотятъ, ни чего они хотятъ, принимаются за какое-нибудь занятіе, которое тотчасъ же бросаютъ, чтобы приняться за другое, которое бросятъ сію минуту". Къ этому прибавляется нетерпѣніе, „все ихъ злитъ, все ихъ волнуетъ, недовольные другими и сами собой, они сердятся (boudent), плачутъ, приходятъ въ бѣшенство отъ самаго ничтожнаго повода". За этимъ слѣдуетъ отчаяніе, потомъ мускульное возбужденіе увеличивается, слѣдуютъ „порывистыя и безпорядочныя движенія", потоки безсвязныхъ словъ, все выражаетъ нѣкоторое разстройство сознанія, граничащее съ помѣшательствомъ. „Это состояніе встрѣчается часто у лицъ, наканунѣ или послѣ покушенія на самоубійство", у помѣшанныхъ предшествуетъ импульсивнымъ ихъ дѣйствіямъ или является предвѣстникомъ внезапнаго взрыва ихъ помѣшательства.

Нельзя не видѣть близкаго сходства тревоги съ чувствомъ боли. Тревога, появляясь вслѣдствіи задержки нормальныхъ функцій организма, неизвѣстными нервными путями точно такъ же какъ и боль, насильственно и навязчиво проникаетъ въ сознаніе, разрушаетъ асоціаціи, измѣняетъ настроеніе и вызываетъ импуль-

*) Крафтъ-Эбингъ. Учебникъ психіатріи, стр. 168.
**) H. Beaunis. Les sensations internes, стр. 185.

сивныя или безпорядочныя движенія, повидимому нецѣлесообразныя, т. е. неприспособленныя. Но тревога въ то же время рѣзко отличается отъ боли: она не обладаетъ даже той, хотя бы и несовершенной, локализаціей, которая характеризуетъ чувство боли, и, не имѣя совсѣмъ локализаціи, не имѣетъ области наибольшаго напряженія и района ирадіаціи, столь характерныхъ для боли; а потому при всѣхъ своихъ органическихъ основахъ тревога представляется чувствомъ о б щ и м ъ, душевнымъ и причисляется къ психическимъ страданіямъ, тогда какъ ощущеніе боли относится всѣми къ тѣлеснымъ или физическимъ чувствамъ. Хотя предсердечная тоска имѣетъ и въ этомъ отношеніи нѣкоторое сходство съ болью.

Отсутствіе локализаціи въ организмѣ, вліяніе на общее настроеніе, на асоціаціи и на произвольныя движенія указываютъ на обширность области распространенія въ корѣ большого мозга того нервнаго возбужденія, которое воспринимается сознаніемъ, какъ чувство тревоги. Возбужденіе, обусловливающее чувство боли, распространяется въ полушаріяхъ, исходя изъ опредѣленныхъ психосенсорныхъ центровъ, гдѣ оно, какъ бы, концентрировано, а потому проявляется всего интенсивнѣе въ соотвѣтствующихъ этимъ центрамъ частяхъ организма и затѣмъ, ирадіируя на сосѣдніе центры, постепенно ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ центра ирадіаціи и вслѣдствіе того образуетъ, хотя бы не точную и не постоянную область локализаціи, но болѣе или менѣе опредѣленную для каждаго момента и имѣющую кромѣ того центръ наибольшаго напряженія;—нервное же возбужденіе тревоги не распространяется на кору въ видѣ ирадіаціи отъ какого-либо опредѣленнаго психосенсорнаго центра, какъ это мы видѣли при возникновеніи боли. Тревога не имѣетъ области наибольшаго напряженія и не имѣетъ локализаціи ни въ организмѣ, ни въ корѣ, т. е. центръ этого нервнаго возбужденія слѣдуетъ искать не въ корѣ большого мозга, но въ безсознательныхъ, въ субкортикальныхъ центрахъ, откуда оно распространяется, вѣроятно, по многимъ путямъ на всю или на обширную область органа сознанія, а потому и воспринимается какъ общее, или психическое чувство.

Локализація предсердечной тоски неопредѣленна, какъ локализація боли; физическое ощущеніе, вѣроятно, является лишь отраженнымъ, оно не преобладаетъ надъ чувствомъ психическимъ и не управляетъ имъ, какъ это бываетъ при боли, но представляется скорѣе, какъ бы, слабымъ о т р а ж е н і е м ъ въ организмѣ подавляющаго психическаго состоянія. Какъ при боли органическое чувство господствуетъ надъ психическимъ, такъ психическое господствуетъ надъ органическимъ въ предсердечной тоскѣ.

Есть основанія предполагать, что предсердечная тоска представляетъ лишь частный случай тревоги, имѣетъ органическія основы и является большею частью слѣдствіемъ тяжкихъ заболѣваній, т. е. значительнаго разстройства отправленій нервныхъ центровъ или другихъ важныхъ для жизни органовъ.

Патологическая тревога, кромѣ своей интенсивности и неспособности опредѣлиться, т. е. перейти въ желаніе, очевидно, не отличается отъ инстинктивной. Первая вызываетъ, какъ послѣдняя, рядъ безпорядочныхъ торопливыхъ поступковъ и движеній, въ которыхъ живот-

ное, какъ бы, наудачу пробуетъ все, чтобы найти то, что можетъ облегчить его тяжелое психическое состояніе, найти тѣ акты, или объекты, которые способны успокоить его тревогу.

Но обыкновенно необходимые объекты и акты не сразу находятся, тревога все увеличивается, организмъ все настойчивѣе требуетъ устраненія задержки, возстановленія нормальныхъ функцій, движенія становятся порывистѣе и безпорядочнѣе, безпокойство растетъ. Что именно слѣдуетъ дѣлать?—этого организмъ не можетъ сообщить сознанію; одно лишь способенъ онъ указать, это возстановленіе нормальныхъ его функцій; а именно: когда необходимые объекты или акты найдены, въ сознаніи возникаетъ чувство довольства, наслажденія или успокоенія.

До этого же момента угнетаемому сознанію остается лишь наудачу производить опыты, и производить ихъ возможно поспѣшнѣе, возможно большее количество въ самый короткій промежутокъ времени. Вначалѣ, при первомъ появленіи тревоги, человѣкъ иногда разсуждаетъ о своемъ состояніи, опыты его сознательны и разумны, онъ пробуетъ успокоиться тѣмъ или другимъ занятіемъ, тѣмъ или другимъ положеніемъ, тѣмъ или другимъ средствомъ; но если ничего не помогаетъ, одинъ сознательный поступокъ смѣняется другимъ все быстрѣе и быстрѣе, движенія становятся все безпокойнѣе и безпокойнѣе, пока, наконецъ, мысль не истощится въ творчествѣ, пока она, утомленная тяжелой эмоціею, не откажется больше работать. Но бываютъ случаи, когда при ослабленіи разсудка патологическая тревога все-таки растетъ, крѣпнетъ и, наконецъ, осиливъ полузаснувшее сознаніе, сама управляетъ психическими отправленіями человѣка, овладѣвая центрами его психической дѣятельности, и вызываетъ безъ порядка, безъ смысла, безъ цѣли, рядъ мятежныхъ порывистыхъ или бурныхъ движеній и потоки безсвязныхъ словъ, т. е. буйство и бредъ. Это уже не сознаніе дѣйствуетъ, не разумъ говоритъ,—это дѣйствуетъ слѣпой страдающій безсознательный организмъ, ворвавшійся во дворецъ сознанія и схватившій въ свои грубыя и неумѣлыя руки кормила правленія; это пораженный болѣзнью органъ овладѣлъ помимо воли и разума произвольною дѣятельностью опасно больного человѣка.

Свергнутое съ престола, ослабшее и разбитое сознаніе едва лишь смутно созерцаетъ поступки узурпатора и болѣе не въ силахъ ни управлять ими, ни овладѣть, ни даже обсуждать ихъ.

Внѣшнія проявленія всего этого называются маніакальнымъ приступомъ, импульсивными дѣйствіями, безпорядочными, бурными и насильственными движеніями, которые представляютъ максимальное напряженіе тревоги.

Организмъ безсознательный является въ дѣйствительности главнымъ повелителемъ и руководителемъ сознанія. Онъ направляетъ дѣятельность мысли, налагая свое veto на асоціаціи и на чувства, не имѣющія прямой цѣли удовлетворять его насущнымъ потребностямъ, когда они ждутъ этого удовлетворенія. Онъ управляетъ сознаніемъ безжалостно, какъ деспотъ, и самоувѣренно, какъ законный владыка, несмотря на всю гордость разсудка и на его илюзорную свободу. Подъ вліяніемъ тревоги идеи и представленія наши путаются, а поступки утрачиваютъ смыслъ и цѣлесообразность. Подъ вліяніемъ

вновь проявившагося инстинктивнаго желанія, возникающаго изъ тревоги, наши мысли и дѣла и сама жизнь наша пріобрѣтаютъ новый смыслъ, новыя цѣли и новое направленіе. Разумъ стремится на помощь желанію, идеи одинаковой окраски сами собою подбираются и групируются въ одномъ установленномъ локальнымъ чувствомъ направленіи. Кто-то погоняетъ мысли и не даетъ имъ покоя до тѣхъ поръ, пока не удовлетворитъ, наконецъ, неизвѣстно откуда явившагося и овладѣвшаго всею психическою дѣятельностью инстинктивнаго желанія.

6. Страданіе и наслажденіе, какъ регуляторы инстинктивныхъ движеній и ихъ несовершенства.

Чувства боли, тоски, тревоги и желанія, сливающіяся иногда въ одномъ понятіи подъ общимъ именемъ недовольства или страданія, какъ кнутъ побуждаютъ наши поступки, и мысль наша какъ почтовая лошадь всю жизнь труситъ по указанной ей дорогѣ, то засыпая, то оживляясь подъ взмахами этого кнута.

Мы должны страдать, пока мы не понимаемъ ни смысла, ни цѣли, ни законовъ нашей органической жизни; мы должны испытывать недовольство, пока нами руководятъ только желанія. Это организмъ предъявляетъ сознанію свои требованія; онъ властно указываетъ нашему разуму, что главное его назначеніе служить той непонятной для него жизни, которая заключается не въ немъ, но въ каждой клѣточкѣ нашего неразумнаго тѣла, въ каждомъ безсознательномъ движеніи, въ каждомъ физіологическомъ отправленіи организма.

Психическая жизнь должна быть страданіемъ, потому что только задержка нормальныхъ отправленій требуетъ вмѣшательства сознанія, потому что только недовольство, тревога и боль могутъ заставить животное интенсивною работою сознанія настойчиво добиваться удовлетворенія потребностей безсознательной жизни. И только разумное знаніе всѣхъ этихъ потребностей, своевременное ихъ удовлетвореніе, т. е. полное знаніе законовъ органической жизни можетъ когда-нибудь—въ далекомъ будущемъ—избавить людей отъ безусловной необходимости страдать для того, чтобы жить.

Въ дѣйствительности кромѣ страданія, которое вызывается и чувствомъ тревоги, ничего не возникаетъ въ сознаніи подъ вліяніемъ задержекъ органическихъ отправленій, составляющихъ основную причину неопредѣленныхъ чувствъ, изъ которыхъ вырабатываются желанія. Ежели задержки не устраняются безсознательными рефлексами, раздраженія, возрастая и суммируясь, достигаютъ сознанія, гдѣ обнаруживаются въ видѣ страданія, т. е. недовольства, тревоги, боли, тоски и пр. Устраненіе задержекъ проявляется въ сознаніи, какъ наслажденіе. Задержка физіологическихъ процесовъ первоначально влечетъ за собою задержку процесовъ психическихъ, т. е. мозговыхъ; она проявляется въ чувствѣ тревоги или страданія; чувство тревоги, какъ мы уже видѣли, останавливаетъ теченіе асоціацій. Психическимъ страданіемъ, сопровождающимъ другія чувства, мы называемъ именно задержку свободнаго теченія психическихъ процесовъ. Психическимъ наслажденіемъ мы называемъ то чувство, которое испытываемъ при

возстановленіи свободнаго теченія психическихъ процесовъ. Физическимъ удовольствіемъ или наслажденіемъ мы называемъ проэцируемое въ организмъ ощущеніе, возникающее при устраненіи задержки и при возстановленіи психическихъ процесовъ. Очень часто устраненіе задержки физіологическаго процеса не сопровождается спеціальнымъ, локализуемымъ въ организмѣ, ощущеніемъ, но проявляется единственно, какъ возстановленіе психическихъ отправленій, и тогда мы его называемъ чисто психическимъ или духовнымъ наслажденіемъ, не подозрѣвая, какъ мало духовныхъ и какъ много тѣлесныхъ основъ имѣетъ наше „возвышенное“ или „возвышающее насъ“ психическое удовольствіе.

Чувства страданія и удовольствія можно назвать регуляторами сознательныхъ и въ особенности инстинктивныхъ движеній или поступковъ, и въ то же время опредѣлителями тревоги, такъ какъ они управляютъ скоростью и вліяютъ на направленіе сознательныхъ движеній, совершаемыхъ при побужденіяхъ тревоги, и служатъ для выбора поступковъ и объектовъ и для закрѣпленія памятью и асоціаціями въ сознаніи такого выбора, чѣмъ и опредѣляется желаніе, какъ это выяснено ниже.

Мы нашли, что вслѣдствіе задержки какого-либо физіологическаго процеса можетъ произойти задержка процесовъ психическихъ, которая отразится въ нашемъ сознаніи, какъ психическое страданіе. Возстановленіе же физіологическаго процеса, обусловливая паралельное возстановленіе процесовъ психическихъ, сопровождается чувствомъ психическаго наслажденія.

Понятно, что нервный механизмъ, основанный на подобномъ принципѣ, можетъ прекрасно регулировать сознательныя дѣйствія животныхъ, направляя ихъ къ устраненію раздражителя, задерживающаго функціи организма, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти функціи и раздражитель остаются сами по себѣ недоступными для ощущенія или сознанія. Животное, руководясь единственно своими психическими чувствами, будетъ избѣгать тѣхъ движеній, которыя усиливаютъ или вызываютъ страданіе психическое, и производить тѣ движенія, которыя доставляютъ психическое наслажденіе, а, слѣдовательно, оно будетъ безсознательно устранять задержки и возстанавливать неизвѣстныя ему нормальныя органическія отправленія, т. е. служить цѣлямъ сохраненія жизни.

Чувства страданія и наслажденія, автоматически регулируя, такимъ образомъ, сознательныя движенія животныхъ, служатъ животнымъ замѣною недостающаго знанія потребностей и отправленій собственнаго организма, и эти чувства мы можемъ назвать регуляторами инстинктивныхъ движеній и опредѣлителями тревоги.

Инстинкты и ихъ регуляторы были бы совершенными, если бы психическія чувства страданія и наслажденія всегда и вполнѣ соотвѣтствовали задержкамъ и возстановленію отправленій и кромѣ того не могли быть вызываемы никакими другими вліяніями кромѣ вліянія этихъ органическихъ отправленій и ихъ задержекъ. Но такъ какъ сознаніе не ощущаетъ непосредственно происходящаго въ организмѣ, такъ какъ нервное возбужденіе, являющееся слѣдствіемъ задержки, должно пробѣжать нѣкоторый путь, прежде чѣмъ достигнетъ коры

большого мозга, и, наконецъ, такъ какъ оно должно вызвать въ органѣ сознанія нѣкоторое движеніе, которое мы называемъ психическимъ чувствомъ, имѣющее мало общаго съ задержаннымъ въ организмѣ процесомъ, то, вліяя на путь, пробѣгаемый возбужденіемъ, или на органъ сознанія, можно уничтожить, вызвать или видоизмѣнять соотвѣтственныя чувства.

Такъ—перерѣзка нерва или параличъ могутъ избавить отъ боли, алкоголь, гашишъ, морфій и другіе яды, видоизмѣняя дѣятельность нервныхъ механизмовъ, могутъ вызвать чувства, несоотвѣтствующія состоянію организма, причемъ задержки не устраняются. Наконецъ, несовершенства организмовъ, порочныя отклоненія, болѣзненныя видоизмѣненія и извращенія нервныхъ функцій приводятъ къ подобнымъ же результатамъ.

А потому, хотя во многихъ случаяхъ страданіе и наслажденіе оказываются цѣлесообразными или, вѣрнѣе, приспособленными и приспособительными чувствами,—руководясь единственно ими, животное все-таки можетъ имѣть склонность къ поступкамъ или объектамъ, которые служатъ не для сохраненія жизни, но для ея разрушенія. Вредное удовольствіе можетъ быть причиною страданій и даже смерти. Въ этомъ заключается то, на что такъ часто жалуются поэты и философы-песимисты, называя это явленіе фатальнымъ обманомъ или злою насмѣшкою своихъ боговъ надъ ними или надъ всѣмъ человѣчествомъ; по нашему же мнѣнію, таковы послѣдствія несовершенства нервной организаціи инстинктовъ и ихъ регуляторовъ въ смыслѣ приспособленія.

7. Самоопредѣленіе тревоги.

Тревога, какъ мы сказали, неопредѣленное, неясное чувство, не указывающее субъекту ни на необходимыя дѣйствія, ни на объектъ безсознательныхъ потребностей организма; она какъ бы даетъ сознанію неполное указаніе только того, что организму „чего-то“ недостаетъ. Инстинктъ вполнѣ предоставляетъ самому сознанію разрѣшить загадку о томъ, чего именно недостаетъ организму и какимъ способомъ слѣдуетъ восполнить этотъ недостатокъ. Въ первомъ періодѣ зарожденія инстинктивнаго чувства сознаніемъ овладѣваетъ одно лишь состояніе тревоги, какъ фактъ для него необъяснимый, безпричинный и непріятный.

Мысль могла бы придти лишь къ заключенію о необходимости избавиться отъ этого непріятнаго состоянія, мѣшающаго думать, дѣйствовать, интересоваться и заниматься чѣмъ бы то ни было. Поступки и асоціаціи, несоотвѣтствующіе удовлетворенію органической потребности, не заглушаютъ тревоги и тревога ихъ разрушаетъ. Сознательныя движенія и объекты, не возстановляющіе задержаннаго органическаго процеса, не устраняютъ тревоги и тревога отвлекаетъ отъ нихъ сознаніе. Мысли и дѣйствія, не соотвѣтствующія органической потребности, становятся невозможными и въ то же время тревога, возбуждая разные центры психической дѣятельности, настойчиво требуетъ новыхъ мыслей и дѣйствій, тотчасъ же ихъ прерывая, какъ только они оказываются безполезными, т. е.—не уменьшаютъ, но увеличиваютъ тревогу.

И вотъ начинается цѣлый рядъ поспѣшныхъ, безпорядочныхъ опытовъ. Однѣ мысли быстро смѣняются другими, поступки слѣдуютъ за поступками, нося безпокойный и капризный характеръ, пока, наконецъ, животное или человѣкъ, какъ бы случайно, не нападаетъ на тѣ поступки и объекты, которые хоть отчасти облегчаютъ тревогу, возстановляя органическій процесъ, задержка котораго является основною ея причиною. Въ тѣхъ случаяхъ, когда особь, побуждаемая къ дѣятельности и руководимая въ ней чувствомъ инстинктивной тревоги, нападаетъ, наконецъ, на движенія и объекты, облегчающіе психическое страданіе, доставляющіе удовольствіе и успокаивающіе тревогу, т. е. служащіе къ устраненію задержекъ, происходитъ психическій процесъ самоопредѣленія тревоги; съ этого момента неопредѣленное чувство тревоги превращается въ другое—опредѣленное чувство, въ болѣе или менѣе ясно сознаваемое инстинктивное желаніе, т. е. въ желаніе найденныхъ произвольныхъ актовъ и объектовъ, доставляющихъ удовольствіе и облегченіе.

Тревога теленка, нашедшаго въ первый разъ сосокъ своей матери, превращается въ желаніе сосать ея молоко, тревога созрѣвающей женщины, испытавшей первый поцѣлуй, превращается въ желаніе не разставаться со своимъ возлюбленнымъ, тревога художника, обуреваемаго тоской вдохновенія, превращается въ желаніе творить, и т. д.

Когда поступки и объекты, доставляющіе облегченіе животному въ періодѣ тревоги, найдены,—все найдено, тревога постепенно исчезаетъ и желаніе опредѣляется въ сознаніи.

Прежнее чувство въ этой новой фазѣ своего развитія имѣетъ вполнѣ самостоятельный характеръ и представляетъ мало сходства съ породившею его тревогою. Теченіе асоціацій принимаетъ опредѣленное направленіе, пріобрѣтаетъ стройность и силу, все нарушающее эту стройность изгоняется изъ сознанія, мысль становится легка и „свободна“, желаніе проясняется и овладѣваетъ сознаніемъ, безпорядочныя и повидимому,—безцѣльныя дѣйствія становятся гармоничными и очевидно цѣлесообразными, въ движеніяхъ появляется энергія, выразительность и опредѣленность; животное знаетъ, чего оно хочетъ, и увѣренно идетъ къ цѣли своихъ сознанныхъ инстинктивныхъ желаній.

Легко замѣтить, что тревога можетъ опредѣлиться двоякимъ образомъ—субъективно и объективно и что субъективное опредѣленіе ея почти всегда предшествуетъ объективному. Такъ, напримѣръ, ежели вслѣдствіе органической потребности питанія, овладѣвшая нами, тревога врывается въ наше сознаніе, мы сосредоточиваемъ вначалѣ наше вниманіе главнымъ образомъ на ея спеціальномъ характерѣ, т. е. на сопровождающихъ ее ощущеніяхъ. Эти признаки, вступая въ сознаніе, опредѣляютъ чувство лишь субъективно, и мы узнаемъ, что мы голодны или что намъ хочется ѣсть.

Когда же чувство голода, благодаря дальнѣйшимъ асоціаціямъ, превратится въ желаніе съѣсть бифштексъ, или въ намѣреніе пойти въ ресторанъ пообѣдать, то оно опредѣлится для насъ и объективно, т. е. мы познаемъ объектъ нашего безсознательнаго стремленія. Такъ происходитъ вторичное самоопредѣленіе тревоги, уже испытанной и опредѣлившейся въ прошломъ; но и при первомъ ея появленіи вначалѣ опредѣляются желанія двигательныя и уже впослѣдствіи, опре-

дѣляются объекты желаній, которые въ сущности составляютъ лишь необходимыя внѣшнія условія потребныхъ или желаемыхъ движеній.

Инстинкты не предопредѣляютъ объектовъ и не указываютъ животнымъ на объекты, наиболѣе соотвѣтствующіе ихъ потребностямъ; ихъ выборъ вполнѣ зависитъ отъ случая, т. е. отъ внѣшней среды, которая окружаетъ животное. Прежде всего опредѣляется желаемый актъ или движеніе и животное можетъ только между окружающими объектами выбирать наиболѣе подходящій для удовлетворенія этого субъективнаго желанія. Теленокъ, не найдя вымени, пробуетъ сосать шерсть коровы, ребенокъ сосетъ палецъ, уголъ подушки или искусственную соску, лошадь грызетъ ясли, собака скребетъ лапами полъ, институтка ѣстъ мѣлъ, глину, грифель, влюбляется въ портретъ или „обожаетъ“ свою подругу.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда тревога, субъективно опредѣлившаяся, не можетъ найти нормальнаго объективнаго опредѣленія, вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ для этого объектовъ въ окружающей средѣ, выбираются объекты несоотвѣтственные, и въ результатѣ получается ошибочное опредѣленіе тревоги, противоестественныя желанія и, вслѣдствіе привычки къ нимъ, искуственное извращеніе инстинктовъ. Такимъ извращеніямъ у насъ много способствуетъ искуственная среда закрытыхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ молодежь проводитъ тѣ именно годы, когда у нея впервые пробуждаются половые инстинкты и вызываемая ими тревога, вполнѣ опредѣляясь субъективно, не можетъ найти нормальнаго объективнаго опредѣленія.

При пробужденіи какихъ бы то ни было инстинктовъ, кромѣ тревоги, возникаютъ еще нѣкоторыя характерныя ощущенія въ томъ или другомъ органѣ, не всегда ясныя и сильныя, но дающія свой колоритъ тревогѣ каждаго отдѣльнаго инстинкта.

Эти ощущенія прежде всего опредѣляютъ тревогу, асоціируясь съ ней точно такъ же, какъ впослѣдствіи съ представленіями движеній и объектовъ, опредѣляющихъ данную тревогу.

Иногда такія ощущенія до того неопредѣленны, что разныя лица относятъ ихъ къ совершенно различнымъ частямъ своего тѣла, тогда какъ, очевидно, они зависятъ отъ задержки хотя и неизвѣстнаго, но вполнѣ опредѣленнаго органическаго отправленія. Такъ, напримѣръ, кому незнакомы спеціальныя ощущенія голода? какъ часто бывали они описаны въ научныхъ и въ ненаучныхъ сочиненіяхъ? По изслѣдованіямъ проф. Шиффа, локализація этихъ ощущеній у разныхъ людей весьма разнообразна. Разспросы, произведенные знаменитымъ физіологомъ, показали, что люди, знакомые съ отправленіями организма, предполагаютъ, будто они чувствуютъ голодъ въ желудкѣ, въ кишкахъ или вообще въ брюшной полости, менѣе свѣдущіе ощущали голодъ во рту и въ глоткѣ и, наконецъ, остальные—кто въ ногахъ, кто въ колѣняхъ, кто во всемъ организмѣ и т. д.

Быть можетъ, дѣйствительно ощущенія, сопровождающія тревогу какого-либо спеціальнаго инстинкта, получаются разными лицами отъ разныхъ частей организма и настолько смутны, что почти неопредѣлимы, но во всякомъ случаѣ ощущенія эти характеризуютъ тревогу, даютъ ей свой колоритъ и служатъ для ея субъективнаго опредѣленія; по этимъ признакамъ тревогу, вызванную инстинктомъ пи-

танія, мы безошибочно узнаемъ, какъ голодъ или жажду,—половымъ инстинктомъ, какъ любовь или любовную тоску, т. е. желаніе любить, термическими инстинктами, какъ весеннее влеченіе „in's Grüne", влеченіе къ переселенію и проч. Но все-таки опредѣляемъ мы эти тревоги по асоціпрованнымъ ощущеніямъ только тогда, когда знакомы уже съ ихъ субъективнымъ и объективнымъ опредѣленіями или, по крайней мѣрѣ, съ однимъ субъективнымъ, т. е. когда знаемъ акты и объекты, требуемые для удовлетворенія, пробуждающагося уже не впервые инстинкта.

Характеризующія инстинкты, ощущенія требуютъ спеціальнаго изученія для каждаго отдѣльнаго случая, въ общемъ же мы можемъ сказать, что они служатъ намъ первыми субъективными признаками для различенія каждаго знакомаго намъ инстинктивнаго чувства, т. е. первыми субъективными опредѣлителями тревоги, которая была уже когда-нибудь опредѣлена, описанными выше, путями.

Поступки и объекты, доставляющіе наслажденіе и заглушающіе тревогу, легко задерживаются въ памяти, асоціируясь съ характерными ощущеніями, сопровождающими данное чувство, а потому при слѣдующемъ возникновеніи тревоги съ характеризующими ее, часто едва уловимыми, ощущеніями, одновременно возникаютъ въ сознаніи и асоціированныя съ ними представленія, которыми тревога тотчасъ-же опредѣляется и вмѣсто нея сознанію является какъ бы новое чувство—желаніе.

Этотъ процесъ такъ быстро, такъ неуловимо протекаетъ въ нашемъ сознаніи, что мы обыкновенно не ощущаемъ тревоги, предшествующей каждому возникающему въ насъ, но уже испытанному или привычному, инстинктивному желанію. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, сознаніе отвлечено какою-нибудь напряженною работою или въ разсѣянности бываетъ, что мы чувствуемъ себя „не по себѣ", нами овладѣваетъ безпокойное недовольство, т. е. мы испытываемъ продолжительную тревогу и только обративъ на нее вниманіе, мы вдругъ узнаемъ, что мы голодны, и этимъ чувствомъ голода объясняемъ себѣ тотчасъ-же свое состояніе, хотя и не сознаемъ большею частью, почему и какимъ образомъ эта продолжительная и неопредѣленная тревога такъ внезапно получила полную опредѣленность.

„Четверть восьмого! Давно пора обѣдать! Я никакъ не могъ понять, что это значитъ: меня все время какъ будто что-то безпокоило, все было неудобно, все—неловко... а это—я просто былъ голоденъ... я ужасно хочу ѣсть, и съ удовольствіемъ съѣмъ баранью котлету съ салатомъ" Вотъ образчикъ разсужденія человѣка, улавливающаго инстинктивную тревогу въ то время, когда она опредѣляется въ его сознаніи.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе задержки физіологическихъ процесовъ въ сознаніи возникаетъ чувство тревоги, непріятное и безпокойное, оно, въ свою очередь, задерживаетъ прежнее теченіе психическихъ процесовъ и возбуждаетъ ищущую умственную и мускульную дѣятельность.

Дѣятельность эта, направляемая регулирующими чувствами страданія и наслажденія, вначалѣ безпорядочная и прерывистая, служитъ для нахожденія требуемыхъ инстинктомъ актовъ и объектовъ, т. е.

для самоопредѣленія тревоги. Тревога обыкновенно опредѣляется сперва субъективно, т. е. отыскиваются желаемые акты или опредѣляется желаніе нѣкоторыхъ движеній, затѣмъ тревога получаетъ объективное опредѣленіе, т. е. находятся объекты, служащіе для наилучшаго выполненія требуемыхъ актовъ и въ сознаніи опредѣляются объекты инстинктивнаго желанія.

Спеціальныя ощущенія, сопровождающія инстинктивную тревогу асоціируются съ представленіями этихъ актовъ и объектовъ и, при вторичномъ возникновеніи тревоги, она тотчасъ же опредѣляется въ сознаніи, такъ какъ возникающія одновременно съ нею ощущенія автоматически вызываютъ въ сознаніи асоціированныя представленія актовъ и объектовъ, составляющихъ сущность желаній соотвѣтствующаго инстинкта.

Такимъ образомъ безсознательныя отправленія организма управляютъ дѣятельностью сознанія, вступая въ него въ видѣ неопредѣленныхъ и не локализованныхъ чувствъ, которыя при посредствѣ насильственныхъ и безпорядочныхъ дѣйствій, регулируемыхъ чувствомъ страданія или наслажденія, становятся сознательными желаніями, направляющими сознательные поступки животнаго къ опредѣленной и полезной для жизни цѣли, до пониманія которой животное не могло бы додуматься самостоятельно, точно такъ же какъ оно не могло бы додуматься до тѣхъ рефлексовъ и автоматическихъ отправленій, которые постоянно совершаются въ безсознательномъ организмѣ животнаго, поддерживая и сохраняя его жизнь.

Рефлекторное чувство.

Инстинктивныя движенія отличаются ото всѣхъ другихъ тѣмъ, что онѣ „мотивированы“ инстинктивными чувствами; мотивировка эта составляетъ главную загадку инстинкта, которую требуется разрѣшить для того, чтобы выяснить механизмъ инстинктивныхъ движеній.

Откуда появляются, гдѣ и какъ образуются, какъ проникаютъ въ сознаніе, т. е. въ кору большого мозга, какимъ образомъ вліяютъ на него и особенно на двигательные центры коры тѣ нервныя возбужденія, которыя составляютъ основу и суть всякаго инстинктивнаго чувства? Вотъ главные вопросы, ранѣе другихъ требующіе разрѣшенія для выясненія механизма и біологическаго значенія инстинктовъ.

Вопросъ о механизмѣ инстинктивныхъ движеній и объ ихъ чувственной мотивировкѣ слишкомъ сложенъ. Мы не имѣемъ достаточно данныхъ для его детальнаго рѣшенія и можемъ предложить лишь подобіе схематической гипотезы, требующей провѣрки, пополненій и измѣненій. Но и подобную гипотезу мы не могли бы построить, основываясь на одномъ внѣшнемъ изученіи безконечно разнообразныхъ инстинктивныхъ движеній. Движенія эти и ихъ мотивы настолько сложны, причины и измѣненія до того неуловимы, что безъ предварительнаго знакомства съ явленіями болѣе простыми едва ли можно надѣяться рѣшить когда-либо эту задачу.

Нѣчто, аналогичное инстинктивному чувству, мы видимъ въ чувствѣ рефлекторномъ. Самыя простыя движенія животныхъ, регулируемыя нервными механизмами—это, конечно, рефлексы. Они совершаются, какъ извѣстно, безсознательно и непроизвольно; но между ними намъ указываютъ на полурефлексы, которые могутъ иногда выполняться также и произвольно; таковы, напримѣръ, дыхательныя движенія. Ежели мы отыщемъ нѣкоторые примѣры, разсѣянные въ спеціальной литературѣ, или прослѣдимъ на самихъ себѣ, то узнаемъ, что многіе рефлексы могутъ вызывать въ сознаніи особое чувство, весьма сходное по существу съ инстинктивнымъ, такъ какъ оно представляетъ собой нѣкоторое стремленіе или желаніе. Такое чувство мы будемъ называть рефлекторнымъ. Ежели мы признаемъ, кромѣ того, за фактъ, что всѣ сложныя отправленія и движенія животныхъ произошли отъ простѣйшихъ движеній и отправленій, то должны придти къ заключенію, что инстинкты произошли отъ рефлексовъ, а инстинктивныя чувства представляютъ собою лишь нѣкоторую степень развитія чувствъ рефлекторныхъ, а потому намъ необходимо обратить на послѣднія наше особенное вниманіе. Мы можемъ предположить, что рефлекторныя чувства-желанія—простѣйшія изъ всѣхъ чувствъ-желаній, точно такъ же, какъ рефлекторныя движенія—простѣйшія изъ всѣхъ движеній, регулируемыхъ нервными механизмами; изслѣдованіе рефлекторныхъ чувствъ должно въ такомъ случаѣ предшествовать изслѣдованію чувствъ инстинктивныхъ и можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на механизмъ послѣднихъ.

Намъ кажется, что всякій чисто-рефлекторный, безсознательный нервно-мускульный процесъ, въ силу своей безсознательности, ни въ какомъ чувствѣ не нуждается и не сопровождается имъ. Сознательное чувство можетъ даже вредить правильному теченію всякаго безсознательнаго процеса, побуждая сознаніе вмѣшиваться въ дѣло, которое безъ его участія производится совершеннѣе и вполнѣ цѣлесообразно въ смыслѣ сохраненія жизни.

Какая польза была бы для насъ въ самомъ дѣлѣ, если бы мы чувствовали каждое движеніе кишекъ, если бы мы желали каждое біеніе нашего сердца, если бы мы всегда ясно сознавали, что происходитъ въ нашихъ железахъ, въ желудкѣ, въ кровеносныхъ сосудахъ и пр.? Если бы сознанію нашему доставлялись свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ органическихъ процесахъ и если бы оно не относилось къ нимъ индиферентно, съ объективною безпристрастностью, т. е., если бы эти процесы возбуждали въ немъ чувства, то своимъ вмѣшательствомъ, безъ сомнѣнія, сознаніе могло бы лишь испортить дѣло тамъ, гдѣ оно безъ него совершается превосходно. Если же такое вмѣшательство сознанія въ рефлекторные процесы организма оставалось бы, все-таки, невозможнымъ, то ощущенія, доставляемыя органами непроизвольной дѣятельности, были бы излишнею роскошью для организма и вредили бы жизни его, безполезно отвлекая сознаніе отъ дѣйствительной сферы его дѣятельнаго вліянія въ области, этому вліянію недоступныя. А потому казалось бы, что рефлекторное чувство существовать не должно и не можетъ. И дѣйствительно большею частью всѣ безсознательныя отправленія организма протекаютъ безъ всякаго чувства; рефлексы не сопровождаются побужденіями, жела-

ніями или иными спеціальными состояніями сознанія; они совершаются безъ вѣдома субъекта и самостоятельно въ то время, какъ сознаніе занято иною дѣятельностью. Но, не говоря объ инерваціонныхъ ощущеніяхъ Мейнерта, мы должны признать, что во многихъ исключительныхъ случаяхъ, большею частью въ случаяхъ патологическихъ, мы получаемъ спеціальныя ощущенія и чувства изъ сферы безсознательныхъ рефлекторныхъ процесовъ, мы иногда ощущаемъ біеніе нашего сердца, движеніе кишекъ или крови, ритмическія постукиванія пульса; въ нашемъ сознаніи иногда возникаетъ тревога, безпокойство и желанія какихъ-то движеній, какихъ-то иныхъ физическихъ состояній, желанія часто чрезвычайно смутныя.

Есть не мало физіологическихъ и патологическихъ случаевъ, когда рефлексъ или задержанъ или не устраняетъ вызывающаго его раздраженія, въ этихъ случаяхъ бываетъ необходимо вмѣшательство сознанія и въ этихъ случаяхъ возникаетъ обыкновенно рефлекторное чувство. Оно достигаетъ, напримѣръ, наивысшей интенсивности при задержкахъ дыханія, развиваясь въ непреодолимое желаніе дышать, что можетъ испытать и провѣрить всякій, задерживая силою собственной воли или искуственно свои дыхательныя движенія.

Прослѣдить на человѣкѣ развитіе рефлекса и рефлекторнаго чувства удобно во время сна, когда устранена возможность примѣси нормальныхъ сознательныхъ движеній и вліяніе бодрствующей воли. Вызывая и задерживая рефлексы спящаго или повторяя раздраженіе, которое не можетъ быть устранено одними рефлекторными движеніями, мы можемъ прослѣдить развитіе рефлекторнаго чувства, насколько оно выразится въ мимикѣ, въ эмоціональныхъ движеніяхъ или въ эмоціональныхъ измѣненіяхъ нормальныхъ функцій организма.

Всякому школьнику извѣстенъ опытъ съ „гусаромъ“; опытъ этотъ въ его звѣрскомъ видѣ описанъ, Помяловскимъ въ очеркахъ бурсы; мы схематически опишемъ тотъ же опытъ, но въ его менѣе варварскомъ видѣ, такъ какъ онъ ясно илюстрируетъ естественное развитіе рефлекторныхъ движеній до проявленія рефлекторнаго чувства и до движеній сознательныхъ.

Школьнику, прославившемуся своимъ крѣпкимъ сномъ и, особенно, умѣющему во снѣ разговаривать и производить разныя, часто смѣшныя движенія (т. е. школьнику, сознаніе котораго во время сна реагируетъ трудно, а рефлексы вызываются очень легко), товарищи вставляютъ въ носъ длинную и тонкую бумажку, завернутую спирально въ стрѣлку, которая, почему-то, называется у нихъ „гусаромъ“. Спящій морщится, дѣлаетъ странныя движенія мускулами лица, иногда фыркаетъ, и трубка, ежели она вставлена слабо, выпадаетъ. Тогда „гусаръ“ снова вводится въ ноздрю пріятеля, но на этотъ разъ уже нѣсколько глубже; тотъ снова морщится, дѣлаетъ разныя гримасы, очень забавляющія его друзей, выражаетъ лицомъ тревогу, недовольство или желаніе избавиться отъ трубки, которая все-таки остается въ его носу. Рефлексы распространяются съ одной групы мышцъ на другія, и, наконецъ, спящій дѣлаетъ движеніе головой, корпусомъ, ногой или рукой, какъ будто смахивая что-то, сидящее на лицѣ, неловко третъ и чешетъ носъ, и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, можетъ быть иногда избав-

ляется отъ безпокоющаго его „гусара“. Но школьники опять повторяютъ свой опытъ и на этотъ разъ засовываютъ трубку еще глубже, пошевеливая ее для усиленія раздраженія. Спящій повторяетъ движенія и гримасы, выраженіе его лица и тонъ безсвязныхъ звуковъ, издаваемыхъ имъ во снѣ, ясно свидѣтельствуютъ объ его психической тревогѣ, о безпокойствѣ и о желаніи отдѣлаться отъ раздраженія. Когда безсознательныя движенія не достигаютъ цѣли и, несмотря на сложные рефлексы, въ которыхъ принимаютъ участіе многіе органы, раздраженіе все-таки продолжается, объектъ издѣвательства школьныхъ экспериментаторовъ, наконецъ, просыпается и избавляется уже сознательно отъ раздражающей его бумажки, выразительными словами обнаруживая всю интенсивность психическаго чувства, искуственно вызваннаго въ его сознаніи.

Въ этомъ опытѣ, который, конечно, не съ цѣлью пустой забавы, но съ пользою можетъ повторить даже психофизіологъ (да проститъ онъ мнѣ. ежели такое мнѣніе покажется ему унизительнымъ), въ выраженіи лица спящаго, въ нѣкоторыхъ эмоціональныхъ движеніяхъ, въ интонаціяхъ безсвязныхъ звуковъ, можно прослѣдить многія ступени развитія чувства, постепенно овладѣвающаго не пробудившимся еще сознаніемъ. Нервный процесъ. начинаясь отъ безсознательнаго первоначальнаго рефлекса, развивается въ сложный распространенный рефлексъ, переходитъ въ тревогу, въ непріятное состояніе сознанія, въ желаніе, затѣмъ въ интенсивную эмоцію, которая. въ концѣ концовъ, нарушаетъ сонъ, энергично призывая сознаніе къ дѣятельности.

Такое, продолжительное, неопредѣленное чувство трудно подмѣтить на бодрствующемъ субъектѣ, такъ какъ оно въ этомъ случаѣ слишкомъ быстро опредѣляется и переходитъ въ сознательный актъ, которымъ тотчасъ же устраняется причина раздраженія; послѣдовательная же связь между рефлексомъ, рефлекторнымъ чувствомъ и подчиненнымъ ему сознательнымъ движеніемъ ускользаетъ отъ наблюдателя. Кромѣ того, сознательное вниманіе и вмѣшательство воли могутъ сильно осложнить изслѣдуемый процесъ. У спящаго тревога долго не опредѣляется. Желаніе его, хотя и ясно выражается мимикой и постепенно достигаетъ высокой степени интенсивности, опредѣляется не совершенно и часто ошибочно, оно не скоро переходитъ въ сознательное движеніе, что облегчаетъ его наблюденіе, а повторяющіеся рефлексы, какъ неприспособленные, не удовлетворяютъ выраженному чувству, въ чемъ и заключается весь комизмъ положенія, столь забавляющій легкомысленныхъ школьниковъ.

Аналогичное отчасти явленіе съ субъективной его стороны мы можемъ прослѣдить при помощи самонаблюденія, въ тѣхъ случаяхъ, когда раздраженіе слизистой оболочки носа по какой-либо причинѣ долго не вызываетъ рефлекса чиханія. Намъ хочется при этомъ чихать, но „что-то не чихается“, и мы чувствуемъ сознательное желаніе произвести чихательный рефлексъ. Мы стараемся чихнуть, напрягаемъ волю, содѣйствуя рефлекторному акту и часто безпокоимся, пока. наконецъ, желаемое не совершится. Мы чувствуемъ психическое удовлетвореніе или неудовлетвореніе, хотя, быть можетъ, и въ очень слабой степени, въ зависимости отъ того, разрѣшится или не разрѣшится чиханіемъ наше психическое стремленіе.

Вотъ это желаніе или сознательное стремленіе къ разрѣшенію рефлекса, порождаемое въ сознаніи задержкою рефлекторнаго движенія, я называю рефлекторнымъ чувствомъ. Можно думать, что чувство это не есть ощущеніе того раздраженія, которое должно вызвать въ данномъ случаѣ рефлексъ и не слѣдствіе этого ощущенія, особенно принявъ во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при задержкахъ дыханія, когда рефлекторное чувство проявляется съ особою силою, его не сопровождаетъ никакое, или почти никакое ощущеніе. Чихательное щекотаніе, какъ локализованное въ полости носа, есть чистое ощущеніе и не можетъ быть смѣшиваемо съ чувствомъ желанія или сознательнаго стремленія совершить какое бы то ни было опредѣленное движеніе. Стремленіе къ такому движенію не можетъ развиться изъ ощущенія при помощи асоціацій или мышленія, такъ какъ стремленіе къ движеніямъ предшествуетъ всякому размышленію, а иногда предшествуетъ опыту и мы можемъ его наблюдать у младенцевъ.

Очевидно, что не ощущенія, но иной категоріи явленія—тревога и желаніе составляютъ сущность всякаго рефлекторнаго чувства. Это подтверждается еще тѣмъ фактомъ, что одно устраненіе ощущенія посредствомъ устраненія раздраженія не всегда удовлетворяетъ сознаніе и даже вслѣдствіе такого устраненія въ немъ можетъ остаться непріятное чувство несовершившагося акта, т. е. чувство неудовлетвореннаго желанія, противоположное тому чувству удовлетворенія, которое вызывается въ насъ легкимъ и свободнымъ разрѣшеніемъ рефлекторнаго движенія. Все это можно прослѣдить при задержкахъ чиханія, кашля, дыханія, жеванія, глотанія, зѣвоты, дефекаціи, мочеиспусканія и проч. Конечно, удовольствіе, доставляемое этими рефлекторными актами, ничтожно, его принято подавлять или умалчивать о немъ; но все-таки оно существуетъ и составляетъ низшую степень психическаго или эстетическаго наслажденія.

Рефлекторное чувство не является, такимъ образомъ, плодомъ умозаключенія въ отвѣтъ на непріятное раздраженіе, отъ котораго мы сознательно рѣшились бы избавиться опредѣленнымъ и обдуманнымъ движеніемъ. При возникновеніи сознательнаго желанія чихнуть, не бываетъ выработаннаго мыслью рѣшенія чихать. Сознательное желаніе чихнуть возникаетъ, какъ бы самопроизвольно, оно предшествуетъ всякой мысли, всякому разсужденію, всякому умозаключенію, какъ бы они ни были быстры и неуловимы. Мало того, желаніе это, вторгаясь въ область сознанія, нарушаетъ правильное теченіе асоціацій, прерываетъ свободный процесъ мышленія и разстраиваетъ его; оно не основывается на мышленіи, но само овладѣваетъ имъ и даетъ ему новое направленіе. Никакое безстрастное разсужденіе не въ силахъ непосредственно дать въ результатѣ чувство или желаніе; мысль можетъ привести къ выводу, къ заключенію, но не къ стремленію и въ дѣйствительности даже происходитъ обратное: чувство или желаніе возбуждаютъ дѣятельность мысли, предшествуютъ ей и направляютъ ее къ той или иной цѣли, къ тому или иному умозаключенію.

Большинство рефлекторныхъ чувствъ являются нашему сознанію въ видѣ тревоги и затѣмъ—стремленія произвести нѣкоторыя дви-

женія,—въ видѣ сознаваемыхъ органическихъ потребностей, которыя могли бы быть удовлетворены посредствомъ рефлексовъ, но вслѣдствіе ихъ задержки нуждаются въ помощи сознанія.

Задержка рефлексовъ можетъ зависѣть отъ многихъ причинъ и часто воспитаніе у людей и дресировка у животныхъ превращаютъ нѣкоторые, рефлекторные по природѣ своей, процесы въ акты, совершаемые сознательно при посредствѣ рефлекторныхъ чувствъ.

Ежели нѣкоторые акты, подобно чиханью, кашлю, дефекаціи, мочеиспусканію и проч., у молодыхъ животныхъ и у дѣтей совершаются автоматически, безъ всякаго участія въ нихъ сознанія, то внѣшнія вліянія могутъ, сосредоточивая вниманіе субъекта на этихъ актахъ, вызвать ихъ сознательную, а впослѣдствіи привычную автоматическую задержку, которая, обусловливая возникновеніе и развитіе рефлекторнаго чувства. съ теченіемъ времени превращаетъ, вначалѣ рефлекторный, актъ въ сознательный и произвольный, т. е. выполняемый при побужденіи къ тому сознанія посредствомъ рефлекторныхъ желаній и движеній.

Итакъ, рефлекторное чувство—это желаніе произвести нѣкоторыя сознательныя движенія, имѣющія цѣлью способствовать разрѣшенію рефлекса или устранить раздраженіе, его вызывающее.

Рефлекторныхъ чувствъ или желаній мы знаемъ много; почти всѣ онѣ являются слѣдствіемъ задержанныхъ рефлексовъ; къ нимъ принадлежатъ: желаніе дышать, желаніе жевать, желаніе проглотить, желаніе чесаться, желаніе кашлять, желаніе чихать, желаніе зѣвать, желаніе дефекаціи и т. д., т. е. желаніе произвести то или другое сознательное движеніе съ цѣлью разрѣшенія задержаннаго рефлекса или для устраненія раздраженія, вызывающаго невыполненный рефлексъ. Иногда желаемыя движенія очевидно не соотвѣтствуютъ дѣйствительно потребнымъ для этихъ цѣлей движеніямъ. Фактъ этотъ доказываетъ намъ еще разъ безсознательное происхожденіе рефлекторныхъ желаній, ихъ самостоятельность и независимость отъ человѣческой логики или мышленія. При нѣкоторыхъ искуственныхъ или болѣзненныхъ раздраженіяхъ зѣва мы чувствуемъ непреодолимое желаніе глотать и, ежели глотательный рефлексъ не происходитъ, мы сознательно и произвольно совершаемъ его, вполнѣ понимая его вредъ или безцѣльность въ смыслѣ устраненія раздражителя и безполезность въ смыслѣ устраненія непріятнаго ощущенія, которое возникаетъ снова, какъ только оканчивается глотательное движеніе. Но, несмотря на предшествовавшій опытъ, несмотря на то, что мы знаемъ его безполезность. мы все-таки хотимъ снова повторить это ненужное движеніе, мы надѣемся, что оно намъ поможетъ, мы какъ будто бы вѣримъ въ его цѣлесообразность вопреки указаніямъ разума, т. е. мы неразумно желаемъ глотать и желаніе это имѣетъ вполнѣ безсознательное происхожденіе, оно даже беретъ перевѣсъ надъ всѣми нашими разсужденіями, подчиняя себѣ и сознаніе, и волю. а потому мы продолжаемъ глотать безъ пользы, безъ цѣли и безъ смысла, глотаемъ иногда рефлекторно, но часто вполнѣ сознательно и вполнѣ произвольно.

Когда при раздраженіи зѣва мы напрягаемъ нашу сознательную волю съ цѣлью противодѣйствовать рефлекторно-чувственнымъ (тоже

произвольнымъ) глотательнымъ движеніямъ, потребность глотанія иногда достигаетъ степени непреодолимаго желанія, т. е. импульсивнаго движенія, вызваннаго, какъ бы, самопроизвольною дѣятельностью психомоторныхъ центровъ, и глотательный актъ совершается самъ собою, несмотря на все противодѣйствіе сознанія.

То же отсутствіе разумной цѣлесообразности и логической обоснованности, подтверждающее безсознательное происхожденіе рефлекторныхъ желаній, можно прослѣдить во многихъ патологическихъ явленіяхъ, каковы, напримѣръ, часто и безполезно повторяющіяся желанія дефекаціи при нѣкоторыхъ болѣзняхъ кишекъ, особенно при дизентеріи, повторяющіяся желанія мочеиспусканія при воспаленіи шейки мочевого пузыря и т. д.

Акту зѣванія очень часто предшествуетъ желаніе зѣвнуть, хотя польза и разумная необходимость этого процеса едва ли сознается зѣвающими. Чувство это замѣчательно иногда какъ непреодолимое желаніе, которому не предшествуютъ интенсивныя ощущенія.

Въ интересномъ сочиненіи проф. Бони „Внутреннія ощущенія“ *), подъ общимъ названіемъ потребностей (besoins), мы находимъ прекрасное и детальное описаніе нѣкоторыхъ рефлекторныхъ чувствъ. Приводя ниже интересныя замѣчанія знаменитаго психофизіолога, для болѣе подробнаго ознакомленія съ предметомъ, отсылаемъ интересующихся вопросомъ къ названному сочиненію.

Описывая потребность жеванія, проф. Бони предлагаетъ читателю произвести надъ собою слѣдующій опытъ: натощакъ, но не чувствуя особеннаго голода, взять въ ротъ кусочекъ какой-либо пищи и стараться не дѣлать никакихъ движеній ни губами, ни мускулами щекъ, ни языкомъ. Черезъ весьма короткій промежутокъ времени экспериментаторъ почувствуетъ сильное желаніе жевать, возникнетъ дѣйствительная потребность жеванія, трудно сдерживаемая напряженіемъ воли. И возникнетъ эта потребность, конечно, въ сознаніи наперекоръ ему же, т. е. сознательной волѣ. Въ этомъ наблюденіи пр. Бони мы видимъ, какъ бы, борьбу двухъ воль въ сознаніи, одна воля сознательнаго происхожденія, т. е. основанная на предвзятомъ рѣшеніи, другая воля — желаніе, хотя сознаваемое, но возникшее помимо разсужденія, помимо сознательнаго рѣшенія. Это желаніе и есть рефлекторное чувство, которое обыкновенно называютъ органическою потребностью. Вторая воля беретъ очень часто перевѣсъ надъ первою и въ результатѣ является, какъ бы, мимовольное дѣйствіе, на самомъ же дѣлѣ дѣйствіе, хотя бы и не предрѣшенное, но желаемое и имѣющее своею причиною произвольную задержку привычнаго автоматическаго движенія.

Всякая органическая потребность представляетъ собою фактъ вполнѣ психическій, т. е. нѣкоторое состояніе сознанія, но въ то же время эпитетъ „органическая“ указываетъ на то, что ея безсознательное органическое происхожденіе всѣмъ очевидно, точно такъ же, какъ само слово потребность (besoin) показываетъ, что интенсивность и даже непреодолимость стремленій, основанныхъ на органическихъ процесахъ, ихъ первенство въ борьбѣ со всякимъ умозрѣніемъ, т. е.

*) H. Beaunis, Les Sensations internes. 38—43.

въ борьбѣ съ рѣшеніемъ сознанія или разсудка не подлежитъ сомнѣнію даже въ просторѣчіи.

Мускулы. сжимающіе и расширяющіе грудную клѣтку, подчинены вліянію воли; мы можемъ регулировать наши дыхательныя движенія, производить болѣе или менѣе глубокія вдыханія, замедлять дыханіе или ускорять его, но никто не въ состояніи прервать своего дыханія на продолжительный срокъ, ни одинъ самоубійца не можетъ покончить съ жизнью простою задержкою своихъ. казалось бы подчиненныхъ волѣ. дыхательныхъ движеній.

Желаніе дышать, сдерживаемое сознательною волею, развиваясь. достигаетъ такой интенсивности, что становится непреодолимымъ желаніемъ, и воздухъ. какъ бы. самопроизвольно врывается въ грудь. грудная клѣтка сама собою расширяется и сознаніе можетъ лишь созерцать, какъ мало подчинены ему мускулы произвольныхъ движеній. когда приказанія воли, основанной на сознательномъ рѣшеніи, противны требованіямъ воли, имѣющей безсознательное органическое происхожденіе. Въ этомъ случаѣ побѣда, очевидно, принадлежитъ не мускуламъ, но возбужденію психомоторныхъ центровъ центрами субкортикальными и непосредственному вліянію послѣднихъ на мускулы; движеніе получается. вѣроятно. смѣшанное: рефлекторное и импульсивное (мимовольное) одновременно.

Появленію рефлекторнаго желанія, вѣроятно, тоже всегда предшествуетъ такая степень развитія этого чувства, гдѣ желаніе еще не опредѣлилось, психическое состояніе не выяснилось, но уже существуетъ, проявляясь въ разстройствѣ теченія асоціацій, въ нѣкоторомъ психическомъ безпорядкѣ, въ недовольствѣ, какъ будто бы безпричинномъ, и въ общемъ неопредѣленномъ безпокойствѣ. Этотъ видъ развитія рефлекторнаго чувства можно назвать рефлекторною тревогою. Такую тревогу легче всего наблюдать у дѣтей, она предшествуетъ появленію сознательнаго желанія простѣйшихъ отправленій. По крайней мѣрѣ, наблюдательная мать по безпокойнымъ движеніямъ ребенка и по другимъ проявленіямъ тревоги узнаетъ иногда ранѣе самого ребенка то рефлекторное желаніе, которое недостаточно еще опредѣлилось въ его сознаніи. Понятно, что рефлекторная тревога, опредѣляясь еще въ раннемъ дѣтствѣ, какъ желаніе нѣкоторыхъ болѣе или менѣе простыхъ движеній, должна быть почти неуловимою у взрослыхъ, давно и хорошо знакомыхъ съ ея опредѣленіемъ. Рефлекторное чувство появляется у нихъ сразу, какъ бы, вполнѣ опредѣленнымъ желаніемъ, нераздѣльно связанное со всѣми обычно вызываемыми имъ асоціаціями.

Тревога уловимая или неуловимая является, во всякомъ случаѣ, низшею степенью развитія рефлекторнаго чувства; слѣдующею степенью, вслѣдствіе самоопредѣленія чувства при помощи нѣкоторыхъ асоціацій, намъ представляется желаніе, затѣмъ воля и. наконецъ, сознательный поступокъ или непреодолимое желаніе, которое, при задержкѣ его, можетъ разрѣшиться мимовольными, импульсивными дѣйствіями.

Такимъ образомъ, рефлекторное чувство, возникая вслѣдствіи задержки рефлекторныхъ актовъ, развивается въ сознаніи, измѣняетъ его состояніе, подчиняетъ себѣ его дѣятельность и заканчивается волевыми дѣйствіями; въ случаяхъ же продолжительнаго противо

дѣйствія разсудочной воли, пріобрѣтаетъ силу непреодолимаго желанія, т. е. наиболѣе интенсивнаго психическаго чувства, и разрѣшается въ мимовольныхъ движеніяхъ.

Въ простѣйшемъ видѣ, субъективно опредѣленное рефлекторное чувство — это желаніе произвести какое-либо простое движеніе, какъ, напр., вздохнуть, чихнуть, кашлянуть, зѣвнуть и т. д. Если движеніе это имѣетъ объективную задержку, т. е. если выполненіе его невозможно вслѣдствіе внѣшнихъ условій, то рефлекторное желаніе, развиваясь, получаетъ и объективное опредѣленіе. Въ этомъ случаѣ къ желанію нѣкотораго движенія присоединяется желаніе объекта, необходимаго для его выполненія, т. е. желаніе извѣстнаго предмета или соотвѣтствующей обстановки, какъ, напр., желаніе носового платка, уединенія или устраненія задерживающихъ рефлексъ обстоятельствъ или вещей и т. д. Иногда выполненіе рефлекса требуетъ значительнаго измѣненія обстановки, нѣсколькихъ или многихъ объектовъ, весьма сложныхъ, вполнѣ сознательныхъ подготовительныхъ дѣйствій и предварительнаго разсужденія. Въ такихъ случаяхъ, рефлекторное чувство, будучи основною причиною цѣлаго ряда сознательныхъ актовъ, т. е., будучи причиною поведенія животнаго, стремящагося къ разрѣшенію задержаннаго рефлекса, имѣетъ полное сходство съ инстинктивнымъ чувствомъ и переходъ между обоими чувствами едва ли можетъ быть ясно уловленъ. Можно заключить почти съ достовѣрностью, что рефлекторное чувство представляетъ собою простѣйшій случай чувства инстинктивнаго, имѣетъ аналогичныя ему причины и проявленія, а потому, вѣроятно, и аналогичный механизмъ.

Механизмъ рефлекторнаго чувства.

Дѣйствительный механизмъ рефлекторнаго чувства, конечно, долженъ остаться для насъ загадкою до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ обнаруженъ въ деталяхъ экспериментальными изслѣдованіями. Въ настоящее время мы можемъ лишь строить болѣе или менѣе достовѣрныя гипотезы, намѣчать лишь общее направленіе будущихъ экспериментовъ и только въ самыхъ общихъ чертахъ отгадывать анатомическія основы слишкомъ мало извѣстныхъ намъ психическихъ явленій. На такихъ отгадкахъ, дополненныхъ предположеніями, мы должны строить гипотетическую схему механизма рефлекторныхъ чувствъ, не для того, чтобы убѣдить кого-либо, будто дѣйствительный механизмъ рефлекторнаго чувства извѣстенъ намъ во всѣхъ своихъ деталяхъ но только для того, чтобы уяснить себѣ возможность подобнаго механизма.

Гдѣ начинается, какой имѣетъ характеръ и по какимъ путямъ протекаетъ то нервное возбужденіе, которое впослѣдствіи развивается въ рефлекторное чувство? въ какихъ субкортикальныхъ центрахъ получаетъ оно необходимую степень интенсивности и специфическое направленіе? какими путями доходитъ до коры большого мозга? имѣетъ ли отъ послѣдней свои особые центры или не имѣетъ? распространяется ли изъ психосенсорныхъ центровъ, подобно чувству боли или отъ другихъ центровъ коры и какъ распространяется? имѣетъ ли область наибольшаго напряженія? не находится ли центръ наиболь-

шаго его напряженія внѣ сферы сознанія. т. е. въ ближайшихъ субкортикальныхъ центрахъ, и не оттуда-ли рефлекторное чувство распространяется въ корѣ болѣе или менѣе равномѣрно?... и т. д., и т. д. Все это вопросы открытые, мы можемъ ихъ только указать и намъ остается утѣшаться лишь тѣмъ, что въ будущемъ на долю кого-либо выпадетъ честь ихъ точнаго разрѣшенія.

Большинство законченныхъ рефлекторныхъ процесовъ имѣетъ своимъ результатомъ устраненіе того раздраженія, которое ихъ вызвало. Ежели рефлексъ этого не достигаетъ и раздраженіе продолжается, оно вызываетъ снова тотъ же рефлексъ, который, такимъ образомъ, можетъ повторяться, пока раздраженіе не будетъ устранено движеніемъ или же сведено къ минимуму притупленіемъ чувствительности, т. е. привычкой. Ежели повторяющіеся рефлексы не устраняютъ раздраженія или послѣднее усиливается, рефлексы осложняются, энергія ихъ и область ихъ распространенія увеличиваются. Раздраженіе, дѣйствуя на периферическія окончанія чувствительныхъ нервовъ, въ видѣ нервнаго возбужденія или тока, свойства и основы котораго недостаточно еще извѣстны, но который не можетъ быть ничѣмъ инымъ кромѣ движенія, распространяется по рефлекторной дугѣ. въ составъ которой входятъ центростремительные нервы, одинъ или нѣсколько рефлекторныхъ центровъ и нервы центробѣжные. Сущность дѣятельности рефлекторныхъ центровъ сводится къ воспріятію раздраженій и къ механической выработкѣ подъ ихъ вліяніемъ импульсовъ для безсознательныхъ движеній. Раздраженія воспринимаются, по существующей терминологіи. „чувствительными“ клѣтками мозга, хотя ихъ „чувствительность“ остается всегда безсознательною, а потому и не заслуживаетъ такого названія. Импульсъ вырабатывается двигательными клѣтками, которыя, какъ предполагается, освобождаютъ для этого нѣкоторое количество нервной энергіи, скопившейся въ нихъ вслѣдствіе питанія и сохраняемой ими въ „потенціальномъ“ состояніи, т. е. въ видѣ неощутимаго движенія. Освобожденная двигательными клѣтками энергія. направляясь по двигательнымъ нервамъ къ мышцамъ, служитъ причиною ихъ сокращенія и расходуется въ качествѣ раздражителя мышечныхъ волоконъ, вызывая сокращеніе соотвѣтствующихъ мышцъ, которыя. въ свою очередь, расходуютъ въ этихъ сокращеніяхъ свою потенціальную энергію, освобождаемую подъ вліяніемъ раздраженія нервнымъ токомъ мышечныхъ волоконъ.

Освобождающаяся въ разныхъ клѣткахъ организма, потенціальная энергія является слѣдствіемъ питанія и обусловливаетъ тотъ фактъ, что движенія, производимыя организмами, бо много разъ превосходятъ движенія ихъ вызывающія, иначе говоря—энергія реакціи организмовъ превосходитъ энергію раздражителя, вызывающаго эту реакцію. Такимъ образомъ нервно-мускульный апаратъ не только передаетъ воспринятое имъ извнѣ движеніе отъ одной части организма въ другую, но кромѣ того во много разъ его увеличиваетъ.

Такое увеличеніе, воспринимаемыхъ нервно-мускульнымъ апаратомъ, движеній служитъ причиною того, что незначительное въ механическомъ смыслѣ и ограниченное раздраженіе при соотвѣтственныхъ условіяхъ можетъ вызвать весьма энергичные, сложные и распространенные рефлексы, въ которыхъ принимаютъ участіе многочислен-

ные рефлекторные центры и группы мышцъ. Явленіе это объясняется тѣмъ, что, подъ вліяніемъ избытка возбужденія, „чувствительныя“ клѣтки освобождаютъ избытокъ нервной энергіи или тока, который распространяется не только на соотвѣтственныя двигательныя клѣтки, но и на клѣтки болѣе отдаленныхъ центровъ, связанныхъ съ ними проводящими путями.

Мы уже видѣли, что при чрезмѣрномъ возбужденіи чувствительныхъ нервовъ, а слѣдовательно, при такомъ же возбужденіи соотвѣтственныхъ чувствительныхъ субкортикальныхъ клѣтокъ, энергія, выдѣляемая ими, можетъ даже распространяться на психосенсорные центры, гдѣ, вызывая новые разряды, которые ирадіируютъ въ обширной области коры, обусловливаетъ психическое чувство боли. Чувство это имѣетъ слишкомъ мало общаго съ рефлекторнымъ чувствомъ и механизмы ихъ не могутъ быть вполнѣ одинаковыми. Мы можемъ думать, что рефлекторное чувство не представляетъ собою разрядовъ чувствительныхъ субкортикальныхъ клѣтокъ, доходящихъ до коры, но является слѣдствіемъ разряда нѣкоторыхъ другихъ нервныхъ клѣтокъ, быть можетъ, двигательныхъ, или же тѣхъ, функціи которыхъ остаются пока неизвѣстными.

Въ случаѣ задержки рефлекса и продолжающагося раздраженія, нервная энергія, въ избыткѣ выдѣляемая двигательными клѣтками, должна найти новые пути и выразиться инымъ результатомъ, нежели сокращеніе соотвѣтствующихъ мышцъ, которое оказывается невозможнымъ. Первую половину рефлекторной дуги нервное возбужденіе пробѣгаетъ въ этомъ случаѣ нормально и, вѣроятно, достигаетъ двигательныхъ клѣтокъ, гдѣ выдѣляется энергія импульса, т. е. нервный токъ, назначеніе котораго заключается въ раздраженіи мышцъ, сокращеніе которыхъ должно бы явиться конечною фазою рефлекса. Но, такъ какъ рефлекторное движеніе задержано и мышцы не сокращаются, можно предполагать, что энергія, выдѣляемая двигательными клѣтками, не доходитъ до соотвѣтственныхъ мышцъ и направляется въ этихъ случаяхъ другими путями. Если же она и здѣсь слѣдуетъ по нормальному направленію, то все-таки отсутствіе рефлекторнаго движенія и продолжающееся вслѣдствіе этого раздраженіе служатъ причиною все большаго и большаго возбужденія двигательныхъ клѣтокъ, все новыхъ и новыхъ разрядовъ нервной энергіи, которая должна распространяться по всѣмъ, болѣе или менѣе, проходимымъ путямъ сперва на ближайшіе центры и затѣмъ на болѣе отдаленные. Этотъ токъ рефлекторнаго импульса можетъ, наконецъ, достигнуть тѣхъ центровъ коры, которые связаны проводящими путями съ посылающими его клѣтками рефлекторныхъ центровъ, т. е. по нашему предположенію съ ихъ двигательными клѣтками, и, возбуждая корковую дѣятельность, вызвать нѣкоторое новое состояніе сознанія, новое психическое явленіе, которое въ данномъ случаѣ мы называемъ рефлекторнымъ чувствомъ, опредѣляющимся въ сознаніи, какъ желаніе нѣкоторыхъ движеній.

Изъ центровъ коры, какъ извѣстно, психомоторные, т. е. центры сознательныхъ и произвольныхъ движеній, имѣютъ непосредственную связь съ двигательными частями низшихъ рефлекторныхъ центровъ; а именно, осево—цилиндрическіе отростки ихъ пирамидальныхъ клѣ-

токъ развѣтвляются въ области распространенія дендритовъ двигательныхъ клѣтокъ низшихъ центровъ и въ нормальныхъ случаяхъ передаютъ возбужденіе центробѣжно, т. е. отъ коры къ рефлекторнымъ центрамъ. Вопросъ заключается лишь въ томъ, возможна ли обратная центростремительная передача возбужденія, возможно ли движеніе нервнаго тока отъ двигательныхъ клѣтокъ рефлекторныхъ центровъ по тѣмъ же путямъ къ клѣткамъ центровъ психомоторныхъ, хотя бы только въ исключительныхъ случаяхъ, т. е. въ случаяхъ задержки рефлексовъ? или же слѣдуетъ искать другихъ путей, связывающихъ рефлекторные центры съ психическими и проводящихъ въ область сознанія импульсы задержанныхъ рефлексовъ. Во всякомъ случаѣ, разъ существуетъ рефлекторное чувство, импульсы эти, безъ сомнѣнія, доходятъ до коры и вопросъ заключается лишь въ томъ, какими путями они слѣдуютъ и дѣятельность какихъ именно областей коры они возбуждаютъ? Не предрѣшая вопроса о путяхъ, который можетъ быть точно изслѣдованъ только по экспериментальному методу, попробуемъ коснуться второго вопроса и, на основаніи имѣющихся данныхъ, намѣтить тѣ области коры, возбужденіе которыхъ могло бы явиться нашему сознанію въ формѣ рефлекторнаго чувства.

Центры коры, точно такъ же какъ и рефлекторные центры, раздѣляются на двѣ главныя группы—на чувствительные и на двигательные (психосенсорные и психомоторные). Промежуточною группою можно считать асоціаціонные центры или центры идеаціи, гдѣ образуются и хранятся представленія, понятія и идеи (Флексигъ).

Возбужденіе психосенсорныхъ центровъ даетъ въ результатѣ сознательное ощущеніе, перераздраженіе ихъ вызываетъ чувство боли, а слѣдовательно, ни то, ни другое не можетъ быть причиною рефлекторнаго чувства. Во всякомъ случаѣ, одного ощущенія, которое иногда даже не сопровождаетъ рефлекторнаго чувства (желаніе дышать и пр.), какъ бы оно ни было интенсивно, еще недостаточно для объясненія возникновенія въ сознаніи стремленія и желанія. Хотя ощущенія иногда служатъ первою причиною возникновенія подобныхъ чувствъ, они ихъ все-таки никоимъ образомъ не составляютъ. Для этой цѣли былъ бы необходимъ, кромѣ психосенсорныхъ центровъ, какой-либо особый механизмъ, способный переработать безстрастное ощущеніе въ потребность, въ психическое стремленіе или въ желаніе, было бы необходимо что-то, видоизмѣняющее ощущеніе и опредѣляющее движеніе, которое требуется выполнить, такъ какъ движеніе это всегда въ потенціональномъ состояніи входитъ въ составъ рефлекторнаго чувства. Ирадіація ощущенія на смежные центры не можетъ дать опредѣленнаго желанія, такъ какъ неопредѣленная сфера ея распространенія не можетъ быть причиною и центромъ стремленія къ вполнѣ опредѣленному движенію. Опредѣлить желаніе не могло бы также распространеніе ощущенія на нѣкоторое число опредѣленныхъ психосенсорныхъ центровъ, которые въ лучшемъ случаѣ дали бы чувственный образъ, допустимъ даже—зрительный, слуховой или осязательный образъ потребнаго движенія, но никакъ не желаніе его. Никакое ощущеніе, а тѣмъ болѣе представленіе, обыкновенно не предшествуетъ желанію и даже, наоборотъ, — на основаніи желанія возникаютъ тѣ или иные образы, пробуждаются тѣ или иныя

воспоминанія, вызываются асоціаціи и идеи. А потому, позволительно думать, что рефлекторное чувство не можетъ быть слѣдствіемъ какого бы то ни было возбужденія психосенсорныхъ центровъ.

То же можно сказать и относительно центровъ идеаціи.

Всякое представленіе, всякій образъ воспоминанія, всякая отвлеченная идея по существу своему безстрастны и сами въ себѣ не заключаютъ никакого желанія, какъ не заключаютъ его въ себѣ математическія выкладки или ихъ результаты. Представленія или идеи движенія не сходны съ желаніемъ движенія, хотя есть основаніе думать, что центры такихъ представленій тѣсно связаны съ соотвѣтственными психомоторными центрами. Рефлекторное чувство въ видѣ тревоги предшествуетъ представленію или идеѣ потребнаго движенія, а слѣдовательно, должно возникать въ иныхъ центрахъ, хотя оно не могло бы опредѣлиться въ сознаніи помимо центровъ идеаціи, гдѣ хранится его представленіе, сложившееся изъ о щ у щ е н і й не ранѣе, какъ послѣ перваго опыта.

Остаются центры психомоторные, наиболѣе изученные изъ всѣхъ центровъ коры. Раздраженіе разныхъ психомоторныхъ центровъ имѣетъ результатомъ сокращеніе тѣхъ или другихъ поперечно-полосатыхъ мышцъ, движеніе того или другого члена, точно такъ же какъ раздраженіе двигательныхъ частей соотвѣтственныхъ субкортикальныхъ центровъ, съ которыми соединены психомоторные и при посредствѣ которыхъ они возбуждаютъ дѣятельность мышцъ. Разница между дѣятельностью корковыхъ и субкортикальныхъ центровъ движеній заключается, какъ говорятъ, лишь въ томъ, что движенія, производимыя послѣдними, безсознательны, а первыми—сознательны и произвольны. Разница эта, очевидно, чисто субъективная и она даетъ намъ поводъ заключить, что съ субъективной стороны возбужденіе центровъ непроизвольныхъ движеній и движеній волевыхъ проявляется въ отсутствіи или въ наличности в о л и къ такимъ движеніямъ, т. е. въ отсутствіи или наличности желанія, хотя бы и неопредѣленнаго, или двигательной тревоги, т. е. неопредѣленнаго психическаго стремленія къ этимъ движеніямъ.

На этомъ основаніи мы можемъ допустить, не предполагая спеціальныхъ центровъ для двигательныхъ желаній, что особое возбужденіе центровъ волевыхъ движеній достаточно для объясненія возникновенія въ сознаніи неопредѣленныхъ рефлекторныхъ чувствъ. Мы говоримъ о с о б о е возбужденіе психомоторныхъ центровъ, на томъ основаніи, что нормальное ихъ возбужденіе движется въ обратномъ направленіи, исходя отъ центровъ идеаціи или психосенсорныхъ; изолированное же ихъ раздраженіе можетъ дать только сокращеніе мышцъ произвольныхъ движеній, вѣроятно, съ субъективной стороны подобное движенію импульсивному или мимовольному, если предположить, что возбужденіе это не переходитъ предѣловъ даннаго центра, т. е. не обусловливаетъ возникновенія общаго психическаго чувства, не распространяясь въ корѣ.

Непосредственное возбужденіе какого-либо психомоторнаго центра, въ случаѣ задержки рефлекса, не можетъ имѣть тѣхъ же результатовъ, какъ при возможности безпрепятственнаго выполненія движенія. Здѣсь, какъ мы видѣли, нервный токъ получаетъ, какъ бы, обратное

направленіе. а именно отъ рефлекторнаго центра къ психомоторному, и нормальное дѣйствіе разрядовъ послѣдняго становится невозможнымъ. Не разрѣшаясь въ движеніяхъ и потому возрастая, возбужденіе психомоторныхъ центровъ распространяется въ корѣ по существующимъ путямъ нормальнымъ или ненормальнымъ и въ результатѣ получается общее психическое чувство —рефлекторная тревога, опредѣляющаяся впослѣдствіи въ желаніе нѣкоторыхъ движеній, очевидно. при посредствѣ асоціированныхъ центровъ идеаціи. Рефлекторное чувство является. такимъ образомъ. слѣдствіемъ обширнаго распространенія въ корѣ по проводящимъ путямъ возбужденія психомоторныхъ центровъ. зависящаго отъ перевозбужденія двигательныхъ субкортикальныхъ клѣтокъ вслѣдствіи задержки рефлекса. Оно опредѣляется дѣятельностью ближайшихъ асоціированныхъ центровъ идеаціи. т. е. центровъ представленій и идей требуемаго движенія, которые въ свою очередь связаны съ центрами представленій, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ такимъ движеніямъ.

Хотя можно также думать, что рефлекторное чувство является слѣдствіемъ дѣятельности особаго центра, или слѣдствіемъ распространенія ощущенія съ психосенсорнаго центра на соотвѣтствующіе психомоторные или же слѣдствіемъ распространенія возбужденія чувствительныхъ субкортикальныхъ центровъ на двигательные центры коры. но съ большею вѣроятностью можно думать, что рефлекторное чувство является слѣдствіемъ распространенія двигательнаго импульса, выработаннаго рефлекторными центрами, на соотвѣтствующіе двигательные центры коры.

Предположимъ, что возбужденіе психомоторныхъ центровъ въ спеціальныхъ случаяхъ задержки рефлекса должно дать въ результатѣ желаніе произвести соотвѣтствующее движеніе. Предположеніе это весьма вѣроятно и, не измѣняя сущности всѣхъ возможныхъ гипотезъ, упрощаетъ вопросъ, избавляя насъ отъ необходимости предполагать существованіе особыхъ центровъ желанія движеній или особыхъ для этого механизмовъ. Интенсивное раздраженіе тѣхъ же двигательныхъ центровъ должно, при этомъ предположеніи, вызвать непреодолимое желаніе и импульсивныя (мимовольныя) движенія; ирадіація возбужденія въ сосѣднихъ двигательныхъ центрахъ коры должна вызвать не боль и не ощущенія, но желанія новыхъ безцѣльныхъ движеній или хаосъ движеній безпорядочныхъ и мимовольныхъ, хотя и желаемыхъ, что въ данныхъ случаяхъ дѣйствительно наблюдается; такъ, напр., сильно чихающій полусознательно гримасничаетъ, мотаетъ головою, пристукиваетъ рукою или ногою или дѣлаетъ какой-либо совершенно излишній жестъ и т. д.

Раздраженіе двигательныхъ центровъ коры, распространяясь на асоціированные центры идеаціи, конечно, можетъ вызвать въ сознаніи вслѣдъ за неопредѣленнымъ желаніемъ движенія и самое представленіе его, но такое представленіе явится лишь слѣдствіемъ дѣятельности центровъ идеаціи и памяти, а не центровъ движенія и можетъ поэтому отсутствовать во всѣхъ случаяхъ бездѣйствія первыхъ. Психологически подобный фактъ долженъ выразиться въ желаніи неопредѣленныхъ движеній, въ двигательномъ безпокойствѣ или въ тревогѣ.

Въ большей части нормальныхъ случаевъ движенія, конечно, опре-

дѣляются, болѣе или менѣе, быстро, т. е. раздраженіе двигательныхъ клѣтокъ коры распространяется на асоціированныя клѣтки идеаціи и къ психическому чувству двигательной тревоги, которое обыкновенно предшествуетъ, тотчасъ же присоединяется представленіе или идея желаемаго движенія, которою тревога и опредѣляется. Желать мы можемъ только тѣхъ движеній, которыя совершаются при посредствѣ сокращеній поперечно-полосатыхъ мышцъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рефлекторное желаніе происходитъ отъ задержки рефлекса гладкихъ мышцъ.

Такимъ образомъ волевой актъ представляется намъ слѣдствіемъ двухъ различныхъ нервныхъ процесовъ, а потому является съ психологической точки зрѣнія сознательнымъ или разсудочнымъ, т. е. имѣющимъ логическую мотивировку и въ то же время чувственнымъ, т. е. основаннымъ на органическомъ чувствѣ, на желаніи или на потребности, возникшей въ сознаніи независимо отъ разсужденія и, какъ будто-бы, самопроизвольно, вслѣдствіи задержки нѣкоторыхъ органическихъ процесовъ, при выработкѣ соотвѣтственныхъ импульсовъ низшими безсознательными центрами.

Способъ образованія воли, слагающейся изъ разсужденія и чувства, при чемъ послѣднее играетъ руководящую роль, заключается, по нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ. Ежели, вслѣдствіи дѣятельности какихъ-либо субкортикальныхъ (безсознательныхъ) центровъ, центры психомоторные начинаютъ функціонировать, т. е. выдѣляютъ энергію, то энергія эта, распространяясь на асоціированные центры идеаціи, возбуждаетъ ихъ дѣятельность и вызываетъ въ сознаніи новые образы и представленія. Слѣдствіемъ такого, какъ бы, самопроизвольнаго возникновенія новыхъ образовъ, вторгающихся въ теченіе асоціацій, которые наполняли сознаніе подъ вліяніемъ прежнихъ мыслей и настроеній и имѣли свое закономѣрное и правильное движеніе, является нѣкоторое нарушеніе порядка ихъ теченія, т. е., какъ бы, насильственная путаница, хаосъ мыслей и образовъ, задержка нѣкоторыхъ и насильственное движеніе другихъ, что выражается тревогою или безпокойствомъ. Ежели раздраженіе психомоторныхъ центровъ продолжается или усиливается, оно тотчасъ же передается центрамъ идеаціи, и навязчивые образы все болѣе и болѣе вмѣшиваются въ дѣятельность сознанія, пока, наконецъ, не вытѣснятъ изъ него всѣхъ другихъ образовъ, не остановятъ окончательно теченія предшествовавшихъ мыслей и не воспроизведутъ въ сознаніи картину потребныхъ движеній и объектовъ, т. е. пока желаніе автоматически не опредѣлится.

Слѣдствіемъ такого процеса является, вслѣдъ за тревогою, вторая фаза психологическаго развитія чувства, а именно—его самоопредѣленіе. Конечно, такое самоопредѣленіе возможно только въ силу предшествовавшаго опыта.

Затѣмъ наступаетъ и третья фаза—выработка волевого импульса, какъ слѣдствія развитія асоціацій и обратнаго воздѣйствія возбужденія центровъ идеаціи на психомоторные центры, а потому этотъ періодъ можно въ свою очередь раздѣлить на двѣ части, т. е. на разумную мотивировку движенія, иначе говоря, на логическую выработку въ центрахъ идеаціи разсудочнаго рѣшенія (хотя и основаннаго на первоначальномъ безсознательномъ стремленіи) и, затѣмъ, на соединеніе

разсудочнаго рѣшенія съ первоначальнымъ органическимъ стремленіемъ; соединеніе это образуетъ тотъ факторъ, который мы называемъ волею, и, наконецъ, воля, воздѣйствуя на психомоторные центры, даетъ волевой импульсъ, и его слѣдствіе—сознательное и произвольное движеніе, первично обусловленное задержкой рефлекса.

При задержкѣ рефлекса, въ выполненіи котораго прямо или косвенно принимаютъ участіе мускулы произвольныхъ движеній, рефлекторное чувство проявляется въ видѣ сознательнаго желанія произвести движеніе, потребное для свободнаго выполненія рефлекса.

Въ иныхъ случаяхъ произвольныя движенія могутъ выполнить этотъ рефлексъ (дыханіе, кашель и проч.), въ другихъ прекратить ихъ задержку (мочеиспусканіе, дефекація и пр.), въ третьихъ содѣйствовать непроизвольнымъ движеніямъ, т. е. ихъ возникновенію и энергіи (чиханіе, дефекація и пр.).

Рефлексъ задерживается обыкновенно не самъ собою, но другимъ движеніемъ, во многихъ случаяхъ тоже рефлексомъ или же какимъ-либо внѣшнимъ факторомъ.

Раздраженіе, вызывающее первичный рефлексъ, т. е. рефлексъ отправленія, обыкновенно отличается отъ раздраженія, производящаго вторичный рефлексъ, или рефлексъ задержки. Во многихъ естественныхъ случаяхъ (дефекація, мочеиспусканіе, рвота и проч.) вторичное раздраженіе даетъ ощущеніе, а первичное его не производитъ, вторичный рефлексъ выполняется поперечно-полосатыми мышцами, а первичный гладкими.

Съ перваго взгляда можетъ казаться поэтому, что рефлекторное чувство является слѣдствіемъ ощущенія, а не избытка двигательной энергіи, выдѣляемой рефлекторными центрами, какъ это было выше описано; но, съ другой стороны, мы можемъ замѣтить, что желаніе или рефлекторное чувство появляется иногда ранѣе вторичнаго раздраженія. А потому съ дозою вѣроятности можно считать рефлекторное чувство или развитіемъ и осложненіемъ ощущеній, или двигательныхъ импульсовъ рефлекторнаго центра поперечно-полосатыхъ мышцъ или превращеніемъ энергіи, выдѣленной чувствительными или двигательными центрами гладкихъ мышцъ, и весьма возможно, что ежели не всѣ, то нѣкоторые изъ этихъ случаевъ имѣютъ мѣсто въ дѣйствительности, и, обобщивъ ихъ, мы можемъ дать слѣдующую схему механизма рефлекторнаго чувства, пригодную одинаково почти для всѣхъ возможныхъ случаевъ.

Когда рефлексъ не можетъ устранить раздражителя и раздраженіе продолжается, когда потребное движеніе по какой-либо внѣшней или органической причинѣ невозможно, т. е. когда рефлексъ задержанъ, но возбужденіе нервнаго центра продолжается и имъ посылаются серіи импульсовъ, не находящихъ истока въ рефлексѣ, импульсы эти по проводящимъ путямъ достигаютъ коры головного мозга и, возбуждая дѣятельность психомоторныхъ и асоціаціонныхъ клѣтокъ, проявляются въ сознаніи въ видѣ особой психической силы, движущей нами, въ видѣ, самостоятельно въ немъ возникающихъ, потребности или стремленія, каковыми, обыкновенно, являются намъ всѣ наши психическія чувства-желанія.

Ежели первоначально избытокъ энергіи освобождается главнымъ образомъ двигательными клѣтками субкортикальныхъ центровъ и отъ

нихъ распространяется на другія и ежели онъ можетъ быть проводимъ по нервнымъ волокнамъ безразлично въ томъ или другомъ направленіи, или ежели существуютъ необходимые центростремительные пути, то весьма вѣроятно, что это возбужденіе достигаетъ двигательныхъ центровъ коры. Желаніе движенія, возникающее въ сознаніи, необходимо отнести къ возбужденію психомоторныхъ и непосредственно, связанныхъ съ ними, центровъ. Если же избытокъ энергіи импульсовъ не сообщается непосредственно двигательнымъ или асоціаціоннымъ клѣткамъ коры, возможна ея переработка посредствомъ особаго нервнаго механизма или органа.

Спеціальнымъ аппаратомъ для выработки чувствъ и желаній, которыя всѣ сводятся, конечно, къ желаніямъ движеній, мы можемъ считать, не прибѣгая къ слишкомъ рискованнымъ гипотезамъ, мозжечекъ, съ тѣхъ поръ, какъ д-ръ Курмонъ показалъ въ своемъ интересномъ и весьма обоснованномъ трудѣ*) связь мозжечка съ эмоціональною жизнью животныхъ, тѣмъ болѣе, что эта роль не препятствуетъ вліянію мозжечка распространяться на сферу двигательныхъ функцій, главнымъ же образомъ на психомоторные центры, но, наоборотъ, объясняетъ такое вліяніе и даже требуетъ его.

Въ спеціальной главѣ о механизмѣ инстинкта мы стараемся освѣтить этотъ вопросъ въ его интересныхъ деталяхъ, такъ какъ въ выработкѣ инстинктивныхъ чувствъ мозжечекъ, по нашему мнѣнію, можетъ играть первостепенную роль.

---

*) Frédèric Courmont. „Le Cervelet et ses fonctions“. Paris, 1891.

ЧАСТЬ III, СПЕЦІАЛЬНАЯ.

Термическіе инстинкты *).

1. Инстинкты, связанные съ процесами теплообразованія и потери тепла организмами.

Опредѣленное количество тепла, какъ извѣстно, одно изъ главныхъ условій органической жизни.

Жизнь организмовъ бываетъ возможною только при нѣкоторыхъ весьма ограниченныхъ колебаніяхъ температуры внѣшней среды.

Жизнь теплокровныхъ животныхъ кромѣ того ограничена еще условіями постоянной температуры ихъ собственнаго организма или ихъ крови.

Колебанія этой постоянной температуры крови ничтожны. Переходя нѣкоторые весьма близкіе предѣлы, они обусловливаютъ болѣзненное состояніе животнаго и даже его смерть **).

Центральная температура здороваго человѣка достигаетъ своего максимума въ 37,8°C между 3 и 5 часами пополудни и минимума 36,6°C между 3 и 5 часами пополуночи; эти колебанія температуры связаны съ состояніями усиленія и ослабленія дѣятельности нервной системы (Ch. Richet).

Теплокровныя животныя, постоянно теряя часть своего органическаго тепла, постоянно возобновляютъ его, производя все новыя и новыя количества тепла.

Органическое тепло происходитъ отъ окисленія органическихъ веществъ, отъ разложенія или перегоранія ихъ, которое является слѣдствіемъ большинства жизненныхъ процесовъ. Тепло выдѣляется въ организмѣ при сокращеніяхъ мускуловъ, при тоническомъ ихъ состояніи, при функціонированіи железъ или при работѣ нервной системы и пр.

„Животныя горятъ и горятъ быстро; такъ—скорость разрушенія вслѣдствіе перегоранія организма воробья можетъ быть безъ всякаго преувеличиванія сравнена со скоростью горѣнія свѣчи“ ***).

---

*) Пропускаемъ нѣсколько главъ о чувствахъ, ихъ класификаціи, объ инстинктивномъ чувствѣ и о его механизмѣ, имѣющія слишкомъ спеціальный характеръ, и отъ общихъ вопросовъ инстинкта переходимъ къ частнымъ, представляющимъ, вѣроятно, болѣе общаго интереса.

**) См. блестящее, популярное изложеніе послѣднихъ данныхъ науки по этому вопросу въ соч. „Простуда“, И. Р. Тарханова.

***) Ch. Richet. Dictionnaire de Physiologie. Статья „ments“ L. Lapicque et Ch. Richet. T I, стр. 329.

Человѣческій организмъ горитъ въ 200 разъ медленнѣе, благодаря своему большему объему, на каждую единицу котораго, очевидно приходится гораздо меньшая площадь охлаждающейся поверхности, чѣмъ въ организмѣ воробья и другихъ мелкихъ животныхъ. Кромѣ того, температура крови млекопитающихъ нѣсколько ниже температуры крови птицъ.

Послѣ великихъ открытій Роберта Майэра, выяснившихъ законы превращенія и сохраненія энергіи *), наука сводитъ къ тепловымъ единицамъ сумму получаемыхъ съ пищею или съ дыханіемъ количествъ химической энергіи и сумму расходуемыхъ организмомъ силъ при работѣ или при движеніяхъ. Оказывается, что изъ пяти расходуемыхъ организмомъ единицъ энергіи, четыре употребляются на производство тепла, т. е. на поддержаніе температуры крови, и только одна расходуется на движеніе, т. е. на механическую работу организма.

Животное получаетъ тепло, главнымъ образомъ скрытое въ пищѣ, которую оно поглощаетъ и при дыханіи, иногда отъ внѣшнихъ лучеиспусканій, или отъ соприкосновенія съ нагрѣтыми тѣлами.

Животное освобождаетъ это тепло во внутрь организма вслѣдствіе окисленія тканей, при всякой дѣятельности мускуловъ, железъ, нервной системы и пр. и затѣмъ во внѣшнюю среду, которой передаетъ свое тепло лучеиспусканіемъ и теряетъ его при соприкосновеніи съ менѣе нагрѣтыми тѣлами.

Животный организмъ могъ бы безъ особой регуляціи постоянно и равномѣрно производить такое количество тепла, какое ему было бы необходимо для поддержанія постоянной температуры крови, только при нѣкоторой опредѣленной температурѣ внѣшней среды и при нѣкоторыхъ постоянныхъ условіяхъ потери тепла вслѣдствіе лучеиспусканія и соприкосновенія. Но, такъ какъ температура внѣшней среды измѣнчива и условія, увеличивающія или уменьшающія расходъ тепла, не всегда одинаковы,—для сохраненія жизни организму необходимо приспособляться къ этимъ условіямъ и постоянно регулировать особыми органическими механизмами какъ производство тепла, такъ и его расходъ.

Регулировать производство тепла животное можетъ, какъ извѣстно, видоизмѣняя свое дыханіе, питаніе и работу или функціи органовъ; регулировать потерю тепла оно можетъ, измѣняя условія лучеиспусканія, проводимости и температуры внѣшней среды. Для всѣхъ этихъ функцій животные организмы обладаютъ автоматическими механизмами, главную роль между которыми играютъ нервные апараты **).

При неправильной дѣятельности такихъ регуляторовъ, неизбѣжныя колебанія температуры крови могутъ нарушить норму, и животное подвергается въ этомъ случаѣ простудѣ и болѣзни; если же температура крови переступаетъ необходимые для жизни предѣлы, жи-

*) См. Die Mechanik der Warme in gesammelten Schriften von Robert Mayer. 3-ье изданіе 1893 года, Штутгартъ, и особенно статью: Die organische Bewegung in ihrem Zusammenhange mit dem Stoffwechsel, стр. 45—128.

**) См. Ch. Richet. Physiologie. Traveaux du Laboratoire. Tome III, „Fonctions de défense", „Le frisson thermigue" и др.

вотное погибаетъ, а потому функціи регуляторовъ температуры одни изъ важнѣйшихъ для сохраненія жизни и задержка ихъ дѣятельности, какъ одна изъ опаснѣйшихъ для животнаго, проявляется тѣмъ или инымъ чувствомъ въ его сознаніи, тѣмъ или инымъ инстинктивнымъ побужденіемъ, что доказываетъ намъ существованіе особыхъ инстинктовъ-регуляторовъ температуры, являющихся естественнымъ дополненіемъ къ ея органическимъ, безсознательнымъ регуляторамъ, иначе сказать, ихъ развитіемъ и усовершенствованіемъ.

Всѣхъ инстинктовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ потребность тепла, мы, конечно, не будемъ перечислять; къ нимъ могутъ быть отнесены инстинкты питанія, а слѣдовательно, и добыванія пищи— сбора, ловли, охоты, хозяйства и проч., инстинкты дыханія, инстинкты строительные, инстинкты миграціи и многіе другіе; однимъ словомъ, большую часть эгоистическихъ инстинктовъ можно было бы, въ концѣ концовъ, свести къ инстинктамъ термическимъ. Въ настоящее время подъ именемъ термическихъ инстинктовъ мы разсмотримъ только инстинкты, служащіе регуляторами колебаній производства или потери тепла.

Главными регуляторами производства тепла являются видоизмѣненія функцій дыханія, питанія и работы различныхъ органовъ.

Разсмотримъ сперва послѣднія.

2. Термическіе инстинкты, какъ регуляторы мышечной дѣятельности.

Обильнѣйшимъ источникомъ животной теплоты служатъ мускулы, которые выдѣляютъ тепло при сокращеніяхъ.

Когда животному холодно, оно начинаетъ дрожать, т. е. мускулы его непроизвольно сокращаются и, выдѣляя тепло, служатъ для автоматическаго повышенія температуры крови. При чрезмѣрномъ охлажденіи кожи, какъ показалъ Ch. Richet, той же цѣли достигаютъ и сокращенія подкожныхъ волоконъ при такъ-называемой утиной кожѣ, также и общее напряженіе мышцъ, чувствуемое всегда во время холода. Въ этомъ проявляется дѣятельность безсознательныхъ органическихъ регуляторовъ температуры.

Но, когда животное долго зябнетъ, оно начинаетъ кромѣ того дѣлать разныя произвольныя, хотя и безцѣльныя, повидимому, движенія. Застоявшаяся въ холодное время лошадь топчется на мѣстѣ, роетъ землю или снѣгъ и всячески изъявляетъ свое сознательное желаніе двигаться. Можно легко замѣтить, что въ холодное время самая лѣнивая лошадь бѣжитъ охотно, бойко и энергично, даже старая лошадь пріобрѣтаетъ иногда горячность молодой.

Птицы часто проявляютъ оживленную дѣятельность въ морозы. Говорятъ, что волки въ морозныя ночи пробѣгаютъ огромныя пространства; когда же въ осеннюю стужу они по какой-либо причинѣ долго не покидаютъ одного мѣста, то, несмотря на свой трусливый характеръ, не могутъ оставаться въ бездѣйствіи и часто выдаютъ охотникамъ свое присутствіе безцѣльнымъ и протяжнымъ воемъ, который, съ одной стороны, будучи опаснымъ для ихъ жизни, быть можетъ, служитъ имъ отчасти, какъ средство для согрѣванія. Вѣроятно,

многіе замѣчали, что собаки, оставаясь на открытомъ дворѣ, гораздо болѣе лаютъ въ холодныя ночи, чѣмъ въ теплыя, и лаютъ иногда не умолкая цѣлыми часами, не имѣя для этого никакой видимой причины и цѣли, кромѣ холода и инстинктивнаго стремленія къ такому упражненію. Иные говорятъ, что собахи лаютъ на луну, такъ какъ въ особенно холодныя ночи небо бываетъ по большей части ясно, а потому безцѣльный ночной собачій лай, дѣйствительно, нерѣдко совпадаетъ съ луннымъ сіяніемъ. Какъ старыя, опытныя, такъ и молодыя собаки и днемъ не остаются въ покоѣ на открытомъ дворѣ въ зимнее морозное время; лишь только онѣ выходятъ изъ теплаго дома, какъ, не успѣвъ еще прозябнуть, выказываютъ чрезвычайное оживленіе и дѣятельность, прыгаютъ въ снѣгу, гоняются за воронами или носятся безъ цѣли взадъ и впередъ, хотя бы никогда не дѣлали этого лѣтомъ или въ болѣе теплые дни. Всѣ животныя дѣйствуютъ при этомъ вполнѣ сознательно, хотя едва ли сознаютъ настоящую цѣль своей дѣятельности.

Всѣхъ случаевъ, гдѣ мы замѣчаемъ у животныхъ сознательное желаніе усиленныхъ мускульныхъ упражненій, невозможно приписать ихъ личной опытности и сознательному заключенію о необходимости движеній для цѣлей согрѣванія. Такое сознательное заключеніе не имѣло бы въ себѣ, во-первыхъ, ничего эмоціональнаго, во-вторыхъ, отсутствовало бы у молодыхъ животныхъ, еще не обладающихъ для этого достаточною опытностью и разсудительностью, а въ-третьихъ, могло бы появиться только тогда, когда животное достаточно уже промерзло, обдумало свое печальное положеніе, оцѣнило средства и построило планъ разумныхъ дѣйствій.

Едва ли возможно предполагать такія философскія и научныя соображенія въ основѣ эмоціональной сознательной дѣятельности животныхъ. Животныя, а въ томъ числѣ и человѣкъ, въ большинствѣ случаевъ дѣйствуютъ вполнѣ сознательно, не успѣвъ еще достаточно обдумать своихъ дѣйствій, не успѣвъ ясно сознать причины, сообразить обстоятельства, расчитать слѣдствія и предначертать свои поступки. Подобный расчетъ потребовалъ бы слишкомъ много времени, а жизнь не терпитъ, и, пока животное стало бы соображать и расчитывать, оно нѣсколько разъ успѣло бы лишиться жизни. Инстинкты являются на помощь соображенію и, обусловливая большинство сознательныхъ поступковъ животныхъ и людей, сохраняютъ имъ и время, и жизнь. Сознательное желаніе двигаться въ данномъ случаѣ зарождается инстинктивно, безсознательно и безотчетно, хотя вполнѣ сознается какъ таковое и сознательно приводится въ исполненіе. Желаніе это, какъ бы, самопроизвольно, автоматически возникаетъ въ сознаніи, какъ возникаетъ отъ холода дрожь въ организмѣ и другія мышечныя реакціи, и является только дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ безсознательныхъ отправленій, а потому оно имѣетъ чувственный или эмоціональный характеръ. Эмоціи же, какъ мы видѣли, не подчиняются сознанію, а подчиняютъ его себѣ, не слѣдуютъ за работою мысли, но предшествуютъ ей и направляютъ ее. Животное бѣгаетъ, прыгаетъ или топчется во время мороза потому, что ему *хочется* бѣгать, прыгать или топтаться, точно такъ же, какъ хочется это дѣлать во всякое время безотчетно и безцѣльно вся-

кому молодому животному. И старый организмъ, какъ бы, молодѣетъ во время мороза.

Ошибочно было бы приписывать всѣ эти измѣненія стремленій, характеровъ и настроеній животныхъ вліянію однихъ лишь непріятныхъ ощущеній холода. Это, конечно, не боль отъ мороза, которая, подобно ударамъ кнута, побуждаетъ въ данномъ случаѣ животное совершать всѣ согрѣвающія его движенія. Ежели вы причините собакѣ боль, ежели вы ударите ее кнутомъ, она, быть можетъ, завизжитъ, подожметъ хвостъ и постарается куда-либо скрыться, но развѣ она станетъ весело метаться взадъ и впередъ? развѣ она начнетъ гоняться за воронами такъ, какъ она это дѣлаетъ во время мороза? Въ данномъ случаѣ главная роль принадлежитъ, очевидно, инстинктивнымъ чувствамъ-желаніямъ и чувствамъ-регуляторамъ инстинктивныхъ движеній — психическому удовольствію и психическому страданію.

Быть можетъ, на этомъ, возникающемъ отъ холода, непреодолимомъ желаніи двигаться основываются инстинкты, побуждающіе къ осеннему отлету птицъ, быть можетъ, этотъ термическій инстинктъ заставляетъ ихъ пролетать въ холодное время огромныя пространства, т. е. производить колосальную мускульную работу, а чувства наслажденія или страданія, поддерживая полетъ, регулируя его скорость и продолжительность, быть можетъ, даже даютъ ему то или другое направленіе.

Не предшествуютъ ли и сознательному рѣшенію двигаться промерзшаго человѣка нѣкоторыя импульсивныя движенія и желанія, возбуждая его мысли и волю въ этомъ же направленіи?

Мнѣ кажется, что озябшій очень часто топчется и бьетъ въ ладоши потому, что *хочетъ* двигаться, и, только уже дѣлая это, сознаетъ, что дѣлаетъ для согрѣванія. Движеніе въ данномъ случаѣ часто предшествуетъ мысли, хотя иногда бываетъ ею обусловлено, но едва ли часто предшествуетъ желанію, а потому усиленную и сознательно эмоціональную мышечную дѣятельность, вызванную дѣйствіемъ холода, можно отнести къ инстинктивнымъ регуляторамъ температуры организмовъ, къ проявленіямъ термическихъ инстинктовъ животныхъ.

Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго, достаточно сдѣлать нѣсколько наблюденій надъ взрослыми или надъ дѣтьми, купающимися въ рѣкѣ.

Оживленіе при этомъ бываетъ обыкновенно всеобщее, энергія возрастаетъ, движенія производятся охотно, а потому легко и свободно, и доставляютъ очевидное удовольствіе купающимся.

Ежели взрослые иногда сознаютъ необходимость двигаться въ холодной водѣ для того, чтобы не озябнуть или не простудиться, и подчиняютъ свою волю опытности и знанію, то у дѣтей мы напрасно стали бы искать такого благоразумія и мудрости, а между тѣмъ они то именно, купаясь, и проявляютъ наибольшее оживленіе; желаніе движеній достигаетъ у нихъ почти степени импульсивности, и, выполняя это желаніе, они, очевидно, чувствуютъ самое живое психическое наслажденіе. Извѣстно, что женщины, инстинктивная жизнь

которыхъ преобладаетъ сравнительно съ мужчинами, проявляютъ также при купаніи высокую степень эмоціанальной дѣятельности: кричатъ, визжатъ, прыгаютъ, смѣются, сильно разбрызгиваютъ воду и т. д.

Желаніе — необходимое условіе удовольствія. Удовольствіе, доставляемое купаньемъ въ холодной водѣ, заключается главнымъ образомъ въ возбужденіи инстинктивнаго желанія мышечныхъ движеній, которыя немедленно и легко удовлетворяются.

Въ жаркое время, наоборотъ, мы чувствуемъ изнеможеніе или разслабленіе и, конечно, не столько физическое, какъ психическое. Мускулы наши вполнѣ здоровы, динамометръ не указываетъ никакой потери силы, а между тѣмъ нами овладѣваютъ такая лѣнь, такое желаніе полнѣйшаго покоя и желаніе бездѣйствія, которыя мы можемъ побороть развѣ только другими, еще болѣе сильными, психическими мотивами, другими, болѣе могучими, инстинктивными желаніями. Въ жаркое время мы не хотимъ ни работать, ни двигаться, ни даже мыслить, хотя мы вовсе не сознаемъ, что вслѣдствіе такого инстинктивнаго стремленія въ организмѣ нашемъ будетъ освобождаться меньшее количество тепла. Мы объ этомъ даже не думаемъ, мы просто инстинктивно желаемъ не двигаться, мы испытываемъ психическое чувство апатіи, лѣни, желаніе покоя и бездѣйствія.

То же чувство замѣчаемъ мы у животныхъ въ ихъ позахъ, фигурахъ и движеніяхъ. Лошадь лѣниво развѣшиваетъ уши, что указываетъ на общее разслабленіе ея мышцъ, воробьи перестаютъ чирикать, собаки грузно лежатъ, высуня языкъ, и только грудные ихъ мускулы проявляютъ особенно энергичную дѣятельность, какъ бы противорѣча ослабленію остальныхъ мышцъ; собаки часто, шумно, и съ жадностью дышатъ. Дыханіе ихъ не только не ослабляется высокою температурою, но особенно усиливается ею. Здѣсь дѣйствуетъ другой автоматическій регуляторъ температуры крови, о которомъ рѣчь впереди.

Желаніямъ предшествуетъ обыкновенно тревога, хотя она часто слаба, едва уловима и быстро опредѣляется. Иногда можно замѣтить въ себѣ нѣкоторое психическое безпокойство, когда начинаешь дрожать отъ холода, предшествующее моменту появленія сознательнаго желанія двигаться. Кто не замѣчалъ тревоги, выражающейся въ безпокойствѣ озябшей лошади, въ ея взглядѣ, въ ея рѣзкихъ и отрывочныхъ движеніяхъ, столь характерно выражающихъ нетерпѣніе. Кто не знакомъ съ тревогою, вызываемой высокою температурой, доводящей иногда до безсонницы, почти до отчаянія въ жаркія лѣтнія ночи.

Всѣ эти положительныя и отрицательныя инстинктивныя желанія могутъ быть искуственно вызваны задержкою автоматическихъ процесовъ, регулирующихъ температуру организма.

Попробуйте напряженіемъ воли задержать рефлекторную дрожь, когда вы озябли, и вы почувствуете тревогу и непреодолимое желаніе произвести нѣсколько мускульныхъ движеній, которому едва ли будете въ состояніи противиться. Попробуйте въ жаркое время напрягать мышцы, и вы почувствуете непреодолимое изнеможеніе и лѣнь. Эти чувства, эти желанія двигаться или же оставаться въ покоѣ, вызван-

ныя вліяніями колебаній температуры и влекущія за собою хотя и сознательныя дѣйствія, но дѣйствія, приводящія къ несознаваемому результату—регуляціи температуры крови, обладаютъ несомнѣнными признаками инстинктивности и указываютъ намъ на существованіе термическихъ инстинктовъ, служащихъ, какъ бы, высшимъ развитіемъ автоматическихъ безсознательныхъ регуляторовъ температуры, описанныхъ Ch. Richet.

Понятно, что крайнія температуры, какъ высокія, такъ и низкія, одинаково угнетаютъ всякую нервную дѣятельность и даже прекращаютъ самую жизнь, тогда какъ средне-высокія способствуютъ развитію инстинктовъ лѣни или бездѣйствія, а средне-низкія развитію инстинктовъ дѣятельности какъ мускульной, такъ и нервной, развитію инстинктовъ, лежащихъ въ основѣ человѣческой культуры и цивилизаціи. Ch. Féré находитъ, что высокія температуры вызываютъ уменьшеніе дѣятельности организмовъ и ослабленіе ихъ чувствительности*) (раздражимости). Кулонбъ указалъ, что среднее количество работы, которую человѣкъ можетъ произвести на Антильскихъ островахъ. составляетъ лишь половину той, на которую онъ способенъ въ Европѣ. Человѣкъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ остается, очевидно, тѣмъ же, мускульная сила его не измѣняется и невозможность производить столько же работы въ жаркомъ климатѣ, какъ и въ умѣренномъ, очевидно. не зависитъ отъ измѣненій мышечной силы; но все-таки человѣкъ вдвое быстрѣе утомляется на Антильскихъ островахъ, чѣмъ въ Европѣ, и это утомленіе является слѣдствіемъ болѣе высокой температуры внѣшней среды, и избытка производимаго организмомъ тепла, нейтрализовать который не въ силахъ физіологическіе регуляторы. Задержка функцій или недостаточная дѣятельность этихъ регуляторовъ въ данномъ случаѣ является органическою причиною возникновенія регуляторовъ психическихъ. Вѣроятно, такая задержка угнетаетъ психомоторные центры и, вызывая инстинктивныя чувства, регулируетъ этимъ при посредствѣ сознанія количество производимаго организмомъ тепла.

Результатомъ угнетенія психомоторныхъ центровъ является въ этомъ случаѣ инстинктивное утомленіе, чувство лѣни, отвращенія къ работѣ и полная психическая невозможность ее продолжать; иначе сказать—является непреодолимое желаніе покоя, бездѣйствія или потребность отдыха. Нѣкоторыя съ перваго взгляда разнообразныя чувства представляютъ собою лишь разныя степени проявленія одного и того же термическаго инстинкта, регулирующаго производство тепла въ организмѣ. Всѣ эти чувства, иногда почти непреодолимыя, обусловливаютъ фактическую невозможность производить въ жаркомъ климатѣ столько же работы, какъ и въ умѣренномъ, несмотря на то, что мышечная сила остается тою же и утомленіе, очевидно, не зависитъ отъ ея истощенія.

Физіологами было уже замѣчено, что физическое утомленіе—явленіе скорѣе нервное, чѣмъ мускульное, что въ дѣйствительности мышцы способны на гораздо большее количество работы, чѣмъ та, которая вызываетъ обыкновенно чувство усталости. Мышцы сердца,

*) Ch. Féré. La pathologie des emotions. Стр. 16.

будучи независимы отъ психомоторныхъ центровъ, производятъ колоссальную работу сравнительно съ мышцами произвольныхъ движеній и никогда не вызываютъ чувства утомленія. Этотъ фактъ подтверждаетъ наше убѣжденіе въ томъ, что въ данномъ случаѣ чувство усталости дѣйствительно инстинктивно и обусловлено нѣкоторымъ особымъ состояніемъ, а именно, угнетеніемъ психомоторныхъ центровъ. Лѣнь—аналогичное утомленію чувство и должно поэтому быть отнесено къ аналогичному же состоянію тѣхъ же психомоторныхъ центровъ. Люди лѣнивые, часто или постоянно утомлены и постоянно ощущаютъ отвращеніе къ труду, т. е. нежеланіе работать, несмотря на то, что они сплошь и рядомъ бываютъ сильнѣе, здоровѣе и болѣе упитаны, чѣмъ трудолюбивые и производительные работники. Лѣнь можетъ быть во многихъ случаяхъ явленіемъ болѣзненнымъ, но она можетъ быть также и чисто-физіологическимъ явленіемъ, какъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда она обусловлена высокою температурой внѣшней среды. Здѣсь она является не слѣдствіемъ извращенія инстинкта, но проявленіемъ инстинкта вполнѣ нормальнаго, инстинкта—регулятора температуры. Постоянное или частое угнетеніе психомоторныхъ центровъ, какъ это должно происходить при работѣ въ жаркихъ климатахъ, вслѣдствіе перепроизводства тепла мускулами произвольныхъ движеній, быть можетъ, въ состояніи обусловить нѣкоторое перерожденіе этихъ центровъ, ихъ функціональную слабость и перейти къ потомству въ видѣ лѣни, какъ прирожденнаго характера, слѣдствія легкой истощаемости этихъ центровъ. Неспособность къ труду или природная лѣнь, т. е. постоянная неохота работать, отвращеніе къ движеніямъ, отсутствіе энергіи и предпріимчивости и аналогичныя психическія свойства дѣйствительно присущи многимъ обитателямъ тропическихъ странъ.

Вотъ чѣмъ, быть можетъ, объясняются отличительныя черты характеровъ южныхъ народовъ и народовъ умѣреннаго пояса. Тогда какъ главнымъ недостаткомъ первыхъ являются безпечность, лѣнь и отвращеніе ко всякому труду, вліяющія на всѣ бытовыя и экономическія условія ихъ жизни, въ характерѣ народовъ, населяющихъ страны умѣреннаго климата, мы замѣчаемъ особое развитіе энергіи, предпріимчивости и трудолюбія и, какъ плодъ продолжительнаго умственнаго и физическаго труда, высокую степень ихъ культурнаго развитія, блескъ ихъ цивилизаціи и непоколебимость ихъ могущества и власти надъ народами жаркаго пояса.

Всѣ эти проявленія характеровъ отдѣльныхъ лицъ и народовъ, особенностей ихъ быта, экономическихъ и другихъ условій ихъ жизни представляютъ собою лишь слѣдствія ихъ инстинктовъ, которые въ свою очередь являются развитіемъ безсознательныхъ органическихъ процесовъ. Напрасно было бы искать въ фактахъ одного лишь сознанія основы и причины сознательной жизни и дѣятельности человѣка или народовъ.

Такую сознательную дѣятельность, гдѣ сознаніе при посредствѣ чувствъ привлекается къ содѣйствію задержаннымъ безсознательнымъ отправленіямъ организма, мы и называемъ дѣятельностью инстинктивною.

Никакія разсужденія, никакіе логическіе выводы и математическія выкладки не могутъ имѣть своимъ результатомъ появленіе въ характерѣ человѣка, до того времени въ немъ отсутствовавшихъ, трудолюбія или энергіи. Эти основныя черты характера, склонности или способности, нисколько или почти нисколько не зависятъ отъ направленія мыслей индивида и даже сами даютъ имъ свое направленіе. Трудолюбіе, энергія, предпріимчивость хотя и сознаются самимъ человѣкомъ, какъ субъективныя явленія, но имѣютъ своею основою не мысль, но отправленія безсознательнаго организма, въ которомъ они могли зародиться сначала, какъ приспособительные рефлексы, развившіеся впослѣдствіи въ инстинкты, въ желанія и, наконецъ, проявляющіеся какъ склонности, или способности, т. е. какъ основныя черты характеровъ отдѣльныхъ лицъ, семей, цѣлыхъ народовъ и расъ.

3. Термическіе инстинкты, какъ регуляторы дыханія и питанія. (Термическіе вкусы и термическій голодъ).

Дыханіе въ дѣлѣ развитія органическаго тепла играетъ роль аналогичную функціямъ питанія, доставляя организму необходимый для процесовъ окисленія кислородъ.

Дыханіе, какъ регуляторъ температуры крови, играетъ сложную роль, благодаря двойственности своихъ функцій, приводящихъ къ различнымъ и даже къ противоположнымъ результатамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ было замѣчено ускореніе дыханія при охлажденіи организма и ослабленіе дыханія при его нагрѣваніи, вслѣдствіе чего въ первомъ случаѣ увеличивалось, а во второмъ уменьшалось количество притекающаго къ легкимъ кислорода, обусловливая возможность большаго или меньшаго его поглощенія кровью, а потому и болѣе или менѣе интенсивныхъ процесовъ окисленія въ организмѣ. Ускоряя дыханіе вслѣдствіи вліянія холода, организмъ пріобрѣтаетъ возможность производить большее количество тепла и, ослабляя дыханіе вслѣдствіе жара, ослабляетъ свои теплородныя функціи; но въ то же самое время были замѣчены и діаметрально противоположныя явленія, а именно, что въ другихъ случаяхъ отъ вліянія холода дыхательныя движенія ослабѣваютъ и усиливаются отъ вліянія жара.

Какъ извѣстно, усиленіе дыхательныхъ движеній, съ одной стороны увеличивая притокъ кислорода къ легкимъ, влечетъ за собою въ то же время и охлажденіе крови, вслѣдствіи большого соприкосновенія ея съ воздухомъ, который почти всегда холоднѣе, чѣмъ кровь, и вслѣдствіи увеличенія внутрилегочной испарины, а потому усиленіе дыханія служитъ во многихъ случаяхъ, какъ, напр., у собакъ, не для согрѣванія, но для охлажденія организма, т. е. для увеличенія расхода тепла при излишнемъ его образованіи, а потому дыханіе и будетъ нами разсматриваемо, какъ одинъ изъ регуляторовъ расхода тепла.

Новыя наблюденія Рауля Пикте проливаютъ много свѣта на вліяніе низкихъ температуръ на жизненныя функціи организмовъ и на термическіе инстинкты животныхъ. Изобрѣтенный имъ апаратъ далъ возможность производить изслѣдованія при температурахъ,

доходящихъ до—200°, т. е. весьма недалекихъ отъ теоретическаго абсолютнаго нуля (—273°).

Вотъ, описанный самимъ экспериментаторомъ, одинъ изъ его опытовъ, жертвою-котораго была собака „средняго роста, вѣсомъ около $8^1/_2$ килограмовъ, съ выбритою шерстью, помѣщенная въ холодильный колодезь (puits frigorifique)“...

Къ собакѣ былъ приспособленъ термометръ для наблюденія за измѣненіями температуры ея тѣла.

„Имѣя нормальную температуру, накормленная за два часа до начала опыта, собака погружена въ колодезь, охлажденный до—92°.

„Въ первыя минуты наблюдаютъ прогресивное увеличеніе скорости дыханія и частоты пульса.

„Эти ускоренія продолжаются, возрастая въ теченіи отъ 12 до 13 минутъ. Къ моему удивленію, я замѣчаю сначала на термометрѣ повышеніе температуры приблизительно на полградуса.

„Животное проявляетъ признаки возбужденія. По прошествіи 25 минутъ температура медленно возвратилась къ точкѣ своего отправленія.

„Собака съ жадностью ѣстъ хлѣбъ, отъ котораго она прежде настойчиво отказывалась.

„Дыханіе все время очень энергично, часто и глубоко.

„По прошествіи 40 минутъ концы лапъ очень холодны, но температура держится, приблизительно, на томъ же уровнѣ, колеблясь отъ двухъ до трехъ десятыхъ градуса вверхъ и внизъ около+37°.

„По прошествіи 1 часа 10 минутъ, собака болѣе не проявляетъ замѣтнаго возбужденія, но сильно дышитъ и пытается сдѣлать нѣсколько движеній лапами, которыя прикрѣплены веревками; эти усилія смѣняются, за исключеніемъ дыханія, полнымъ спокойствіемъ.

„Кровообращеніе нѣсколько быстрѣе прежняго, въ сонной артеріи ясно ощущается біеніе пульса.

„Конечности еще болѣе охладились.

„Въ слѣдующіе полчаса животное съѣдаетъ около 100 грамовъ хлѣба, и главныя условія, означенныя выше, измѣнились. Температура понизилась, но самое большее на полъ градуса.

„Вдругъ, въ нѣсколько мгновеній, дыханіе замедляется, пульсъ становится неуловимымъ и температура быстро понижается.

„Около+22° животное извлекаютъ изъ колодца безъ сознанія, и всѣ старанія вернуть его къ жизни безполезны.

„Концы лапъ уже замерзли.

„Собака умерла отъ двухчасового лучеиспусканія своей теплоты и отъ пертурбаціоннаго (возмущающаго физіологическіе процесы) дѣйствія этого чрезмѣрнаго охлажденія“.

На другихъ животныхъ Пикте констатировалъ то же учащеніе дыханія и сердцебіенія вслѣдствія холода и выводитъ то заключеніе, что при подобныхъ усиленныхъ потеряхъ тепла „кажется, что автоматическое самосохраненіе (la conservation automatique) животнаго вызываетъ болѣе чѣмъ нормальное поглощеніе кислорода, функціи пи-

щеваренія совершаются съ чрезвычайной энергіею и на убытки, причиняемые холодомъ, органы отвѣчаютъ обратной работою—перепроизводствомъ тепла и энергіи" *).

Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ учащеніе или увеличеніе энергіи дыханія, кровообращенія и пищеварительныхъ функцій мы могли бы объяснить увеличеніемъ автоматической мускульной дѣятельности, которое вызвано дѣйствіемъ холода на периферическіе нервные апараты, слѣдствіемъ чего является рефлекторное ускореніе важнѣйшихъ жизненныхъ процесовъ, а потому и болѣе обильное перегораніе органическихъ веществъ, т. е. перепроизводство тепла, если бы мы знали, что раздраженія кожныхъ нервовъ дѣйствительно влекутъ за собою всѣ эти послѣдствія.

Другія наблюденія показываютъ, что дѣйствіемъ холода возбуждаются не только мускульныя сокращенія, но и секреторная дѣятельность железъ и другія органическія отправленія, вслѣдствіи чего въ организмѣ происходитъ усиленное окисленіе веществъ, а слѣдовательно, и увеличенное выдѣленіе тепла. Холодъ является здѣсь какъ бы общимъ возбудителемъ всѣхъ или почти всѣхъ автоматическихъ функцій органической жизни и обусловливаетъ автоматическое самонагрѣваніе организма. Чрезмѣрное возбужденіе, вслѣдствіи интенсивнаго холода центровъ автоматическихъ отправленій, въ силу своей чрезмѣрности могло бы распространяться далѣе этихъ центровъ и, проникая въ полушарія мозга, возбуждать дѣятельность сознанія въ формѣ инстинктивныхъ чувствъ или желаній, соотвѣтствующихъ тѣмъ органическимъ отправленіямъ, возбужденіе центровъ которыхъ сообщается центрамъ сознанія, а потому въ данномъ случаѣ, какъ это оправдывается въ опытахъ Пикте, можно ожидать проявленій желанія дышать, желанія двигаться и даже желанія ѣсть, которое, впрочемъ, не зависитъ отъ внѣшнихъ раздраженій, но имѣетъ иныя основы. Необходимую наличность психическихъ желаній мы не можемъ, конечно, неопровержимо установить изъ описанныхъ опытовъ; у животныхъ они почти недоступны нашему непосредственному наблюденію, но можемъ заключать о нихъ по аналогіи. На себѣ мы можемъ отчасти замѣтить, напримѣръ, нѣкоторое увеличеніе психическаго желанія дышать, когда намъ холодно, такъ какъ намъ гораздо пріятнѣе бываетъ дышать холоднымъ воздухомъ, нежели теплымъ. Мы чувствуемъ при этомъ удовольствіе, которое само по себѣ свидѣтельствуетъ уже объ усиленіи желанія. Въ жаркое же время, хотя дыханіе наше и бываетъ иногда усилено, мы чувствуемъ духоту, т. е. непріятное чувство, сопровождающее актъ дыханія и приписываемое нами составу воздуха.

Чувство—желаніе ѣсть, возникающее вслѣдствіи охлажденія, ясно отмѣчено въ описанномъ опытѣ самимъ экспериментаторомъ.

По наблюденіямъ Пикте, у собаки появляется голодъ, появляется аппетитъ къ такой пищѣ, отъ которой она раньше настойчиво отказывалась; собака ѣстъ ее теперь съ жадностью, она даже ѣстъ нѣсколько разъ во время опыта.

*) Raoul Pictet. „De l'emploi méthodique des basses temperatures en biologie". 1895, стр. 14, 15, 16.

„Появленіе голода было всегда замѣчаемо черезъ четверть часа послѣ начала опыта", говоритъ Пикте.

Проф. Ш. Ришэ замѣчаетъ усиленіе апетита у выбритыхъ кроликовъ, которые, несмотря на обильную пищу при нормальныхъ условіяхъ жизни, всегда погибали вслѣдствіе увеличенной потери тепла *).

Но еще поразительнѣе дальнѣйшія изслѣдованія знаменитаго женевскаго физика.

Пикте дѣйствуетъ на животныхъ низкими температурами, устраняя возбужденіе чувствительныхъ нервовъ кожи, или по крайней мѣрѣ устраняя ощущеніе холода. Для этого онъ завертываетъ собаку въ теплыя одѣяла и погружаетъ ее въ свой холодильникъ такъ, что голова собаки остается внѣ холодильника и животное дышитъ теплымъ комнатнымъ воздухомъ. И вотъ результаты этихъ интересныхъ экспериментовъ: „Животное проявило только одни явные признаки дикаго голода, когда оно вышло изъ апарата, послѣ 10 или 15-ти-минутнаго въ немъ пребыванія".

Но Пикте не довольствуется этимъ объективнымъ наблюденіемъ онъ самъ одѣвается въ теплую шубу и погружается въ свой холодильникъ въ первый разъ на 8 минутъ, а въ послѣдующіе—на срокъ отъ 8 до 12 минутъ. Въ результатѣ получается возвращеніе апетита, котораго Пикте не ощущалъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, вслѣдствіе хроническаго страданія пищеварительныхъ органовъ, и, наконецъ, даже полное излеченіе отъ своей продолжительной и упорной болѣзни. Главное, что констатируетъ Пикте во всѣхъ аналогичныхъ опытахъ, это появленіе апетита и даже голода, какъ результатъ неощутимаго охлажденія организма. Очевидно, что чувство не является здѣсь слѣдствіемъ ощущенія и не требуетъ его для своего возникновенія; голодъ возникаетъ отъ холода безъ предшествующаго раздраженія периферическихъ нервовъ. Онъ не является также слѣдствіемъ рефлекторнаго движенія мышцъ внѣшнихъ или пищеварительныхъ органовъ, ни слѣдствіемъ задержки такого движенія, какъ это можно было бы предполагать, если бы низкая температура возбуждала центростремительные нервы, какъ въ предыдущихъ случаяхъ, когда она вызывала дрожь, мускульныя сокращенія и другія рефлекторныя явленія.

Центростремительные нервы въ послѣднихъ опытахъ остаются въ сравнительномъ покоѣ. Кожныя ощущенія отсутствуютъ, отсутствуютъ и явленія мышечной регуляціи температуры, нѣтъ ни дрожи, ни желанія двигаться и нѣтъ основанія предполагать возбужденія нервовъ внутренностныхъ органовъ. во-первыхъ, потому, что констатировано отсутствіе раздраженія чувствительныхъ нервовъ кожи, которые должны были бы болѣе внутренностныхъ возбуждаться вліяніемъ охлажденія внѣшней среды, если бы этотъ родъ охлажденія возбуждалъ нервную дѣятельность, а потому былъ доступенъ для ощущенія, и во-вторыхъ, потому, что, въ случаѣ неощутимаго охлажденія крови, дѣятельность нервной системы, какъ периферической, такъ и цен-

*) Ch. Richet. „Traveaux du laboratoire". Томъ III, стр. 467.

тральной, могла бы только быть замедлена, ибо нервная физіологія указываетъ, что отъ охлажденія нервовъ проводимость ихъ затрудняется (замедляется), отъ охлажденія нервныхъ центровъ дѣятельность ихъ угнетается, т. е. ослабѣваетъ и также замедляется.

А потому остается заключить, что, имѣющія главное и исключительное значеніе въ этихъ опытахъ, неощутимыя лучеиспусканія организма, соотвѣтствующія тепловымъ вибраціямъ ниже—700, для которыхъ органическія ткани точно такъ же, какъ одежда и мѣха, являются вполнѣ прозрачными, происходятъ одновременно во всемъ организмѣ, одинаково какъ во внѣшнихъ покровахъ, такъ и во внутреннихъ органахъ: охлажденіе, какъ бы, проникаетъ тѣло насквозь и вызываетъ автоматическую дѣятельность не какихъ-либо нервныхъ механизмовъ регуляціи, которые не могли бы быть приспособлены къ ненормальнымъ условіямъ, не встрѣчающихся на земной поверхности, температуръ, но вызываетъ реакцію всего организма, т. е. нѣкоторую индивидуальную дѣятельность каждой отдѣльной клѣтки, входящей въ его составъ, или же по крайней мѣрѣ большей части этихъ клѣтокъ, т. е. клѣточную регуляцію температуры, если дозволено будетъ такъ выразиться.

Такимъ образомъ, потеря лучей низкихъ температуръ приводитъ въ дѣйствіе не спеціальные апараты, существованіе которыхъ въ организмѣ было бы невозможнымъ, такъ какъ организмы не приспособлены къ условіямъ температуръ холодильника Пикте, но возбуждаетъ зато функціи питанія многочисленныхъ клѣтокъ организма, слѣдствіемъ чего и являются: усиленное окисленіе тканей, увеличенное выдѣленіе тепла, истребленіе матеріальныхъ запасовъ, содержащихся въ крови, а слѣдовательно и потребность ихъ пополненія, проявляющаяся въ сознаніи въ видѣ чувства голода или инстинктивнаго *желанія ѣсть*. Теряя тепло лучеиспусканіемъ при температурѣ ниже—70°, каждая органическая клѣтка истощается въ работѣ для поддержанія температуры тѣла, и слѣдствіемъ этого общаго истощенія и недостатка въ крови питательныхъ веществъ, т. е. слѣдствіемъ задержки процесовъ клѣточнаго питанія, въ сознаніи возникаетъ инстинктивное чувство голода, не локализованное, какъ мы уже видѣли, ни въ какомъ спеціальномъ органѣ.

Ежели мы допустимъ, что общія отправленія опредѣленныхъ органическихъ клѣтокъ, напримѣръ, мышечныхъ, бываютъ всего энергичнѣе при нѣкоторой температурѣ t и что температура животнаго организма, вслѣдствіи вполнѣ естественныхъ причинъ, всегда нѣсколько выше температуры t, то намъ станетъ вполнѣ понятенъ фактъ, что при потерѣ тепла организмомъ жизненныя функціи данныхъ клѣтокъ могутъ сами собою повышаться. Но такъ какъ повышеніе этихъ клѣточныхъ функцій влечетъ за собою увеличенное выдѣленіе тепла, то очевидно, что и температура организма должна отъ этого повыситься; убыль температуры крови должна пополниться и функція клѣтокъ вновь ослабѣть, сохраняя такимъ образомъ всегда опредѣленную температуру крови. Такое допущеніе можетъ намъ объяснить какъ нельзя проще автоматическій механизмъ, регулирующій производство тепла при потеряхъ его вслѣдствіе *лучеиспусканія*, механизмъ, имѣющій

будто бы „цѣлью", вѣрнѣе результатомъ, сохраненіе постоянной температуры крови посредствомъ клѣточной ея регуляціи.

Этимъ же можно объяснить неожиданное повышеніе температуры животнаго вначалѣ его охлажденія, которому справедливо удивляется Пикте въ первомъ изъ описанныхъ опытовъ.

Результатомъ лучеиспусканія, слѣдовательно, является усиленный обмѣнъ веществъ во всѣхъ частяхъ организма, усиленное выдѣленіе тепла и израсходованіе пищевыхъ запасовъ.

Необходимымъ слѣдствіемъ такого израсходованія должна послѣдовать задержка клѣточнаго питанія, а потому и задержка всѣхъ клѣточныхъ отправленій.

Эта задержка клѣточнаго питанія, вслѣдствіи недостатка питательныхъ матеріаловъ въ крови, и проявляется въ сознаніи въ видѣ инстинктивнаго желанія ѣсть, которое мы называемъ обыкновенно чувствомъ голода.

Въ данномъ случаѣ чувство это можно признать результатомъ чрезмѣрной, хотя и неощутимой потери тепла и слѣдствіемъ усиленной жизнедѣятельности всѣхъ или большинства клѣтокъ организма.

Въ разсматриваемомъ случаѣ чувство голода имѣетъ начало и основы не въ какомъ-либо отдѣльномъ и опредѣленномъ органѣ, но во всемъ организмѣ, въ состояніи всѣхъ или большей части его клѣтокъ, а потому не можетъ быть нами локализовано только въ желудкѣ или во рту, хотя бы оно и связывалось съ нѣкоторыми ощущеніями въ различныхъ органахъ, и съ нѣкоторыми рефлекторными чувствами.

Инстинкты, инстинктивныя чувства, желанія, стремленія, отвращеніе и любовь, влеченіе и страхъ, какъ бы мы ихъ не считали возвышенными или унизительными, сходящими къ намъ свыше или прирожденными качествами нашей души, всѣ безъ исключенія имѣютъ своею основою нашъ животный организмъ, изучаемый анатоміею, гистологіею, эмбріологіею, физіологіею и другими естественными науками, всѣ безъ исключенія являются прямыми слѣдствіями естественныхъ отправленій этого организма и проявляются въ сознаніи въ случаяхъ задержки его безсознательныхъ отправленій.

Психическая жизнь человѣка, его характеръ, способности и душевныя качества объясняются общими законами и индивидуальными особенностями его органическихъ отправленій и вся психологія основывается только на физіологіи и не на одной лишь физіологіи нервной системы и органовъ чувствъ, но на всей совокупности этой науки, которой она составляетъ лишь отрасль, изучающую субъективную сторону тѣхъ же явленій.

Мы видимъ, что во всѣхъ случаяхъ чрезмѣрнаго охлажденія посредствомъ лучеиспусканія въ качествѣ безсознательныхъ регуляторовъ теплотворныхъ процесовъ организма является усиленный обмѣнъ веществъ, т. е. повышеніе клѣточныхъ функцій. Инстинктивнымъ же регуляторомъ въ этомъ случаѣ является желаніе ѣсть, вѣроятно, отчасти желаніе дышать и, безъ сомнѣнія, удовольствіе, доставляемое этими отправленіями.

Въ случаяхъ же охлажденія не чрезъ лучеиспусканіе, но отъ соприкосновенія съ холодными тѣлами и особенно съ хорошими проводниками тепла, каковы, напримѣръ, сырой воздухъ, вода и пр., мы замѣчаемъ,

главнымъ образомъ, рефлекторныя сокращенія мышечныхъ волоконъ, гусиную кожу, дрожь, напряженіе мускуловъ, суженіе кожныхъ сосудовъ и проч., а въ качествѣ инстинктивнаго регулятора—*желаніе усиленныхъ движеній*.

Такимъ образомъ мы видимъ, что регуляція производства тепла совершается не только одними безсознательными органическими процесами, но также и при посредствѣ инстинктовъ, т. е. вполнѣ сознательныхъ движеній и поступковъ, основанныхъ на инстинктивныхъ желаніяхъ и эмоціяхъ, объяснить происхожденіе которыхъ изъ фактовъ одного лишь сознанія и разсужденія было бы рѣшительно невозможно.

Какъ органическіе, такъ и психическіе регуляторы тепла дѣйствуютъ на основаніи извѣстныхъ физическихъ законовъ, и ежели кажутся намъ иногда непонятными или чудесными, то только благодаря своей сложности и неизвѣстности ихъ физическихъ основъ.

Психическіе регуляторы достигаютъ изумительнаго совершенства, которое подчасъ способно смутить самое хладнокровное и методическое мышленіе.

Климатъ, дѣйствуя на организмы болѣе или менѣе опредѣленными колебаніями температуры и возбуждая постоянно одни и тѣ же психическіе регуляторы или инстинкты, обусловливаетъ развитіе этихъ инстинктовъ, т. е. обусловливаетъ *психическое приспособленіе организмовъ къ данному климату*. Постоянно возникающія желанія порождаютъ склонности, вкусы и характеры, которые, повторяясь во многихъ поколѣніяхъ, закрѣпляются организмами и передаются потомству по наслѣдованности, т. е. становятся врожденными, національными, племенными или расовыми. Переживаніе наиболѣе приспособленныхъ, въ свою очередь, закрѣпляетъ связь нѣкоторыхъ склонностей и вкусовъ съ соотвѣтственными климатами, и въ результатѣ получаются явленія, которыя часто на первый взглядъ кажутся намъ чудесными по своей цѣлесообразности и необъяснимыми.

Такими явленіями мы должны признать инстинктивные вкусы народовъ, живущихъ въ разныхъ климатахъ, очевидно, приспособленные къ большему или меньшему расходу тепла.

Самоѣды ѣдятъ съ удовольствіемъ сало и любятъ пить жиръ, вещества обладающія значительнымъ количествомъ калорій и почти вполнѣ перегорающія въ организмѣ, тогда какъ жители жаркихъ странъ по своимъ вкусамъ склонны къ употребленію растительной пищи, возстановляющей матеріальныя потери организма и дающей сравнительно меньшее количество тепла. Какъ тѣ, такъ и другіе вполнѣ сознательно и инстинктивно предпочитаютъ болѣе подходящую условіямъ ихъ климатовъ пищу и въ то же время не сознаютъ дѣйствительнаго основанія такого сознательнаго предпочтенія.

Самоѣды любятъ пить жиръ, а индусы любятъ ѣсть рисъ, конечно, не потому, что они высчитали количество калорій, поступающихъ въ ихъ организмъ съ той или другой пищей, а только на единственномъ основаніи своихъ врожденныхъ вкусовъ. Самоѣдамъ просто и безотчетно нравится вкусъ жира, тогда какъ индусамъ такъ же безотчетно нравится вкусъ риса, а жиръ кажется имъ отврати-

тельнымъ. И тѣ и другіе сознаютъ только свои врожденныя психическія стремленія—свои вкусы, свои инстинктивныя желанія, нисколько не сознавая органическихъ основъ и естественнаго происхожденія этихъ чувствъ и даже ихъ цѣлесообразности. Основы такихъ психическихъ явленій остаются настолько скрытыми отъ сознанія, что люди часто приписываютъ свои собственные вкусы внѣшнимъ предметамъ и явленіямъ, такъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ хорошій или дурной вкусъ обыкновенно относятъ къ пищѣ, считаютъ за ея качество или за ея недостатокъ, а не за свойства собственнаго апетита. Мы думаемъ, что хорошій бифштексъ имѣетъ прекрасный вкусъ, а хина отвратительный, хотя въ дѣйствительности, сами по себѣ, ни бифштексъ, ни хина, конечно, никакимъ вкусомъ не обладаютъ. Инстинкты являются основою илюзій нашихъ ощущеній и ошибокъ умозаключеній, основою многихъ чувственныхъ заблужденій. Несмотря на свидѣтельство древней опытной мудрости, давно уже указавшей намъ на безплодность споровъ о вкусахъ, споры эти до нашихъ дней не прекращаются; и ежели они отчасти покинули область гастрономіи, то области общественныхъ, эстетическихъ и этическихъ „знаній“ и теперь еще переполнены спорами и разрѣшеніями неразрѣшимыхъ вопросовъ о томъ, что дѣйствительно прекрасно и что безобразно, что симпатично и что отвратительно, что желательно и что нежелательно, какъ будто бы отвѣты на всѣ эти вопросы зависятъ не отъ расовыхъ, національныхъ и индивидуальныхъ свойствъ организма, какъ будто бы они не субъективны, но имѣютъ во внѣшнемъ мірѣ тѣ реальныя основы, которыя имъ приписываютъ илюзіи нашихъ инстинктивныхъ чувствъ или вкусовъ.

Конечно, подобные споры настолько же безплодны, какъ споры о гастрономическихъ вкусахъ; они могутъ намъ выяснить не объективную сторону явленій, а только субъективныя различія спорящихъ, преобладающіе въ нихъ инстинкты, стремленія, желанія и страсти, они могутъ послужить не для прямого разрѣшенія вопросовъ общественныхъ, эстетическихъ или этическихъ, но лишь для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ психофизіологіи, на которой должны основываться эти науки будущаго.

Не только у разныхъ народовъ климатъ, среда и естественный подборъ вырабатываютъ различные вкусы, но въ каждомъ индивидуумѣ дѣйствуетъ этотъ инстинктъ-регуляторъ, и намъ не трудно замѣтить, во-первыхъ, различные вкусы у различныхъ людей при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, зависящіе, безъ сомнѣнія, отъ индивидуальныхъ различій ихъ наслѣдственной или благопріобрѣтенной организаціи и, наконецъ, измѣненія вкуса у каждаго человѣка въ зависимости отъ измѣненія температурныхъ и другихъ условій среды.

Въ жаркое время года всѣ обыкновенно предпочитаютъ иную пищу, чѣмъ въ холодное время, и то, что намъ кажется чрезвычайно апетитнымъ зимою, лѣтомъ намъ отвратительно или не вызываетъ въ насъ никакого желанія.

Самыя вкусныя блюда въ жаркое время большею частью приготовляютъ изъ плодовъ и растеній и содержатъ значительное количество воды: ягоды, фрукты, мороженое изъ нихъ, ботвинья, овощи,

дыни, арбузы кажутся намъ гораздо вкуснѣе лѣтомъ, зимою же мы предпочитаемъ жирное мясо и жирное тѣсто, которымъ особенно славятся московскіе рестораны. Блины, борщъ, щи, бараній бокъ съ кашей, поросенокъ съ хрѣномъ и со сметаною, фаршированный гусь, жирные пудинги, сливочное или орѣховое мороженое, гурьевская каша. кофе. шеколадъ, крѣпкія вина, конечно. имѣютъ гораздо болѣе успѣха зимою и въ холодномъ климатѣ, нежели въ жаркіе лѣтніе дни и на югѣ.

Нетрудно прослѣдить аналогичную разницу лѣтнихъ и зимнихъ меню многихъ странъ и народовъ. нетрудно точно также замѣтить, что разница эта хотя и мотивируется иногда самыми удивительными соображеніями, но ничуть не основана на какихъ либо калориметрическихъ измѣреніяхъ или на дѣйствительномъ знаніи потребностей организма, а только на періодически преобладающихъ вкусахъ людей, измѣняющихся сообразно временамъ года, т. е. на термическихъ инстинктахъ человѣка.

4. Инстинкты-регуляторы потери тепла.

До сихъ поръ мы говорили объ инстинктахъ, регулирующихъ процесы образованія органическаго тепла, но сохраненіе нормальной температуры крови достигается также физіологическою и инстинктивною регуляціею расхода тепла путемъ уменьшенія или увеличенія его потери. Къ инстинктамъ-регуляторамъ теплообразованія, какъ мы видѣли, принадлежатъ инстинкты мышечной дѣятельности или инстинкты работы, инстинкты дыханія и инстинкты питанія. Они проявляются въ формѣ термической лѣни или мышечнаго возбужденія, термическихъ вкусовъ или голода, желанія дышать и т. д., вызывая соотвѣтственные этимъ чувствамъ инстинктивные поступки животныхъ.

Инстинкты-регуляторы потери тепла болѣе разнообразны, къ нимъ относятся инстинкты затѣненія, купанія, нѣкоторые инстинкты питанія, миграціи или кочевые, портняжные, строительные и проч.

Ими отчасти объясняются періодическія влеченія къ переселенію, путешествію или бродяжничеству, костюмы разныхъ странъ и климатовъ, періодически мѣняющіяся моды, многіе обычаи и явленія общественной жизни, органическія основы зодчества разныхъ вѣковъ и народовъ, психологическія основы красоты архитектурныхъ формъ, нѣкоторыя эстетическія чувства или стремленія и т. д.

Потеря тепла автоматически регулируется организмами посредствомъ увеличенія или уменьшенія нормальнаго лучеиспусканія и посредствомъ увеличенія или уменьшенія проводимости и температуры внѣшней среды.

Въ жаркое время или при излишнемъ производствѣ тепла, для поддержанія постоянной температуры, животныя безсознательно усиливаютъ лучеиспусканіе своего организма, увеличиваютъ проводимость внѣшней среды и понижаютъ ея температуру. Перваго они достигаютъ, во-первыхъ, автоматическимъ расширеніемъ кожныхъ сосудовъ и скопленіемъ вслѣдствіи этого большого количества крови на охлаж-

дающейся поверхности тѣла, что всякій можетъ легко замѣтить, наблюдая, какъ люди краснѣютъ отъ жара *).

Во-вторыхъ, лучеиспусканія животныхъ измѣняются вслѣдствіи линянія, т. е. вслѣдствіи періодической смѣны наружныхъ покрововъ, зимою почти непроницаемыхъ для тепловыхъ лучей у животныхъ, обитающихъ въ холодныхъ странахъ.

Увеличеніе проводимости внѣшней среды достигается организмами безсознательно выдѣленіемъ пота, который, смачивая кожу и шерсть, дѣлаетъ ихъ хорошими проводниками тепла и, наконецъ, испаряясь, значительно понижаетъ температуру внѣшней среды, чѣмъ сильно охлаждаетъ организмъ.

Кромѣ того лѣтняя болѣе легкая шерсть менѣе защищаетъ кожу отъ соприкосновенія съ постоянно смѣняющимися слоями воздуха, почти всегда болѣе холоднаго, чѣмъ самъ организмъ.

Всѣ эти автоматическіе и безсознательные регуляторы температуры организма дополняются аналогичными инстинктами, проявляющимися въ такихъ желаніяхъ, вкусахъ и дѣйствіяхъ животныхъ, которые способствуютъ увеличенію или уменьшенію лучеиспусканія, проводимости и охлажденія чрезъ соприкосновеніе.

Такъ какъ испарина служитъ одновременно и для увеличенія проводимости внѣшней среды, и для пониженія ея температуры, то преобладающее значеніе ея жаропонижающаго дѣйствія очевидно.

Нѣкоторыя животныя, не выдѣляющія пота, какъ, напр., собака, охлаждаются внутрилегочною испариной и потому при быстромъ бѣгѣ или въ жаркое время они дышатъ часто и глубоко, и, ежели наркозъ или узкій намордникъ препятствуютъ такому дыханію, животное погибаетъ (Ch. Richet).

Въ холодное время—наоборотъ—лучеиспусканіе уменьшается, вслѣдствіи того, что, во-первыхъ, организмы пріобрѣтаютъ болѣе теплые покровы и, во-вторыхъ, кожные сосуды сжимаются, уменьшая количество легко охлаждающейся въ нихъ крови. Кромѣ того, воздухъ трудно циркулируетъ въ густой зимней шерсти животныхъ, уменьшая тѣмъ охлажденіе кожи чрезъ соприкосновеніе.

5. Инстинкты, увеличивающіе потерю тепла.

Мнѣ случилось видѣть проявленіе инстинкта, побуждавшаго собаку сознательно искать средствъ для пониженія температуры, вслѣдствіи задержки нормальной внутрилегочной испарины узкимъ намордникомъ.

Это было въ августѣ, время стояло сухое и жаркое, вѣроятно, около+20° R. въ тѣни. Мы ѣхали полями по пыльной дорогѣ и боль-

*) Интересно, что въ русской банѣ, гдѣ температура внѣшней среды бываетъ много выше температуры крови, расширеніе кожныхъ сосудовъ не достигаетъ цѣли, къ которой, будто бы, предназначена эта „цѣлесообразная“ реакція, и кровь отъ расширенія волосныхъ сосудовъ кожи только быстрѣе нагрѣвается. Фактъ этотъ ясно показываетъ ошибочность предвзятой идеи о цѣлесообразности всѣхъ органическихъ процесовъ, на которые слѣдуетъ смотрѣть, какъ на извѣстныя приспособленія организмовъ къ часто встрѣчающимся естественнымъ условіямъ, но не соотвѣтствующимъ иногда условіямъ исключительнымъ или искуственнымъ.

шая черная собака въ намордникѣ бѣжала за нами около колесъ экипажа. Она, какъ будто, ничѣмъ не интересовалась, не убѣгала въ стороны и не проявляла обычной рѣзвости и любознательности. На разстояніи приблизительно 10-ти верстъ отъ дома по утомленному и грустному виду собаки можно было замѣтить, что ей трудно бѣжать, что ей „не по себѣ", и предположить, что она нездорова.

Не обративъ достаточнаго вниманія на дѣло, я думалъ, что собака страдаетъ отъ пыли, такъ какъ она бѣжала за экипажемъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пыль подымалась изъ-подъ колесъ густыми клубами. Пыль эта покрывала черную шерсть собаки, набилась ей въ глаза, въ ноздри и, вѣроятно, въ дыхательные пути, а потому я старался только отогнать собаку отъ экипажа, чтобы заставить ее бѣжать тамъ, гдѣ меньше пыли. и удивлялся ея упорному непониманію собственныхъ интересовъ. Не понималъ ихъ, однако, какъ оказалось впослѣдствіи, я, а не собака, которая страдала отъ чрезмѣрнаго повышенія температуры тѣла, но вовсе не отъ пыли.

Повышеніе это было слѣдствіемъ продолжительнаго бѣга въ жаркое время и невозможности охлажденія крови посредствомъ регуляціи внутрилегочной испарины, которая была задержана узкимъ намордникомъ.

Когда мы проѣзжали деревнею, можно было замѣтить въ поведеніи собаки очевидные признаки тревоги—ей чего-то хотѣлось, она забѣгала въ стороны съ озабоченнымъ видомъ, подходила къ воротамъ незнакомыхъ домовъ, чего-то искала, ложилась на землю и отставала отъ насъ такъ, что мы должны были нѣсколько разъ останавливать лошадей, дожидаться, звать ее и. наконецъ разыскивать.

Оказалось, что собака искала тѣни и влаги, такъ какъ ее нашли лежащею подъ навѣсомъ колодца въ темномъ углу на мокрой землѣ. Собака, очевидно, нашла то, чего искала, такъ какъ отказывалась слѣдовать далѣе за нами, чего раньше съ ней никогда не случалось. Кто-то, наконецъ, догадался о причинахъ ея страннаго поведенія и снялъ намордникъ, препятствовавшій свободному дыханію животнаго. Многихъ трудовъ стоило вызвать собаку изъ ея убѣжища, но она прошла только нѣсколько шаговъ и опять улеглась въ тѣни какого-то строенія. Дыханіе ея было часто, глубоко и до того шумно, что останавливало удивленныхъ прохожихъ.

Минутъ 5 или 10 продолжалась эта усиленная работа грудной клѣтки; собака лежала и дышала, высуня пыльный языкъ, а мы стояли и ждали: скоро ли этотъ процесъ возстановитъ нормальную температуру животнаго и оно снова захочетъ продолжать съ нами путь?

Когда дыханіе стало нѣсколько ослабѣвать, мы шагомъ двинулись далѣе, собака медленно слѣдовала за нами. Саженяхъ въ 50-ти отъ деревни въ оврагѣ протекала рѣчка, и, какъ только мы приблизились къ ней, собака направилась прямо къ рѣчкѣ и легла, погрузивъ все туловище въ воду. Она лежала въ водѣ до тѣхъ поръ, пока къ ней не возвратилась ея прежняя бодрость, т. е., по всей вѣроятности, пока температура ея крови не понизилась до нормы.

Собака лежала въ водѣ минутъ 5 или 7. Послѣ этого она продолжала бѣжать за нами безъ намордника, имѣя гораздо болѣе веселый и здоровый видъ, чѣмъ въ первую половину пути.

Фактъ этотъ, конечно, не представляетъ собою ничего необыкновеннаго, онъ вполнѣ естествененъ, какъ естественны и обыкновенны всѣ инстинкты и ихъ проявленія, и, вѣроятно, многимъ приходилось наблюдать что-либо подобное; но едва ли онъ дѣйствительно настолько понятенъ, какъ кажется поверхностному взгляду. Собака, безъ сомнѣнія, ощущала высокую температуру, но этого ощущенія намъ еще недостаточно для объясненія мотивовъ всѣхъ ея поступковъ, т. е., независящихъ отъ ощущенія, ея тревоги и страданія, ея инстинктивныхъ желаній и представленій о тѣни и о влагѣ. У собаки появилось непреодолимое желаніе тѣни и влаги не вслѣдствіи ощущенія тепла, но вслѣдствіи *задержки* намордникомъ органическаго процеса регуляціи температуры тѣла, т. е. задержки внутрилегочной испарины, и этотъ процесъ ей безсознательно-необходимо было возстановить для сохраненія жизни.

Поэтому движенія животнаго, вслѣдствіи такой задержки, пріобрѣли особую сознательно-эмоціональную цѣлесообразность и кажутся намъ понятными только по аналогіи съ нашими сознательными поступками, которыхъ объясненія мы обыкновенно не ищемъ далѣе собственныхъ чувствъ

Собакѣ стало *невыносимо* жарко и она ищетъ тѣни и влаги. Когда намъ становится невыносимо жарко, мы тоже ищемъ тѣни и влаги, а потому субъективно намъ вполнѣ понятны дѣйствія собаки и мы не требуемъ дальнѣйшихъ объясненій. Мы даже иногда находимъ, что собака въ этомъ случаѣ поступаетъ не по указанію инстинкта, а на основаніи одного лишь разума, потому что поступаетъ подобно намъ, мы же увѣрены, что дѣйствуемъ всегда разумно...

Собака проявила *тревогу*, опредѣлившуюся затѣмъ въ *желаніе* тѣни и влаги, т. е. такихъ внѣшнихъ условій, которыя могли бы ей замѣнить и возстановить задержанныя органическія отправленія. Эти чувства—сначала тревога, а за нею желаніе—вызвали и направили дальнѣйшія дѣйствія собаки, заставили ее искать подходящихъ внѣшнихъ условій, руководя ея поисками не посредствомъ размышленія или соображенія, но безотчетными чувствами удовольствія или страданія, которыя привели, наконецъ, собаку къ рѣчкѣ, заставили лечь въ воду и лежать въ ней, находя въ этомъ психическое удовлетвореніе, несмотря на то, что собака не гипопотамъ, и такое времяпрепровожденіе ей вовсе не свойственно. Въ общемъ, вслѣдствіи задержки простого органическаго отправленія, мы видимъ проявленіе инстинкта во всѣхъ фазахъ его развитія, имѣющаго назначеніе, аналогичное задержанному отправленію.

Въ приведенномъ примѣрѣ собака достигла необходимаго пониженія своей температуры, укрывшись въ тѣнистое мѣсто и посредствомъ купанья.

Купанье и *затѣненіе*—два главныхъ *инстинктивныхъ дѣйствія*, которыя можно наблюдать почти у всѣхъ животныхъ, а въ томъ числѣ и у людей, въ тѣхъ случаяхъ, когда при повышеніи температуры тѣла безсознательные процесы оказываются недостаточными для поддержанія ея нормальнаго уровня.

Температура рѣкъ и озеръ лѣтомъ обыкновенно ниже температуры воздуха, и, кромѣ того, вода, какъ хорошій проводникъ тепла,

способствуетъ быстрому охлажденію организма при соприкосновеніи съ нею. Вода, смачивающая шерсть или кожу, легко испаряется, и выкупавшееся животное охлаждается еще болѣе послѣ купанья въ теченіи всего времени испаренія оставшейся на поверхности его тѣла, влаги. Собаки любятъ лѣтомъ купаться. Купанье замѣняетъ имъ потоотдѣленіе, котораго онѣ лишены.

Купанье доставляетъ людямъ психическое наслажденіе; есть любители, купающіеся лѣтомъ по нѣсколько разъ въ день и даже переселяющіеся на жаркое время въ мѣста, приспособленныя спеціально для купанья. Мнѣ кажется, что болѣе склонны къ купанью лица, обладающія слабою дѣятельностью потовыхъ железъ. Всѣмъ извѣстны разные модные купальные города и мѣстности. Морскія купанья имѣютъ свои „сезоны“. Посѣщеніе такихъ мѣстъ достаточнымъ слоемъ общества во Франціи вполнѣ уподобляется инстинктивному перелету птицъ, хотя этимъ явленіемъ руководятъ не одни лишь термическіе, но и многіе другіе инстинкты людей, иногда не имѣющіе никакого отношенія ни къ купанью, ни, вообще, къ пониженію температуры крови.

Стремленіе къ затѣненію точно также свойственно людямъ въ жаркое время и особенно въ южныхъ странахъ. Во многихъ тропическихъ городахъ поперекъ улицъ или дворовъ вѣшаются полога для защиты людей отъ палящихъ лучей солнца. Улицы южныхъ городовъ узки, такъ что солнечные лучи почти никогда не достигаютъ мостовой, поэтому въ Римѣ въ нижнихъ этажахъ домовъ сыро и пахнетъ плѣсенью точно такъ же, какъ въ узкихъ, промозглыхъ улицахъ этого древняго города

Наоборотъ, улицы сѣверныхъ городовъ и селеній широки и свѣтлы, хотя тоже не всегда отличаются чистотою.

Римляне узнаютъ иностранца по тому, что онъ переходитъ городскія площади по кратчайшему направленію, тогда какъ итальянецъ держится всегда тѣневой стороны. Итальянская пословица говоритъ, что „только собаки и нѣмцы ходятъ на солнцепекѣ“, южанинъ же тщательно этого избѣгаетъ. Римлянинъ любитъ ходить въ тѣни. И эта любовь къ тѣни у южанъ инстинктивна. Жилища тропическихъ странъ служатъ главнымъ образомъ средствомъ затѣненія, т. е. убѣжищемъ отъ солнечныхъ лучей, и постройка ихъ, какъ мы увидимъ далѣе, вызвана требованіями тѣхъ термическихъ инстинктовъ, которые выражаются у животныхъ отыскиваніемъ тѣни.

Лѣтняя одежда, шляпы, зонты, вуали и проч.—прямыя слѣдствія тѣхъ же инстинктивныхъ стремленій къ затѣненію. Многія южныя искусства, убѣжденія и ремесла, какъ шляпное, портняжное, архитектура, расплапировка городовъ, пословицы и проч., носятъ на себѣ явные признаки инстинкта затѣненія, несмотря на то, что мы въ нихъ нерѣдко видимъ одни лишь проявленія мысли, не замѣчая тѣхъ безсознательныхъ процесовъ, которые руководятъ мыслями человѣка.

Когда намъ жарко, мы желаемъ пить.

Что имѣетъ общаго инстинктивное желаніе пить съ ощущеніемъ высокой температуры? Похоже ли одно на другое? или же одно составляетъ логическое слѣдствіе другого?

Спросите необразованнаго человѣка, какое вліяніе можетъ имѣть

на температуру его тѣла количество выпитой имъ жидкости, особенно если она не холодна. Большинство не отвѣтитъ на вашъ вопросъ и, ежели вы станете добиваться объясненія, почему люди пьютъ много, когда имъ жарко, вамъ отвѣтятъ: потому что имъ болѣе хочется пить въ жаркое время, и будутъ увѣрены, что вопросъ этимъ исчерпанъ.

Но почему же имъ болѣе хочется пить въ жаркое время?

Потому, что это психическое чувство—хотѣніе пить, является въ этомъ случаѣ слѣдствіемъ истощенія запасовъ воды въ организмѣ, задержки нормальнаго питанія клѣтокъ и задержки потоотдѣленія, т. е. слѣдствіемъ задержки физіологическаго регулятора температуры. Если бы даже одновременно съ ощущеніемъ жара возникало въ большомъ мозгу желаніе пить, оно все-таки не было-бы слѣдствіемъ этого кожнаго ощущенія и проводилось бы не тѣми же нервами, такъ какъ оно является сознанію послѣ задержки дѣятельности потовыхъ железъ и имѣетъ слѣдствіемъ эмоціональные поступки—отыскиваніе воды и утоленіе жажды, возстановляющіе потоотдѣленіе.

Инстинкты стоятъ на стражѣ нашей жизни, скрытые отъ взора, они руководятъ нашими сознательными поступками, какъ спрятанный фокусникъ руководитъ движеніями маріонетокъ, отъ которыхъ мы отличаемся главнымъ образомъ тѣмъ, что думаемъ, будто мы живемъ, дѣйствуемъ и руководимся исключительно собственнымъ разумомъ, тогда какъ скромныя маріонетки ровно ничего о себѣ не думаютъ и потому гораздо менѣе насъ заблуждаются.

Въ жаркое время въ Россіи поглощается много горячаго чая, вслѣдствіи инстинктивнаго стремленія понизить температуру крови.

Въ это же время, какъ мы уже говорили, особенно вкусными кажутся намъ плоды, содержащіе наибольшій процентъ воды: арбузы, дыни и пр., которые теряютъ большую часть своего вкуса зимою не потому, что они дѣйствительно измѣняются въ это время года, а только потому, что температура воздуха понижается и нормальная, безсознательная регуляція потоотдѣленія не встрѣчаетъ болѣе задержекъ.

Удовольствіе отъ соприкосновенія съ холодными тѣлами въ жаркое время побуждаетъ людей не только искать тѣни, изобрѣтать шляпы и зонты, строить дома, узкія улицы и т. д., но также изготовлять холодныя кушанья и напитки, особенно вкусные лѣтомъ. Холодныя или мороженыя яства и разные напитки со льдомъ охлаждаютъ насъ посредствомъ внутренняго соприкосновенія, а нѣкоторыя изъ нихъ также вслѣдствіе таянія, при которомъ поглощается большое количество тепла, какъ и при испареніи. Зимой эти яства и напитки менѣе соотвѣтствуютъ нашимъ термическимъ вкусамъ и потому менѣе употребительны,—въ это время преобладаютъ инстинкты, уменьшающіе потерю тепла.

6. Инстинкты, уменьшающіе потерю тепла.

Эти инстинкты гораздо сложнѣе и обширнѣе предыдущихъ, особенно въ нашемъ климатѣ, гдѣ съ вліяніями, понижающими нормальную температуру крови, животнымъ приходится бороться болѣе, чѣмъ съ вліяніями, ее повышающими.

„Густой мѣхъ, — говоритъ проф. Шарль Рише, — такъ хорошо *задерживаетъ лучеиспусканіе*, что мы для защиты отъ холода не могли найти лучшей одежды, чѣмъ мѣха животныхъ".

Птицы тоже обладаютъ „прекрасною оболочкою изъ пуха, которая препятствуетъ лучеиспусканію" [1]).

Мнѣ случилось видѣть зимнее купанье птицъ въ февралѣ на сѣверной границѣ культуры яблони въ Россіи, въ мѣстности, гдѣ уже появляется сибирская пихта.

На солнечной сторонѣ крышъ, у отапливаемыхъ зданій снѣгъ слегка потаивалъ, на водосточныхъ трубахъ висѣли ледяные сталактиты, и вода капала на снѣгъ, превращая его въ ледяную пленку съ отверстіями; маленькіе резервуары образовались подъ нею, они были наполнены прозрачною снѣговою водою. У юго-восточнаго угла дома капающая изъ трубы вода пробила въ оледенѣломъ снѣгу отверстіе отъ 10 до 20 сантиметровъ въ поперечникѣ. Поверхность лужи находилась сантиметровъ на 7 или на 8 ниже этого отверстія. Нѣсколько воробьевъ, рѣзко чирикая, перепархивали вверхъ и внизъ съ фундамента на снѣгъ и обратно около водосточной трубы. Оказалось, что они поочередно купаются въ холодной снѣговой водѣ. Незначительная величина отверстія во льду едва позволяла помѣститься въ свѣтлой лужицѣ одному воробью. Вода изъ трубы капала ему на голову и на спину, глубина отъ ледяного борта до поверхности воды затрудняла движенія; но всѣ эти неудобства, очевидно, не имѣли никакого значенія въ сравненіи съ тѣмъ удовольствіемъ, которое испытывали воробьи отъ удовлетворенія инстинкта, заставляющаго птицъ погружаться въ холодную снѣговую воду для уменьшенія потери тепла. „Можно наблюдать, говоритъ Шарль Рише, — какъ усердно птицы хлопочутъ о хорошемъ содержаніи своего оперенія. Даже зимою онѣ еще купаются и купаются всегда въ самой чистой водѣ для того, чтобы ихъ перья не слипались между собою и не были грязны. Цѣлость и чистота ихъ покрова составляетъ для птицъ вопросъ жизни и смерти".

Норы, берлоги и другія жилища, служащія животнымъ для ихъ зимняго мѣстопребыванія, защищаютъ ихъ главнымъ образомъ отъ вредной потери тепла чрезъ соприкосновеніе съ холоднымъ воздухомъ; а потому къ инстинктамъ, уменьшающимъ потерю тепла, слѣдуетъ отнести также строительные инстинкты животныхъ и людей, населяющихъ страны съ холоднымъ климатомъ. Такъ какъ въ жаркихъ странахъ строительные инстинкты, какъ мы видѣли, служатъ главнымъ образомъ для затѣненія, т. е. для увеличенія расхода тепла. Отсюда возникновеніе двухъ типовъ жилища—зимняго и лѣтняго.

Въ постройкахъ русскихъ крестьянъ одной и той же мѣстности такъ мало разнообразія, такъ мало проявленія личнаго вкуса или личныхъ потребностей, что даже по внѣшнему виду ихъ легко отнести къ чисто инстинктивнымъ постройкамъ точно такъ же, какъ и жилища большей части мало культурныхъ народовъ.

Гнѣзда птицъ одного и того же вида, быть можетъ, не менѣе различаются другъ отъ друга, чѣмъ постройки многихъ племенъ человѣка.

Городскія строенія, возводимыя по чертежамъ архитекторовъ, болѣе

---

[1]) Ch. Richet Fonctions de defense. Travaux du Laborat. T. III, p. 467.

разнообразны, но сооружаются, какъ увидимъ, также вслѣдствіи требованія безсознательнаго организма, на основаніи вкусовъ, чувства красоты и другихъ инстинктивныхъ побужденій или желаній, а вовсе не на основаніи одной лишь чисто интелектуальной дѣятельности строителя. Инстинкты-регуляторы температуры играютъ видную роль въ архитектурѣ. Животныя кромѣ того регулируютъ потерю тепла, *уменьшая проводимость* внѣшней среды (отсутствіе испарины и накожный жиръ), или своихъ наружныхъ покрововъ (зимняя, болѣе густая и пушистая шерсть, подкожный жиръ, особенно обильный у тюленей, и проч.).

Этимъ же цѣлямъ служатъ строительныя, портняжныя и туалетныя инстинктивныя дѣйствія животныхъ или людей.

Самоѣды мажутъ свое тѣло жиромъ, и это даетъ имъ возможность легко переносить сильныя стужи. О древнихъ грекахъ и римлянахъ до насъ дошли свѣдѣнія, будто народы эти любили натирать свою кожу ароматическими маслами и будто такое натираніе доставляло имъ удовольствіе особенно послѣ бани, когда кожа отъ усерднаго промыванія теряетъ большое количество жира.

Есть много указаній, что въ эпоху класическихъ цивилизацій климатъ южной Европы былъ гораздо суровѣе теперешняго и подобными инстинктивными натираніями древніе прекрасно предохраняли себя отъ простуды. Современное человѣчество, быть можетъ, благодаря усовершенствованію одежды и жилищъ, утратило этотъ полезный инстинктъ; смазываніе кожи жиромъ кажется намъ даже отвратительнымъ, а потому, какъ замѣчаетъ проф. Ласковскій, простуды послѣ бани или послѣ теплыхъ ваннъ съ употребленіемъ мыла, къ сожалѣнію, въ наше время явленіе очень не рѣдкое. „Что касается птицъ,—говоритъ Ch. Richet,—поверхность ихъ перьевъ, слегка пропитанная жиромъ, препятствуетъ непосредственному соприкосновенію съ водою наружныхъ покрововъ. Вы, вѣроятно, видѣли утокъ, оглаживающихъ клювомъ свои перья; онѣ отыскиваютъ на своей спинѣ маленькія количества жира и посредствомъ клюва покрываютъ имъ свои перья; такимъ образомъ онѣ никогда не намокаютъ“ *).

Трудно предположить, чтобы такое занятіе утокъ являлось плодомъ ихъ размышленія и опытности, и не было просто дѣломъ ихъ вкуса, т. е. дѣломъ инстинкта, чтобы оно не сопровождалось нѣкоторымъ удовольствіемъ, какъ выполненіе всякаго инстинктивнаго дѣйствія. Этотъ инстинктъ утокъ вполнѣ аналогиченъ древнему инстинкту плохо одѣтыхъ грековъ и римлянъ, испытывавшихъ наслажденіе отъ натиранія своей кожи елеями.

Наконецъ, потеря тепла организмами уменьшается отъ *повышенія температуры внѣшней среды*.

Зимній густой и длинный мѣхъ или шерсть животныхъ и платье человѣка уже нѣсколько достигаютъ этого повышенія, задерживая у поверхности тѣла слой болѣе нагрѣтаго воздуха; животныя инстинктивно стремятся повысить температуру внѣшней среды, когда страдаютъ отъ излишней потери тепла, т. е. когда эти потери угрожаютъ ихъ здоровью и жизни. Норы, берлоги и другія жилища животныхъ прекрасно достигаютъ этой цѣли.

*) Тамъ же, стр. 468.

Перелетныя птицы и перекочевывающія животныя могутъ повышать температуру внѣшней среды, переселяясь въ холодное время въ болѣе теплыя страны. Наконецъ, изобрѣтеніе огня, приготовленіе теплой пищи и отопленіе жилищъ представляютъ собою высшую ступень развитія такой инстинктивной дѣятельности.

„Стремленіе къ перелету,—говоритъ Чарльзъ Диксонъ.—такъ глубоко укоренилось въ теченіе безчисленнаго количества вѣковъ, что у многихъ видовъ птицъ только смерть можетъ его искоренить. Перелетныя птицы въ неволѣ волнуются и безпокоятся, когда наступаетъ время ихъ обычнаго отлета (тревога); то же самое обычное стремленіе можно замѣтить и въ ласточкахъ, когда осенью онѣ сбиваются въ стаи. Каждый, желающій взять на себя трудъ подмѣтить это, можетъ видѣть среди деревьевъ и кустовъ необыкновенную въ это время года дѣятельность и у другихъ пернатыхъ путешественниковъ. Желаніе это, наконецъ, доходитъ до такого всепоглощающаго чувства, что всѣ другія побужденія уступаютъ ему мѣсто, и затѣмъ начинается великое переселеніе“ *).

Въ этихъ строкахъ прекрасно описаны внѣшнія проявленія инстинктивной тревоги, ея самоопредѣленія и развитія инстинктивнаго желанія. Тѣмъ болѣе дорого намъ такое описаніе, что оно сдѣлано авторомъ, отрицающимъ „туманные и слѣпые инстинкты“ **).

Ясно, что перемѣна температуры была, по д-ру Диксону, первоначальною причиною перелета и что перемѣна температуры въ наше время ежегодно вызываетъ у птицъ проявленіе этого древняго „воспоминанія“ (?), т. е., вѣрнѣе, инстинкта.

„Очень любопытно, говоритъ англійскій натуралистъ, что стремленіе это, особенно развито у птицъ, выводящихся на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ суровость арктическаго климата выражается всего рѣзче. Замѣчателенъ фактъ, что какъ только перелетныя птицы достигаютъ болѣе умѣренныхъ широтъ, онѣ начинаютъ мѣшкать и медленнѣе приближаться къ своимъ зимовкамъ, какъ будто сознавая (?), что, застигнутыя внезапно зимою, остались позади“.

Не признавая инстинкта, авторъ поневолѣ стремится объяснить явленія сознаніемъ и памятью, которыя едва ли здѣсь умѣстны; но онъ справедливо прибавляетъ: „мы имѣемъ основаніе приписывать осенній перелетъ пониженію температуры, по мѣрѣ приближенія зимы къ мѣстамъ гнѣздованія птицъ. Напротивъ, весенній перелетъ вызывается поднятіемъ температуры на ихъ зимовкахъ, при наступленіи лѣта“.

---

*) Чарльсъ Диксонъ. Перелетъ птицъ. Переводъ гр. Шереметьевой, подъ ред. проф. Кайгородова. Спб. 1895 г., стр. 22

**) Диксонъ предполагаетъ, что возникновеніе перелета необходимо отнести къ ледниковой эпохѣ, суровыми зимами вытѣснившей птицъ съ высокихъ широтъ въ болѣе теплыя страны. „Ужасы отдаленной ледниковой эпохи, отчасти причиненные вытѣсненіемъ птицъ изъ полярнаго міра, вѣроятно, такъ глубоко запечатлѣлись въ памяти (?) птицъ, что превратились въ наслѣдственный страхъ—въ побужденіе, въ тревожное тоскливое вожделѣніе полетѣть, при первомъ же удобномъ случаѣ, въ болѣе теплыя мѣстности. Такое тревожное стремленіе къ теплымъ странамъ сказывается даже у молодыхъ и неопытныхъ“ (тамъ же, стр. 206).

Едва ли нужно прибѣгать къ гипотезѣ объ ужасахъ, которые такъ глу-

Возникновеніе инстинктивнаго чувства и обусловленнаго имъ перелета, по нашему мнѣнію, вовсе не требуетъ отъ птицъ разсужденія и воспоминанія, т. е. предвидѣнія или знанія того, что вслѣдствіи паденія температуры ледъ или снѣгъ окончательно уничтожатъ всякій запасъ продовольствія. Такого знанія ни въ какомъ случаѣ нельзя приписать молодымъ, не знакомымъ съ зимою, птицамъ, которыя тоже проявляютъ инстинктъ перелета, какъ это замѣчаетъ самъ авторъ. Да и старыя птицы едва ли могутъ обладать такими познаніями, такъ какъ большинство ихъ всегда улетаетъ до наступленія зимы.

Вѣроятно, не возможность будущаго голода побуждаетъ ихъ къ отлету, не экономическія соображенія или хозяйственные расчеты, но просто дѣйствіе температуры на ихъ организмъ и происходящіе въ немъ вслѣдствіи того психо-физіологическіе процесы, совпадающіе часто съ періодомъ линянія *).

Эти процесы являются сознанію, какъ выше описано самимъ авторомъ, сначала въ видѣ тревоги или безпокойства и переходятъ затѣмъ въ желанія, которыя, при нѣкоторой степени интенсивности, сами собою вызываютъ соотвѣтственную сознательную дѣятельность животнаго, всегда руководящагося не однимъ только разсужденіемъ, но главнымъ образомъ инстинктивными желаніями и чувствами страданія или наслажденія.

Вотъ почему, достигнувъ теплыхъ странъ, т. е. не испытывая болѣе физіологическаго дѣйствія холода, птицы замедляютъ свой полетъ, стремленіе ихъ къ югу ослабѣваетъ и вотъ почему онѣ иногда даже вовсе теряютъ врожденную привычку перелета, ежели температура мѣстности не побуждаетъ ихъ къ осеннему отлету.

Мы уже говорили объ интересныхъ и аналогичныхъ перелету птицъ инстинктахъ испанскихъ овецъ (упоминаемыхъ Дарвиномъ), альпійскихъ коровъ и проч., говоря объ инстинктивной тревогѣ.

7. Переживанія термическихъ инстинктовъ.

Но, иногда, укоренившіеся органическіе инстинкты очень долго продолжаютъ дѣйствовать, даже утративъ свою цѣлесообразность;

боко запечатлѣлись въ памяти птицъ, для объясненія возникновенія инстинкта перелета, вслѣдствіи вліянія на организмъ суровыхъ зимъ начала ледниковой эпохи.,

Едва ли даже эти ужасы существовали, такъ какъ ледниковая эпоха наступила не сразу. Ни въ одинъ годъ и даже ни въ одну сотню лѣтъ климатъ страны, гдѣ привыкли жить птицы, измѣнился до невозможности въ ней оставаться на зиму. Впрочемъ, самъ авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „перелетъ начался двоякимъ способомъ. Первый способъ—это постепенное движеніе птицъ на югъ во время короткой зимы, постепенно охватывавшее пространство и требовавшее все больше и больше времени, по мѣрѣ того, какъ климатъ становился суровѣе и зимы длиннѣе. Второй — это, наоборотъ, постепенное движеніе на сѣверъ по мѣрѣ смягченія климатическихъ условій. Первоначально оба эти путешествія были, вѣроятно, очень недалеки и медленно удлинялись по мѣрѣ распространенія тепла въ теченіи лѣта"... „Какъ неизбѣжное послѣдствіе такихъ климатическихъ условій перелетъ сталъ между ними (птицами) почти всеобщимъ правиломъ".

Очевидно, что этими соображеніями возникновеніе „туманнаго инстинкта" перелета объясняется ясно и просто, какъ дѣятельность, вызванная физіологическими причинами и постепенно закрѣпленная наслѣдственностью безъ необходимости прибѣгать къ еще болѣе туманнымъ безсознательнымъ воспоминаніямъ о какихъ-то гипотетическихъ ужасахъ.

*) Сравнить тамъ же, стр. 63.

тогда инстинктивныя дѣйствія животныхъ становятся вполнѣ аналогичными тому, что называется пережитками или переживаніями въ антропологіи *).

Быть можетъ, и термическій инстинктъ перелета, по причинѣ своей періодичности, иногда не нуждается въ другихъ внѣшнихъ условіяхъ для своего проявленія, кромѣ истеченія нѣкотораго періода времени, хотя дѣйствуетъ подъ вліяніемъ термическихъ условій и, конечно, не могъ развиться вслѣдствіи воздѣйствія одного только времени.

Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ инстинкты періодическихъ переселеній могли возникнуть отъ періодическаго недостатка пищи или воды, слѣдовательно, представляютъ собою въ этихъ случаяхъ лишь развитіе или осложненіе инстинктовъ питанія, а также и отъ множества другихъ причинъ, и потому, всѣ явленія періодическихъ миграцій животныхъ было бы ошибочно объяснять одними и тѣми же фактами и причислять къ одной групѣ инстинктовъ, несмотря на ихъ внѣшнее сходство.

---

*) „Замѣтьте,—пишетъ д-ръ Диксонъ,—что дроздъ рябинникъ и дроздъ бѣлобровикъ могли бы, насколько мнѣ извѣстно, очень хорошо выводить своихъ птенцовъ въ Англіи, но они всегда покидаютъ ее весной, чтобы летѣть на свою старую родину. Много подобныхъ интересныхъ случаевъ можно наблюдать надъ утками, чайками и пр.“ (стр. 21).

Примѣръ этотъ еще яснѣе показываетъ, что весеннее стремленіе къ странамъ болѣе холоднымъ вовсе не обусловлено недостаткомъ пищи, иногда даже не чрезмѣрно высокою температурою, но зависитъ только отъ истеченія извѣстнаго періода времени, какъ всѣ періодическіе, органическіе процесы и связанные съ ними инстинкты. Осенній перелетъ точно также можетъ иногда начинаться независимо отъ колебаній температуры и, въ такомъ случаѣ, онъ долженъ зависѣть только отъ періодовъ времени, въ которые совершаются неизслѣдованные еще физіологическіе процесы.

Въ этомъ фактѣ намъ ничего не покажется удивительнымъ, ежели мы только припомнимъ, какъ хорошо организмъ нашъ знаетъ время своихъ отправленій. Стоитъ припомнить періодическое линяніе животныхъ, такъ близко совпадающее съ періодичностью проявленія инстинктовъ перелета. Инстинкты возникаютъ въ извѣстные періоды жизни или повторяются чрезъ извѣстные сроки, инстинктивное желаніе ѣсть возвращается къ намъ постоянно въ извѣстные часы, хотя бы организмъ нашъ не былъ вовсе истощенъ и могъ бы долго еще не нуждаться въ пищѣ. Апетитъ даже часто пропадаетъ, когда время обычной ѣды пропущено, такъ что въ этомъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ мы не имѣемъ основанія предполагать иной причины для появленія чувства апетита, кромѣ времени.

„Большинство животныхъ,—говоритъ Бони,—имѣютъ инстинктивное понятіе о протекшемъ періодѣ времени. Они точно знаютъ, напримѣръ, часъ, въ который имъ даютъ обыкновенно ихъ пищу, и въ случаяхъ самаго незначительнаго запаздыванія своимъ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ они прекрасно умѣютъ показать, что вполнѣ сознаютъ это“ (H. Beaunis. Les sensations internes., стр. 165). Всѣмъ извѣстна возможность про звольнаго пробужденія въ опредѣленный, хотя бы и не въ привычный часъ. Бони цитируетъ показанія метеорологовъ, просыпавшихся во время ночного дежурства за нѣсколько минутъ до звонка, который призывалъ ихъ каждые два часа къ записи наблюденій. Въ свободное же отъ дежурства время наблюдатели эти спали, не просыпаясь по ночамъ.

Говорятъ, что въ явленіяхъ гипнотическаго внушенія можно еще яснѣе видѣть эту безсознательную органическую оцѣнку времени. Но, все-таки, ежели инстинктивныя дѣйствія и исполняются автоматически черезъ опредѣленные періоды времени, они должны были возникнуть отъ какихъ-либо иныхъ причинъ и въ данномъ случаѣ, вѣроятно, отъ условій измѣненія температуры внѣшней среды.

Трудно предположить, чтобы кочевые народы могли переселяться въ болѣе теплыя страны зимою и въ болѣе умѣренныя—лѣтомъ. Для этого имъ требовалось бы совершать слишкомъ большіе переходы и вторгаться въ чужія владѣнія; но вполнѣ возможно, что нѣкоторыя кочевыя племена видоизмѣняли термическія условія, переселяясь, напримѣръ, лѣтомъ со своими стадами на высокія плоскогорія, а зимою спускаясь въ болѣе теплыя долины, какъ это дѣлаютъ иногда и теперь достаточные жители горныхъ странъ, переѣзжая лѣтомъ въ горы на дачи, или горные пастухи со своими стадами.

Насколько велика сила инстинкта кочевокъ и бродяжничества, намъ показываютъ многіе примѣры современнаго проявленія этихъ инстинктовъ, утратившихъ въ наши дни всякую цѣлесообразность.

Русскіе „полевые“ цыгане только по зимамъ живутъ въ деревнѣ, нанимая квартиры, но лишь только наступаетъ весна, они, несмотря на запретъ бродяжничества и преслѣдованія полиціи, „отправляются въ гости къ родственникамъ“ за сотни верстъ, т. е. пускаются въ безцѣльный путь, точно такъ же, какъ и всѣ ихъ родственники, которыхъ они, будто бы, собираются навѣстить, но, навѣрное, не застанутъ дома. Бродятъ они, такимъ образомъ, питаясь барышничествомъ, нищенствомъ, иногда гаданьемъ, обманомъ, мелкимъ воровствомъ или пѣньемъ, пока суровая зима или мѣстныя власти не загонятъ ихъ снова на зимнія квартиры. Живутъ они въ кочующемъ таборѣ бѣдно, впроголодь, дрожа у костровъ по ночамъ и бранясь изъ-за каждой дѣлежки, но **не желаютъ** промѣнять свою нищенскую жизнь бродягъ на осѣдлый достатокъ ремесленниковъ или земледѣльцевъ.

Зачѣмъ они бродятъ каждое лѣто—они и сами не знаютъ, инстинктъ ихъ утратилъ всякую цѣлесообразность, всякій смыслъ, онъ не полезенъ имъ болѣе, быть можетъ, даже вреденъ; но онъ въ нихъ силенъ своею безсознательною органическою силою. Цыгане имѣютъ почти такое же отвращеніе къ осѣдлой земледѣльческой жизни, какъ къ смерти, и любятъ безсознательно, инстинктивно, любятъ отъ всей души жизнь безпріютныхъ бродягъ.

Подобное же отсутствіе цѣлесообразности бывало замѣчено, въ кочевкахъ киргизовъ. Они часто покидаютъ со своими стадами и табунами тучныя пастбища для того, чтобы послѣ долгаго и утомительнаго пути перекочевать на пастбища, едва прикрытыя плохою травою.

Всѣ эти странные поступки являются въ наше время слѣдствіями переживанія старыхъ, утратившихъ свое жизненное значеніе, инстинктовъ.

Остатки кочевыхъ инстинктовъ мы можемъ иногда замѣтить въ стремленіи болѣе или менѣе достаточныхъ городскихъ жителей съ наступленіемъ весны покидать города и переселяться на дачи или въ деревни, часто на очень плохія и дорогія подгороднія дачи или во вредныя для здоровья мѣстности. Едва ли всегда можно приписать подобныя стремленія разсужденіямъ, основаннымъ на знаніи требованій гигіены, которой они часто противорѣчатъ, или вообще на какихъ либо чисто разсудочныхъ мотивахъ. Здѣсь дѣйствуетъ, вѣроятно, не одно разсужденіе, но главнымъ образомъ инстинктивное желаніе, просыпающееся въ человѣкѣ вмѣстѣ съ наступленіемъ теплыхъ солнечныхъ дней, вмѣстѣ съ весеннимъ перелетомъ птицъ.

Богатые жители Парижа уѣзжаютъ зимою встрѣчать весну на берега Средиземнаго моря. Модный сезонъ отмѣчается въ Ниццѣ празднествомъ карнавала и „битвой цвѣтовъ". Затѣмъ, съ наступленіемъ болѣе теплыхъ дней, начинается перелетъ европейской публики, рабски слѣдующей предписаніямъ моды, на сѣверъ. Первая остановка бываетъ обыкновенно въ Парижѣ, гдѣ пробужденіе термическихъ инстинктовъ сезона отмѣчается весенними праздниками (fêtes des fleurs), различными увеселеніями и зрѣлищами, скачками (grand prix), картинными выставками (Salons) и пр.; и, наконецъ, лѣтомъ перелетъ къ сѣверу останавливается моремъ, гдѣ—на сѣверномъ берегу Франціи модная публика проводитъ самое жаркое время года, охлаждая свой организмъ ежедневными морскими купаньями. Такое передвиженіе почитается изящнымъ и элегантнымъ поведеніемъ тонкихъ натуръ, т. е., какъ бы, служеніемъ самымъ изысканнымъ стремленіямъ и потребностямъ человѣка.

Трудно предположить, чтобъ изученіе дѣйствительныхъ нуждъ организма и строго научное размышленіе создало всѣ эти сезоны и моды мало знающей и еще менѣе размышляющей модной европейской толпы.

Толпа эта жадно ищетъ наслажденія, и наслажденіе достается только тѣмъ, кто удовлетворяетъ требованіямъ инстинктовъ, его даютъ лишь инстинктивныя дѣйствія, но вовсе не дѣйствія, основанныя на разсужденіи.

Въ погонѣ за наслажденіями, свободная отъ узъ и обязанностей, обезпеченная въ матеріальномъ отношеніи, эта толпа за недостаткомъ нормальныхъ инстинктовъ, давно притупленныхъ пресыщеніемъ, прислушивается къ самымъ ничтожнымъ своимъ вожделѣніямъ, улавливаетъ самыя неуловимыя чувства и искуственно воскрешаетъ въ въ себѣ заглохшіе инстинкты предковъ, возсоздаетъ и развиваетъ ихъ для того, чтобы производить возможно большее число инстинктивныхъ дѣйствій, т. е. испытать возможно большее количество наслажденій, совокупность которыхъ она называетъ жизнью. Но заглохшіе инстинкты не нужны организму, ихъ воскрешеніе нерѣдко для него вредно, ихъ наслажденія бываютъ обманчивы и служатъ не цѣлямъ жизни, но разрушенію и смерти.

Множество инстинктовъ, взаимно переплетаясь, вліяя одинъ на другой и видоизмѣняя другъ друга не по одиночкѣ, а цѣлыми группами заразъ, отражаются въ поступкахъ людей. Ежели строительное искуство возникло вначалѣ подъ вліяніемъ однихъ лишь термическихъ инстинктовъ, то и остальныя эгоистическія инстинктивныя дѣйствія, какъ, напримѣръ, добываніе и храненіе пищи, а также семейные и общественные инстинкты играютъ важную роль въ развитіи и видоизмѣненіяхъ построекъ и способовъ пользованія ими.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, богатыхъ лѣсомъ, крестьяне имѣютъ иногда по два дома на однѣхъ сѣняхъ и переселяются на зиму въ заднюю избу, а на лѣто въ переднюю, т. е. въ выходящую окнами на улицу, мало сообразуясь со странами свѣта, такъ что лѣтомъ имъ случается жить на солнцепекѣ, ежели окна передней избы выходятъ на югъ, а зимою не видѣть въ своемъ жилищѣ солнечнаго свѣта.

Температура не можетъ заставить мужика жить лѣтомъ въ сѣ-

верной задней избѣ, лишая его удовольствія имѣть чрезъ открытыя окна, общеніе съ односельчанами, а потому крестьянинъ предпочитаетъ жаръ уединенію въ сѣверной избѣ, выходящей окнами на гуменникъ. Зимою же, когда окна покрыты инеемъ и льдомъ, онъ и въ задней и въ передней избѣ одинаково лишенъ возможности такого удовлетворенія своихъ общественныхъ инстинктовъ и переселяется изъ одной избы въ другую главнымъ образомъ только ради переселенія, удовлетворяя періодически возникающему побужденію давно выродившихся инстинктовъ.

Ежели вы спросите крестьянина, для чего онъ построилъ себѣ двѣ избы, расходуя на это свои скудныя сбереженія, когда каждая изба по полгода стоитъ пустою, и для чего онъ на зиму переселяется въ заднюю сѣверную избу, покидая переднюю южную, онъ вамъ отвѣтитъ: „для того, чтобы въ передней морозить таракановъ и клоповъ“, хотя въ дѣйствительности эти насѣкомыя переселяются изъ дома въ домъ вмѣстѣ со своими хозяевами, не истребляются морозами и могли бы быть легко уничтожены гораздо болѣе дешевыми средствами.

Бродяги, непомнящіе родства, калики перехожіе, странствующіе нищіе, вѣчные богомольцы, странники по святымъ мѣстамъ и пр., точно такъ же какъ и страстные путешественники, нерѣдко представляютъ примѣры атавистическаго возрожденія кочевыхъ инстинктовъ.

Бродяга по природѣ тоскуетъ, оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ, его влечетъ просторъ и неизвѣстность, всегда разнообразная природа и маса смѣняющихся новыхъ впечатлѣній, составляющихъ его жизнь точно такъ же, какъ подобные мотивы составляютъ жизнь, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, богатыхъ, вѣчно путешествующихъ, англичанъ. „Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу“,—заставляетъ поэтъ говорить бродягу-разбойника, характеризуя его настроеніе. Онъ хочетъ въ лѣсъ не для пріобрѣтенія богатства, спокойствія или какихъ-либо иныхъ благъ и, даже ежели онъ найдетъ тамъ всевозможныя опасности и лишенія, какихъ не испытываетъ ни дома, ни въ тюрьмѣ, онъ стремится въ лѣсъ просто потому, что онъ не можетъ жить иначе, потому, что ему „душно здѣсь“, потому, что онъ „хочетъ“ въ лѣсъ и болѣе ничего не хочетъ. Только на основаніи этого инстинктивнаго, этого безотчетнаго органическаго хотѣнья, лѣсная бродяжническая жизнь рисуется его воображенію полною всякихъ радостей, счастливыхъ возможностей и надеждъ. Асоціаціи групируются въ самые заманчивые образы, въ самыя невѣроятныя случайности, въ привлекательныя представленія около этого основного хотѣнія и въ результатѣ получается безсознательное міросозерцаніе, инстинктивная философія, нерѣдко, остроумная и глубокая.

Конечно, въ этихъ, утратившихъ въ наше время всякій жизненный смыслъ, инстинктахъ было бы напрасно искать цѣлесообразности полезныхъ термическихъ инстинктовъ, которыми надѣлены всѣ безъ исключенія нормальные люди и высшія животныя.

Строительные инстинкты человѣка.

1. Лѣтнее жилище.

Палящіе лучи солнца, повышая температуру окружающей среды и тѣла, заставляютъ животныхъ искать прохлады и тѣни потому, что сознаніе ихъ испытываетъ страданіе или недовольство, когда органическіе регуляторы не понижаютъ температуру крови до нормальнаго уровня.

Когда это случается со взрослымъ животнымъ въ первый разъ и когда животное безъ посторонней помощи принуждено искать выхода изъ своего положенія, то въ дѣйствіяхъ его можно наблюдать инстинктивную тревогу, рядъ безпокойныхъ поступковъ, рядъ опытовъ безъ знанія цѣли и средствъ, рядъ поисковъ, руководимыхъ только чувствами тревоги, страданія и наслажденія.

Но обыкновенно съ первыхъ опытовъ жизни животное знакомится съ непріятными состояніями сознанія, которыя вызываются вліяніемъ сильнаго жара, и знакомится съ тѣми условіями, которыя избавляютъ отъ этихъ страданій и облегчаютъ ихъ, доставляя животному удовольствіе.

При повтореніяхъ той же инстинктивной тревоги, чувство это вызываетъ въ сознаніи образы тѣхъ предметовъ и дѣйствій, которыя въ предыдущихъ опытахъ облегчали состояніе животнаго, а потому страданіе отъ зноя вызываетъ обыкновенно образы знакомыхъ прохладныхъ и тѣнистыхъ мѣстъ, воспоминанія объ удовольствіи, доставляемомъ охлажденіемъ тѣла и подъ вліяніемъ этихъ образовъ чувство инстинктивной тревоги быстро опредѣляется въ желаніе прохлады, желаніе тѣни, воды, непроницаемой листвы дремучаго лѣса, таинственной темноты влажной пещеры, укромной тѣни подъ навѣсомъ скалы, студеной влаги горнаго потока и т. д., а вызванные этими образами асоціаціи даютъ указаніе на средства для достиженія желаемаго.

Страдающему отъ зноя животному является образное воспоминаніе того наслажденія, которое оно испытывало при подобныхъ же обстоятельствахъ, погружаясь въ воду, укрываясь въ тѣни растеній или скалъ и прячась въ пещеры или норы.

Понятно, что инстинктивная потребность охлажденія можетъ автоматически вызвать въ умѣ животнаго образъ густого навѣса изъ древесныхъ листьевъ, бросающаго п р і я т н у ю тѣнь, ежели только животному когда либо случалось укрываться отъ зноя въ его прохладной тѣни.

Отъ этого навязчиваго образа, отъ желанія, опредѣляемаго имъ объективно, отъ инстинктивнаго стремленія осуществить это желаніе одинъ только шагъ до постройки самаго элементарнаго жилища—навѣса изъ пальмовыхъ листьевъ.

Для того, чтобы сдѣлать этотъ шагъ, не требуется обладать большимъ запасомъ знаній, ни выдающимися умственными способностями, ни привычкой отвлеченнаго или методическаго мышленія. Съ субъективной стороны инстинктъ дѣлаетъ почти все дѣло и остается только реализировать вызванныя имъ представленія.

И дѣйствительно, по указанію Брэма, горилы въ тропическихъ мало тѣнистыхъ лѣсахъ Африки строятъ себѣ навѣсы изъ длинныхъ пальмовыхъ листьевъ.

Первый опытъ пользованія подобной постройкою могъ быть даже непреднамѣреннымъ: взрослыя обезьяны могли набросать, случайно запутавшіеся и повисшіе въ видѣ навѣса, листья, срывая ихъ съ дерева просто потому, что они мѣшали какимъ либо ихъдѣйствіямъ, молодыя обезьяны могли срывать листья играя и, точно такъ же играя, могли случайно устроить навѣсъ, тѣнью котораго горилы воспользовались.

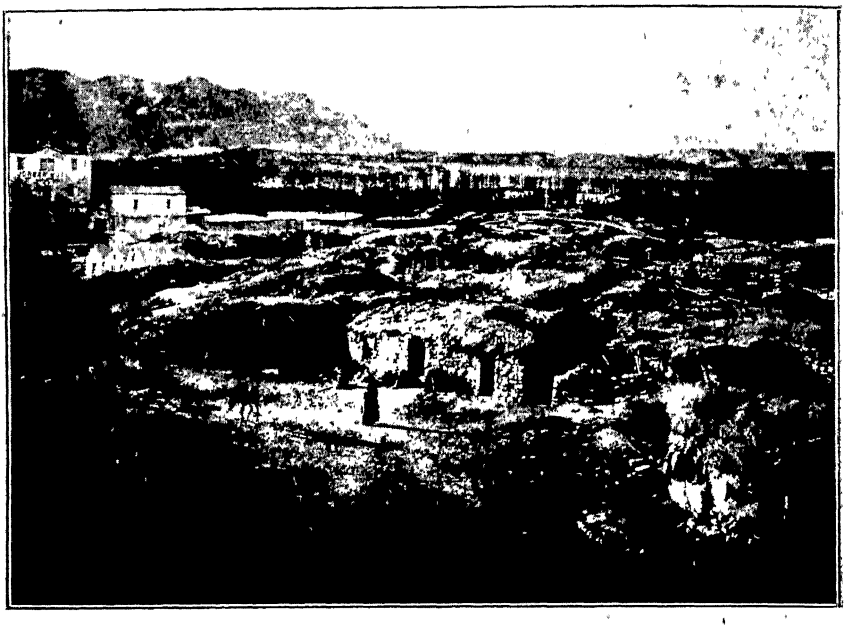
Впослѣдствіи образъ этого навѣса, такъ же какъ и воспоминаніе о всей процедурѣ его постройки, могъ быть автоматически вызванъ въ сознаніи горилы вліяніемъ игры инстинктивнаго чувства, и вторичная, уже преднамѣренная, постройка навѣса могла явиться слѣдствіемъ простого подражанія, къ которому такъ склонны обезьяны.

Ежели можно отнести къ инстинкту способность обезьянъ устраивать себѣ подобное жилище изъ пальмовыхъ вѣтвей, то нѣтъ основанія относить къ чисто интелектуальнымъ способностямъ, совершенно схожую съ обезьяньею, строительную изобрѣтательность первобытнаго человѣка.

Тайлоръ разсказываетъ про нагихъ дикарей бразильскаго племени пури, что „жилища ихъ представляютъ даже не шалаши, но просто наклонныя кровли изъ ряда громадныхъ пальмовыхъ листьевъ“ *). Слѣдовательно, и матеріалъ и способъ постройки этого первобытнаго жилища человѣка въ своихъ главныхъ чертахъ тѣ же, что у африканскихъ обезьянъ. Путемъ малыхъ измѣненій, удержавшихся вслѣдствіи своей полезности, это инстинктивное искуство человѣка могло постепенно развиваться и, подъ вліяніемъ органическихъ инстинктовъ человѣка, достичь, наконецъ, той высоты, на которой оно стоитъ въ настоящее время.

Жилища тропическихъ странъ служатъ главнымъ образомъ для затѣненія или для охлажденія организма. D-r Гюставъ Ле-Бонъ приводитъ интересное описаніе Коста (Coste) шатровъ кочевыхъ арабовъ: „Всѣ эти шатры низки, стоятъ прямо можно лишь въ ихъ центрѣ. Шатры всегда имѣютъ четыре угла, они никогда не бываютъ круглыми; ихъ можно закрывать со всѣхъ сторонъ, но обыкновенно сѣверную сторону оставляютъ открытою для того, чтобы пользоваться прохладою вѣтра, дующаго съ этой стороны“. Какъ ни просто это жилище, оно, очевидно, много усовершенствовалось сравнительно съ первобытнымъ навѣсомъ дикарей; прослѣдить шагъ за шагомъ его развитіе мы не

*) Тайлоръ. Антропологія, стр. 228.



Іерихонъ. Примитивныя жилища туземцевъ (по фотографіи)

имѣемъ возможности. Во всякомъ случаѣ, это постепенное развитіе, длившееся много тысячелѣтій, не требовало отъ человѣка особой геніальности, хотя, быть можетъ, и свидѣтельствуетъ о многихъ его страданіяхъ, т. е. свидѣтельствуетъ о развитіи и объ осложненіи инстинктивной дѣятельности арабовъ. Основной инстинктъ постройки кочевого шатра остался тѣмъ же, къ нему присоединились еще другіе, главнымъ образомъ термическіе инстинкты—регуляторы повышенія и пониженія температуры тѣла. Теперь „ихъ (т. е. шатры кочевыхъ арабовъ) дѣлаютъ изъ полотенъ, сотканныхъ изъ козьей и изъ верблюжьей шерсти. Дождь и роса скользятъ по этой ткани, никогда не проникая внутрь, и она ограждаетъ такимъ образомъ отъ ненастья, отъ вѣтра и отъ солнца“ *), тогда какъ бѣдные бразильскіе дикари во время ненастья должны покидать свои навѣсы, расположенные на вѣтвяхъ деревьевъ, и, дрожа отъ стужи, грѣться у разложенныхъ на землѣ костровъ.

Постоянныя жилища небогатыхъ осѣдлыхъ арабовъ въ общемъ сохранили главныя черты этого шатра кочевниковъ, хотя и строятся изъ совершенно иного матеріала, а именно—изъ кирпича, высушеннаго на солнцѣ. „Надо посѣтить нѣкоторыя деревни Сиріи, Алжира и Марокко, чтобы видѣть эти бѣлые четыреугольные дома съ терасами, они имѣютъ форму куба“, т. е. они четыреугольны, какъ и шатры кочевниковъ. Они не высоки, „очень узкое отверстіе замѣняетъ входъ. Дома бѣднѣйшихъ фелаховъ имѣютъ только одно отверстіе—дверь“ **). Геній или изобрѣтательность, очевидно, менѣе проявились

*) Gustave Le Bon, La Civilisation des Arabes, стр. 358.
**) Тамъ же, стр. 366.

въ этихъ постройкахъ, чѣмъ упорная устойчивость органическихъ инстинктовъ. Гнѣзда птицъ, по наблюденіямъ натуралистовъ, совершенствуются съ теченіемъ времени, но постройки фелаховъ нашихъ дней остались тѣми же, что были во времена древнѣйшихъ египтянъ, т. е. сохранили свои характерныя черты до подробности болѣе шести тысячъ лѣтъ, быть можетъ, 10 или 12 тысячелѣтій.

Проф. Г. Масперо указываетъ на то, что первые египтяне были полудикимъ народомъ. „Ихъ дома,—говоритъ онъ,—точно такъ же какъ и дома фелаховъ въ наши дни, были просто низкія мазанки, построенныя изъ плетней, набитыхъ землею, или изъ кирпича, сушенаго на солнцѣ. Они заключали единственную комнату продолговатую или квадратную, ихъ стѣны не имѣли иныхъ отверстій, кромѣ единственной двери *).

2. Зимнее жилище.

Холодъ, пробуждая другой термическій инстинктъ, точно также заставляетъ животныхъ искать убѣжища или покрова.

„Простѣйшая форма зимняго жилища—пещера“, говоритъ Липпертъ **). „Скитающіеся дикари на Аландскихъ островахъ идутъ на морской берегъ, гдѣ они подъ какимъ-нибудь нависшимъ и защищающимъ ихъ отъ вѣтра утесомъ вырываютъ себѣ углубленіе для лежанія. Въ углубленіяхъ подъ утесами скрывались и древніе дикари Европы, какъ это доказываютъ кости, отколотые куски кремня и другіе остатки, находимые въ почвѣ такихъ мѣстъ“. Тайлоръ замѣчаетъ, что пещеры являются готовыми домами какъ для звѣря, такъ и для человѣка.

Отсутствіе подобныхъ готовыхъ домовъ должно было вызвать у обитателей болѣе холодныхъ мѣстностей развитіе строительныхъ инстинктовъ.

Инстинктивное желаніе скрыться въ пещеру, тщетные ея поиски и продолжающееся вліяніе холода, вызывая описанную игру асоціацій, привели животныхъ къ выкапыванію норъ или логовищъ.

Объективная цѣль этой работы могла быть даже внѣ сознанія животнаго, ему могла являться лишь одна ближайшая субъективная цѣль, а именно желаніе пещеры, желаніе норы или логовища, превратившееся впослѣдствіи въ желаніе произвести то дѣйствіе, результатомъ котораго они являются, т. е. въ желаніе рыть яму. Какимъ способомъ совершалось такое превращеніе—я полагаю—ясно изъ предыдущаго, достаточно указать на то, что желаніе рыть нору или логовище, какъ остатокъ древняго инстинкта, сохранился до нашихъ дней у нашей домашней собаки, не имѣющей болѣе надобности въ логовищѣ. Собаки часто старательно копаютъ ямы и портятъ этимъ безцѣльнымъ упражненіемъ наши дворы и сады, доказывая, что онѣ еще желаютъ рыть логовище, онѣ даже ложатся въ вырытыя углубленія, а также царапаютъ полъ въ комнатахъ, скребутъ мебель или свои постели передъ тѣмъ, чтобъ улечься, хотя не производятъ даже углубленія, но только портятъ вещи такою нецѣлесообразною работою.

Всѣ эти эмоціональныя дѣйствія собакъ можно разсматривать, какъ

*) G. Maspero, Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. Egypte, стр. 53.

**) Липпертъ. Исторія Культуры, стр. 120.

переживанія, т. е. какъ проявленія остатковъ древнихъ инстинктовъ, утратившихъ всякій смыслъ и значеніе. Мнѣ случилось видѣть, какъ собака вырыла себѣ логовище въ песчаномъ обрывѣ и старалась укрыться въ немъ отъ одолѣвающихъ ее оводовъ. Фактъ этотъ показываетъ, во-первыхъ, что инстинктивныя переживанія могутъ, при соотвѣтствующихъ условіяхъ, съ пользою возродить угасшіе инстинкты и, во-вторыхъ, что разнообразные инстинкты соединяются въ строительной дѣятельности животныхъ.

Дарвинъ замѣчаетъ, что „многіе млекопитающія и птицы постоянно селятся въ норахъ, выкопанныхъ другими видами, но если не находятъ готоваго жилья, то копаютъ свое собственное“ *).

„Несомнѣнно, — ни что иное, какъ недостатокъ готовыхъ пещеръ, удобныхъ для жилья, побудилъ человѣка въ свое время къ искусственному устройству такихъ жилищъ“,—говоритъ Липпертъ объ искусственныхъ пещерахъ.

Развивающіеся и осложняющіеся инстинкты людей превратили впослѣдствіи эти норы въ землянки. „Древнія шотландскія подземельныя жилища или weems (т. е. пещеры) содержатъ отдѣльныя каморки изъ необдѣланныхъ камней и напоминаютъ археологамъ разсказъ Тацита о погребахъ, которые рыли древніе германцы, накрывая ихъ сверху грязью; здѣсь они сохраняли свой зерновой хлѣбъ и сами искали убѣжища отъ холода, а во время войны и отъ непріятеля“ **).

„Еще въ прошломъ столѣтіи крестьяне въ Фирманкенѣ (Норвежская Лапландія) строили свои хижины ради теплоты по большей части подъ землей. Въ холодномъ климатѣ и особенно въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ лѣсомъ, эти жилища нѣкогда были очень распространены. Ксенофонтъ нашелъ такія подземельныя жилища въ Арменіи, гдѣ еще до сихъ поръ попадаются ихъ слѣды; другіе говорятъ, что они были употребительны у скиѳовъ“ ***) и т. д.

Страданія вслѣдствіи холода или вслѣдствіи жара отъ простѣйшихъ инстинктивныхъ дѣйствій привели, наконецъ, человѣка къ постройкѣ двоякаго типа жилищъ: лѣтняго и зимняго; естественнымъ прототипомъ перваго было дерево, прототипомъ второго—пещера.

„Эндрю Смитъ сообщаетъ мнѣ, говоритъ Дарвинъ,—что въ пустыняхъ Африки гіены живутъ въ логовищахъ, но въ мѣстностяхъ населенныхъ прячутся въ норы“ ****). Въ этомъ примѣрѣ видно вліяніе другихъ инстинктовъ, кромѣ термическихъ, на двойственность типа жилищъ.

„Не далѣе, какъ сто лѣтъ тому назадъ, можно было встрѣтить у эскимосовъ въ Гренландіи, если не самые древніе способы постройки, то, во всякомъ случаѣ, древнее поперемѣнное пользованіе лѣтнимъ и зимнимъ жилищемъ“ *****)...

„Нѣкоторыя племена старой Калифорніи зимой пользовались землянками, а лѣтомъ имъ достаточно было простой ширмы изъ хвороста“. Мы уже говорили, что горожане переселяются лѣтомъ на дачи, а нѣкоторые крестьяне изъ одной избы въ другую.

---

*) Дарвинъ. Инстинктъ, стр. 21.
**) Тайлоръ. Антропологія, стр. 230.
***) Липпертъ. Исторія Культуры, стр. 120.
****) Дарвинъ. Инстинктъ, стр. 21.
*****) Липпертъ. Исторія Культуры, стр. 118.

3. Строительное искуство и красота въ архитектурѣ.

Какъ бы высоко ни стояла современная архитектура, какъ причудливы ни казались бы намъ условія ея красоты, пристрастіе къ нѣкоторымъ формамъ и украшеніямъ, не имѣющимъ никакого практическаго смысла, можно объяснить только переживаніями инстинктивныхъ стремленій, когда-то служившихъ для сохраненія жизни, но утратившихъ теперь всякое значеніе, подобно тому, какъ утратило значеніе, до сихъ поръ сохраняющееся у собаки, стремленіе рыть ямы и царапать свое ложе. Что такое, дѣйствительно, красота въ архитектурѣ? Что такое—наше влеченіе къ этой красотѣ, отъ котораго не свободенъ даже самый практичный и самый разсудительный янки?

Всѣ люди украшаютъ свои жилища и постройки; всѣ, будь это расчетливый бѣднякъ, ставящій рогъ на крышѣ покачнувшейся избы, или неприхотливый аскетъ, украшающій свою святыню.

Нѣкоторыя зданія—изъ самыхъ роскошныхъ—строятся иногда безъ всякой практической цѣли, служа единственно эстетическимъ стремленіямъ человѣка. Всевозможные колоны, карнизы, ниши, кронштейны, рѣзьба и лѣпныя работы, съ утилитарной точки зрѣнія никому не нужныя, покрываютъ дома и строенія современныхъ городовъ; на нихъ затрачиваются, отнятыя у другихъ жизненныхъ потребностей, суммы, и кромѣ того много спеціальныхъ знаній, усилій и труда; но, если мы спросимъ кого-нибудь—зачѣмъ онъ расходуется на ненужныя украшенія, мы получимъ отвѣтъ, что всѣ такъ дѣлаютъ, потому что это необходимо. хотя и безполезно, что кромѣ матеріальныхъ у человѣка есть потребности духовныя. Какъ будто бы духовныя потребности должны быть непремѣнно непонятными и безполезными и не служатъ, какъ всякія другія, цѣлямъ сохраненія жизни. Дѣйствительно: не единымъ хлѣбомъ будетъ живъ человѣкъ; но архитектурныя украшенія и красоты нисколько не служатъ для цѣлей жизни, а потому никто и не умѣетъ выяснить приписываемаго имъ духовнаго значенія.

Я какъ-то спросилъ преподавателя одной изъ европейскихъ консерваторій: чѣмъ у нихъ объясняютъ красоту музыкальнаго произведенія, т. е. вліяніе музыки на чувство или настроеніе человѣка? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что теорія музыки этого вопроса почти не касается, такъ какъ онъ до сего времени недостаточно выясненъ, но что нѣкоторые критики сравниваютъ музыкальное произведеніе съ архитектурнымъ, дѣйствующимъ, будто бы, на человѣка гармоническими пропорціями формъ, и въ подобныхъ же гармоническихъ пропорціяхъ видятъ причину красоты мелодіи. То же повторяется въ академіяхъ для объясненія красоты архитектурной, но только въ обратномъ порядкѣ: надлежащее сочетаніе архитектурныхъ формъ дѣйствуетъ подобно гармоническому сочетанію звуковъ; „въ этомъ смыслѣ архитектуру очень удачно называютъ окаменѣлой музыкой“, говоритъ одинъ знатокъ архитектуры. Въ общемъ же оказывается, что гармонію звуковъ объясняютъ красотою формъ, а красоту формъ гармоніею звуковъ. Дѣло отъ подобнаго объясненія нисколько, конечно, не выигрываетъ.

Въ наши дни, благодаря любимымъ сравненіямъ, основаннымъ на неестественныхъ ассоціаціяхъ, эстетики дошли, наконецъ, до того, что говорятъ о цвѣтистой мелодіи, о зеленомъ шумѣ, о фугѣ строенія, о звучности колорита и т. д., вслѣдъ за психопатами, слышащими желтое *a* и рисующими треугольную пятницу.

Понятіе о красотѣ въ дѣйствительности не представляетъ ничего абсолютнаго и мѣняется вмѣстѣ со вкусами, какъ будто теряя всѣ свои прочіе признаки. Красота, очевидно, зависитъ отъ вкусовъ, вкусы же, какъ мы это видѣли, представляютъ собою нѣкоторый видъ желаній, а желанія являются слѣдствіемъ инстинктовъ.

Вкусы могутъ зависѣть отъ инстинктовъ, дѣйствующихъ въ настоящее время, или же—являться переживаніями, т. е. зависѣть отъ уцѣлѣвшихъ остатковъ инстинктовъ нашихъ предковъ, утраченныхъ нами, вслѣдствіе измѣнившихся условій жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ выродившихся инстинктовъ въ насъ уцѣлѣли одни только непонятныя намъ самимъ и безполезныя влеченія или вкусы, эти инстинктивныя чувства опредѣляютъ не жизненныя, но только эстетическія достоинства объектовъ,—опредѣляютъ чистую красоту. „Къ чести человѣчества, слѣдуетъ замѣтить, что ему трудно отрѣшиться совсѣмъ отъ художественныхъ потребностей и потому даже въ самыхъ простѣйшихъ зданіяхъ мы видимъ присутствіе эстетическаго элемента“, говоритъ одинъ изъ фанатиковъ эстетики.

Лѣсъ и пещеры привлекали нашихъ предковъ во времена младенчества человѣчества подъ свой заманчивый кровъ, служившій естественнымъ жилищемъ человѣка. Къ чести или не къ чести человѣчества, но до нашихъ дней мы сохранили къ этимъ двумъ типамъ первобытнаго жилища инстинктивное или эстетическое влеченіе; мы до сихъ поръ подражаемъ въ своихъ постройкахъ этимъ формамъ природы и находимъ въ такомъ подражаніи удовлетвореніе своимъ темнымъ эстетическимъ стремленіямъ. Идеалы той красоты, которой мы слѣпо поклоняемся и которую превозносимъ, сами не зная за что, заложены въ глубинѣ нашего организма, унаслѣдованнаго нами отъ звѣроподобныхъ, быть можетъ, предковъ, жизнью которыхъ они были выработаны, переданы вмѣстѣ съ формами организмовъ потомству и сохранялись поколѣніями людей въ теченіе десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ тысячелѣтій.

Прихотливые вкусы, которыми мы теперь обладаемъ, не зная сами зачѣмъ и почему, были нѣкогда насущнѣйшими органическими потребностями нашихъ предковъ, желаніями или стремленіями ихъ цѣлесообразныхъ инстинктовъ, нецѣлесообразные обломки которыхъ сохраняются нами въ качествѣ чувства красоты, влеченія къ искуству и прочихъ эстетическихъ потребностей. Формы современной красоты сохраняютъ въ себѣ тѣ представленія и образы, которые нѣкогда, вызванные инстинктами, являлись сознанію первобытныхъ людей, опредѣляя ихъ инстинктивныя желанія. Эти образы запечатлѣлись въ строеніи нервнаго механизма человѣка, онъ узнаетъ ихъ и теперь, какъ только увидитъ, онъ любитъ ихъ, поклоняется имъ и называетъ ихъ своимъ божествомъ—красотою.

Эти образы, или ихъ схематическія воспроизведенія, будь они зрительные или слуховые, не обладая ни особенною энергіею, ни разумнымъ

значеніемъ, дѣйствуютъ непосредственно на скрытые анатомическіе двигатели, приспособленнаго вѣками къ нимъ, нервнаго механизма, и автоматически приводятъ его въ дѣйствіе. Поэтъ говоритъ:

Есть рѣчи—значенье
Темно и ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.
Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья!.. и т. д.

И Лермонтовъ увѣряетъ, что онъ „узнаетъ повсюду" такое„—изъ пламя и свѣта рожденное, слово", котораго толпа, будто бы, не понимаетъ. Ежели реакція на красоту дѣйствительно сильнѣе у поэтовъ, чѣмъ у нормальныхъ людей, то, конечно, послѣдніе на нее, хотя и слабѣе, но все-таки реагируютъ, иначе оказались бы невозможными ни общепонятное искуство, ни общепризнанные художники. Но вѣдь толпа, быть можетъ, и не понимая за что, все-таки прославляетъ поэтовъ, художниковъ и всякихъ артистовъ; поклоняется красотѣ, какъ таинственной, но ощущаемой силѣ, называетъ ее даже „божественною" и старается видѣть въ ней проявленіе истины или духа, благодаря той непонятной власти красоты, которую невольно на себѣ испытываетъ.

Эстетики называютъ безцѣльное служеніе красотѣ одной изъ самыхъ достойныхъ и даже, иногда, „святыхъ" обязанностей человѣчества, хоть часто, служа ей, дѣлаютъ то же самое, что дѣлаетъ собака, царапая диванъ или полъ, прежде чѣмъ на немъ улечься. Способность къ такимъ поступкамъ называютъ талантомъ, дарованіемъ, ниспосланнымъ свыше, а иногда геніемъ, т. е. проявленіемъ высшаго развитія ума и духа человѣческихъ. Значеніе всѣхъ этихъ эпитетовъ, конечно, темно и ничтожно, но имъ вѣрятъ, потому что они соотвѣтствуютъ человѣческимъ инстинктивнымъ стремленіямъ, потому что настоящей красотѣ, талантливымъ поэтамъ, художникамъ и артистамъ, дѣйствительно,

... безъ волненья
Внимать невозможно.

Конечно, искуство современнаго архитектора требуетъ нѣкотораго знанія, т. е. научной подготовки; интелектуальная дѣятельность играетъ въ немъ болѣе значительную роль, но все-таки основы этого искуства тѣ же, что и основы искуства горилъ и дикарей: они заключаются въ стремленіяхъ безсознательнаго органическаго происхожденія, вызванныхъ термическими инстинктами человѣка, и современная архитектура выросла изъ первоначальныхъ инстинктивныхъ дѣйствій, представляя собою нѣкоторую, въ настоящее время высшую степень ихъ развитія, а вовсе не что-либо особое—„возвышенное, неземное и свободное", какъ почему-то часто называютъ всякое человѣческое искуство безсознательные поклонники собственныхъ инстинктовъ.

Человѣку кажется свободнымъ все то, что возникаетъ въ его сознаніи непреднамѣренно, какъ бы самопроизвольно, т. е. невѣдомо откуда и невѣдомо зачѣмъ. Мы видѣли, что такъ возникаютъ въ сознаніи инстинктивныя желанія и образы воспоминанія, вызванные инстинктомъ, свидѣтельствующіе совсѣмъ не о свободѣ сознанія, но о строгомъ его подчиненіи нашему организму, свидѣтельствующіе о

власти организма, которому служитъ сознаніе и въ служеніи которому заключается весь смыслъ его свободы.

Въ сознаніи художника-архитектора, какъ бы, самопроизвольно возникаютъ образы построекъ и зданій, соотвѣтствующихъ „свободнымъ“ вкусамъ людей, т. е. ихъ инстинктивнымъ желаніямъ. Воспроизводя эти образы въ чертежахъ и въ натурѣ, художникъ совершаетъ такія же инстинктивныя дѣйствія, какія производитъ обезьяна, когда она собираетъ пальмовые листья и набрасываетъ навѣсъ подъ вліяніемъ, какъ бы, самопроизвольно возникшихъ въ ея сознаніи образовъ, подъ вліяніемъ игры желаній и асоціацій, вызванныхъ ея термическими инстинктами.

Ежели постройки, обдуманныя архитекторами, гораздо болѣе сложны и ежели дѣятельность архитекторовъ требуетъ извѣстнаго развитія и техническихъ знаній, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, будто онѣ не инстинктивны. Вспомнимъ слова Пуше.—что животныя, обладающія самыми замѣчательными инстинктами, принадлежатъ въ то же время къ самымъ умнымъ.

Первобытнымъ жилищемъ человѣка были лѣсъ и горныя пещеры, —лѣса и горы дали художественному зодчеству прототипы формъ той красоты, которая такъ обаятельно и таинственно дѣйствуетъ на человѣческія чувства въ архитектурѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Періодъ докультурной жизни человѣка былъ несравненно продолжительнѣе періода его культурной жизни; послѣдній представляетъ собою ничтожество въ сравненіи съ океаномъ вѣковъ дикаго состоянія доисторическаго человѣчества.

Было бы неосновательно предполагать, что въ современныхъ представителяхъ цивилизованныхъ народовъ не осталось никакого слѣда тѣхъ психическихъ основъ, которыя выработала многовѣковая однообразная жизнь дикарей, ихъ предковъ, и которыя они унаслѣдовали отъ своихъ доисторическихъ предковъ вмѣстѣ съ физической организаціею.

Лѣсъ долженъ былъ дѣйствовать обаятельно на чувства человѣка-звѣря, обитателя доисторическихъ лѣсовъ. Въ немъ находилъ онъ необходимую для жизни прохладу, покровъ, пищу и спасеніе отъ преслѣдованія враговъ. Лѣсъ, удовлетворяя большей части его инстинктовъ, доставлялъ ему большинство наслажденій.

Томилъ ли его зной или голодъ, преслѣдовалъ ли сильный врагъ или непогода, усталость или болѣзнь настигали его въ открытой степи, безпокойный взоръ нашего отдаленнаго предка долженъ былъ искать крова, и инстинктивная тревога, овладѣвавшая его сознаніемъ, не могла опредѣлиться иначе, какъ чрезъ образное представленіе лѣса, этого единственнаго его пріюта и убѣжища. Онъ вынужденъ былъ невольно искать лѣса, желать лѣса и любить лѣсъ. Видъ отдаленнаго лѣса, очертанія его формъ, соотвѣтствуя образамъ воспоминанія— опредѣлителямъ желаній—направляли движенія дикаря и, удовлетворяя его стремленіямъ, должны были доставлять ему интенсивное психическое наслажденіе. И эта постоянная асоціація наслажденія съ формами всегда желанныхъ очертаній лѣса, изо-дня въ день повторяясь въ теченіи, быть можетъ, множества тысячелѣтій, закрѣпилась, наконецъ, органически и перешла къ потомству вполнѣ готовою, доопытною, т. е. постоянною принадлежностью врожденныхъ инстинктовъ человѣка.

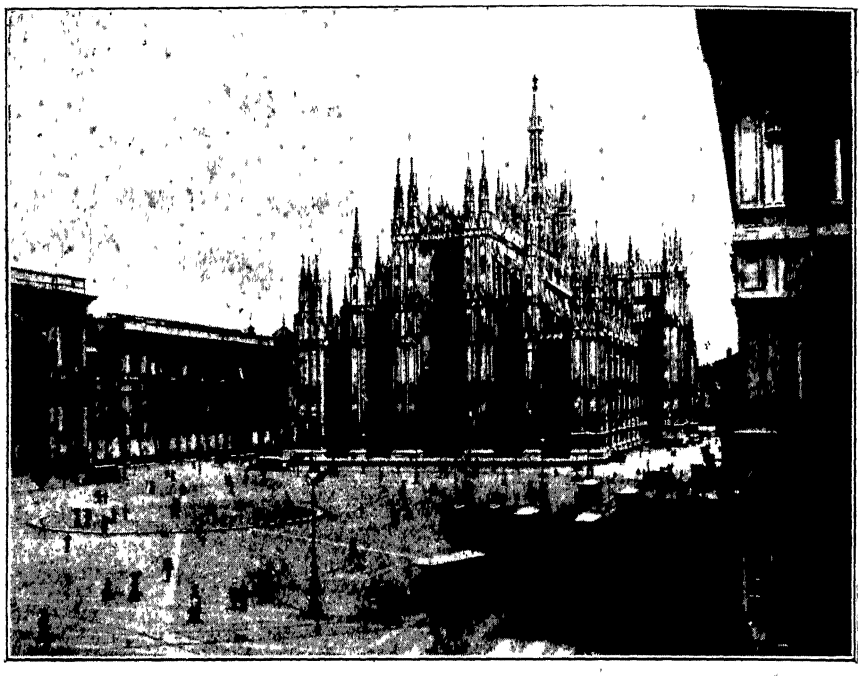
Но со временемъ условія жизни измѣнились: человѣкъ покинулъ свое многовѣковое постоянное убѣжище, переселился въ искуственныя жилища и успѣлъ къ нимъ привыкнуть. Спасаясь отъ врага или отъ ненастья, онъ не бѣжитъ болѣе въ лѣсъ, но направляется къ своему селенью. Инстинкты его измѣнились, но органическія асоціаціи очертаній лѣса или нѣсколько схематизированныхъ и измѣненныхъ воображеніемъ его образовъ съ чувствомъ наслажденія еще не разрушились и каждый разъ, какъ только подобныя формы или искуственныя схемы представляются взору человѣка, онъ испытываетъ непонятное ему наслажденіе, необъяснимое влеченіе къ такимъ формамъ, непостижимую любовь къ такимъ схемамъ или къ ихъ воспроизведенію. Будучи замѣченными, эти властные надъ человѣческою душею влеченія заставляютъ его предполагать скрытую, таинственную силу въ самихъ объектахъ, столь интенсивно и неожиданно дѣйствующихъ на его чувства, заставляютъ населять эти объекты невидимыми очарователями и божествами, приписывать имъ духовную высшую субстанцію, называть ихъ красотою и поклоняться имъ, какъ богамъ.

Психическія переживанія, осколки древнихъ утраченныхъ инстинктовъ сохранили людямъ ихъ первобытное стремленіе къ первобытнымъ формамъ жилища.

Такое безполезное, наслѣдственное стремленіе мы называемъ эстетическимъ чувствомъ, которое признаемъ безкорыстнымъ, вѣроятно, въ силу его безполезности, а по необъяснимости его началъ и власти надъ нашимъ умомъ мы считаемъ его за свободное, возвышенное, за святое чувство, за даръ небесъ и проч.

Формы и объекты такихъ безсознательныхъ стремленій мы называемъ изящными формами или красотою; воспроизведеніе такихъ формъ—изящнымъ искуствомъ; схематическое воспроизведеніе формъ давно покинутыхъ человѣчествомъ жилищъ въ постройкахъ современныхъ мы называемъ изящною архитектурою, т. е. тѣмъ, что составляетъ красоту въ зодчествѣ.

Племена, неимѣющія архитектуры, или до ея возникновенія, выражаютъ вліяніе лѣса на ихъ нравственное чувство его обоготвореніемъ. Они поклоняются лѣсу, населяютъ его своими богами и избираютъ его мѣстомъ своихъ богослуженій, т. е. превращаютъ его въ храмъ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ искуства и эстетики, воздвигаемый человѣкомъ храмъ превращается въ искуственный лѣсъ. Дворы, залы и аванзалы, въ которыхъ собирались молящіеся, въ древне-египетскихъ храмахъ состояли изъ сплошныхъ колонадъ, иногда, очевидно, изображавшихъ собою пальмовыя рощи, потолки этихъ залъ представляли небо, на нихъ были изображены звѣзды или фигуры созвѣздій. Можно предполагать, что эта архитектурная форма возбуждала религіозное настроеніе египтянъ, предки которыхъ привыкли жить и молиться въ лѣсахъ. Подобныя же или весьма близкія архитектурныя формы храмовъ мы встрѣчаемъ въ Финикіи, въ Индіи, въ Греціи и во всѣхъ другихъ культурныхъ странахъ древняго міра. Здѣсь колонады составляютъ, какъ бы, атрибуты религій, впослѣдствіи же, воспроизводимыя въ иныхъ частныхъ или общественныхъ строеніяхъ, онѣ становятся принадлежностью искуства, религіозный лѣсъ превра-



Миланскій соборъ.

щается въ лѣсъ эстетическій, хотя никогда не перестаетъ быть украшеніемъ храмовъ.

Древніе греческіе храмы представляютъ собою, точно такъ же какъ и древне-египетскіе, подобіе пальмовыхъ рощъ, т. е. состоятъ изъ множества колонъ, расположенныхъ рядами. Тѣ же безконечныя колонады находимъ мы въ базиликахъ древняго языческаго Рима, а впослѣдствіи также и въ христіанскихъ базиликахъ, въ портикахъ храмовъ или общественныхъ зданій. Въ настоящее время особенно замѣчательны наружныя колонады собора св. Петра или внутреннія собора св. Павла въ Римѣ. Формы эти распространились далеко на сѣверъ; такъ что въ наши дни мы находимъ почти во всѣхъ большихъ городахъ Европы и даже въ Петербургѣ, иногда мало понятныя для сѣверянина, колонады, какъ традиціонныя архитектурныя формы красоты многихъ домовъ, театровъ и соборовъ.

Архитектура древне-египетскихъ храмовъ привилась въ Греціи, въ Римѣ и распространилась, наконецъ, на всю Европу вмѣстѣ съ заимствованною у древнихъ народовъ цивилизаціею. Эти каменныя пальмовыя рощи достигли до насъ, хотя совсѣмъ не соотвѣтствуютъ нашему суровому климату. Сѣверъ, путемъ собственнаго естественнаго творчества, гораздо позднѣе создалъ готическій стиль въ подражаніе своему родному сѣверному лѣсу.

Взгляните на Миланскій, на Реймскій, на Кельнскій соборы! Это невѣроятное множество, какъ иглы, тонкихъ шпицевъ, прихотливо покрытыхъ мелкимъ, кружевнымъ узоромъ; какъ будто

окаменѣвшія отъ старости, гигантскія ели тонутъ своими вершинами въ воздушной синевѣ и, постепенно расширяясь книзу, сплетаются каменными узорчатыми вѣтвями въ одну сплошную непроницаемую масу; стволы ихъ тѣсно смыкаются въ обширныя групы колонъ, между которыми подъ сводами каменныхъ узоровъ вы входите, будто, въ прохладную сѣнь дремучей сѣверной рамени. Эти остроконечныя узорчатыя башни и башенки, какъ бы борясь другъ съ другомъ въ своемъ стремленіи къ небу, не представляютъ ли въ общемъ очевиднаго подобія нашихъ сѣверныхъ дебрей, нашихъ непроходимыхъ хвойныхъ лѣсовъ, гдѣ вершины деревьевъ, какъ будто, дѣйствительно борятся другъ съ другомъ въ своемъ естественномъ стремленіи къ свѣту? Ихъ вѣтви рисуютъ на небѣ узоръ вполнѣ аналогичный каменному узору великолѣпныхъ готическихъ соборовъ, онѣ точно такъ же капризно сплетаются въ одну гигантскую масу, образуя прихотливыя выступы, башни и башенки, входныя арки надъ лѣсными тропинками и лѣпные узоры вѣтвей на стѣнахъ сплошной зелени. Они точно также населены звѣрями, которыхъ фантазія и архитекторовъ превратила въ удивительныя чудовища, тутъ и тамъ выглядывающія изъ подъ каменныхъ вѣтвей дремучаго каменнаго лѣса. Но это лѣсъ сѣверный, лѣсъ создавшій и воспитавшій наши инстинкты, а потому болѣе мертвыхъ колонадъ понятный нашему сѣверному эстетическому чувству, болѣе намъ близкій и болѣе соотвѣтствующій инстинктивнымъ стремленіямъ сѣверянина. Кому случалось ночами ѣздить по хвойному лѣсу, тотъ знаетъ полную иллюзію готическихъ замковъ и храмовъ, которую производятъ отдѣльныя групы деревьевъ, свидѣтельствуя сходство своихъ очертаній съ главными и самыми общими формами готики. Романскій стиль, изъ котораго развился впослѣдствіи готическій, въ большей части своихъ памятниковъ неуклюжъ и безвкусенъ. Онъ сохраняетъ слѣды предшествовавшихъ ему деревянныхъ построекъ: прямые углы, плоскія стѣны, коробкообразную форму. Онъ давитъ своею ненужной масивностью, своею антиэстетическою-практичностью. Художникъ еще не въ силахъ справиться съ матерьяломъ постройки и матерьялъ этотъ царитъ надъ мыслью художника, матерьялъ создаетъ формы, а не мысль, одухотворенная инстинктивнымъ стремленіемъ къ идеаламъ позабытаго прошлаго. Это еще не храмъ, не созданіе искуства,—это просто домъ; но домъ громадный, потому что онъ предназначенъ не для человѣка, но для Великаго Духа. Стѣны этого дома масивны и толсты, онѣ даже слишкомъ толсты, потому что архитекторъ еще недостаточно знакомъ со свойствами своего матерьяла, онъ еще не ученый, какъ и не артистъ. Онъ не виртуозъ, какимъ сдѣлаетъ его впослѣдствіи готика, онъ пока только неумѣлый и робкій ученикъ. Но и во времена господства неуклюжаго романскаго стиля идеалы готической красоты уже давно существуютъ въ инстинктахъ толпы и, иногда, то здѣсь, то тамъ робко проявляются, выглядывая изъ неуклюжихъ формъ романскаго стиля; но нѣтъ еще человѣка, который сумѣлъ бы осуществить этотъ идеалъ въ зодчествѣ, оживить, вылить его въ каменныхъ формахъ, выяснить и представить очарованному взору народовъ, которые сразу узнаютъ, давно знакомую ихъ тайнымъ инстинктивнымъ стремленіямъ, красоту.

Художникъ не создаетъ красоты, онъ только ее проявляетъ въ

воображеніи, или—вѣрнѣе — въ представленіи человѣка черезъ матерію, какъ проявляетъ фотографъ рисунокъ, написанный самою природою, на свѣточувствительной пластинкѣ. Онъ только матеріализуетъ тѣ чувства, тѣ стремленія, которыя живутъ и жили до него въ душѣ каждаго, способнаго узнать красоту, человѣка. Въ его произведеніяхъ, творческій геній даетъ лишь тѣло тому, что и безъ него существовало, хотя и не имѣло еще тѣлесной оболочки. Никто никогда не признаетъ такой красоты, къ которой бы не имѣлъ стремленія раньше, чѣмъ встрѣтилъ ея матерьяльныя формы; и артистъ, создающій никого не привлекающія формы субъективной красоты, создаетъ только уродство—онъ не художникъ. Дѣйствительный артистъ долженъ обладать въ высшей степени интенсивными и нормальными инстинктами толпы, онъ долженъ развивать ихъ въ себѣ, оживлять ихъ смутныя стремленія до ясности галюцинацій и воспроизводить эти галюцинаціи точно и отчетливо, чтобы всѣ въ нихъ узнали и поняли мельчайшія подробности тѣхъ стремленій, которыя лишь туманно рисуются чувствамъ толпы И тогда толпа узнаетъ красоту и будетъ ей поклоняться. И только того художника, который умѣетъ въ точныя, осязательныя, яркія формы вылить смутныя стремленія толпы, толпа называетъ талантомъ и геніемъ.

Интенсивность и опредѣленность инстинктивныхъ стремленій, вмѣстѣ съ умѣніемъ ихъ объективировать, матерьялизовать и представить постороннимъ взорамъ—являются основными свойствами художественнаго творчества. Художникъ по природѣ превосходитъ людей не умомъ, не нравственными качествами, но только силой и опредѣленностью племенныхъ инстинктивныхъ стремленій. Въ этой силѣ и опредѣленности заключается вся тайна дарованія или таланта. Техника, т. е. умѣнье выразить въ матерьяльныхъ формахъ и передать другимъ свои инстинктивныя стремленія, пріобрѣтается трудомъ и наукою, она доступна очень многимъ, если не всѣмъ; но обладающій одною техникою никогда не будетъ художникомъ-творцомъ, онъ только—хорошій ремесленникъ.

Художникъ. обладающій хотя бы и сильными инстинктами, но стремленія которыхъ онъ не умѣетъ опредѣлить самому себѣ образно и ярко, не можетъ имѣть никакого вліянія на толпу, потому что даже виртуозность его техники не будетъ въ состояніи выяснить людямъ того, что недостаточно ясно для самого художника. Таковы симпатичные, но безсильные поэты, которые поютъ „и нѣчто и туманну даль“, какъ характеризовалъ поэзію Ленскаго Пушкинъ.

Зодчій романскаго стиля не перешелъ на готическій не отъ того. чтобъ не имѣлъ къ нему стремленія, но, или потому, что стремленія его недостаточно еще прояснились, или же онъ не обладалъ еще, необходимою техникою, а потому не умѣлъ и не могъ отказаться отъ традиціонныхъ формъ архитектуры. Но стремленія художниковъ мало-помалу проясняются, техника совершенствуется и позднѣйшіе храмы романскаго стиля все болѣе и болѣе оживляются очертаніями готическихъ украшеній, пока, наконецъ, эти новыя украшенія не дѣлаются преобладающими надо всѣмъ остальнымъ, т. е. пока романскій храмъ не превратился въ готическій.

Но и въ лучшихъ зданіяхъ стрѣльчатаго зодчества нельзя не

замѣтить остатковъ романской основы. Готика не могла вполнѣ отдѣлаться отъ невольныхъ наслѣдственныхъ формъ, и чисто готическая архитектура до сего времени можетъ существовать только лишь въ идеалѣ.

Кромѣ инстинктивно-эстетическихъ условій, архитектура, какъ мы видимъ, подчинена еще условіямъ технологическимъ, т. е. условіямъ матерьяла и степени развитія или совершенства техническихъ пріемовъ и знаній. Совершенство техники, въ свою очередь, зависитъ во многомъ отъ предшествовавшихъ періодовъ архитектуры, такъ что при переходѣ зодчества отъ одного матерьяла къ другому—новому, какъ, напримѣръ, при переходѣ къ камню отъ дерева, новое искуство всегда руководится нецѣлесообразными въ данномъ случаѣ пріемами старой техники, которая и отражается на постройкахъ, ограничивая область „свободнаго творчества". На каменныхъ памятникахъ древней Индіи мы видимъ безцѣльное повтореніе формъ, долго господствовавшихъ въ этой странѣ, деревянныхъ построекъ: въ видѣ каменныхъ балокъ, подпорокъ, укосинъ, рѣзныхъ колонъ и пр. Привычкѣ возводить деревянныя зданія слѣдуетъ приписать и четыреугольную форму большинства каменныхъ памятниковъ. Въ древнемъ Египтѣ эту привычку жрецы освятили религіей, сообразуя четыре линіи фундамента съ четырьмя странами свѣта. Обоготвореніе четырехъ странъ свѣта мы встрѣчаемъ и въ Индіи, даже въ круглыхъ постройкахъ, гдѣ въ честь каждаго изъ этихъ направленій воздвигался алтарь для соотвѣтствующаго божества.

Но то, что составляетъ сущность зодчества, не зависитъ ни отъ матерьяла, ни отъ другихъ условій техники, оно стремится господствовать надъ ними, создавать ихъ и представляетъ имъ свои „свободныя" требованія. Эта сущность заключена въ самомъ человѣкѣ, въ его психической организаціи, созданной воздѣйствіемъ внѣшней среды на нервные механизмы въ теченіи множества вѣковъ, неизвѣстной намъ доисторической жизни человѣка, подъ вліяніемъ которой когда-то возникли загадочныя стремленія, на половину разрушенныхъ теперь, инстинктовъ.

Законамъ органической жизни подчинены законы человѣческаго творчества, законы красоты и законы искуства, которое мы называемъ архитектурою.

Эстетика—только одна изъ отраслей общей физіологіи человѣка.

4) Психологическое значеніе дерева въ архитектурѣ.

Когда дерево перестаетъ служить жилищемъ для человѣка, инстинктивная фантазія населяетъ его невидимыми существами, богами, духами, демонами. Деревья играютъ немаловажную роль въ вѣрованіяхъ и обрядахъ всѣхъ народностей какъ современныхъ, такъ и древнѣйшихъ и, вѣроятно, также доисторическаго человѣка. Г. Масперо приводитъ любопытное изображеніе, найденное въ гробницѣ Khopirkerisonbou жертвоприношенія священной сикоморѣ, совершаемаго древнимъ египтяниномъ [1]).

[1]) G. Maspero, Hist. anc. etc., Egypte, стр. 121. Насколько устойчивы инстинктивныя чувства и какъ мало зависятъ онѣ отъ номинальной религіи или отъ различныхъ ученій—доказываетъ намъ слѣдующее замѣчаніе Г. Масперо. Онъ гово-

„Поклоненіе деревьямъ существовало нѣкогда въ Ассиріи, Греціи [1]), Франціи и Польшѣ [2]). Въ Персіи поклоненіе Хомѣ или Сомѣ, повидимому, имѣло то же значеніе. Тацитъ [3]) указываетъ на священныя рощи Германіи; подобныя же рощи существовали и въ Англіи. Въ VIII вѣкѣ св. Бонифацій находитъ нужнымъ срубить священный дубъ“ [4]) и т. д.

Одухотворенному дереву приписывались разныя тайныя силы или божественное могущество. Извѣстны преданія о древѣ жизни и о древѣ Кальпа (Kalpa)—древѣ всевѣдѣнія или всякой мудрости, о которомъ говорится въ Пантшантрѣ [5]), которое древніе индусы надѣляли способностью производить все, что только возможно пожелать, и которое, по ихъ мнѣнію, произрастало на небесахъ Индры.

„Негры въ Конго поклоняются священному дереву по имени Мирроне. Они обыкновенно сажаютъ его около своихъ жилищъ, въ качествѣ покровительствующаго божества, такъ какъ эти язычники почитаютъ его, какъ одного изъ своихъ идоловъ“ [6]).

Сэръ Джонъ Леббокъ перечисляетъ множество примѣровъ поклоненія деревьямъ и указываетъ на обширную литературу по этому вопросу.

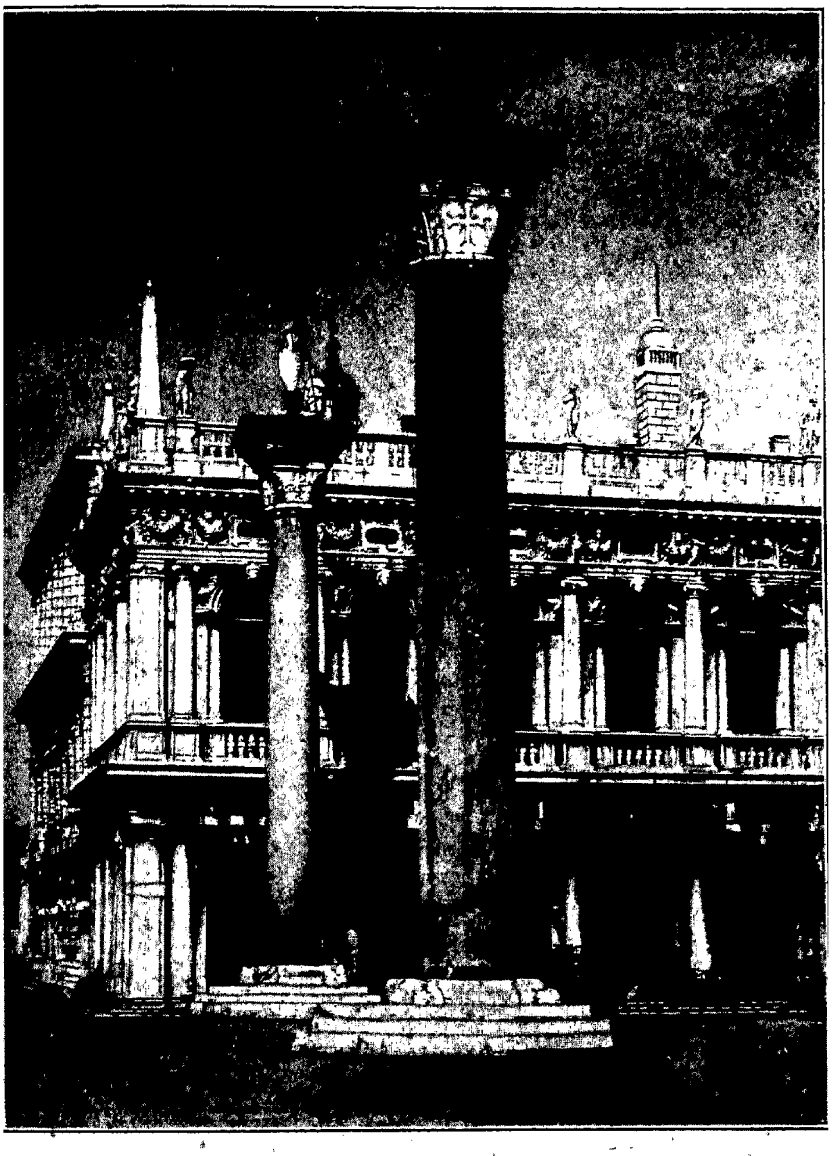
„Въ Сѣверной Америкѣ, говоритъ онъ, Франклинъ описываетъ священное дерево Кріевъ увѣшанное кусками буйволоваго мяса и обрывками одеждъ... Въ Мексикѣ Тэйлоръ видѣлъ древній кипарисъ замѣчательной величины; на всѣхъ его вѣтвяхъ прикрѣплены были жертвы, принесенныя индѣйцами по обѣщанію, сотни грубыхъ клочковъ черныхъ волосъ, зубы, куски цвѣтныхъ одеждъ, бусы и отрѣзки лентъ.. Эти простыя украшенія, вѣроятно, повѣшены на него еще задолго до открытія Америки... Въ Никарагуа поклоняются не только большимъ деревьямъ, но также маису и бобамъ... Дарвинъ упоминаетъ о священномъ деревѣ въ Патагоніи, которому индѣйцы поклонялись, какъ обиталищу Виллиху“ [7]).

Въ Полинезіи придаютъ священное значеніе нѣкоторымъ породамъ банана, которыя тамъ называютъ ова... То же явленіе встрѣчается у африканскихъ племенъ Замбезе и Шира, у негровъ западной экваторіальной Африки и даже въ сѣверной Австраліи [8])... Въ Индіи и на Цейлонѣ особенно почитается дерево Бо [9])... Якуты въ Сибири „увѣшиваютъ свои священныя деревья всякаго рода бездѣ-

---

рить, что въ песчаныхъ степяхъ Египта можно встрѣтить „de beaux sycomores isolés, qui prospèrent comme par miracle sur leur lit de sable... Les Égyptiens de tout rang les estimaient divins et leur rendaient un culte suivi. Ils leur donnaient des figues, du raisin, des concombres, des légumes, de l'eau enfermée dans des jarres poreuses et renouvelée chaque jour par de braves gens charitables .. Le nome Memphite et le nome Létopolite de Dahshour à Gizéh, en nourrissaient plusieurs où des doubles détachés de Nouît et d'Hâthor habitaient au su de tous, et don, les successeurs sont vénérés aujourd'hui encore par les fellahs musulmans et chrétiens. (Тамъ же, стр. 121—122).

[1]) Baumcultus der Hellenen Botticher, 1856.
[2]) Olous Magnus, Bk. III, ch. I.
[3]) Tacitus, Germania, IX.
[4]) Леббокъ, тамъ же, стр. 209.
[5]) Pantchantra, trad. du sanscrit, par E. Lancereau, стр. 2.
[6]) Леббокъ, тамъ же, стр. 210.
[7]) Сэръ Джонъ Леббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 213—214.
[8]) Тамъ же, стр. 209.
[9]) Тамъ же, стр. 211.



Колонны на площади св. Марка въ Венеціи.

лушками, кусочками мѣди, желѣза. латуни и т. п.“... Остяки поклонялись лиственницѣ въ Березовѣ... „Во многихъ мѣстностяхъ Суматры существуетъ также суевѣрное убѣжденіе, что въ нѣкоторыхъ деревьяхъ, особенно почтенной внѣшности, обитаютъ духи лѣсовъ“ [1]). Черемисы и въ настоящее время приносятъ жертвы Керемети, вѣшая на березу тряпки, бутылки съ водкою и проч. и закалываютъ подъ такимъ священнымъ деревомъ жертвеннаго жеребенка. Нѣкоторые русскіе сектанты вѣнчаются, обходя три раза вокругъ березы, и т. д.

Наконецъ, всѣ нынѣ цивилизованные народы въ младенчествѣ своемъ поклонялись деревьямъ и имѣли, если только не имѣютъ въ настоящее время, свои священныя рощи. Священныя рощи можно встрѣтить и теперь въ Индіи, въ Китаѣ, въ Японіи, онѣ существуютъ и у нашихъ русскихъ сектантовъ. Отъ священнаго дерева не могла избавиться также католическая церковь.

Переживанія обрядовъ древопоклоненія сохранились въ обычаяхъ всѣхъ народовъ; таковы: обычное символическое вѣнчаніе лаврами или дубовыми вѣнками художниковъ и побѣдителей у древнихъ грековъ и у римлянъ и подношеніе артистамъ въ настоящее время вѣнковъ; торжественныя встрѣчи съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ у древнихъ іудеевъ; наши березки, разставляемыя около жилищъ и въ домахъ на Троицынъ день; еловыя вѣтви, разсыпаемыя при похоронахъ; простыя и плакучія деревья, которыми украшаютъ могилы и кладбища; рождественскія елки, убранныя огнями, золотыми и цвѣтными бумажками и увѣшанныя лакомствами, и многіе другіе обычаи, давно уже непонятные, но столь соотвѣтствующіе эстетическимъ чувствамъ человѣка, переживаніямъ его термическихъ инстинктовъ.

Русскіе сектанты любятъ устраивать молельни подъ деревомъ; для этого они прикрѣпляютъ къ его стволу икону, зажигаютъ передъ иконою свѣчи и читаютъ свои священныя книги, творя молитву.

Старинная русская сказка, заимствованная у древнихъ индусовъ, но приспособленная къ русскому быту, пересказываетъ намъ, очевидно, языческую легенду о „дуплянской богородицѣ“, молиться которой ходила въ лѣсъ къ дупловатому дереву молодая жена, прося у обитавшаго тамъ божества помощи, чтобъ успѣшнѣе съ любовникомъ обмануть своего стараго мужа. Вѣра въ духа лѣсовъ, въ лѣшаго, распространена и въ настоящее время почти повсемѣстно. Вслѣдъ за народными влеченіями и повѣрьями искуство создаетъ рядъ легендарныхъ деревьевъ и ихъ новыя эстетическія формы; таковъ, напримѣръ, Анчаръ Пушкина и др. Однимъ изъ самыхъ яркихъ выразителей естественнаго эстетическаго древопочитанія слѣдуетъ признать Генриха Гейне, въ прочувствованной поэзіи котораго фигурируютъ сѣверныя красавицы ели и южныя—пальмы. Приводимъ, въ переводѣ Михайлова, одно изъ самыхъ картинныхъ стихотвореній:

На сѣверномъ горномъ утесѣ
Стоитъ одинокая ель.
Ей дремлется. Сонную снѣжнымъ
Покровомъ одѣла метель.
И ели мерещется пальма,
Что въ дальней восточной землѣ
Одна молчаливо горюетъ
На зноемъ сожженной скалѣ.

[1]) Тамъ же, стр. 211.

Всѣмъ извѣстенъ болѣе сильный и болѣе мелодичный переводъ того же стихотворенія, сдѣланный Лермонтовымъ; но въ этомъ переводѣ вмѣсто картинной ели фигурируетъ менѣе картинная (въ смыслѣ инстинктивнаго влеченія) сосна, которая къ тому же, стоя „одиноко на голой вершинѣ“ и „качаясь“ на вѣтру, при скудости вѣтвей и хвои, едва ли можетъ быть „снѣгомъ сыпучимъ одѣта, какъ ризой“. Такимъ образомъ, и для правдивости картины, и для ея красоты надо признать ель или пихту деревьями болѣе соотвѣтствующими общечеловѣческому

Капитель съ изображеніями птицъ (Венеція).

инстинктивному чувству, которое нѣмецкій поэтъ выразилъ въ своемъ стихотвореніи.

У Гейне красавецъ сѣверной флоры названъ словомъ мужскаго рода Fichtenbaum; онъ, какъ влюбленный, грезитъ о южной красавицѣ—пальмѣ, которая означается и на нѣмецкомъ языкѣ словомъ женскаго рода—die Palme. Для сохраненія полового различія, видя, вѣроятно, въ немъ главную суть лиризма произведенія, Фетъ въ своемъ переводѣ того же стихотворенія рисуетъ сѣверный дубъ грезящимъ объ южной пальмѣ, въ ущербъ опять-таки инстинктивно-архитектурной красотѣ картины.

Дѣло въ томъ, что нѣмецкое слово Fichtenbaum можно съ одинаковымъ правомъ перевести на русскій языкъ словами ель, сосна или пихта: Fichte, по диксіонеру И. Я. Павловскаго—ель, а также и сосна или пихта. Слова Fichte, Tanne и Kiefer замѣщаютъ другъ друга не только въ обыденной рѣчи, но и въ ботанической литературѣ [1]). Конечно, инстинктивное стремленіе первобытнаго человѣка было еще менѣе знакомо съ ботаническими различіями этихъ видовъ хвойнаго лѣса; но что именно деревья, называемыя Fichte, служили кровомъ и убѣжищемъ для древнихъ германцевъ, можно доказывать тѣмъ, что выраженіе in die Fichten gehen (пойти въ ельникъ) до сихъ поръ означаетъ у нѣмцевъ скрыться, скрываться, пропадать. Понятно, что легко скрываться только между такими деревьями, стволы которыхъ не оголены и обильныя сучья которыхъ, спускаясь до самой земли, покрыты густою зеленью, чему вполнѣ соотвѣтствуетъ ельникъ и нисколько не соотвѣтствуетъ боръ. Кромѣ того, сосна растетъ обыкновенно на сухихъ и сыпучихъ пескахъ или по песчанымъ болотамъ, въ мѣстахъ для жизни неудобныхъ, тогда какъ рамешины (ельникъ), вмѣстѣ съ чернолѣсьемъ, окаймляютъ лѣсныя рѣчки и рѣки, по берегамъ которыхъ всегда любилъ селиться человѣкъ. Изъ этого видно, почему инстинктивное стремленіе должно болѣе связывать эстетическое чувство сѣверянина съ манящими и таинственными формами ели, нежели со строгими и непривѣтливыми очертаніями сосны. Въ теченіи многихъ вѣковъ, возбуждая инстинктивныя чувства людей, формы ели и пальмы перешли, наконецъ, въ искуство и воспроизводятся въ наши дни всѣми народами, какъ общепризнанные образцы архитектурныхъ красотъ или стилей. Пальмы приняли архитектурную форму колонъ и составляютъ одно изъ главныхъ украшеній зодчества.

Красота этихъ формъ дѣйствуетъ на зрителя, конечно, не въ силу математическихъ соображеній о борьбѣ тяжести съ инерціею, какъ это предполагалъ А. Шопенгауэръ [2]), потому что весьма рѣдкій зритель предается теоретическимъ размышленіямъ при видѣ формъ какой бы то ни было красоты и извлекаетъ себѣ наслажденія совсѣмъ не изъ пониманія предначертанной цѣли этихъ формъ, но просто изъ ихъ безотчетнаго созерцанія; такое наслажденіе имѣетъ безсознательныя органическія причины. Архитектурная красота въ дѣйствительности нисколько не цѣлесообразна, и, искуственно воспроизведенныя, основныя формы ея не имѣютъ никакого практическаго смысла, цѣли или предназначенія.

На сходство колоны съ деревомъ указывали до Шопенгауэра, но нѣмецкій философъ, не находя при ея воспроизведеніи въ дѣйствіяхъ зодчаго сознательнаго и непосредственнаго подражанія дереву, не усмотрѣлъ и инстинктивнаго воспроизведенія архитекторами, схематизированной чувствомъ, формы пальмы, органически связанной съ инстинктами человѣка, т. е. не усмотрѣлъ психологическаго пути происхожденія колоны отъ дерева и напрягалъ свои силы для того, чтобъ открыть „проявленіе воли камня“ тамъ, гдѣ всего легче было найти проявленіе воли человѣка.

---

[1]) См. I. Pavlovsky's. Deutsch-Russisches Worterbuch, 1888 г., стр. 515.

[2]) Шопенгауэръ. Міръ, какъ воля и представленіе, перев. А. Фета, стр. 259 и слѣд.

Пальмы служили первобытнымъ домомъ, т. е. кровомъ и убѣжищемъ для обитателей тропическихъ странъ; онѣ же доставляли человѣку свои плоды, его естественную пищу. Подъ тропиками же, а именно въ древнемъ Египтѣ, мы находимъ древнѣйшія колоны.

Конечно, мы не можемъ сказать, на днѣ какого моря или въ глубинѣ какой земли погребены первыя колоны, которыя воспроизвело человѣческое искуство; мы не можемъ опредѣлить, насколько тысяче-

Александровская колона въ С.-Петербургѣ.

лѣтій онѣ должны быть старше древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ намъ египетскихъ колонъ; но, во всякомъ случаѣ, на самомъ разсвѣтѣ исторіи мы находимъ у египтянъ вполнѣ развитое зодчество, гигантскія сооруженія, поражающія умъ современныхъ путешественниковъ, обширные и величественные храмы, состоящіе почти изъ однѣхъ только колонадъ, подобныхъ священнымъ пальмовымъ рощамъ, расположившимся на берегахъ священной рѣки—Нила.

Древнія деревянныя колоны, какъ бы онѣ ни казались несообразными въ смыслѣ выраженія идеи борьбы тяжести съ инертностью, вѣроятно, ранѣе каменныхъ украшали храмы и поддерживали потолки

богатыхъ домовъ въ Египтѣ. Капители такихъ деревянныхъ колонъ, расширяясь кверху, изображали листву, придававшую колонамъ видъ пальмы [1]).

Быть можетъ, первыя каменныя колоны были четыргранны, такъ какъ обтесываніе круглыхъ камней гораздо труднѣе, чѣмъ камней съ плоскими поверхностями. По крайней мѣрѣ въ храмѣ Сфинкса, который и древніе египтяне причисляли къ археологическимъ памятникамъ, находятъ только пилястры. Плоскія поверхности обелисковъ можно объяснить, кромѣ того, тѣмъ, что форма ихъ произошла не столько отъ дерева, сколько отъ стоячаго камня или менгира, и что они предназначались для іероглифическихъ надписей, т. е. должны были представлять собою, какъ бы, хартіи или доски вертикальныхъ каменныхъ грамотъ. Кромѣ того ихъ четыргранная форма гармонировала съ формами храма и его пилоновъ, передъ которымъ обыкновенно ставились обелиски. Ежели въ смыслѣ красоты формъ колоны происходятъ отъ пальмы, то въ смыслѣ строительной техники онѣ, конечно, ведутъ свое происхожденіе отъ первобытныхъ деревянныхъ подпорокъ или столбовъ; но красота ихъ вовсе не заключается въ очевидности такого ихъ техническаго предназначенія, какъ это предполагалъ Шопенгауэръ. Напротивъ, колоны очень часто употреблялись и употребляются почти всѣми народами съ чисто эстетическими цѣлями; въ такихъ случаяхъ онѣ часто не несутъ на себѣ никакого сколько-нибудь значительнаго груза и отъ того въ красотѣ только выигрываютъ. Кромѣ египетскихъ обелисковъ, подчинившихъ требованія эстетики условіямъ практическихъ требованій, намъ извѣстны одиноко стоящія колоны, употреблявшіяся древними римлянами въ качествѣ пограничныхъ столбовъ, а также въ качествѣ монументовъ, воздвигаемыхъ для увѣковѣченія памяти побѣдъ или героевъ.

Ложныя колоны при толстыхъ стѣнахъ представляютъ собою тоже чисто эстетическія формы; смыслъ ихъ красоты точно также невозможно искать въ мнимой борьбѣ тяжести груза съ сопротивленіемъ подпоры, а между прочимъ онѣ употреблялись для украшенія зданій еще въ древности и намъ извѣстны двѣ древне-греческія архитектурныя формы псевдо-периптерическихъ и псевдо-диптерическихъ храмовъ, въ которыхъ единственный или второй рядъ колонъ замѣнялся ложными. Въ Индіи, въ Мадурѣ стѣны большой пагоды украшены также ложными колонами съ роскошно расширяющимися капителями. Вмѣсто колонъ стѣны древнихъ храмовъ украшались иногда просто рѣзными или живописными изображеніями колонъ или пальмъ, что еще болѣе указываетъ намъ на естественный смыслъ этихъ архитектурныхъ формъ.

„Храмъ, построенный Соломономъ при помощи тирскихъ мастеровъ, не отличался ни стилемъ, ни размѣрами, но былъ изукрашенъ пестро и богато. Стѣны были возведены изъ тесаннаго камня, внутренность одѣта дорогимъ деревомъ съ золотою облицовкой, изображеніями херувимовъ, пальмъ и цвѣтовъ“ [2]).

---

[1]) См. Maspero Histoire ancienne des peuples de l'orient classique, стр. 317 и друг.

[2]) П. П. Гнѣдичъ. Исторія искусствъ, стр. 54.

На то же указываетъ и Г. Веберъ: „Стѣны были покрыты художественными орнаментами: изображеніями херувимовъ, фигурами пальмъ, колоквинтовъ (вѣроятно, колокинтовъ *)—растеніе сѣверовосточной части Африки), распускающихся цвѣтовъ“...

Посреди̇нѣ двора, передъ храмомъ возвышался, обложенный мѣдью,

Капитель съ изображеніями человѣка (Венеція).

жертвенникъ. Подставы и омывальницы (для жертвъ) были украшены изображеніями львовъ, быковъ, херувимовъ и *пальмъ* **).

Греки, какъ предполагаютъ, переняли отъ египтянъ архитектурную форму пальмы, по крайней мѣрѣ она появляется у нихъ на много вѣковъ позднѣе, чѣмъ въ Египтѣ.

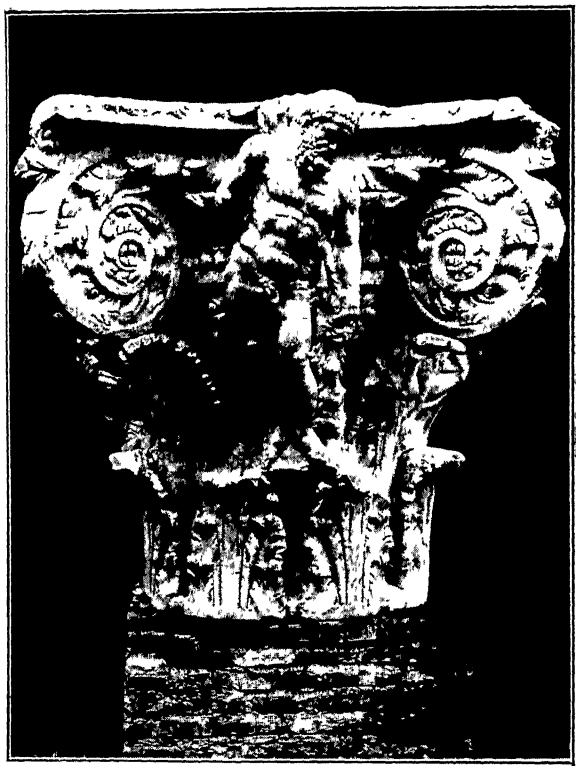
Ежели древнѣйшая изъ греческихъ колонъ, колона дорическая, быть можетъ, благодаря лишь несовершенству техники, почти не имѣла капители, то, несомнѣнно, предшествовавшія ей колоны египетскія, увѣнчанныя высокими воронкообразными капите-

*) Cucumis colocynthis L.

**) Г. Веберъ Всеобщая исторія, т. I., стр. 596.

лями, украшенными листьями, часто сходными съ листьями пальмы, весьма походили на изображеніе этого тропическаго дерева.

Дорическая колона, какъ первая представительница юнаго періода греческой архитектуры, имѣетъ наименьшее сходство съ пальмою и являетъ собою самую простѣйшую ея схему, вслѣдствіе невысокой степени развитія искуства и техники, точно такъ же, какъ, вслѣдствіе этихъ же причинъ, постройки романскаго стиля имѣли наименьшее сходство съ ихъ эстетическимъ образцомъ—хвойнымъ лѣсомъ. По мѣрѣ



Капитель съ изображеніемъ человѣка (древній Римъ).

развитія искуства и техники въ Греціи, колона пріобрѣтаетъ всё болѣе и болѣе сходства со своимъ естественнымъ прототипомъ, но сходства, быть можетъ, во многомъ схематическаго и символическаго, какъ всякое человѣческое воспоминаніе или отвлеченное изображеніе.

Капитель іонической колоны украшается завитками и коринѳская пріобрѣтаетъ, наконецъ, листву, въ древнѣйшихъ памятникахъ сильно напоминающую изображеніе пальмовыхъ листьевъ на капителяхъ египетскихъ колонъ. По мѣрѣ распространенія этой архитектурной формы изъ Греціи въ Римъ и затѣмъ по всей Европѣ, характерныя черты египетской капители мало-по-малу утрачиваются и листва ея пріобрѣтаетъ часто самую фантастическую форму, смѣшиваясь съ изображеніями разныхъ геометрическихъ и другихъ фигуръ.

Когда человѣкъ покинулъ лѣса, онъ населилъ ихъ духами; когда лѣсное дерево оказало вліяніе на его инстинктивныя чувства, онъ одухотворилъ его, приписалъ ему божественное могущество или, вѣрнѣе, онъ приписалъ божественное могущество тому невидимому духу, которому, по инстинктивной логикѣ человѣка, дерево должно было служить обителью или домомъ.

Когда же роль натуральнаго дерева перешла къ искуственному, тѣ же чувства повели къ обоготворенію и къ одухотворенію колоны, которая стала обителью невидимаго божества и предметомъ поклоненія, т. е. идоломъ.

Такія, основанныя на инстинктивныхъ переживаніяхъ, чувства и умозаключенія некультурный человѣкъ выразилъ тѣмъ, что вершину кола, вертикально воткнутаго въ землю и изображающаго въ его религіозныхъ обрядахъ символъ священнаго дерева, онъ грубо обдѣлалъ въ форму головы животнаго, т. е. вырѣзалъ на немъ, какъ умѣлъ, изображенія глазъ, носа, рта и т. д. Таковы простѣйшіе и первобытные идолы.

На древне-египетскихъ колонахъ нѣкоторыхъ храмовъ мы встрѣчаемъ капители въ формѣ нѣсколькихъ человѣческихъ лицъ, выступающихъ надъ стержнемъ колоны. Изображенія греческихъ и римскихъ боговъ нерѣдко состояли изъ каменныхъ изваяній въ формѣ столбовъ, увѣнчанныхъ человѣческою головою. Древніе каріатиды представляютъ собою колоны, верхняя часть которыхъ изображаетъ человѣческую голову и часть торса. Наконецъ, архитектурное дерево вполнѣ превращается въ человѣка, поддерживающаго подобно колонѣ верхнюю часть строенія; такая архитектурная форма носитъ названіе каріатидъ и атлантовъ. Дерево-идолъ древнихъ религій изъ идола-столба превращается въ идола-животное или въ изваяніе человѣка-колоны.

Когда, умирая, доисторическій человѣкъ отходилъ въ міръ духовъ и для его новой жизни требовалась новая обитель, въ память о немъ или надъ его могилою ставилось символическое изображеніе дерева, первоначально, вѣроятно,—колъ или менгиръ. т. е. стоячій камень, какъ это доказываютъ многія изслѣдованія и раскопки; впослѣдствіи же воздвигаются колоны съ изображеніями животныхъ, человѣческихъ лицъ или фигуръ человѣка, вѣнчающихъ ихъ капители; но и безъ этихъ символическихъ изображеній духовнаго значенія колоны въ древности ей поклонялись, какъ дѣйствительному вмѣстилищу таинственной силы, какъ видимой обители невидимаго божества.

Финикіяне ставили передъ алтарями своихъ храмовъ по двѣ драгоцѣнныхъ колоны, которыя, по мнѣнію многихъ, почитались ими, какъ божества. Геродотъ говоритъ о парѣ такихъ колонъ въ Тирскомъ храмѣ: „Одна изъ нихъ была сдѣлана изъ чистаго золота, а другая изъ изумруда и ночью распространяла сіяніе“.

Во дворѣ построеннаго Соломономъ храма, передъ входомъ въ храмъ (или въ алтарь), „особенно были прекрасны двѣ колосальныя мѣдныя колоны, знаменитыя произведенія тирскаго художника Гиримма; одна изъ нихъ называлась Іахинъ (твердо стоящая), другая Воазъ (крѣпкая).... Капители были очень красивы. Онѣ имѣли форму раскрывшагося цвѣтка лиліи и расширялись кверху... Быть

можетъ, эти колоны поддерживали порталъ, но гораздо вѣроятнѣе, что онѣ стояли свободно“ [1]).

Передъ колонами среди двора, гдѣ собирались молящіеся, стоялъ жертвенникъ и совершались религіозныя жертвоприношенія. Тотъ фактъ, что двумъ главнымъ колонамъ храма Іерусалимскаго были даны имена Іахинъ и Воазъ, по мнѣнію д-ра Густава Ле-Бона, указываетъ, ежели не на обоготвореніе, то на нѣкоторое одухотвореніе колонъ древними іудеями.

Примѣры одиночныхъ колонъ, несомнѣнно соотвѣтствовавшихъ религіозно-эстетическимъ чувствамъ людей, мы находимъ и въ Индіи и, вѣроятно, можемъ найти во всѣхъ другихъ культурныхъ странахъ.

Таковы—въ старомъ Делли желѣзная колона царя Дхова, принадлежащая, должно быть, къ III вѣку, и множество колонъ въ разныхъ городахъ той же страны, капители которыхъ увѣнчаны изображеніемъ растеній или цвѣтовъ, съ возсѣдающими на нихъ божествами. Къ такимъ колонамъ религіозно-художественнаго характера относится колона съ Буддою въ Патанѣ (Непалъ), на площади дворца. Къ древнѣйшимъ изъ сохранившихся памятниковъ старой Индіи Г. Ле-Бонъ причисляетъ латы или стамбы (lats ou stambes), воздвигнутые владѣтельнымъ княземъ Асока или Ашока, на которыхъ онъ приказывалъ высѣкать свои постановленія. „Самые знаменитые изъ нихъ находятся въ Аллахабадѣ и въ Делли. Они покрыты надписями религіознаго содержанія и предписаніями властителя. На капители ихъ ставили часто изваяніе слона или льва“.

Впослѣдствіи, изъ религіознаго дерева колона превратилась въ дерево эстетическое, но, тѣмъ не менѣе, не переставала служить обителью если не духа, то изваяній разныхъ существъ одушевленной природы.

Тріумфальныя колоны воздвигались въ честь и въ память героевъ и ихъ побѣдъ и, какъ бы, служили символомъ ихъ сверхчеловѣческаго могущества, таковы, напримѣръ: тріумфальныя колоны Траяна и Марка-Аврелія въ Римѣ, колона Діоклитіана въ Александріи. Изъ новѣйшихъ можно указать на Вандомскую колону, на которой красуется статуя Наполеона I, и на Іюльскую колону въ Парижѣ, на Александровскую колону, поддерживающую изваяніе ангела, и на многія другія колоны въ прочихъ городахъ цивилизованнаго міра, не имѣющія иного назначенія, кромѣ чисто идейнаго, и иныхъ условій формы, кромѣ законовъ эстетики, ежели не національной, то по крайней мѣрѣ традиціонной.

Интересны двѣ подобныя колоны съ изваяніями живыхъ существъ —человѣка и льва, которыя они поддерживаютъ, на площади Св. Марка въ Венеціи, расположенныя близъ дворца Дожей. Интересны также капители двухъ венеціанскихъ колонъ, снимки которыхъ мы здѣсь помѣщаемъ; первая изъ этихъ капителей даетъ пріютъ въ своей скульптированной листвѣ изваяніямъ нѣсколькихъ фантастическихъ птицъ, вторая скрываетъ фигуры людей, головы и торсы которыхъ мѣстами выглядываютъ изъ-за ея листвы. Но также и древнему Риму не была чужда эта идея орнаментаціи; приводимъ здѣсь фотографію

[1]) Г. Веберъ. Всеобщая исторія, т. I, стр. 596.

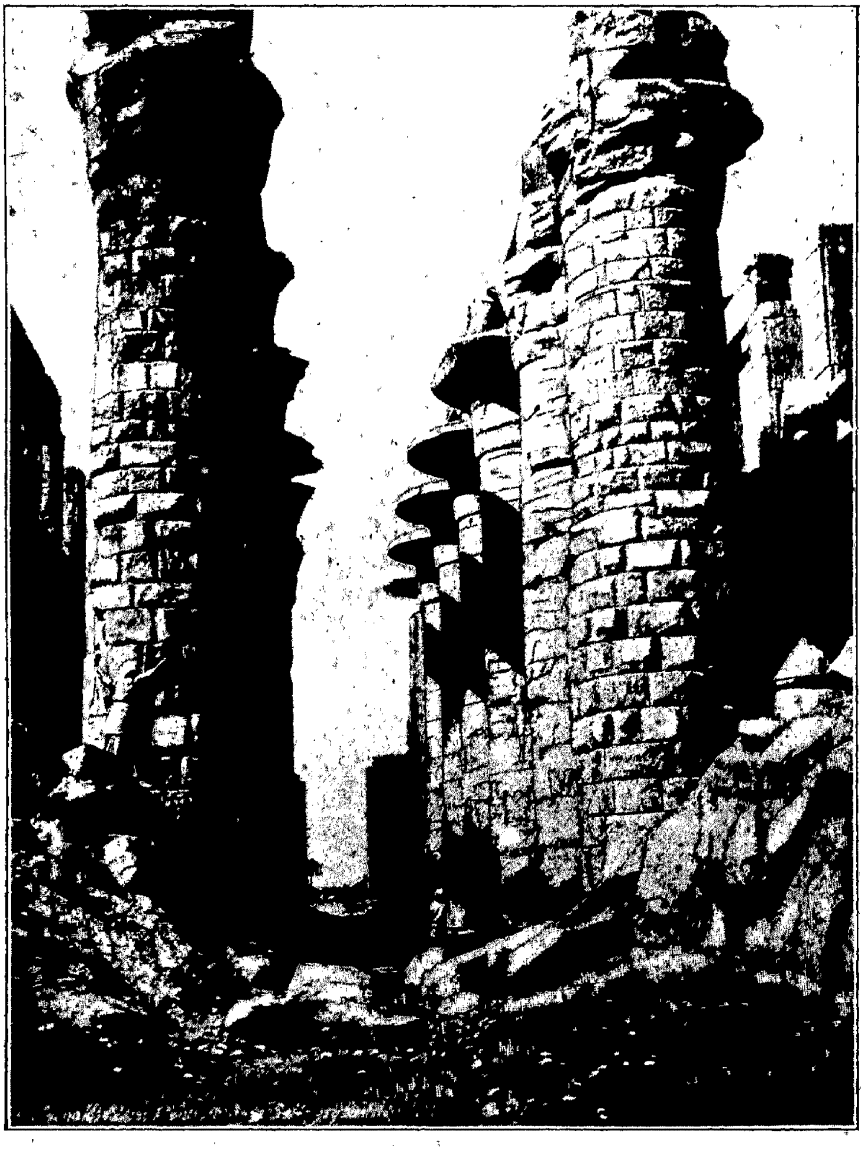
съ прекрасной капители, найденной въ развалинахъ „Terme di Caracalla“ (общественныя бани, построенныя Каракаллою). Среди листвы этой капители выступаетъ цѣлая нагая человѣческая фигура божества, обитающаго среди зелени древней архитектурной пальмы.

Что колоны—пальмы и колонады—рощи дѣйствительно соотвѣтствуютъ эстетическимъ и религіознымъ стремленіямъ всѣхъ южныхъ народовъ, можно видѣть изъ того, насколько эти архитектурныя формы были распространены повсемѣстно, гдѣ только въ жаркомъ климатѣ когда-либо существовала архитектура. Мы уже говорили о колонадахъ древне-египетскихъ храмовъ, представлявшихъ собою, какъ бы, каменные лѣса или рощи, тѣнистость которыхъ все болѣе и болѣе возростала по мѣрѣ углубленія въ нихъ, такъ что въ самой ихъ глубинѣ, гдѣ находилось святилище, изваяніе божества обитало почти въ совершенной темнотѣ. Лепсіусъ слѣдующими словами описываетъ одну изъ залъ большого карнакскаго храма: „Каменный потолокъ поддерживаютъ 134 колоны. Каждая изъ 12 среднихъ колонъ имѣетъ въ обхватѣ 36 футовъ и 66 футовъ до архитрава... Невозможно описать подавляющее впечатлѣніе, какое испытываетъ человѣкъ, когда въ первый разъ вступаетъ въ этотъ лѣсъ колонъ“. Храмы финикійскіе были сооружены, какъ утверждаютъ нѣкоторые, на подобіе египетскихъ храмовъ; извѣстно, что архитектура финикіянъ заимствовала многое также отъ ассирійской архитектуры; но такъ какъ главнымъ матеріаломъ въ сооруженіяхъ первыхъ было дерево, то понятно, что археологическія раскопки не могутъ служить для полнаго знакомства съ финикійскою архитектурою.

Финикійская богиня Ашера соотвѣтствовала греческой Аѳродитѣ и вавилонской Мелиттѣ. „Ей, какъ и Ваалу, служили на покрытыхъ лѣсами высотахъ Ливана, подъ развѣсистыми деревьями; финикіяне, подобно персамъ и германцамъ, имѣли очень большое уваженіе къ тѣнистымъ деревьямъ. Въ особенности священными считались у нихъ такія деревья, которыя съ наибольшею ясностью проявляли глазамъ ихъ силу богини: стройный кедръ, роскошный кипарисъ, густолиственный дубъ, вѣчно-зеленѣющая пинія, ветла у ручьевъ и тополь, листья которыхъ не увядаютъ и въ лѣтній зной. Подъ этими деревьями финикіяне просили у Ашеры урожая хлѣба и плодовъ, приносили ей жертвы. Они чтили ее, „великую мать“, подъ образомъ *дерева*, *тня* или *деревянной колоны*, давали ея имя *деревяннымъ столбамъ* и статуямъ, которыя ставили повсюду, и съ которыми часто соединяли фаллосъ, символъ плодородія. Въ нѣкоторыхъ городахъ были разведены посвященныя ей рощи вѣчно зеленѣющихъ хвойныхъ деревьевъ... При храмѣ ея на Кипрѣ была роща для голубей, были пруды съ рыбой, и у ея алтарей, на которыхъ приносились въ жертву животныя только мужского пола, стояла конусообразная каменная колона [1])“.

Мы уже упоминали о двухъ колонахъ тирскаго храма, золотой и смарагдовой, которымъ такъ удивлялся Геродотъ. „Въ Гадескомъ храмѣ тирскаго Геракла тоже стояли двѣ колоны, онѣ были мѣдныя, величиною по восьми локтей“,—говоритъ Г. Веберъ [2]). Мы

[1]) Г. Веберъ, тамъ же, стр. 478.
[2]) Тамъ же, стр. 484.



Колонада главнаго Карнакскаго храма.

тоже говорили о двухъ колонахъ Соломонова храма, построенныхъ тирскимъ художникомъ и носившихъ собственныя имена Іохинъ и Воазъ. Но кромѣ этихъ главныхъ, такъ сказать, одухотворяемыхъ или даже обоготворяемыхъ колонъ, входныя алеи, портики, залы, дворы и пр. финикійскихъ и другихъ храмовъ Востока украшались многочисленными колонами, которыя служили для возбужденія эстетическаго и религіознаго настроенія, хотя и не имѣли такого значенія, какъ колоны, поставленныя у входа въ святилище.

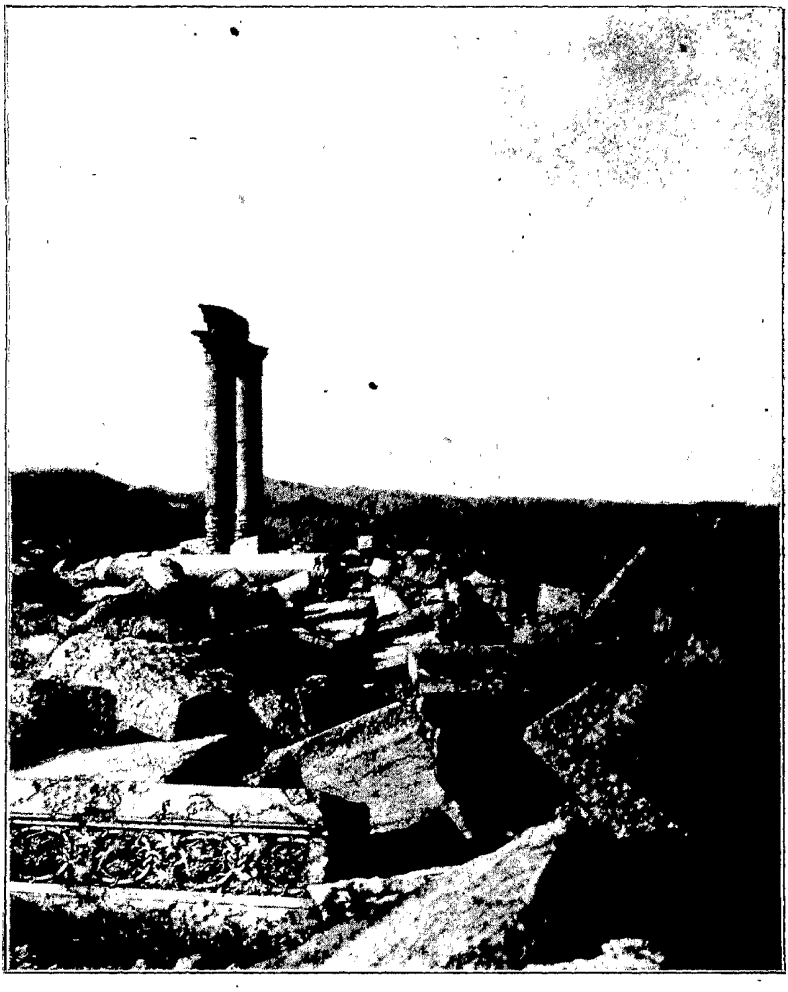
„Внѣшній или большой дворъ (Іерусалимскаго храма), составлявшій единственную часть зданія, доступную народу, былъ обнесенъ стѣною съ колонадами“ [1]). Колоны составляли одно изъ главныхъ архитектурныхъ украшеній и соотвѣтствовали эстетическимъ стремленіямъ древнихъ іудеевъ. Дворецъ Соломона казался „сложеннымъ изъ высокихъ кедровъ и его называли домомъ лѣса Ливанскаго“... Его два притвора были „украшены колонами, капители которыхъ были покрыты рѣзьбою, изображавшею листья“ [2]). Намъ извѣстны остатки замѣчательныхъ колонадъ Пальмиры и Персеполя и, въ настоящее время поражающія путешественниковъ, колонады храмовъ и пагодъ южной Индіи; такъ, напримѣръ, въ Шутри залы пагодъ содержатъ иногда до тысячи колонъ [3]), тогда какъ колонады сѣверной части той же страны не такъ богаты и утрачиваютъ во многомъ аналогію съ пальмами, представляя гораздо большее сходство съ деревянными рѣзными подпорами, вѣроятно, не такъ давно имъ предшествовавшими.

Въ Пальмирѣ замѣчательны развалины, относимаго къ первымъ вѣкамъ христіанства, храма Ваала-Геліоса (солнца), величественный периптеръ котораго украшенъ 8 колонами на каждомъ короткомъ фасѣ и 16-ью колонами на длинномъ. Капители колонъ были украшены металическою листвою. Передъ входными воротами, похожими на тріумфальную арку, болѣе чѣмъ на версту тянулась дорога, обставленная четырьмя рядами колонъ, которыхъ насчитываютъ до 1400.

Развалины дворца персидскаго царя Ксеркса показываютъ, что колона играла самую важную роль въ персидскихъ сооруженіяхъ. Она фигурируетъ всюду: при парадныхъ воротахъ, въ портикахъ и во всѣхъ залахъ, самая обширная изъ которыхъ заключала въ себѣ 100 колонъ. Гробница Кира свидѣтельствуетъ, что религіозныя постройки, вѣроятно и храмы, представлявшія родъ уступчатыхъ пирамидъ, увѣнчанныхъ алтаремъ, были окружены колонадами. Впрочемъ, древніе персы воздвигали алтари Агурамаздѣ или Азуримаздѣ (Ормузду) большею частью на вершинахъ естественныхъ горъ, вѣроятно покрытыхъ лѣсами, т. е. среди священныхъ рощъ, какъ это дѣлали и финикіяне.

Древніе писатели съ удивленіемъ говорятъ о роскоши и великолѣпіи экбатанскихъ [4]) построекъ, о красотѣ, блиставшаго позолоченными колонами, храма Анаиты (Anahita), богини священнаго источника Ардвисуры... Стройныя колоны съ капителями въ видѣ лотусоваго цвѣтка, находимыя въ развалинахъ около Гамадана, доказываютъ, что эти описанія „не баснословны“, замѣчаетъ Г. Веберъ [5]).

[1]) Тамъ же, стр. 597.
[2]) Тамъ же, стр. 598.
[3]) Gustave Le Bon. Тамъ же, стр. 528.
[4]) Экбатана—столица Мидіи, основанная царемъ Дейока, царствовавшимъ около 700 г. до Р. Хр.
[5]) Г. Веберъ, тамъ же, стр. 353.



Развалины Тадмора (городъ Пальмъ) или Пальмиры—основанной Соломономъ. (Памятникъ относится къ первымъ вѣкамъ христіанства).

Ассирійскіе и вавилонскіе храмы были точно такъ же окружены дворомъ, обнесеннымъ стѣною, которая, вѣроятно, какъ и всюду украшалась колонадами.

Несмотря на мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ, будто зодчеству древняго Вавилона не была знакома форма колоны, извѣстно, что входъ и ворота его храмовъ украшались этими архитектурными символами пальмы и что вавилонская колона носила черты іонической, которая, какъ нѣкоторые предполагаютъ, была заимствована греками у халдеевъ.

Если мы примемъ во вниманіе, что древнія ассиро-халдейскія сооруженія строились изъ дерева и кирпича, приготовленнаго изъ глины, по большей части съ примѣсью травы или соломы и высушеннаго на солнцѣ (хотя иногда употреблялся и обожженный кирпичъ и даже обливной или изразецъ), что камень, привозимый издалека, только въ рѣдкихъ случаяхъ тонкими плитами, покрытыми рѣзьбою, употреблялся для облицовки нижнихъ частей зданія и что вслѣдствіи этого древніе города Евфрата въ настоящее время представляютъ собой „груды мусора, въ которыхъ невозможно болѣе различить ни одной архитектурной линіи, или холмы тяжелой сѣрой глины, истрескавшейся подъ палящимъ солнцемъ, размытой дождями, безъ всякаго слѣда работы человѣческихъ рукъ“ *), если мы примемъ все это во вниманіе, то намъ легко будетъ понять, что остатки подобныхъ памятниковъ не могли сохранить до нашего времени какихъ-либо признаковъ древнихъ ассиро-халдейскихъ колонъ и что по однѣмъ лишь раскопкамъ древневавилонскихъ храмовъ нельзя еще заключать объ отсутствіи въ нихъ архитектурнаго лѣса, точно такъ же, какъ и вообще нельзя заключать объ отсутствіи въ ассиро-халдейскомъ зодчествѣ, обще принятой у всѣхъ народовъ древняго Востока, формы архитектурной пальмы, или колоны.

Есть, наоборотъ, прямыя указанія на то, что въ ассиро-халдейскомъ искуствѣ колонѣ придавалось большое значеніе, и значеніе, быть можетъ, религіозное, такъ какъ на древнихъ барельефахъ можно найти прямыя указанія на то, что обитель божества почиталась украшенною колонами и храмы состояли изъ колонадъ. Проф. Г. Масперо приводитъ снимокъ съ древняго рельефнаго изображенія бога солнца (Jhamas), который сидитъ подъ навѣсомъ, покоющимся на колонѣ, какъ бы сложенной изъ кирпича, съ капителью, напоминающей іоническую **). Еще болѣе напоминаютъ этотъ орденъ колоны, изображенныя на Хорсабадскомъ барельефѣ, гдѣ представленъ маленькій ассирійскій храмъ—колонада, передъ входомъ въ который растетъ священное дерево“ ***). Неудивительно, что глиняныя колоны халдейскихъ и ассирійскихъ храмовъ обратились въ пыль и грязь, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, и что открыть ихъ существованіе можно только въ скульптурныхъ изображеніяхъ или въ литературныхъ памятникахъ страны. Еще менѣе удивительно, что деревянныя колоны, нѣкогда, безъ сомнѣнія, украшавшія дворцы и храмы на берегахъ Евфрата, тоже исчезли безъ всякаго слѣда для современныхъ археологовъ, а что онѣ дѣй-

*) G. Maspero. Histoire ancienne des peuples de l'orient classique, стр. 624.
**) Тамъ же, стр. 657.
***) Gustave Le Bon (d'après Kawlinson). Les premieres civilisations, стр. 592.

ствительно существовали въ Вавилонѣ, точно такъ же, какъ и въ другихъ странахъ, доказываетъ слѣдующая надпись Небукаднезара о построеніи своего дворца:

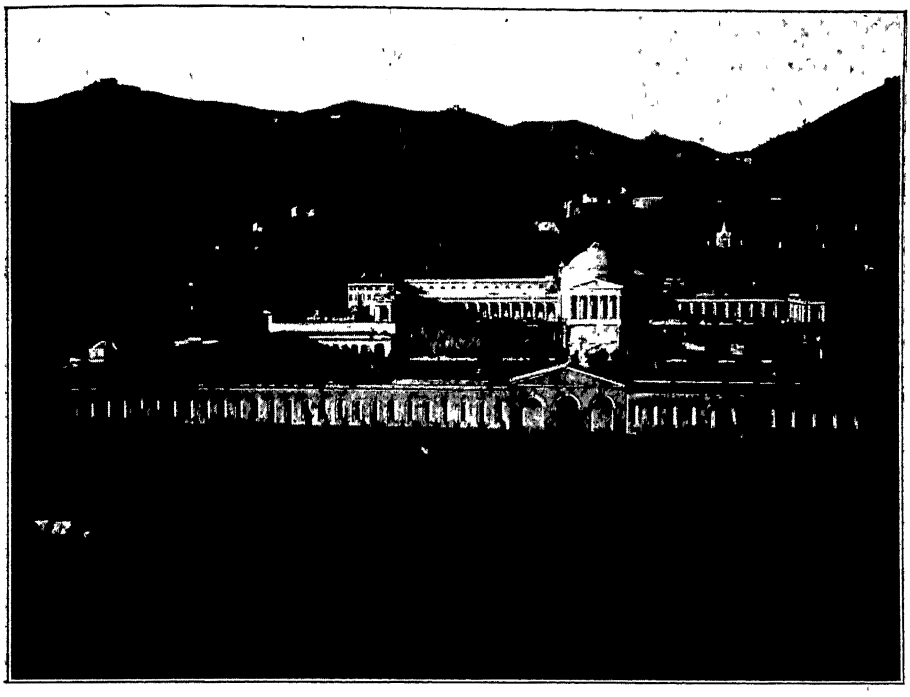
„Я соорудилъ жилище моего владычества, мѣстопребываніе моего могущества въ Вавилонѣ. Основаніе положилъ я глубоко въ асфальтѣ и кирпичѣ. Большіе кедры привезъ я съ высочайшихъ вершинъ Ливана, чтобъ сдѣлать изъ нихъ колоны его. Я соорудилъ великую стѣну кругомъ него и построилъ неразрушимый домъ“ *), отъ котораго въ настоящее время не осталось никакого слѣда.

Греческое зодчество можно свести все цѣликомъ къ колонѣ и къ ея повторенію, т. е. къ простѣйшимъ комбинаціямъ колонъ или къ колонадѣ. Главное различіе древне-греческихъ архитектурныхъ орденовъ сводится къ различію формы колонъ. Древне-греческій храмъ, стоявшій обыкновенно во дворѣ, окруженномъ священною оградою, въ совершеннѣйшихъ образцахъ представляетъ собою съ внѣшняго вида нѣсколько рядовъ колонъ, расположенныхъ на прямоугольной площади и покрытыхъ довольно отлогою крышею. Архитравное покрытіе не является здѣсь чѣмъ-либо постороннимъ и непрнсущимъ архитектурной пальмѣ. Оно представляетъ собою развитіе ея кроны до идеальныхъ предѣловъ, т. е. до наибольшаго затѣненія колонадою всего покрываемаго ею пространства. Верхняя часть крыши, фронтонъ и уголъ, имъ образуемый, кромѣ покрывающаго его орнамента, иногда съ изображеніемъ людей, сами по себѣ не представляютъ никакой чисто-эстетической формы; въ смыслѣ красоты зданіе нисколько не теряетъ отъ ихъ отсутствія и даже, пожалуй, выигрываетъ, такъ какъ они имѣютъ главнымъ образомъ чисто-практическое значеніе и форма ихъ зависитъ болѣе отъ климатическихъ условій и свойства употребляемаго матеріала, чѣмъ отъ эстетическихъ стремленій человѣка.

Кромѣ того, намъ извѣстна греческая архитектурная форма—стоя, соотвѣтствующая римской—портику, главную роль въ которой играютъ точно такъ же колоны. Выше было уже сказано, что греческая архитектура распространилась на Римъ и затѣмъ на всю Европу, которая до сихъ поръ повторяетъ формы базиликъ, портиковъ, колонадъ и колонъ, служившихъ всегда важнѣйшимъ архитектурнымъ украшеніемъ разныхъ памятниковъ зодчества, храмовъ, общественныхъ, частныхъ и символическихъ зданій.

Какъ въ пальмѣ мы можемъ различить три части: вершину или крону, длинный и тонкій стволъ и комлевое утолщеніе, которое въ иныхъ случаяхъ можетъ быть почти незамѣтнымъ, такъ точно и колоны имѣютъ три главныя части, верхнюю—соотвѣтствующую кронѣ—капитель, при достаточномъ развитіи техники украшенную листвою, среднюю, соотвѣтствующую стволу,—стержень колоны и нижнюю, соотвѣтствующую комлевому утолщенію ствола,—базу или базаментъ, который можетъ иногда отсутствовать, какъ, напр., у дорической колоны. Стержень колоны, какъ стволъ дерева, обыкновенно утончается кверху; онъ никогда не имѣетъ прямыхъ геометрически-правильныхъ контуровъ, которыхъ чувство красоты не выноситъ въ колонахъ, не встрѣчая ихъ въ природѣ.

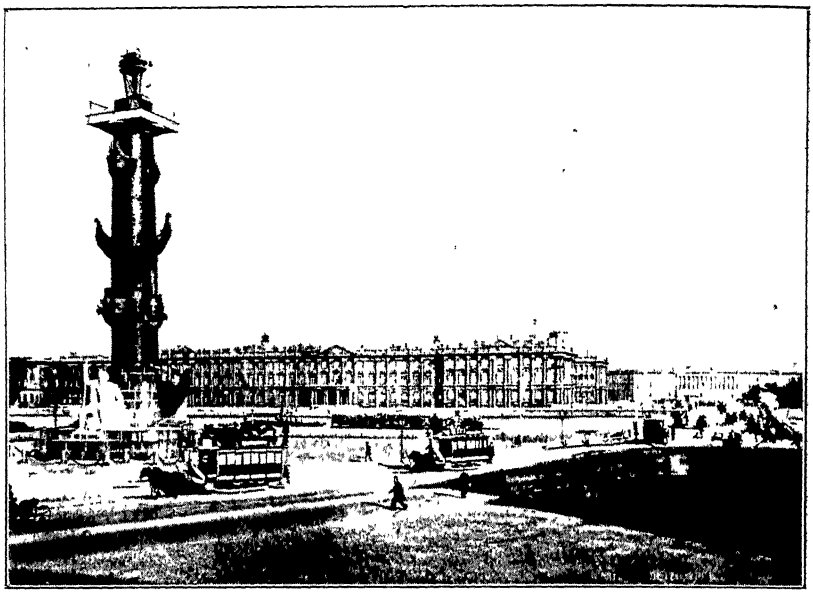
*) Георгъ Веберъ. Всеобщая Исторія. Т. I. стр. 420.



Campo Santo (кладбище) въ Генуѣ

Законы строенія пальмы перешли въ законы красоты колоны и, наконецъ, въ законы красоты всякой постройки или зданія. Какъ пальма представляетъ намъ сочетаніе трехъ главныхъ частей въ извѣстной послѣдовательности по вертикальному направленію, точно также и полный орденъ или его части, и даже цѣлое зданіе было раздѣлено архитекторами на три части, соотвѣтствующія 3-мъ частямъ дерева, сочетаніе которыхъ легло въ основаніе чувства архитектурной красоты. Вотъ принятыя у насъ названія этихъ частей:

Части.	Дерево.	Полный орденъ.	Часть ордена.			Стѣна.
			Колона.	Пьедесталъ.	Антаблементъ.	
1	Крона или вершина.	Антаблементъ.	Капитель.	Карнизъ.	Карнизъ.	Карнизъ.
2	Стволъ.	Колона.	Стержень.	Стулъ.	Фризъ.	Полестѣны.
3	Комель или пенекъ.	Пьедесталъ.	База.	Цоколь.	Архитравъ.	Цоколь.



Ростральная колона-маякъ въ С.-Петербургѣ.

Эти три элемента архитектуры вѣчно повторяются, входя въ составъ цѣлыхъ зданій, и сами, дробясь каждая на три тѣхъ же основныхъ элемента, представляютъ намъ въ цѣломъ и въ частяхъ то соотвѣтствующее нашимъ инстинктивнымъ стремленіямъ сочетаніе формъ, къ которому приглядѣлись еще наши доисторическіе предки и которое мы называемъ, поэтому, гармоніею и красотою въ архитектурѣ.

Условія красоты требуетъ, чтобъ карнизъ выступалъ впередъ болѣе цоколя или архитрава и капитель колоны была шире ея базы, на томъ основаніи, что крона дерева всегда шире его комля. Противоположное было бы неестественно въ деревѣ и уродливо въ архитектурѣ.

Греческіе и римскіе языческіе храмы точно такъ же, какъ первые христіанскіе храмы на югѣ слѣдовали строго этимъ основнымъ условіямъ красоты.

Сѣверная архитектура, въ началѣ только подражательная, развиваясь, отрѣшилась отъ пальмы и нашла, наконецъ, свои собственныя формы красоты, нашла формы, запечатлѣнныя въ нервномъ апаратѣ и въ стремленіяхъ жителей сѣвера, не африканскою, но собственною природою, собственными лѣсами, формами деревьевъ умѣреннаго климата, чернолѣсья, бора и рамени.

Наши дѣти начинаютъ рисовать деревья съ елочки.

Форма елки, какъ наиболѣе соотвѣтствующая инстинктивнымъ стремленіямъ, почти повсемѣстно укоренилась въ архитектурѣ европейскихъ и азіатскихъ странъ съ умѣреннымъ или холоднымъ климатомъ, нѣсколько измѣняя свой видъ подъ вліяніемъ требованій тѣхъ разнообразныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ возводятся постройки въ разныхъ странахъ, но всегда рѣзко отличаясь въ общихъ чертахъ отъ фигуры пальмы, т. е. отъ основныхъ формъ южной тро-

пической или класической архитектуры. Еще древніе римляне пытались превратить архитектурную пальму Африки въ европейскую елку, приспособивъ къ ней въ своихъ ростральныхъ колонахъ носы кораблей, выступающіе изъ стержня колоны на подобіе вѣтвей елки, которая выдвигаетъ кругомъ ствола свои, дугообразно загнутыя кверху, линіи. Конечно, это была дѣтская по выполненію елка и уродливое по замыслу чудовище, но она все-таки казалась красивою, потому что соотвѣтствовала эстетическимъ чувствамъ народа и, несмотря на свою логическую чудовищность, пріобрѣла права гражданства въ архитектурѣ.

Первая ростральная колона была воздвигнута римлянами въ ознаменованіе морской побѣды Клавдія Дуилія надъ карѳагенскимъ флотомъ.

Готическое зодчество искуснѣе осуществило стремленіе европейца къ архитектурной елкѣ, какъ мы это уже говорили.

Въ пятомъ томѣ новой географіи Реклю [1]) мы можемъ видѣть

Церковь, построенная при Іоаннѣ Грозномъ, близъ Новгорода (По Реклю).

изображеніе деревянной русской церкви, построенной при Иванѣ Грозномъ около Новгорода. Хотя колокольня ея имѣетъ формы минарета деревянной татарской мечети, церковь эта чрезвычайно типична, она, принимая во вниманіе степень развитія искуства и значеніе матерьяла, достаточно наглядно передаетъ естественныя стремленія русскаго зодчества.

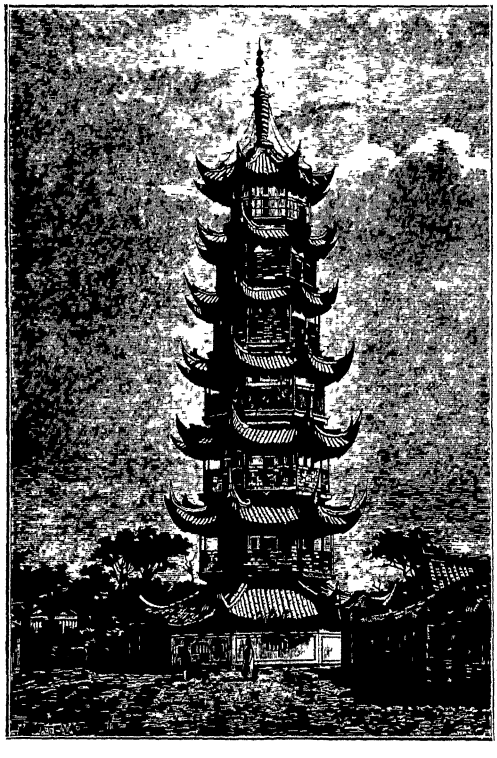
Ея убогая красота полна грустной поэзіи края, навѣянной картинами суровой, но близкой русскому сердцу, сѣверной природы. Церковь эта вмѣстѣ со своею колокольнею схематически и неумѣло представляетъ собою, какъ бы, двѣ старыя, приземистыя, широкія ели, которыя переплелись своими нижними вѣтвями, не поднятыми кверху, какъ въ теплыхъ странахъ, но сильно нависшими, какъ бы подъ

[1]) E. Reclus. Nouvelle Geographie Universelle V, стр. 585.

тяжестью зимняго снѣга (архитектурная елка юга имѣетъ всегда приподнятыя кверху вѣтви).

Нѣсколько крышъ, подымаясь одна надъ другою, постепенно уменьшаются кверху и образуютъ, какъ-будто, мутовки съ расходящимися этажами, пригнутыхъ къ землѣ, вѣтвей и оканчиваются вверху тонкою узорчатою вершинкою креста. Нависшая подъ крышами деревянная рѣзьба передаетъ впечатлѣніе узора мелкихъ вѣтокъ, опушенныхъ иглами хвои, опускающихъ свои кружева изъ-подъ главныхъ толстыхъ сучьевъ дерева. Широкія и масивныя крыши въ безпорядкѣ спустились чуть не до самой земли безъ всякихъ колонъ или подпоры, почти заграждая двери, ведущія въ церковь.

Таково общее впечатлѣніе очертаній этой характерной русской постройки, въ возведеніи которой едва ли принималъ участіе какой-либо иностранный архитекторъ, какъ это нерѣдко случалось при постройкахъ древнихъ каменныхъ храмовъ въ Россіи.



Шанхай. Башня Лонгъ-Хуа. (По Реклю).

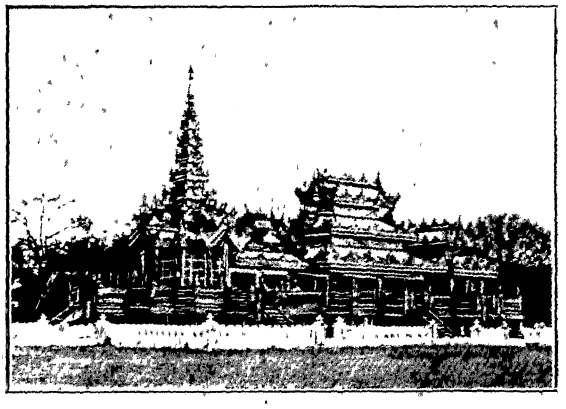
Многіе изъ нашихъ каменныхъ архитектурныхъ памятниковъ, съ ихъ масивными луковичными куполами (главами), часто носятъ характеръ не предметовъ неодушевленной природы, но изваяній какихъ-то гигантскихъ существъ, широкоплечихъ, съ неуклюжими головами, похожими на рѣдьку хвостомъ вверхъ, покоющуюся на упитанной шеѣ. Подобный архитектурный стиль, конечно, не имѣетъ никакого отношенія къ нашему вопросу и, въ то же самое время, мнѣ кажется, не имѣетъ никакого отношенія къ эстетическимъ чувствамъ вообще. Если эти неуклюжія формы иногда повторяются и въ наше время, то исключительно только благодаря какой-то ложно-патріотической традиціи или вслѣдствіи полнаго отсутствія вкуса у многихъ современныхъ строителей.

Сѣверная Россія, очевидно, предпочитаетъ стройную фигуру ели или сибирской пихты другимъ естественнымъ образцамъ зодчества, и общій видъ Архангельска представляетъ собою каменный лѣсъ, изъ котораго высоко подымаются къ небу множество тонкихъ красивыхъ иглъ церквей и колоколенъ, точно такъ же какъ подымаются надъ сѣ-

вернымъ лѣсомъ пронзительно острыя вершины почти геометрически правильныхъ пихтъ. Такія же пихтовыя вершины не совсѣмъ удачно представляютъ собою адмиралтейская игла и остріе Петропавловскаго собора въ С.-Петербургѣ. Отсутствіе мутовкообразныхъ утолщеній, оживляющихъ однообразіе линій большинства архангельскихъ иглъ, отнимаетъ у петербургскихъ много сходства съ деревьями, а потому отнимаетъ у нихъ много жизненности и красоты.

Китайская архитектура, слѣдуя тѣмъ же общечеловѣческимъ естественнымъ законамъ эстетики, создала свои знаменитыя пагоды—башни или „та", подражая строенію хвойнаго дерева.

Эти башни состоятъ, какъ бы, изъ нѣсколькихъ многоугольныхъ китайскихъ бесѣдочекъ, поставленныхъ одна на другую въ такомъ порядкѣ, что каждая верхняя всегда бываетъ нѣсколько уже нижней. Крыши этихъ бесѣдокъ далеко выступаютъ впередъ и, загибаясь кверху въ углахъ, представляютъ собою, какъ бы, приподнятыя концы вѣтвей, расположенныхъ однѣ надъ другими сообразно мутовчатому



Дворецъ въ Мандолаѣ.

строенію хвойнаго лѣса. Верхняя крыша обыкновенно сильно приподнята въ центрѣ и увѣнчана особою заостренною вершиною, увеличивающею сходство башни съ деревомъ.

Такова башня Лонгъ-Хуа въ Шанхаѣ, таковою была по описаніямъ знаменитая фарфоровая башня „храма безпредѣльной признательности и благодарности" (Да-Гао-Ань-Сы) неподалеку отъ Нанкина. Вотъ какъ описываютъ этотъ памятникъ:

„Онъ представлялъ собою башню, имѣвшую приблизительно 100 метровъ вышины, при ширинѣ основанія въ 30 м., постепенно суживавшуюся къ вершинѣ и раздѣленную на девять этажей, въ которыхъ снаружи находились ниши, украшенныя буддійскими статуями. Облицовка этажей была фарфоровая. Одинъ этажъ отъ другого отдѣлялся сильно выступающею впередъ крышею съ загнутыми кверху краями, по угламъ которыхъ висѣли колокольчики, производившіе при дуновеніи вѣтра своеобразную музыку".

Очевидно, общія очертанія этой башни чрезвычайно напоминали

строеніе ели или пихты, а повѣшенные на концахъ загнутой крыши колокольчики еще болѣе усиливали сходство, изображая плоды, висящіе на вѣтвяхъ дерева. Тотъ фактъ, что въ Китаѣ независимо отъ разнообразія религій постоянно употребляется одинъ и тотъ же архитектурный типъ храма, а именно: типъ многоэтажной башни „та“, которая является безразлично то буддійскимъ, то магометанскимъ, то таоскимъ храмомъ.—доказываетъ намъ еще разъ, что архитектура подчиняется главнымъ образомъ инстинктивному эстетическому стремленію народа, болѣе распространенному и общему, чѣмъ тѣ или другія идеи и ученія, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, она должна. будто бы, выражать, и что эстетическое чувство народовъ зависитъ не отъ этихъ идей и ученій, но только отъ природы, воспитавшей чувства народа во многихъ поколѣніяхъ его предковъ.

Въ Японіи и даже въ сѣверной или горной Индіи мы встрѣчаемся снова съ главными формами китайской архитектуры, а именно, съ такъ-называемымъ „тинь“.

Тинь—это китайская криволинейная крыша съ сильно выступающими впередъ краями и съ загнутыми кверху углами. Ворота храма священной рощи въ Никко—типичный образчикъ японской архитектуры, оригинальныя линіи крыши этихъ воротъ похожи на изгибы контуровъ вѣтвей сосенъ, которыя растутъ около нихъ, въ чемъ можно убѣдиться, взглянувъ на гравюру, исполненную по фотографіи и приведенную въ сочиненіи проф. Э. Реклю [1]). Въ сѣверной Индіи линіи крышъ прямыя и строгія, и только концы ихъ угловъ загнуты кверху [2]). Замѣчательно, что эта, будто китайская, архитектура господствуетъ въ Индіи только на Гималаяхъ или на такихъ высотахъ, растительность и климатъ которыхъ вполнѣ ей соотвѣтствуютъ, и не распространяется на югъ, гдѣ тропическій климатъ производитъ другія формы растительности и вмѣстѣ съ тѣмъ другія формы архитектуры. А между тѣмъ сообщеніе Непала, въ которомъ встрѣчается очень много построекъ, какъ-будто китайской архитектуры, со среднею и южною Индіею вполнѣ свободно, тогда какъ сообщеніе его съ Китаемъ гораздо болѣе затруднительно. Приводимъ характерныя фотографіи бирманскаго зодчества, напоминая, что Бирма или Барма страна гористая съ умѣреннымъ климатомъ и что въ верхней ея части зима бываетъ даже холодная. т. е. со снѣгомъ и со льдомъ.

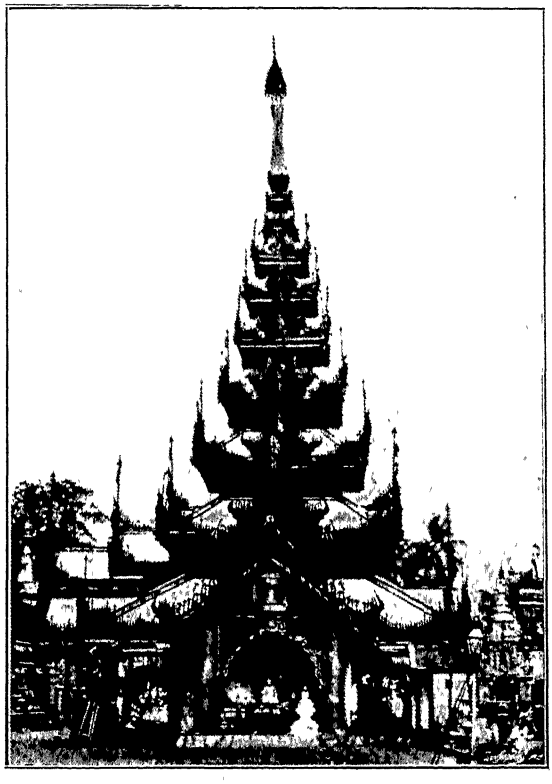
„Итакъ, мы видимъ, что древопоклоненіе, какъ форма религіи, присуще почти всѣмъ человѣческимъ расамъ на извѣстной ступени умственнаго развитія“ говоритъ Леббокъ [3])... „Подобное совпаденіе не можетъ быть приписано одной только случайности“, заключаетъ онъ словами м-ра Уэка и добавляетъ, что „это не можетъ служить, однако, доказательствомъ общаго происхожденія тѣхъ расъ. у которыхъ существуетъ поклоненіе деревьямъ“.

„Напротивъ, говоритъ онъ, оно является однимъ изъ многочисленныхъ указаній того, что человѣческій разумъ въ своемъ поступатель-

[1]) Тамъ же, томъ VII, стр. 709.
[2]) См. много рисунковъ въ соч. Gustave Le Bon. Les Civilisations de l'Inde.
[3]) Тамъ же, стр. 215.

номъ прогресѣ проходилъ черезъ однѣ и тѣ же или очень сходныя фазы“ [1]). И эти поразительно сходныя фазы развитія человѣческаго разума, добавимъ съ своей стороны, указываютъ намъ еще разъ на инстинктивное происхожденіе такого поклоненія. Главные инстинкты людей общи всему человѣчеству. Инстинкты зависятъ единственно лишь отъ строенія организмовъ, они всегда сходны тамъ, гдѣ сходны организмы и внѣшнія условія ихъ жизни.

Отдѣльные индивиды одного и того же вида животныхъ, въ какой бы странѣ они ни обитали, проявляютъ удивительное сходство инстинктовъ, и сходство это существуетъ даже и тогда, когда группы



Буддійскій храмъ въ Бирмѣ.

такихъ индивидовъ разобщены между собою географическими преградами и потому не могутъ подражать другъ другу.

Кажущееся разнообразіе и самостоятельность человѣческихъ поступковъ очень часто служили для отрицанія инстинктовъ у людей, но на приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ, что архитектурное творчество людей настолько же „свободно“ и разнообразно, какъ строительная дѣятельность отдѣльныхъ индивидовъ любого зооло-

[1]) Тамъ же, стр. 209.

Пагода Швай Даголинъ въ Бирмѣ (архитектурный лѣсъ).

гическаго вида. Поступки людей намъ ближе знакомы, чѣмъ поступки какихъ бы то ни было другихъ животныхъ, и въ этомъ причина того, что мы не замѣчаемъ ихъ поразительнаго однообразія. Деревья, утративши сперва смыслъ человѣческаго жилища, а впослѣдствіи смыслъ боговъ или идоловъ, превратились, наконецъ, въ архитектурныя формы красоты, къ которымъ до настоящаго времени влекутъ насъ психическія переживанія нашихъ органическихъ инстинктовъ, величаемыя нами эстетическими стремленіями, вкусами или красотою и пр.

Проникши въ субъективный міръ инстинктивныхъ представленій человѣка, образъ лѣса или дерева асоціировался съ его древнѣйшими инстинктами и вызывалъ поэтому чувство или стремленіе, вполнѣ цѣлесообразное для обитателя лѣсовъ въ смыслѣ сохраненія жизни. Человѣкъ промѣнялъ это первобытное жилище на новое болѣе совершенное—на города и деревни, но инстинктивное чувство связывало его съ лѣсомъ попрежнему, и, не умѣя объяснить это чувство, человѣкъ приписалъ его не себѣ, но объекту, т. е. лѣсу, и населилъ лѣсъ въ своемъ воображеніи могучими духовными существами, т. е. превратилъ его изъ своего жилища въ жилище духа, въ первобытный храмъ. Когда же и первобытныя религіи рушились, вѣра въ лѣсныхъ духовъ исчезла, миѳическіе могучіе обитатели лѣса потеряли воображаемую силу, чувство все еще продолжало жить въ душѣ человѣка и образъ лѣса перешелъ въ искуство, поэзія все еще наполняетъ его фантастическими существами, архитектурныя формы его населились

новыми божествами, и ежели въ постройкахъ нашего времени архитектурные лѣса почитаются не обителью и проявленіемъ духовъ, то все-таки признаются проявленіемъ творческаго „генія“ и цѣлью „высшихъ“ духовныхъ стремленій человѣка.

Чтобы докончить о деревьяхъ, приводимъ еще одну цитату изъ сочиненій Леббока.

Цитата эта доказываетъ намъ, что не только одна архитектурная форма храма ведетъ свое происхожденіе отъ дерева, но что и само слово церковь на нѣкоторыхъ языкахъ и, соотвѣтственно этому, идея обители Высшаго Духа у нѣкоторыхъ народовъ имѣетъ такое же происхожденіе.

„Древніе кельты тоже поклонялись деревьямъ,—говоритъ Леббокъ, и Де-Броссъ даже производитъ слово kirk, нѣмецкое — kirche, англійское—church (церковь) отъ слова quercus — дубъ, такъ какъ за этими деревьями признавалась особая святость“ [1]).

По Гримму „храмъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣсъ“ [2]).

По словамъ Сенеки, можно заключить и обратное, т. е. что лѣсъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и храмъ. Шлейденъ. очевидно, вполнѣ согласенъ съ возрѣніями и чувствами римскаго философа.

„Какъ прекрасно, замѣчаетъ онъ, изображаетъ Сенека это свойство лѣса, говоря: когда мы идемъ въ лѣсъ, въ которомъ тѣснятся непомѣрной величины деревья, заслоняющія небо своими густолиственными вѣтвями, то *таинственность мѣста и непроницаемая тѣнистость* его служатъ намъ порукою присутствія Высшаго Существа“ [3]).

Нетрудно замѣтить инстинктивное происхожденіе этихъ возвышенныхъ чувствъ Сенеки, раздѣляемыхъ Шлейденомъ и. конечно, многими другими. Его очаровываетъ и возбуждаетъ видъ лѣса до того, что онъ предполагаетъ въ немъ скрытое присутствіе величайшей духовной силы, потому что чувствуетъ необъяснимое вліяніе этого лѣса на свое психическое состояніе.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мыслитель, Сенека анализируетъ собственныя чувства и замѣчаетъ ихъ истинную связь съ явленіями внѣшней природы, онъ указываетъ на зависимость своихъ эмоцій отъ таинственности и отъ тѣнистости лѣса, и, только не умѣя объяснить, почему эти простыя свойства могутъ такъ сильно вліять на настроеніе человѣка, заключаетъ, что они свидѣтельствуютъ ему о присутствіи Высшаго Существа въ лѣсу. Во всемъ этомъ прекрасномъ описаніи инстинктивной игры чувствъ и асоціацій философа, одно лишь заключеніе логически не обосновано и имѣетъ только ошибочныя эмоціональныя оправданія. Таинственность и тѣнистость лѣса когда-то были важнѣйшими его свойствами для жизни нашихъ предковъ—обитателей лѣсовъ; таинственность укрывала ихъ отъ взора враговъ, тѣнистость отъ палящихъ лучей солнца и частью отъ ненастья. Покровъ и тѣнь были главною цѣлью стремленій ихъ термическихъ инстинктовъ, и эти же самыя качества лѣса остались до сего времени возбудителями тѣхъ, уже утратившихъ значеніе въ современ-

[1]) Тамъ же, стр. 210.
[2]) М. Шлейденъ. Дерево и лѣсъ. Пер. Рудскаго, стр. 7.
[3]) Тамъ же.

ной жизни, инстинктивныхъ чувствъ человѣка, причину которыхъ люди ошибочно ищутъ во внѣшней природѣ, а не въ психофизіологическихъ отправленіяхъ собственнаго организма, выработанныхъ многовѣковою бездомною жизнью нашихъ отдаленнѣйшихъ предковъ.

5 Психологическое значеніе пещеры въ архитектурѣ.

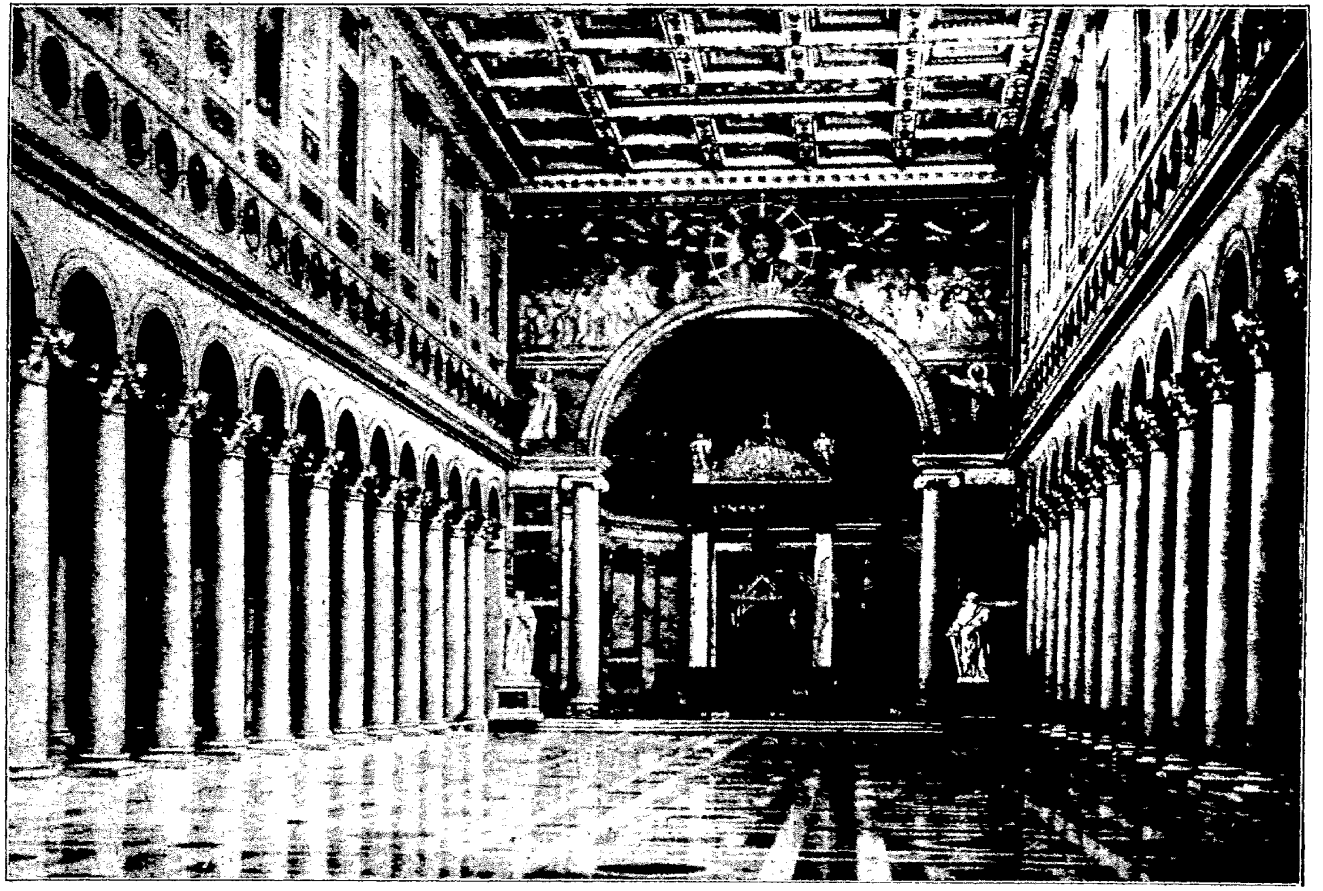
Вѣроятно, въ теченіе громаднаго періода времени пещеры были въ холодныхъ странахъ единственнымъ жилищемъ человѣка и главнымъ его жилищемъ въ ненастное или въ зимнее время въ странахъ тропическаго или умѣреннаго климатовъ.

Въ этихъ пещерахъ родилось, вѣроятно, первое ремесло и первое искуство — выдѣлка шкуръ, каменныхъ орудій и украшеній. Но вѣроятно также и то, что человѣкъ жилъ въ пещерахъ тогда, когда не зналъ еще ни одного искуства, когда не имѣлъ никакого, приготовленнаго собственными руками, оружія, когда не умѣлъ еще добывать огня и поддерживать его, согрѣвая свое прозябшее тѣло и отпугивая отъ своего жилища хищныхъ звѣрей.

Мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній о той отдаленной эпохѣ, въ которую человѣкъ ничѣмъ еще не отличался отъ дикаго звѣря. На сколько сотенъ или на сколько тысячъ вѣковъ отстоитъ это время отъ насъ?.. На этотъ вопросъ никто не умѣетъ отвѣтить, и само воображеніе теряется и путается въ темнотѣ отдаленнаго прошлаго, въ непроходимыхъ дебряхъ столѣтій, не оставившихъ намъ никакихъ воспоминаній, никакой ясной картины, кромѣ смутнаго сознанія, что человѣчество старо, очень старо, и что основы многихъ нашихъ чувствъ и психическихъ способностей вырабатывались и развивались въ темнотѣ доисторическихъ пещерныхъ жилищъ человѣка.

Напрасно, изнѣженный роскошью современнаго комфорта, европеецъ вздумалъ бы счесть свои вкусы и стремленія плодомъ одной только той европейской цивилизаціи, которою онъ такъ кичится передъ другими народами, напрасно онъ называлъ бы чувства свои утонченными и старался бы ихъ привить такимъ древнимъ народамъ, какъ нѣкоторыя племена Китая и Индіи, которыя носятъ физическіе и психическіе слѣды чуть-ли не сотни вѣковъ культурной общественной жизни. Европейская цивилизація молода, срокъ ея жизни ничтоженъ въ сравненіи съ тысячелѣтіями звѣроподобнаго существованія нашихъ доисторическихъ предковъ. Дѣйствительно, европеецъ успѣлъ за послѣднее время пріобрѣсти много новыхъ познаній, но большого количества новыхъ инстинктовъ онъ, конечно, пріобрѣсти еще не успѣлъ. Знанія являются внезапно, усваиваются быстро, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ или нѣсколькихъ дней, инстинкты же образуются медленно, вырабатываются жизнью многихъ поколѣній и закрѣпляются тысячелѣтіями вмѣстѣ съ тѣми измѣненіями организма, которыя служатъ признаками племени, расы или зоологическаго вида.

Вотъ почему чувства европейцевъ, проповѣдующихъ насиліе и борьбу, нельзя называть утонченными въ сравненіи съ чувствами китайцевъ, считающихъ войну за величайшее бѣдствіе, и вождя-побѣдителя за преступника, который въ траурномъ одѣяніи долженъ каяться передъ Богомъ и оплакивать, убитыхъ имъ въ сраженіи лю-

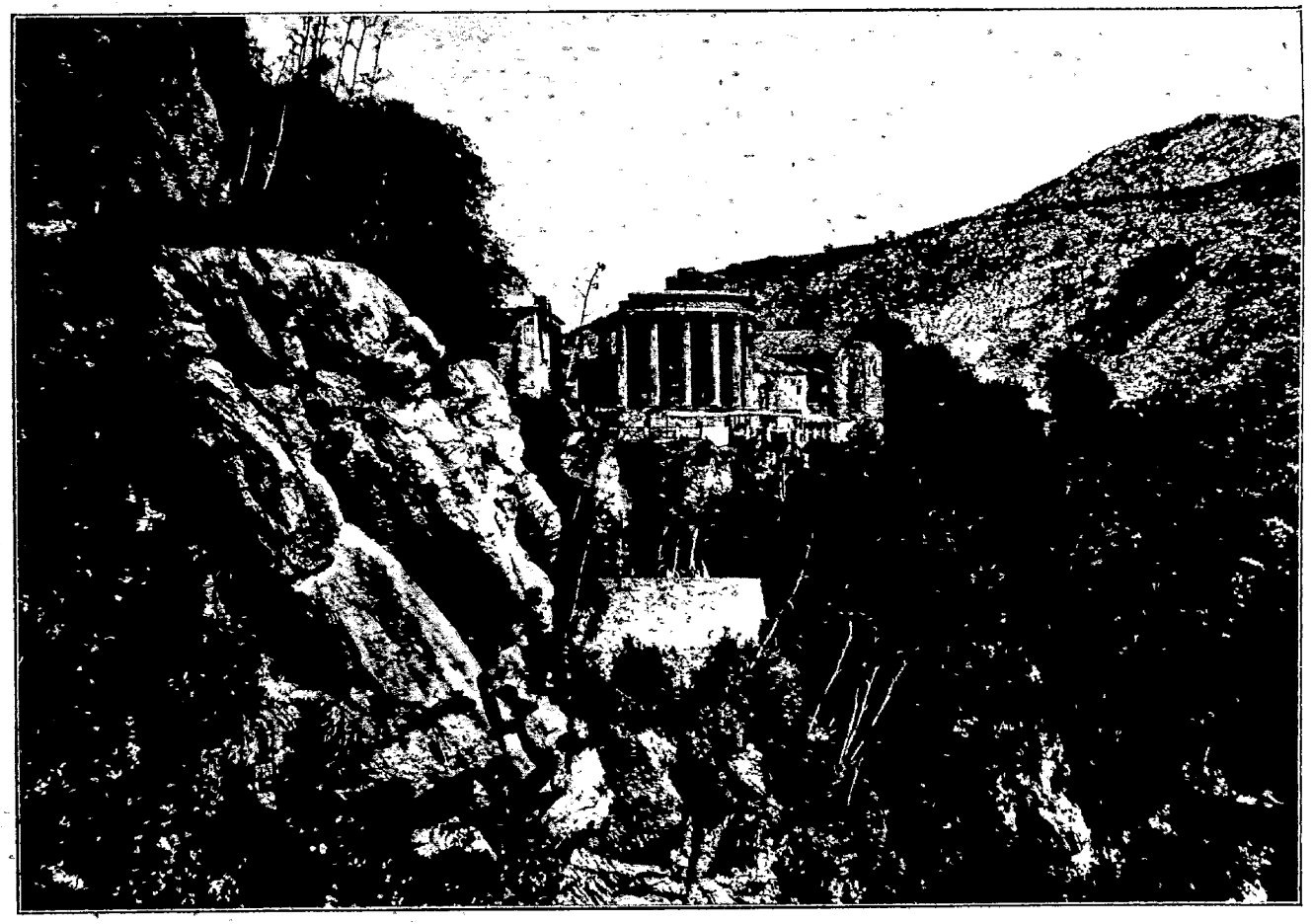


Базилика св. Павла въ Римѣ.

дей, стоя позади всѣхъ молящихся въ храмѣ, вмѣсто того, чтобы получать похвалы и торжествовать, какъ это дѣлаютъ европейскіе воины; или въ сравненіи съ чувствами индуса, опасающагося раздавить ногою насѣкомое, вмѣсто того, чтобы распарывать животы и выпускать внутренности у живыхъ и здоровыхъ лошадей для того только чтобы посмотрѣть на дыхательныя движенія грудобрюшной преграды, какъ это дѣлалъ одинъ изъ европейскихъ ученыхъ.

Дѣйствительно, въ интелектуальномъ отношеніи мы болѣе другихъ цивилизованы и обладаемъ многими знаніями, которыхъ не имѣютъ пока другіе народы, но которые они могутъ легко усвоить въ самый непродолжительный срокъ, зато въ отношеніи чувствъ мы еще дикіе варвары и стоимъ далеко ниже тѣхъ древнихъ народовъ, которые уже успѣли выработать въ себѣ новые культурные инстинкты, тѣмъ болѣе, что ихъ невозможно усвоить ни въ годъ, ни въ десять лѣтъ, ни даже въ теченіи цѣлой человѣческой жизни. Эти естественныя, высшія, культурныя чувства кажутся намъ ненужными, странными и даже невозможными мечтаніями потому, что ихъ нелзя въ полчаса воспринять умомъ, какъ научное положеніе, задатки ихъ надо отъ рожденія имѣть въ себѣ, въ своемъ организмѣ. Чтобы ихъ понять, необходимо съ ними родиться; чтобы съ ними родиться, необходимо ихъ унаслѣдовать отъ предковъ; чтобы ихъ унаслѣдовать отъ предковъ, необходимы тысячелѣтія культуры и развитія этихъ инстинктовъ и чувствъ. Въ точномъ смыслѣ словъ—какъ слѣпой отъ рожденія не можетъ постичь цвѣтовыхъ отношеній, такъ необладающій какимъ-либо инстинктомъ не можетъ судить о незнакомыхъ ему чувствахъ другихъ людей, ими одаренныхъ.

Европеецъ не успѣлъ еще выработать въ себѣ дѣйствительно культурныхъ инстинктовъ, онъ еще почти вполнѣ дикарь по своимъ чувствамъ и стремленіямъ; нѣкоторые изъ древнихъ цивилизованныхъ народовъ, какъ, напримѣръ: египтяне, индусы и китайцы, во многомъ стоятъ неизмѣримо выше европейцевъ по отношенію развитія чувствъ. Наша блестящая съ внѣшней стороны цивилизація еще до того молода, что она едва лишь успѣваетъ нѣсколько сдерживать самые варварскіе инстинкты, но еще не искоренила ихъ и не выработала новыхъ, которые одни могли бы составить основу истинной нравственной культуры. Мы еще почти вовсе не цивилизованы со стороны нашихъ чувствъ, и главнымъ мотивомъ нашихъ поступковъ до сихъ поръ еще является основа поведенія ихтіозавровъ и другихъ допотопныхъ чудовищъ и, вѣроятно, пещернаго человѣка, т. е. англійскій принципъ борьбы за существованіе, вмѣсто основного закона нравственности всѣхъ психически культурныхъ народовъ, закона взаимопомощи и поддержки всякой жизни на землѣ. Посмотрите на эти страшныя допотопныя чудовища, какія удивительныя орудія борьбы носятъ они на себѣ отъ рожденія, эти орудія должны соотвѣтствовать ихъ характерамъ; многіе изъ нихъ одѣты въ броню, и каждый ихъ членъ обладаетъ особымъ смертоноснымъ оружіемъ, назначеніе котораго истреблять все, встрѣчающееся на ихъ дорогѣ. Брони, панцыри, неисчислимое количество острыхъ и длинныхъ зубовъ, когти, мѣшающіе ходить, щигы, тяготящіе и связывающіе движенія, огромные рога, цѣпляющіеся за деревья, бивни, не дающіе приблизиться ни къ ка-



Развалины храма Венеры въ Тиволи.

кому предмету... Эти удивительные организмы представляютъ собою какіе-то ходячіе арсеналы; инстинкты, выработанные такими организмами, не могутъ быть иными, какъ только инстинктами борьбы и убійства, такъ какъ они являются лишь психическими потребностями дѣятельности существующихъ органовъ и развиваются у животныхъ одновременно съ этими органами, служащими для ихъ удовлетворенія. Прогресъ въ развитіи животныхъ не усовершенствовалъ эти орудія смерти, но уничтожилъ ихъ, и современное животное является почти безоружнымъ и беззащитнымъ въ сравненіи съ отвратительными чудовищами прошедшихъ геологическихъ эпохъ. Но современное животное стоитъ много выше этихъ вымершихъ, несмотря на все свое вооруженіе и силу, гигантовъ. Многіе изъ инстинктовъ борьбы должны были уступить мѣсто инымъ, высшимъ инстинктамъ общежитія и приспособленія къ совмѣстной дѣятельности. Чувства стали покладистѣе, нравы мягче, эгоизмъ и злоба съузили сферу своей дѣятельности, и въ этомъ фактѣ проявился законъ психической эволюціи животныхъ, связанный съ прогресомъ ихъ физической организаціи.

Развитіе обществъ слѣдуетъ по тому же пути, но только на много отстаетъ отъ развитія отдѣльныхъ индивидовъ (G. Le Bon). Современныя европейскія государства не представляютъ ли собою мостодонтовъ съ ихъ непомѣрно тяжелыми и неуклюжими бивнями или ихтіозавровъ, плезіазавровъ, игуанодонтовъ и прочихъ страшилъ юрскаго періода, исполненныхъ однимъ лишь желаніемъ истребить другъ друга и изнемогающихъ подъ тяжестью собственнаго вооруженія.

Наши великаны—береговыя орудія, броненосцы, крѣпости, разрушительныя торпеды, динамиты, шрапнели, бездымный порохъ и всѣ эти ухищренія человѣческаго разума, направленнаго къ цѣли истребленія себѣ подобныхъ, не показываютъ ли ясно, какъ солнечный лучъ, что физическій организмъ нашего общества и инстинкты современныхъ обитателей Европы, отъ развитія которыхъ зависитъ устройство общественныхъ организмовъ, не пережили еще ступени психическаго развитія ископаемыхъ юрской формаціи. И не мудрено! Въ то время, когда египетская цивилизація считала уже много болѣе 5000 лѣтъ своего существованія, когда восточный Китай ужъ съ незапамятныхъ временъ остановился въ своемъ поступательномъ движеніи по пути прогреса, находя себя достаточно развитымъ, по крайней мѣрѣ въ нравственномъ отношеніи, для дальнѣйшей мирной общественной жизни, когда Индія, вкусивъ плода высшихъ нравственныхъ ученій и самой тонкой изысканной философіи, погрузилась въ добродушное созерцаніе обоготворенной ею природы, когда многія высокія матерьяльныя цивилизаціи древняго Востока, за отсутствіемъ достаточно твердыхъ нравственныхъ основъ, погибли безслѣдно навѣки, когда Греція, исполнивъ свою историческую мисію, давно уже отошла на задній планъ исторіи человѣчества, а разлагающійся Римъ пересталъ наводить трепетъ на сосѣднія страны, жаждущія самостоятельной жизни,—т. е. въ то время, когда величайшія изъ извѣстныхъ міру цивилизацій давно уже сказали свое послѣднее слово,—въ пятомъ или въ шестомъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова въ Англіи, нынѣ столь гордой своею культурою, еще существовали пещерныя поселенія...

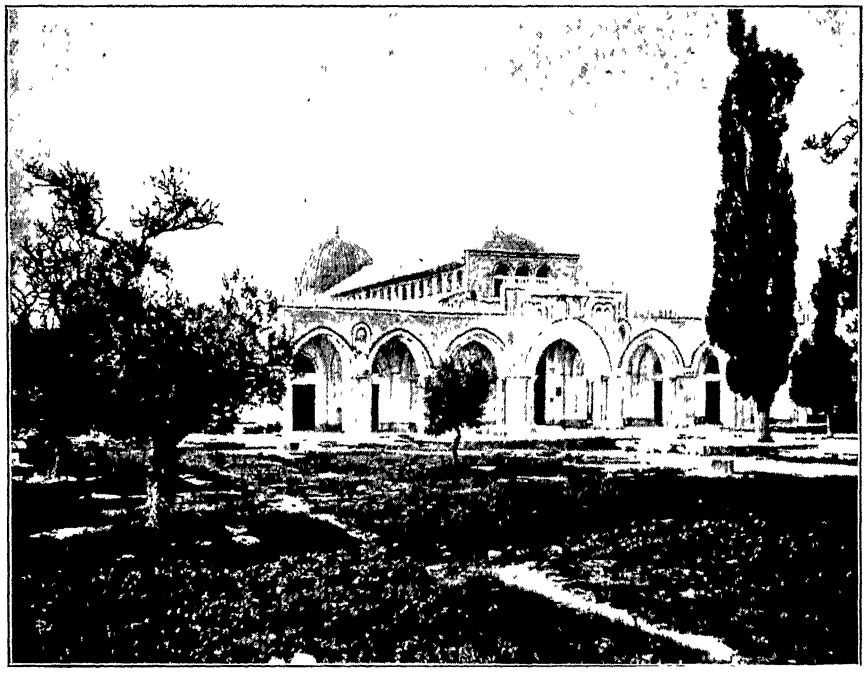
Какъ бы то ни было, но прослужившіи человѣчеству въ теченіи болѣе ста тысячъ лѣтъ въ качествѣ жилища и убѣжища отъ враговъ, горныя пещеры не могли не запечатлѣть своего образа въ умѣ человѣка, а инстинкты людей не могли оставаться безъ самой тѣснѣйшей и прочной связи съ нѣкогда необходимымъ для жизни людей представленіемъ очертаній этого первобытнаго жилища. Ежели въ наше время инстинкты, создавшіе стремленіе къ этимъ очертаніямъ и любовь къ нимъ, потеряли уже свою цѣлесообразность и почти утрачены, то все-таки остатки ихъ—вкусы людей, какъ психическія переживанія—развалины погибшихъ инстинктовъ—должны намъ еще указывать на древнее стремленіе человѣчества къ горамъ и къ пещерамъ, среди которыхъ оно провело почти все свое прошлое существованіе.

Каковы же должны быть архитектурныя формы, зависящія отъ строенія горъ, пригодныхъ для человѣческаго жилища?

Весьма вѣроятно, что строеніе горъ, которыя могли быть обитаемы человѣкомъ, должно походить на строеніе тѣхъ горъ, которыя въ наше время служатъ жилищемъ для животныхъ, болѣе всѣхъ другихъ близкихъ къ человѣку, а именно—для обезьянъ.

Нѣкоторые виды обезьянъ, какъ извѣстно, живутъ въ пещерахъ, и мы заимствуемъ у Брэма прекрасное описаніе мѣстности и образа ихъ горной жизни, которая во многихъ чертахъ должна походить на жизнь первобытныхъ людей. „Горы Симіи похожи на огромные дома, говоритъ Брэмъ, сверху онѣ спускаются отлого, какъ крыши, потомъ вдругъ на сто и болѣе метровъ обрываются болѣе или менѣе круто или почти вертикально внизъ. Въ этихъ стѣнахъ много пещеръ, въ которыхъ ночуютъ обезьяны. Днемъ ихъ можно видѣть сидящими на карнизахъ и выступахъ, обществами до 1000 штукъ. Это время ихъ отдыха послѣ прогулки за пищей на вершинахъ горъ“ *). „Гамадрилы живутъ въ довольно большомъ количествѣ на прибрежныхъ горахъ Абиссиніи и южной Нубіи... Чѣмъ богаче растительность на горахъ, тѣмъ охотнѣе тамъ живутъ обезьяны... При восходѣ солнца или въ дождливые дни все общество можно застать на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно провело ночь: въ углубленіяхъ недоступныхъ отвѣсныхъ скалъ (въ нишахъ и въ пещерахъ) и подъ выдающимися карнизами. Павіаны сидятъ, плотно подсѣвши другъ къ другу, молодыя и слабыя обезьяны въ срединѣ, какъ можно ближе прижавшись къ матерямъ и къ отцамъ **)... Когда общество гамадриловъ усѣлось, оно глубокомысленно молчитъ, пока ничто особенное не привлекаетъ его вниманія ***)... Мы замѣтили все стадо, сидящее рядами и, какъ бы, прилѣпленное къ совершенно отвѣсной скалѣ; я до сихъ поръ не могу себѣ объяснить, какимъ образомъ оно могло удержаться въ такомъ положеніи ****)... При приближеніи людей или стада они издаютъ страшные звуки, напоминающіе лай... Но если грозитъ опасность, то слышатся всевозможные звуки... Все общество мычитъ, реветъ, лаетъ, кричитъ, хрюкаетъ и визжитъ на-

*) Брэмъ. „Жизнь Животныхъ“, т I, стр. 194—195.
**) Тамъ же, стр. 188.
***) Тамъ же, стр. 190.
****) Тамъ же, стр. 191.



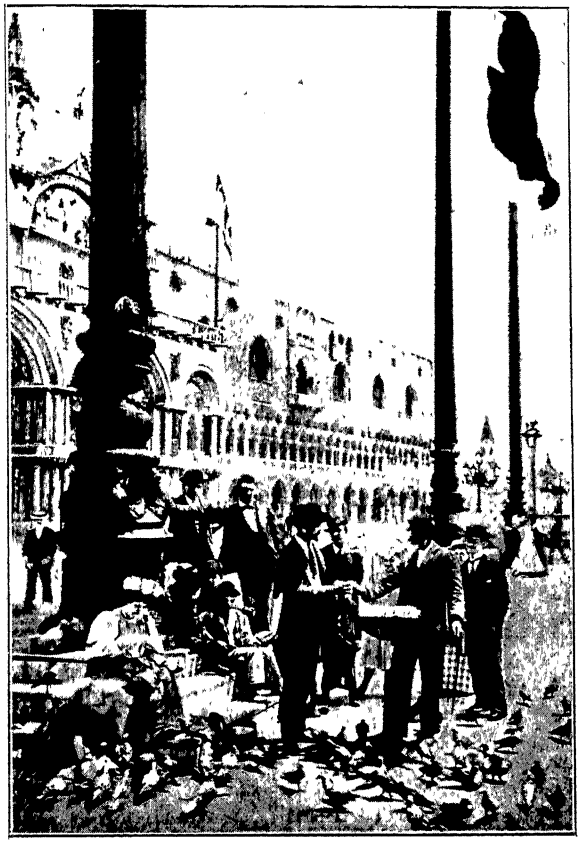
Іерусалимъ. Маскетъ Эль-Акза.

перерывъ. Всѣ, способные къ борьбѣ, самцы выступаютъ по краямъ обрывовъ скалъ, внимательно осматривая долину, чтобы узнать степень опасности. Молодыя обезьяны ищутъ защиты у старшихъ, дѣти вѣшаются къ матерямъ на шею или влѣзаютъ имъ на спину, и все стадо быстро приходитъ въ движеніе и поспѣшно скрывается изъ виду *)... Съ гамадрилами гелады живутъ во враждѣ. Эти обезьяны живутъ многочисленными семьями въ ущельяхъ и пещерахъ крутыхъ скалъ, откуда онѣ совершаютъ ежедневно весьма правильные переходы чрезъ глубокія пропасти. Какъ только, послѣ холодной ночи, солнце покажется надъ вершинами горъ, павіаны эти покидаютъ свои ущелья, гдѣ они провели ночь въ безопасности отъ леопардовъ и гіенъ, близко прижавшись другъ къ другу. Медленно, подъ предводительствомъ стараго самца, подымаются они, еще окоченѣлые отъ ночного холода, на освѣщенную солнцемъ горную площадку. Здѣсь они усаживаются обыкновенно близко другъ къ другу, дѣтеныши около матерей, и дремлютъ, вѣроятно, пригрѣтые утреннимъ солнцемъ. Нѣсколько старыхъ самцовъ бодрствуютъ; отъ скуки они, зѣвая, страшно раскрываютъ пасть, трутъ себѣ глаза и ворчатъ, когда порывъ вѣтра приводитъ въ безпорядокъ рыжеватые концы длинной гривы, въ которую они прячутся, какъ въ мѣховой воротникъ. Между тѣмъ солнечные лучи грѣютъ все сильнѣе, старыя самки начинаютъ пріятно потягиваться: одна изъ нихъ занялась туалетомъ своего дѣтеныша, причемъ съ наслажденіемъ щелкаетъ въ

*) Тамъ же, стр. 190.

зубахъ маленькихъ насѣкомыхъ, которыхъ нашла въ его шерсти. Общество мало-по-малу оживляется".

„Все общество отправляется въ поиски за пищей, которая состоитъ преимущественно изъ почекъ, листьевъ, плодовъ и злаковъ. Большіе камни общими силами сдвигаются съ мѣста, такъ какъ подъ ними находятся черви, жирныя личинки, жуки и улитки *)"...



Венеція.
(Дворецъ дожей—скала со множествомъ пещеръ).

„Они (гамадрилы) не оставятъ въ покоѣ ни одного камня. Если одной, двумъ, тремъ обезьянамъ не подъ силу сдвинуть камень съ мѣста, онѣ садятся вокругъ него въ большомъ числѣ, соединенными усиліями непремѣнно перевертываютъ его и ищутъ подъ нимъ любимую пищу **)... Между тѣмъ молодые самцы предаются веселымъ играмъ,—дразнятъ другъ друга или пристаютъ къ родителямъ, которые, въ свою очередь, бьютъ ихъ по щекамъ, кусаютъ и дергаютъ

*) Тамъ же, стр. 194—195—196.
**) Стр. 187.

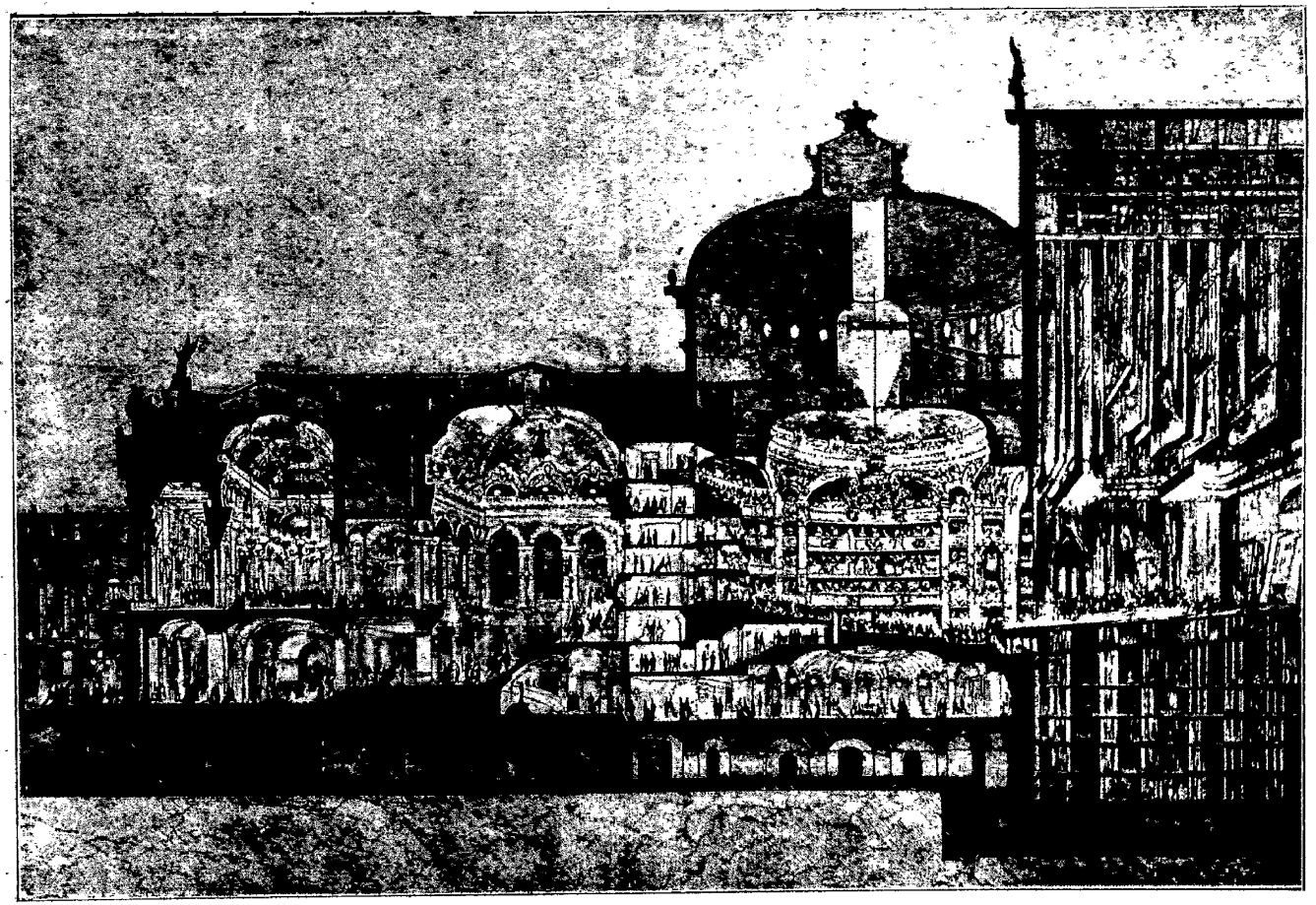
за хвостъ... О приближающейся опасности караульщики даютъ знать отрывистымъ лаемъ. Тогда каждое стадо мгновенно групируется вокругъ своего предводителя. Матери заботливо приближаются къ своимъ дѣтенышамъ *)... Когда завтракъ оконченъ, онѣ опять подымаются на вершину горнаго хребта. Самцы серьезно и важно садятся на камни спиной къ вѣтру. Самки прохаживаются и присматриваютъ за дѣтенышами, которые весело играютъ и борятся между собою. Къ вечеру все стадо направляется къ ближайшей водѣ, чтобы напиться, потомъ идетъ опять на поиски за пищею, послѣ чего отыскиваетъ себѣ удобный ночлегъ. Если мѣсто, выбранное для ночлега, удобно и имъ понравилось, то онѣ возвращаются туда каждый вечеръ, конечно, если только ихъ не напугаютъ преслѣдованіемъ" **).

Дома, украшенныя статуями въ нишахъ.

Въ этомъ описаніи жилища двухъ видовъ павіана мы видимъ необходимые его элементы, главнымъ образомъ, въ пещерахъ, карнизахъ, нишахъ и ущельяхъ, мы видимъ украшенную ими стѣну домообразной горы. Гора эта пробита окнами или дверьми пещеръ. Эти отверстія ограничены сверху криволинейными очертаніями и снизу большею частью прямою горизонтальною линіею, такъ какъ отложенія почвы нивелируютъ обыкновенно дно пещеры.

Не таковы ли условія красоты современныхъ зданій? Карнизы, выступы, балконы, ниши и очертанія оконъ и дверей составляютъ главные мотивы архитектурныхъ украшеній. Нижняя часть

*) Стр. 196.
**) Стр. 189.



Зданіе большой оперы въ Парижѣ.

или подушки оконъ, не говоря уже о порогахъ дверей, согласно эстетическимъ требованіямъ, необходимо должны быть прямолинейными и горизонтальными, верхняя же часть этихъ отверстій выигрываетъ въ красотѣ, ежели она криволинейна,—ежели окна и двери увѣнчаны аркою, т. е. кривою, близко подходящею къ возможнымъ очертаніямъ естественнаго свода пещеръ, слегка видоизмѣняемыхъ требованіями схематизаціи и симетріи. Карнизы и выступы, опоясывающіе зданіе на разныхъ высотахъ, одно изъ самыхъ употребительныхъ украшеній. Карнизъ составляетъ, какъ бы, естественную необходимость всякой каменной постройки. Балконы одно изъ главныхъ украшеній современнаго европейскаго дома; сидя на балконахъ, незанятые и сытые люди любятъ проводить время подобно павіанамъ на выступахъ скалъ, на ихъ карнизахъ и площадкахъ. Терасы, а на югѣ плоскія крыши, служатъ для той же цѣли. Мы знаемъ, что какъ первобытный человѣкъ, такъ и животныя, за отсутствіемъ пещеръ скрываются отъ ненастья подъ карнизами скалъ, точно такъ же какъ и въ естественныхъ нишахъ, и выбираютъ также эти мѣста для ночевокъ. Ниши и карнизы составляютъ изящнѣйшія архитектурныя украшенія современныхъ зданій, особенно ежели они согласованы со скульптурными изображеніями людей или животныхъ. Такое согласованіе заключается въ образномъ или символическомъ удовлетвореніи древнихъ термическихъ инстинктовъ человѣка. Грѣясь на солнцѣ, люди сидѣли на выступахъ, карнизахъ и площадкахъ, а потому статуи располагаются вдоль стѣнъ на выступахъ или карнизахъ (кронштейнъ) и ставятся на крыши домовъ, когда покатость ихъ маскирована. Сторожевые посты или групы наблюдателей выступали, вѣроятно—какъ и павіаны, по краямъ скалъ надъ обрывами;—надъ углами зданія ставятся фигуры или скульптурныя групы, какъ одно изъ лучшихъ архитектурныхъ украшеній. Скрываясь отъ ненастья, люди прятались подъ карнизы; изваяніе человѣческой фигуры, помѣщенное подъ карнизомъ въ видѣ общепринятой архитектурной формы, служитъ вмѣсто колоны для поддержки карниза. Эта архитектурная форма съ древнѣйшихъ временъ почитается однимъ изъ лучшихъ украшеній зданія. Намъ извѣстны прекрасные образцы древне-греческихъ каріатидъ, какъ, напр., каріатиды храма Эрехѳея, римскихъ атлантовъ и множество подобныхъ же украшеній въ современныхъ большихъ городахъ такъ-называемаго цивилизованнаго міра, т. е. Европы и Америки, къ нимъ принадлежатъ, между прочимъ, и величественные атланты С.-Петербургскаго Эрмитажа. Каріатиды, соединяя формы дерева съ фигурой человѣка, могутъ имѣть въ инстинктахъ людей двоякія психологическія основы своего происхожденія и архитектурной красоты. По чертежамъ Вилькинсона нѣкоторыя человѣкообразныя изваянія древняго Египта, прислоненныя къ пилястрамъ, представляютъ, какъ бы. прототипъ каріатидъ и атлантовъ, тогда какъ другія, не достигая карнизовъ, нависшихъ надъ колонами, и, прижавшись къ послѣднимъ, не имѣютъ, очевидно, никакого практическаго назначенія, но фигуры ихъ все-таки вполнѣ гармонируютъ съ протянувшимся самостоятельно надъ ихъ головами выступомъ карниза. Пилоны древнихъ храмовъ въ Египтѣ, точно такъ же какъ и ворота, расположенныя въ ихъ промежуткахъ, не

Ниши со статуями въ католическомъ храмѣ (съ карт. Мадрацо).

имѣли большею частью иныхъ архитектурныхъ украшеній, кромѣ карнизовъ, опоясывающихъ ихъ вершины. Карнизы эти возводились, очевидно, не для того, чтобы укрывать покатыя стѣны отъ стекающаго съ крышъ дождя, такъ какъ для этой цѣли они были слишкомъ узки. Внизу у подошвы пилоновъ, по обѣ стороны воротъ, очень часто, какъ бы подъ защитою этихъ карнизовъ, располагались колоссальныя изваянія фараоновъ или иныя человѣкообразныя фигуры. Въ подобныхъ же простыхъ и понятныхъ инстинктивныхъ пріемахъ заключалось все искуство архитектуры, вся красота древне-египетскихъ храмовъ, какъ это мы далѣе увидимъ. Нѣчто въ родѣ каріатидъ или атлантовъ встрѣчаемъ мы также и въ индійской архитектурѣ, даже иногда на древнѣйшихъ ея памятникахъ, какъ, напр., на воротахъ Санхи*) и пр. Наружныя стѣны пагодъ очень часто бываютъ украшены множествомъ человѣческихъ изваяній, расположенныхъ горизонтальными рядами, при чемъ одинъ рядъ отдѣляется отъ другого нависшимъ надъ изваяніями карнизомъ, какъ, напр., въ храмахъ Кхандаріа и Моозандхара въ Кхажіурао **).

Было бы слишкомъ долго перечислять ниши, украшенныя помѣщенными внутри ихъ человѣческими изваяніями во всѣхъ странахъ Стараго и Новаго свѣта, скажемъ только, что это одно изъ лучшихъ архитектурныхъ украшеній древне-индійскихъ храмовъ, распространенное вездѣ, гдѣ человѣкъ занимался когда-либо скульптурою и архитектурою, какъ изящными искуствами. Даже въ древнемъ Египтѣ, архитектурѣ котораго чужды криволинейные своды, мы находимъ ниши, ограниченныя прямыми плоскостями и украшенныя статуями, какъ, напр., въ знаменитыхъ подземныхъ храмахъ Нубіи и въ частныхъ гробницахъ. Легко себѣ представить, какою безобразною казалась бы намъ пустая ниша, если бы изваяніе человѣка было помѣ-

*) Gustave Le Bon. Les Civilisations de l'Inde, 217.
**) Тамъ же, стр. 301 и 309.

щено не внутри ея, а подъ нею, или надъ нею, она не имѣла бы тогда эстетическаго смысла, т. е. не соотвѣтствовала бы образамъ нашихъ инстинктивныхъ побужденій и представленій.

Архитектура христіанскаго Рима и Византіи широко воспользовалась красотою нишъ при постройкѣ храмовъ, которые и въ наше время служатъ образцами для всеобщаго подражанія. Реймскій соборъ, соединяя въ себѣ эстетическія формы хвойнаго лѣса и горъ, почти сплошь покрытыхъ прекрасными гротообразными нишами, въ которыхъ поставлены изваянія святыхъ.

Своды или арки представляютъ собою ни что иное. какъ подобіе естественныхъ пещеръ или входовъ въ эти пещеры.

Красота свода зависитъ отъ той привлекательности, которую имѣлъ для некультурнаго человѣка видъ естественнаго входа въ пе-

Люцернскій левъ.
(По модели Торвальдсена).

щеру и видъ ея природнаго свода, защищавшаго организмъ отъ вредныхъ температурныхъ вліяній погоды и климата.

Когда утомленный опасными и трудными поисками пищи, убѣгая отъ преслѣдующихъ его враговъ, отъ зноя, грозы, непогоды и холода, взоръ нашихъ предковъ, подолгу и тщетно искавшій въ горахъ спасительный признакъ пещеры, встрѣчалъ, наконецъ, желанный образъ ея наружныхъ очертаній, понятно, что сердце его чувствовало удовлетвореніе и радость и вмѣстѣ съ тѣмъ страхъ передъ возможными обитателями пещеры, съ которыми, быть можетъ, придется вступить въ смертельную борьбу, понятно, какимъ привлекательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственно-страшнымъ являлся ему наружный видъ пещеры и

какъ представленія очертаній ея входа были прочно связаны съ инстинктивными стремленіями человѣка. Связь этого представленія и чувствъ закрѣплялась и усиливалась въ теченіе тысячелѣтій и когда человѣкъ, наконецъ, покинулъ свое первобытное жилище, уступивъ его дикимъ звѣрямъ и обезьянамъ, когда инстинкты его нѣсколько видоизмѣнились и онъ научился строить себѣ жилище на любомъ свободно избранномъ мѣстѣ, связь между представленіемъ естественнаго свода и этимъ органическимъ чувствомъ не могла исчезнуть внезапно,

Мотивъ мавританской архитектуры (съ картины Фортуни).

хотя и перестала быть полезною для человѣка. Очертанія входа въ пещеру продолжали возбуждать пріятное и благоговѣйное чувство таинственнаго влеченія и страха и превратились въ форму красоты т. е. въ то прекрасное, которое возбуждаетъ наши эмоціи.

При благопріятныхъ условіяхъ и достаточномъ развитіи техники, народы всѣхъ почти странъ для украшенія своихъ зданій стали возводить своды и арки. Мавританскій сталактитовый сводъ поражаетъ насъ своею красотою и съ очевидной наглядностью обнаруживаетъ тайну происхожденія этой архитектурной формы, подтверждая наше положеніе. Само названіе сталактитоваго свода указываетъ на несомнѣнное и всѣми признанное сходство этого произведенія мавританскаго

зодчества съ естественными формами нѣкоторыхъ пещеръ. Нетрудно замѣтить, что мавританскія колоны, поддерживающія и украшающія эти своды. очень часто подражаютъ большимъ сталактитамъ, сросшимся съ поднимающимися къ нимъ сталагмитами.

Колоны эти, какъ будто бы, созданы не для поддержки свода, но только для красоты, какъ будто, подвѣшены или приставлены къ нимъ, настолько ихъ нѣжныя и легкія очертанія не соотвѣтствуютъ идеѣ подпоры того груза, который на нихъ покоится. И все-таки онѣ не теряютъ, но только выигрываютъ въ своей красотѣ отъ этой логической несообразности.

Мотивъ мавританской архитектуры (Альгамбра въ Гренадѣ).

Стрѣльчатое зодчество широко воспользовалось вліяніемъ свода на эстетическія чувства человѣка и, ежели готическіе храмы представляютъ подобіе хвойнаго лѣса, то этотъ каменный лѣсъ образуетъ масу большихъ и маленькихъ сводовъ, столь привлекательныхъ для взора, а въ общемъ, эти храмы имѣютъ очень часто пирамидальную форму, т. е. архитектурную форму горы, и носятъ признаки пилоновъ, или двойной башни, столь часто встрѣчаемой въ произведеніяхъ романскаго зодчества, т. е. носятъ признаки ущелья и его устья, какъ, напр., въ Реймскомъ соборѣ. Такимъ образомъ, готическое зодчество соединяетъ въ себѣ заразъ инстинктивныя идеи красоты: горы пещеры и лѣса, что, впрочемъ, хотя и не въ такой совершенной степени, мы видимъ въ произведеніяхъ всѣхъ стилей.

Форма входа въ пещеру — ворота или арка — со времени глубочайшей древности и до нашихъ дней служитъ общепризнанной формою архитектурной красоты.

Обитатели всѣхъ странъ строятъ и строили ворота съ цѣлью одного лишь украшенія или же для какихъ-то чисто идейныхъ (очевидно—безсознательныхъ, инстинктивныхъ) цѣлей безъ всякаго практическаго смысла и назначенія. Такія ворота мы находимъ въ Китаѣ,

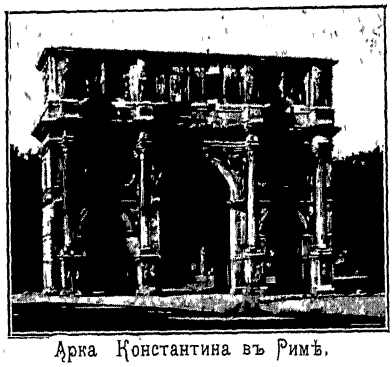
Памятникъ въ Италіи.

въ Японіи, въ древней Индіи, въ Римѣ, въ древней и новой Европѣ и, должно быть, во всѣхъ странахъ міра, знакомыхъ съ архитектурою.

Такія ворота ставятся внутри городовъ, отдѣльно отъ другихъ зданій, среди улицъ или перекидываются съ одного зданія на другое черезъ улицы и каналы. Такія ворота, безъ всякой видимой надобности, воздвигаются среди площадей или же украшаютъ пустое загородное мѣсто, одиноко возвышаясь надъ проѣзжей дорогою. Они строятся иногда въ честь какого-либо лица или въ честь цѣлой арміи, украшая путь, по которому должны пройти чествуемые воины, возвращаясь домой на отдыхъ, послѣ битвъ съ иноплеменниками, какъ

возвращался нѣкогда въ пещеру послѣ войны и охоты нашъ первобытный предокъ.

Via Apia древняго Рима украшена цѣлою серіею тріумфальныхъ воротъ, подъ которыми долженъ былъ проѣзжать привѣтствуемый народомъ тріумфаторъ. Потерявшее смыслъ чувство, волнующее душу человѣка дѣйствіемъ пережившихъ свою цѣлесообразность инстинктовъ, превращается въ безполезное стремленіе къ нѣкоторымъ, не имѣющимъ жизненнаго значенія, формамъ, которыя мы называемъ красотою, и въ безцѣльныя дѣйствія, которымъ мы приписываемъ мистическое или символическое, таинственно-важное, хотя и мало понятное, значеніе. Ворота являются для современнаго человѣчества, какъ бы, узаконенною формою красоты, а постройка воротъ, никогда не закрывающихся и ничего не раздѣляющихъ, точно такъ же, какъ и торжественное, т.е. безцѣльное шествіе подъ такими воротами — превратились для насъ въ дѣйствія первой важности, на которыя мы смотримъ съ умиленіемъ и съ радостью.



Арка Константина въ Римѣ.

Естественныя пещеры почитались древними народами, передъ ними зажигались огни и приносились жертвы ихъ невидимымъобитателямъ, пророчества раздавались изъ этихъ пещеръ, вліяя на государственныя дѣла и на отношенія народовъ.

Гробницы персидскихъ царей представляютъ собою точно искуственныя пещеры. Этотъ послѣдній способъ погребенія былъ, вообще, какъ извѣстно, очень распространенъ на древнемъ востокѣ. Горныя пещеры, переставшія служить обителью для живыхъ людей, оказались имъ необходимыми послѣ смерти, для той же цѣли. Въ пещерахъ послѣ людей обитали души и боги. Намъ извѣстны пещерные храмы въ Египтѣ, въ Индіи и проч.; они точно также высѣчены въ скалахъ и подражаютъ иногда, въ гигантскихъ размѣрахъ естественному жилищу первобытныхъ людей. Эти пещерные храмы населены чудовищными изваяніями божествъ, иногда помѣщенныхъ въ ниши и всегда пребывающихъ въ таинственномъ мракѣ своихъ святилищъ, такъ неотразимо вліяющемъ на инстинктивныя чувства людей.

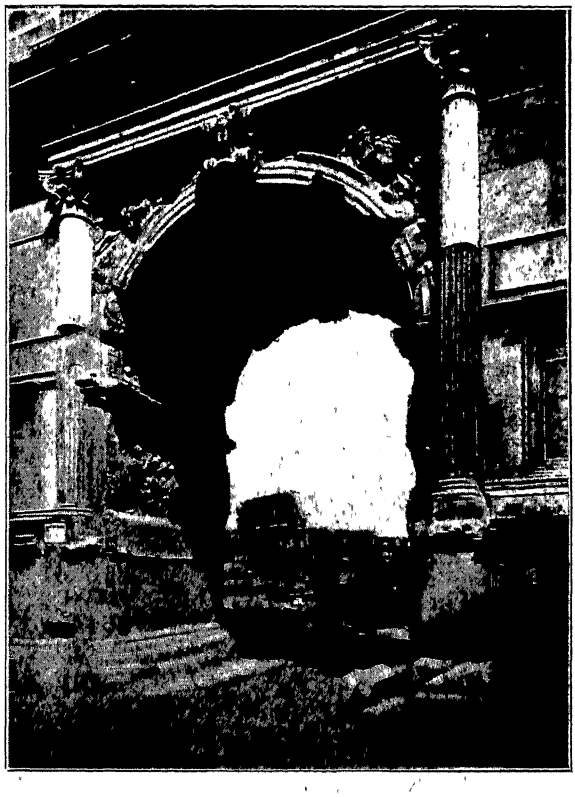
Святилища надземныхъ храмовъ Индіи и Египта и, вѣроятно, всѣхъ странъ древняго міра представляли собою также подобіе темной пещеры, въ которую проникалъ свѣтъ только изъ одной небольшой входной двери. Древне-греческіе храмы, какъ извѣстно, не имѣли оконъ, и статуи божествъ, изваянныхъ изъ мрамора, возвышались, какъ бѣлыя тѣни, едва освѣщенныя въ таинственномъ мракѣ святилищъ-пещеръ, окруженныхъ священными лѣсами колонадъ.

Для подвиговъ молитвы и поста пещерная жизнь признавалась наиболѣе угодною Богу.

Римскія катакомбы представляютъ рядъ перепутанныхъ подземныхъ галерей и длина ихъ, ежели ихъ вытянуть въ одну прямую линію, по вычисленію компетентныхъ людей, равнялась бы длинѣ всего

Апенинскаго полуострова. Наши сектанты точно также удаляются въ лѣсъ и живутъ тамъ въ вырытыхъ собственноручно землянкахъ, надѣясь заслужить этимъ вѣчную жизнь и спасеніе своей грѣшной душѣ.

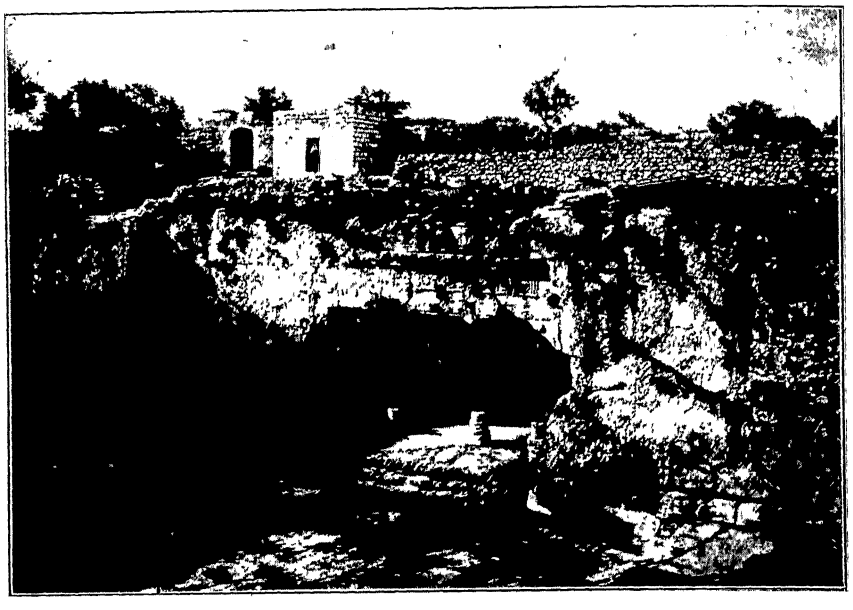
Подобно тому, какъ незанятыя людьми пещеры служили нѣкогда обителью враговъ человѣка—животныхъ, такъ точно, впослѣдствіи, пещеры, незаселенныя божествами, считались жилищемъ разныхъ



Арка Тита въ Римѣ.

миѳическихъ чудовищъ, драконовъ и змѣй, требовавшихъ иногда человѣческихъ жертвоприношеній, что доказываетъ сохранившійся остатокъ инстинктивнаго страха къ первобытнымъ врагамъ, ассоціированнаго съ представленіемъ пещеры.

Подобно тому, какъ животныя, грѣясь на солнцѣ, охраняя свой домъ и семью, лежали у входа въ пещеру, какъ, быть можетъ, у входа въ пещеру человѣка лежали его друзья—собаки, такъ точно передъ дверьми, ведущими въ храмы, ставятся въ Китаѣ, въ Японіи, въ Индіи и т. д. изваянія миѳическихъ звѣроподобныхъ существъ, и даже цѣлыя алеи сфинксовъ тянулись нѣкогда передъ воротами древнеегипетскихъ храмовъ. Современная европейская архитектура тоже не чуждается этого метода воздѣйствія на инстинктивныя чувства людей. Мы часто встрѣчаемъ изваянія сфинксовъ, львовъ и другихъ живот-



Іерусалимъ Гробница царей. (пещера съ колонами).

ныхъ, украшающихъ подъѣзды домовъ и общественныхъ зданій. Такова логика безсознательнаго организма—логика инстинктивныхъ чувствъ.

Первыя попытки человѣка по устройству себѣ искуственныхъ жилищъ руководились точно также инстинктивнымъ влеченіемъ къ пещерамъ.

Искуственныя пещеры открыты во многихъ странахъ, и до сихъ поръ существуютъ поселенія, состоящія изъ искуственныхъ пещеръ (во Франціи, въ Китаѣ и пр.); пещеры еще въ наше время устраиваются всюду для хозяйственныхъ цѣлей, но до конца каменнаго вѣка онѣ составляли, вѣроятно, главную отрасль строительнаго искуства человѣка, Съ началомъ неолитической цивилизаціи стали иногда появляться такъ-называемые долмены, которые пережили весь бронзовый вѣкъ. вплоть до желѣзнаго, тогда какъ искуственныя пещеры принадлежатъ цѣликомъ періоду полированнаго камня *).

Постройка долменовъ представляетъ собою, конечно, болѣе совершенную степень строительнаго искуства человѣка, но въ то же время въ нихъ нельзя не замѣтить самаго рабскаго подражанія горнымъ пещерамъ.

Простѣйшіе долмены устроены слѣдующимъ образомъ: три каменныхъ глыбы или три плиты покрывались сверху четвертою, образуя три стѣны и потолокъ жилища, четвертая сторона оставалась открытою и служила для входа, иногда къ ней пристраивался узкій и низкій коридоръ изъ плитъ меньшихъ размѣровъ; вся постройка по большей части засыпалась землею, образуя искуственный холмъ, курганъ или

*) A. de Quatrefages. Hommes Fossiles et Hommes Sauvages, стр. 117.

Гротъ въ Лурдѣ.

тумулусъ,—и жилище человѣка было готово. Вмѣсто камня иногда употреблялось для постройки дерево и глина, остатки такихъ жилищъ находятъ въ Америкѣ. Едва ли они могли гдѣ-либо хорошо сохраниться, но типъ построекъ, очевидно, былъ всюду одинъ. Конечно, этотъ типъ могъ нѣсколько видоизмѣняться, стѣны долменовъ иногда составлялись не изъ трехъ, но изъ многихъ каменныхъ плитъ, и даже раздѣлялись на камеры, холмъ окружался иногда оградою изъ стоячихъ камней; такъ-называемыхъ менгировъ, и проч., но идея оставалась все тою же и въ ней нельзя не замѣтить инстинктивнаго стремленія доисторическаго человѣка скрываться въ пещерахъ и въ вырытыхъ на ихъ подобіе норахъ, въ глубинѣ горъ и холмовъ.

За недостаткомъ естественныхъ горъ, насыпались искуственные холмы, точно такъ же, какъ за недостаткомъ естественныхъ пещеръ сначала вырывались, а затѣмъ строились пещеры искуственныя.

Многія изъ жилищъ современныхъ сѣверныхъ некультурныхъ народовъ до подробностей сохраняютъ всѣ главныя черты тумулусовъ, съ засыпанными въ нихъ долменами.

Леббокъ причисляетъ къ такимъ: „зимнія землянки“ эскимосовъ и гренландцевъ, „гаммы“ лопарей, „юрты“ чукчей и многихъ сибирскихъ инородцевъ *).

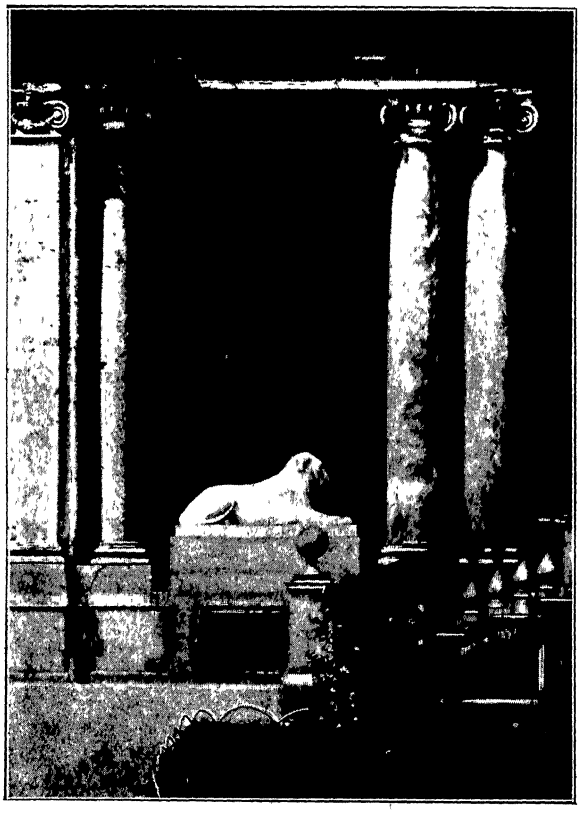
Гельвальдъ, описывая жилища инуитовъ, указываетъ, что они строятся большею частью изъ камня, земли и деревянныхъ балокъ,

*) Леббокъ. Доисторическія времена, стр. 96.

въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изъ досокъ, а иногда даже изъ ледяныхъ глыбъ и изъ снѣга.

Рисунокъ, приложенный къ описанію, даетъ прекрасную идею объ этомъ, нѣсколько усовершенствованномъ, тумулусѣ *).

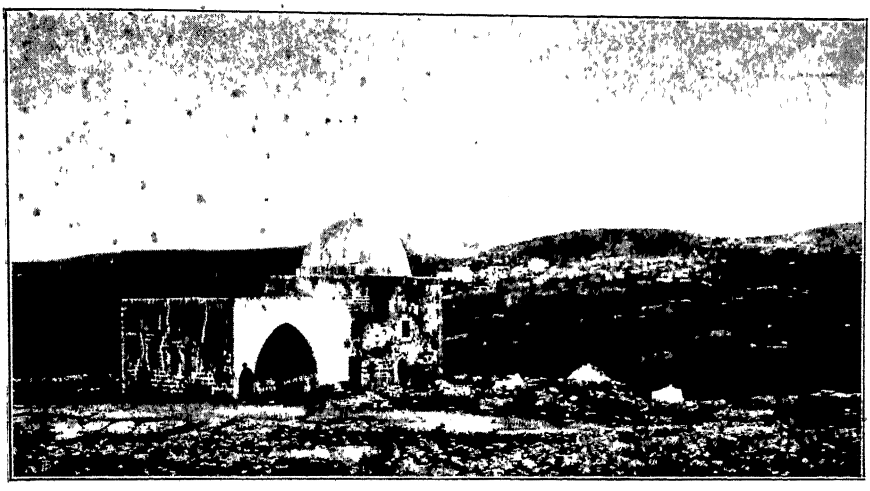
„Узкій тунель, въ 1 м. высоты и $2^1/_2$—$3^1/_4$ м. длины, образуетъ входъ. Въ этотъ тунель приходится вползать на четверенькахъ и посѣтитель долженъ считать особеннымъ благополучіемъ, если на полдорогѣ на него не нападутъ съ обѣихъ сторонъ собаки...



Вилла Медичи въ Римѣ.
(Архитектурные символы: пещеры—жилища человѣка, пальмъ—передъ ея входомъ, охраняемымъ могучимъ животнымъ).

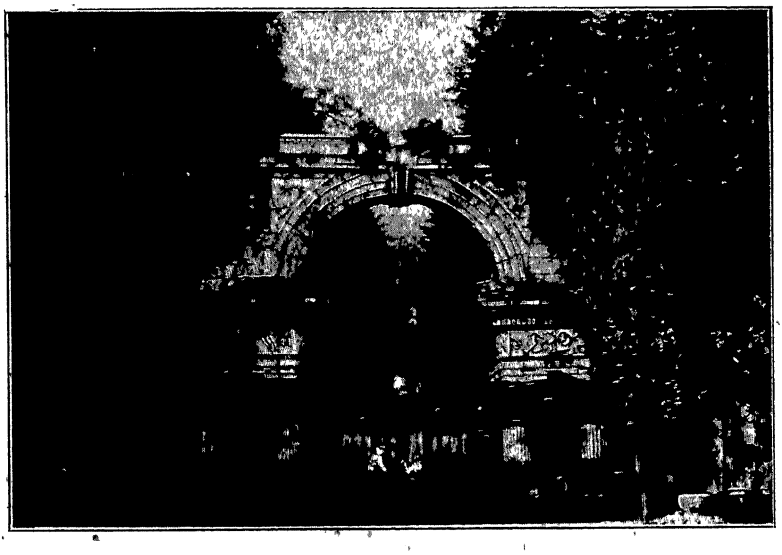
„Наконецъ, вы ощупью находите дверь и вползаете въ хижину. Она обыкновенно круглая и имѣетъ въ діаметрѣ около $3^1/_2$—$4^1/_2$ м., вокругъ стѣны устроена широкая скамья, на которой семья, въ сообществѣ со щенятами, лежитъ, сидитъ, спитъ и ѣстъ... Тяжелая атмосфера царитъ въ хижинахъ. Температура рѣдко бываетъ выше точки замерзанія“ **).

*) Гельвальдъ. Естеств. Исторія Племенъ и Народовъ, т. I, стр. 298.
**) Тамъ же, стр. 299.



Гробница Рахили.

Изобрѣтеніе сводовъ дало инуитамъ возможность обходиться безъ нагроможденія огромныхъ каменныхъ плитъ или глыбъ для того, чтобы имѣть мало-мальски просторное жилище, но планъ и типъ постройки остался вполнѣ тождественный плану и типу построекъ доисторическаго человѣка.



Искуственныя развалины въ Шенбруннѣ. (Мотивы римской архитектуры).

Долмены и тумулусы встрѣчаются во всѣхъ странахъ свѣта, постройка ихъ была свойственна всѣмъ народамъ; главнымъ образомъ, они были изслѣдованы въ Европѣ, въ Азіи и въ Африкѣ, Лессонъ видѣлъ ихъ въ Полинезіи.

Колоннада, ниша и арка римскаго сената.
(Съ картины Жерома „Смерть Юлія Цезаря“).

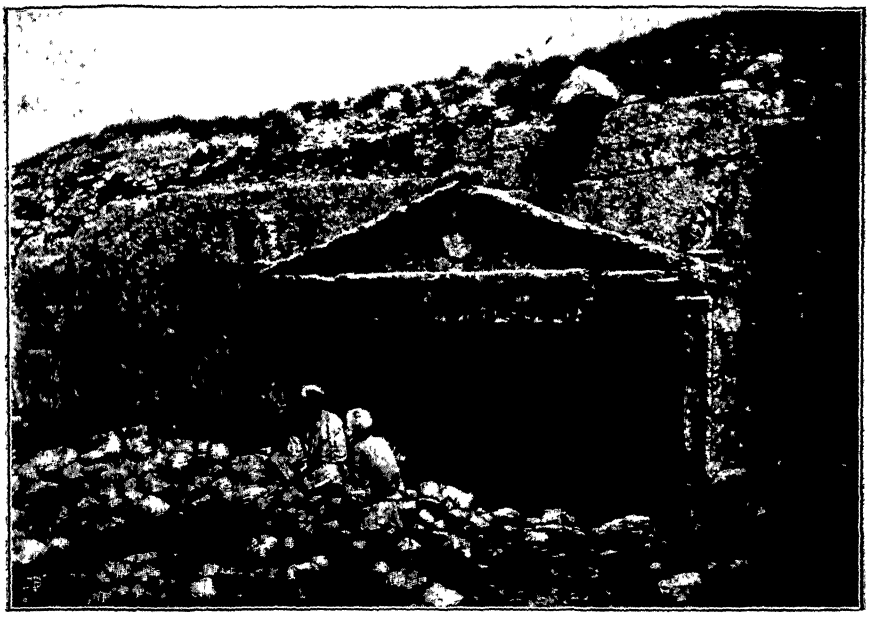
Вдоль одной гавайской дороги,—говоритъ онъ,—поставлены настоящіе долмены, три стоячихъ камня поддерживаютъ четвертый, который ихъ покрываетъ. Капитанъ Годаръ видѣлъ постройки, состоящія изъ трехъ кораловыхъ глыбъ, поставленныхъ вертикально и прикрытыхъ четвертою *).

Въ Америкѣ, главнымъ образомъ, встрѣчаются осыпавшіеся тумулусы, потому что внутреннія стѣны ихъ камеръ были не каменныя; при раскопкахъ находили слѣды очага, т. е. золу, уголь и черепки глиняной посуды.

Нѣкоторые стараются приписать постройку всѣхъ этихъ жилищъ одной и той же расѣ людей. Другіе пытаются объяснить ихъ однообразіе подражаніемъ племенъ другъ другу и взаимными заимствованіями въ области искуствъ. Очевидно, ни та, ни другая изъ этихъ гипотезъ не въ состояніи выдержать серьезной критики. Третьи видятъ въ этомъ фактѣ доказательство единства человѣческаго рода... Положимъ, что это справедливо, но вѣдь долмены, по утвержденію Катрфажа, появились только въ началѣ неолитической цивилизаціи, слѣдовательно, когда человѣчество не составляло уже одну только расу, и не населяло одну только страну свѣта, а потому всѣ племена не могли заимствовать искуство ихъ сооруженія отъ общихъ предковъ, которые сами не были знакомы съ этимъ искуствомъ.

Мы должны заключить, что одинаковая организація и одинаковыя условія внѣшней среды необходимо обусловливаютъ развитіе одинаковыхъ инстинктовъ, а вслѣдствіи того, возникновеніе одинаковыхъ искуствъ. Блестящимъ доказательствомъ этого являются всѣ первобытныя постройки, эстетическіе влеченія и вкусы, а также многія обрядности всѣхъ народовъ земного шара, имѣющія болѣе общаго, чѣмъ различій, и часто сходныя до поразительныхъ деталей.

*) Les Chamites, стр. 95—96.



Гробница судей Израилевыхъ.

6. Психологическое значеніе горы въ архитектурѣ.

Внѣшній видъ горъ, пригодныхъ для жизни, привлекая первобытнаго человѣка, послужилъ основою того идеальнаго образа жилища, къ которому стремятся впослѣдствіи эстетическія чувства и строительное искуство людей. Мы видимъ, что всѣ народы на нѣкоторой ступени своего духовнаго развитія или обоготворяютъ горы, населяя ихъ различными божествами своей инстинктивной миѳологіи, подобно тому, какъ населяли ихъ сами въ давно забытые вѣка, и, наконецъ, избираютъ ихъ загробнымъ жилищемъ для своихъ покойниковъ.

„Есть въ природѣ двѣ формы, говоритъ Шлейденъ, вызывающія въ человѣкѣ одинаковое настроеніе, несмотря на свое очевидное несходство: это высокія горы и обширные дѣвственные лѣса“ *). Шлейденъ тонко подмѣтилъ и оцѣнилъ родство этихъ чувствъ, хотя нельзя согласиться съ его объясненіемъ ихъ, будто бы, чисто интелектуальныхъ причинъ. Одинаковое настроеніе зависитъ здѣсь, очевидно, отъ того, что оба эти чувства являются слѣдствіемъ переживанія тѣхъ же термическихъ инстинктовъ, когда-то отвѣчавшихъ на тѣ же внѣшнія условія, т. е. оба чувства въ сущности одно и то же инстинктивное чувство, способное только къ двоякому опредѣленію, при посредствѣ представленій лѣса или горъ, такъ какъ и горы, и лѣсъ служили одинаково жилищемъ первобытному человѣку.

„Древніе греки и римляне населили всѣ горы ореадами и въ каждомъ деревѣ жила у нихъ своя дріада“. Насколько распростра-

*) Шлейденъ. „Дерево и лѣсъ“, стр. 3.

нены священныя рощи, настолько же и горы, какъ всѣ это знаютъ, населялись богами и почитались святыми или священными. Древніе персы строили алтари на горахъ и естественныя горы были ихъ священными храмами. На горахъ молились финикіяне, іудеи и другіе народы древняго Востока. Зевсъ со всей своею огромною свитою имѣлъ жительство на горѣ Олимпѣ; Адамова гора на Цейлонѣ служитъ предметомъ почитанія людей самыхъ разнообразныхъ религій; сектанты лѣсной части волжскаго побережья молятся въ святой рощѣ,

Восхожденіе на пирамиду.

на святыхъ горахъ, около святого озера и т. д., и т. д. Горы, точно такъ же какъ и лѣса, были первыми естественными храмами людей и первыми предметами религіознаго влеченія, страха и поклоненія.

При постройкѣ искуственныхъ храмовъ люди, по инстинктивному влеченію, неизбѣжно должны были подражать храмамъ естественнымъ, точно такъ же, какъ и при постройкѣ своихъ жилищъ—первобытному жилищу, устроенному самою природою, и мы дѣйствительно видимъ, что древніе храмы Египта, Индіи, Халдеи, Финикіи, Полинезіи, Америки и проч. имѣли своимъ прототипомъ именно горы, и самое яркое подобіе горъ мы видимъ въ тѣхъ храмахъ, которые воз-

двигали, величавшіе себя богами, фараоны *) для загробной жизни своего „двойника“, т. е. въ пирамидахъ.

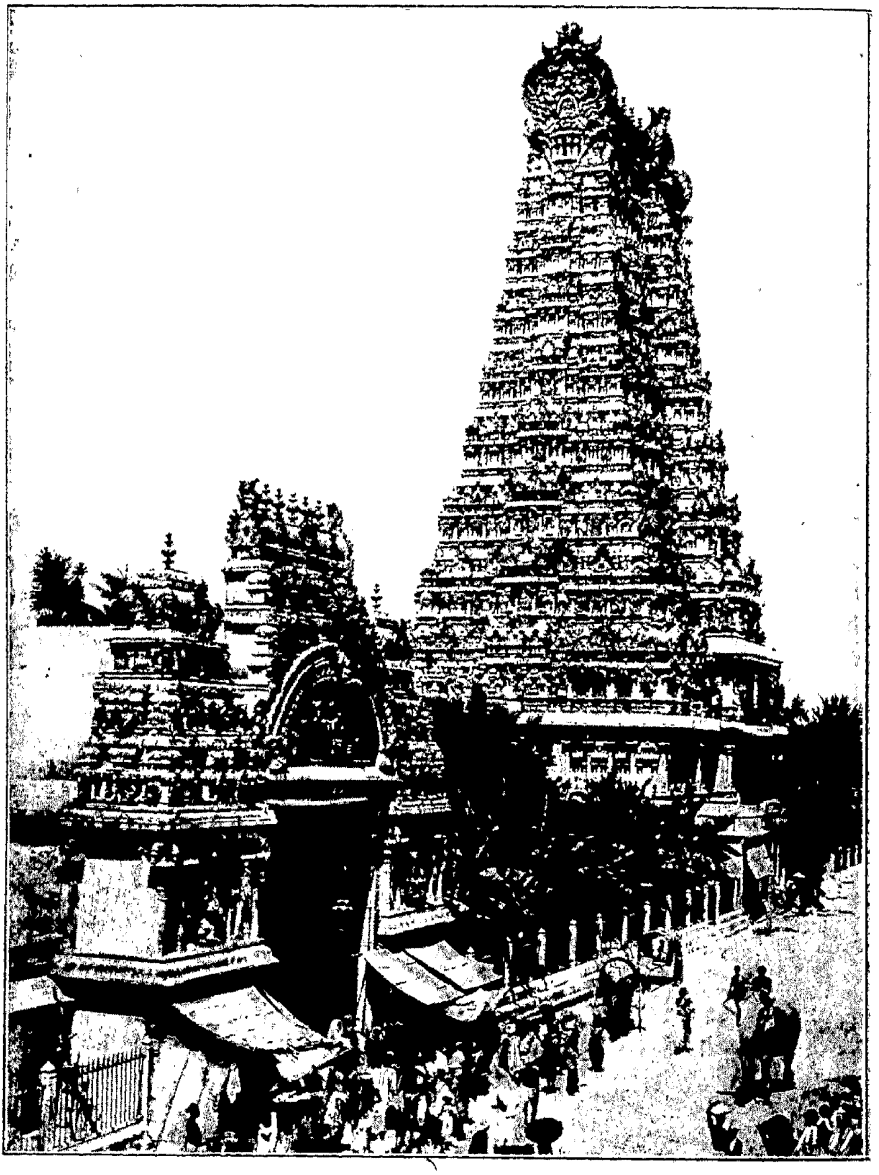
Пирамида въ сущности ни что иное, какъ искуственная каменная гора, заключающая въ себѣ пещеру, приспособленную для вѣчной комфортабельной жизни духа, нуждающагося, по мнѣнію древнихъ египтянъ, въ такомъ матерьяльномъ жилищѣ, и фараоны тратили государственныя богатства, губили силы и жизнь своихъ подданныхъ для постройки этихъ сооруженій. Многіе изъ приближенныхъ къ египетскимъ царямъ строили свои маленькія пирамиды вокругъ главной пирамиды—горы, предназначенной для муміи фараона.

Съ внѣшней стороны храмы древняго Востока стремились подражать внѣшнему виду горъ. Святилища индійскихъ пагодъ и гигантскія ихъ входныя башни-ворота имѣютъ форму пирамидъ, хотя и не обладаютъ прямолинейными очертаніями египетскихъ. Онѣ подымаются на огромную высоту, постепенно суживаются кверху, испещрены вертикальными бороздами, какъ бы слоями. и опоясаны рядами выступовъ и карнизовъ, на которыхъ и подъ которыми помѣщаются изваянія человѣкообразныхъ божествъ и животныхъ. Иногда эти изваянія помѣщаются въ нишахъ или прячутся подъ сводами, между древовидныхъ колонъ, и въ этихъ случаяхъ храмы служатъ наивнымъ изображеніемъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ и густо населенныхъ живыми существами.

Ворота индійскихъ храмовъ, подобно египетскимъ пилонамъ, издалека видны пилигримамъ. Они, какъ горы, подымаются высоко надъ землею, представляя собою масивное пирамидальное сооруженіе и превосходя величиною пирамиду святилища, находящуюся во дворѣ храма. Видимая издалека гора—обитель первобытнаго человѣка—имѣла едва замѣтное на большомъ разстояніи, отверстіе для входа въ пещеру, точно такъ же и колосальная пирамида—ворота индійскаго храма—имѣетъ небольшое отверстіе—дверь, ведущую во дворъ храма. Постороннему зрителю можетъ казаться странною идея возводить такое гигантское сооруженіе съ единственной цѣлью помѣстить въ немъ небольшую дверь и это было бы дѣйствительно страннымъ и ненужнымъ, даже для удовлетворенія темныхъ эстетико-религіозныхъ инстинктивныхъ стремленій индусовъ, если бы въ психическихъ переживаніяхъ образъ горы не былъ такъ тѣсно асоціированъ съ идеей о входѣ въ обитель. Многіе храмы древняго Востока, повидимому, обладали такими же гороподобными зданіями, имѣвшими у своего основанія сравнительно небольшія отверстія для входа въ тѣсныя и темныя святилища-пещеры, гдѣ обитало божество, или во внутреннія дворы храма. Таковы были пирамиды Ассиріи, Вавилона. Персіи, Мидіи и др.

„На лѣвомъ берегу Евфрата, на сѣверъ отъ царскихъ дворцовъ, находится маса развалинъ... Зданіе, остатки котораго образовали эту масу, имѣло форму пирамиды, построенной этажами. Это разва-

*) Какъ извѣстно, фараоны величались часто соединеннымъ именемъ боговъ—„Амонъ-Ра“, и весьма вѣроятно, что само, столь загадочное, слово „фараонъ“ есть, искаженное греками, названіе главныхъ представителей 3-хъ троицъ верхняго, средняго и нижняго Египта: Фта-Ра-Амонъ, соединеннымъ именемъ которыхъ могли величаться египетскіе властелины.



Ворота пагоды въ Индіи (Гопура).

лины храма Бела. Арабы называютъ его холмъ Бабиль *)... На квадратной терасѣ, построенной изъ кирпича съ асфальтовымъ цементомъ, пирамидально подымалась восемью этажами, достигая 600 футовъ высоты, башня Бела. Кругомъ ея этажей вела лѣстница съ площадками и скамьями для отдыха. Верхній этажъ былъ храмомъ (?). Тамъ стоялъ алтарь, стояло очень нарядное ложе; но изображеній не было. „Очевидно, божество не обитало на этой вершинѣ, но приходило сюда лишь отдыхать, покушать и погрѣться, какъ это дѣлаютъ теперь павіаны на абиссинскихъ горахъ, настоящимъ же жилищемъ божества должна была быть, конечно, пещера, гдѣ-нибудь у подножія этой искусственной горы; и дѣйствительно: „У основанія башни находился другой храмъ, въ которомъ была золотая статуя Бела“ **)... И этотъ второй храмъ, вѣроятно, изображалъ святилище перваго. „Это—та вавилонская башня, о которой еврейское сказаніе говоритъ, что люди хотѣли построить ее до небесъ“... Этотъ храмъ построилъ Небукаднезаръ; онъ говоритъ: „Храмъ основанія земли, башню вавилонскую воздвигъ я, и докончилъ я, и изъ кирпичей и покрова мѣди поставилъ я на ней вершину ея“ ***).

Другая груда развалинъ — Бирсъ Нимрудъ, остатки храма-обсерваторіи, построенной тѣмъ же Небукаднезаромъ въ предмѣстьи Вавилона—Бирсипѣ; онъ называетъ ее башнею бирсипскою, храмомъ семи свѣтилъ. Она представляла собою, какъ и предыдущая, искусственную гору, кирпичную пирамиду, имѣвшую семь этажей, изъ которыхъ каждый былъ посвященъ одному изъ семи свѣтилъ.

„Les temples reproduisaient l'univers, говоритъ G. Maspero. La zigourat figurait par sa masse la montagne terrestre et des salles, rangées à ses pieds (пещеры), simulaient de façon plus ou moins complète les parties accessoires“ ****).

Обычаи древнихъ персовъ еще яснѣе доказываютъ происхожденіе всѣхъ этихъ храмовъ отъ горъ. „Геродотъ говоритъ, что персы называли Зевсомъ все небо и приносили ему жертвы на вершинахъ горъ... Персидскій богъ, котораго Геродотъ называетъ Зевсомъ, это верховный богъ свѣта, Агура-Мазда или Ормуздъ, „святомыслящій“, творецъ міра, податель всѣхъ благъ; его золотой престолъ стоитъ на вершинѣ Святой горы *****). Солнце выѣзжаетъ величественно, какъ побѣдоносный герой, съ вершины страшнаго Альборджа и свѣтитъ міру и владычествуетъ надъ міромъ съ этой горы, которую Агура-Мазда *создалъ въ жилище себѣ*“ ******).

Таковы были вѣрованія древнихъ персовъ, учениковъ Зороастра и вѣрныхъ послѣдователей своихъ собственныхъ инстинктовъ.

Ворота финикійскихъ храмовъ, а слѣдовательно и ворота храма Соломонова въ Іерусалимѣ, построеннаго тирскими мастерами, были подражаніемъ господствовавшей въ другихъ странахъ древняго Востока

*) Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Т. I. Исторія Востока, стр. 376.
**) Тамъ же, стр. 375.
***) Тамъ же, стр. 376.
****) G. Maspero. Histoire ancienne des peuples de l'orient classique. Les origines, стр. 674—675.
*****) Веберъ, тамъ же, стр. 328.
******) Тамъ же, стр. 329.

архитектурной формѣ, городоподобнаго входа во дворъ храма. Таковы же пилоны храмовъ древняго Египта. Главнымъ божествомъ египтянъ, какъ почти всѣхъ народовъ древне-языческаго міра, было въ сущности солнце или его олицетвореніе въ формѣ человѣкоподобнаго животнаго, а впослѣдствіи въ формѣ человѣка.

Одухотворенное и очеловѣченное солнце имѣло потребности вполнѣ схожія съ „высшими", т. е. инстинктивными, потребностями человѣка и вечеромъ, когда скрывалось за горизонтомъ, по мнѣнію египтянъ, оно уходило внутрь горъ, гдѣ имѣло свою пещеру, и проводило ночь въ покоѣ и безопасности. Таинственный путь къ этой пещерѣ былъ скрытъ въ ущельяхъ и въ разсѣлинахъ скалъ. Входъ въ эти разсѣлины или „Устье Ущелья", въ которое каждый вечеръ уходилъ богъ-Солнце, получилъ въ религіозной фантазіи египтянъ таинственное и святое значеніе. Души покойниковъ на ладьѣ своего бога направлялись первоначально также къ святому „Устью Ущелья", чрезъ которое уже проникали въ жилище вѣчныхъ, всесильныхъ человѣкоподобныхъ существъ.

„L'âme se rendait à l'endroit précis, où le dieu, quittant notre terre, s'enfonçait dans l'Hadés. C'est quelque part au voisinage immédiat d'Abidos, et l'on y parvenait par une gorge étroite, percée dans la chaîne Libique par une *Fente*, dont *la Bouche* s'ouvrait en vue du temple d'Osiris Khontamentit" *).

Скрываясь въ горахъ отъ враговъ и отъ метеорологическихъ вліяній, первобытный человѣкъ не всегда прятался въ пещеры; горныя ущелья и разсѣлины являлись точно также его убѣжищемъ. Въ ущельяхъ онъ находилъ прохладу, уединеніе и часто воду для питья, кромѣ того въ ущельяхъ же онъ могъ гораздо легче найти нужные ему карнизы, ниши, пещеры, и въ такомъ случаѣ ущелье составляло защищенный и удобный путь къ его жилищу, а устье ущелья естественныя ворота въ селеніе первобытнаго человѣка. Пройдя такія ворота, онъ чувствовалъ уже себя защищеннымъ и скрытымъ отъ враговъ и отъ враждебныхъ силъ природы; понятно, что онъ часто стремился къ этимъ воротамъ, что онъ любилъ ихъ, и что видъ ихъ былъ ему инстинктивно пріятенъ, а потому представлялъ собою одну изъ главныхъ формъ красоты. Впослѣдствіи, когда культура разрушила цѣлесообразность старыхъ инстинктовъ первобытнаго египтянина, инстинктивное стремленіе къ такимъ формамъ перешло въ его религію, въ эстетику, въ безкорыстное поклоненіе формѣ, въ обоготвореніе Ущелья и его Устья и, наконецъ, въ искуство, т. е. въ архитектуру древне-египетскихъ храмовъ, гдѣ, необъяснимыя никакими практическими требованіями, эти формы красоты были вновь вызваны къ жизни усиліями, инстинктивно стремящагося къ нимъ, человѣка. Ущелье и Устье восхищали взоръ, возбуждали эмоціи египтянъ, оставляя равнодушными тѣ народы, которые, благодаря иному образу жизни своихъ предковъ, не имѣютъ подобнаго влеченія и потому не могутъ понять красоты архитектурныхъ формъ древняго Египта.

*) Maspero. Histoire ancienne des peuples de l'orient classique. Les Origines, стр. 196—197. Курсивъ въ подлинникѣ. Для болѣе подробныхъ свѣдѣній см. того же автора „Etudes de Mithologie et d'archéologie", т. IV, стр. 14, и „Etudes Egyptiennes," т. I, стр. 121 и пр.

Ежели святилище древне-египетскихъ храмовъ, погруженное почти въ полный мракъ, съ одною лишь входною дверью, представляло собою подобіе пещеры, въ которой обитало божество, и ежели каждый египтянинъ легко ощущалъ присутствіе таинственной силы во мракѣ святилища, то онъ точно такъ же ощущалъ религіозное настроеніе, которое объяснялъ, вѣроятно, близостью божества, подходя къ воротамъ храма, такъ какъ ворота эти представляли собою святыя формы горнаго Ущелья и его Устья.

Всѣмъ знакома оригинальная форма входа египетскихъ храмовъ. Его составляютъ двѣ четыреугольныя, слегка суживающіяся къ верху, башни—пилоны, плоская крыша которыхъ окаймлена сравнительно узкимъ карнизомъ. Башни эти очень высоки и болѣе широки со стороны передняго фаса, чѣмъ сбоку; онѣ стоятъ близко одна къ другой образуя, какъ бы, двойную башню, раздѣленную узкимъ промежуткомъ—ущельемъ, которое и составляетъ главный входъ въ храмъ. Какъ будто свалившійся и горизонтально повисшій на нѣкоторой высотѣ камень выступаетъ между башнями, образуя карнизъ портала, боковыя стѣнки котораго иногда нѣсколько выдвигаются впередъ, означая Устье Ущелья.

Входя въ ущелье, человѣкъ вступаетъ въ жилище бога, въ иной, необыденный міръ, и громадныя искуственныя скалы, между которыми онъ проходитъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь должно обитать существо, въ которомъ люди безсознательно воскресили обоготворенный образъ собственныхъ предковъ.

Но божество обитаетъ не въ этомъ ущельѣ, а гдѣ-то далѣе. Оно прячется въ таинственномъ мракѣ, какъ прятался первобытный человѣкъ отъ взора враговъ и хищниковъ. Тамъ, за священною рощею, т. е. за колонадою перваго двора, есть еще второе ущелье, а далѣе крытый темный дворъ съ колонадами—тѣнистый лѣсъ, за нимъ еще такой же, и еще и, наконецъ, въ послѣднемъ изъ нихъ, среди почти непроницаемаго мрака, въ громадномъ монолитѣ высѣчено святилище-пещера, въ которой обитаетъ богъ. Тамъ, въ этой темной пещерѣ, обители духа, высѣчена ниша и въ нишѣ стоитъ изваяніе божества. Мѣсто передъ входомъ въ пещеру называлось мѣстомъ отдохновенія боговъ. Кромѣ главнаго божества въ храмѣ обитало много второстепенныхъ, каждое божество въ своей особой пещерѣ.

Второстепенныя святилища были расположены вокругъ монолитнаго святилища—жилища главнаго божества храма.

Во всѣхъ подробностяхъ устройства храмовъ древняго Египта мы видимъ отраженіе первобытной пещерной жизни человѣка; мы видимъ, какъ безхитростное искуство наивными пріемами безсознательно и непреднамѣренно, руководимое однимъ лишь эстетическимъ чувствомъ, чутьемъ красоты, изображаетъ горы, ущелья, пещеры, карнизы и ниши скалъ, служившія нѣкогда для важнѣйшихъ жизненныхъ потребностей давно погибшихъ поколѣній человѣка, подобно тому, какъ теперь служатъ для тѣхъ же потребностей обезьянъ.

Заставьте маленькаго ребенка нарисовать гору и онъ нарисуетъ треугольникъ или уголъ, обращенный вершиною кверху.

Египетская архитектура точно также по-дѣтски наивно изображала горы пирамидами, лѣса—колонадами, горныя ущелья—пилонами,

пещеры—святилищами, ниши—божницами, преддверные камни или стволы—обелисками, отдыхающихъ у входа пещеръ ея обитателей—сфинксами и т. д.

Какъ ребенокъ прямыми линіями изображаетъ и горы, и елки, и дома,—такъ точно и египетская архитектура пользовалась для своихъ изображеній однѣми плоскостями и прямыми линіями.

Всѣ формы архитектурныхъ красотъ того времени сводятся на безсознательное схематическое воспроизведеніе прямыми линіями жизни первобытнаго человѣка въ горахъ и въ пальмовыхъ рощахъ.

То же явленіе можно прослѣдить и въ архитектурѣ всѣхъ другихъ странъ.

По мнѣнію персовъ, Агура-Мазда самъ создалъ г о р у в ъ ж и л и щ е себѣ, въ древнемъ Египтѣ фараоны заботились о постройкѣ горообразнаго жилища для бога. Египетскій храмъ не похожъ на современные храмы, это не домъ, гдѣ сходятся люди для общей молитвы,—это просто жилище, построенное людьми для бога *).

Подражаніе естественнымъ жилищамъ первобытнаго человѣка мы видимъ въ архитектурѣ всѣхъ народовъ древности и новаго времени.

Храмы, имѣющіе очевидное подобіе горъ и, необходимыхъ для ихъ обитанія, пещеръ и ущелій, мы встрѣчаемъ въ Египтѣ, Вавилонѣ, въ Индіи и почти во всѣхъ странахъ древняго Востока.

Характерную форму пирамидъ мы находимъ также весьма распространенной въ этихъ странахъ и не имѣемъ никакихъ данныхъ приписать такую всеобщность архитектурныхъ формъ подражанію или заимствованію другъ у друга, тѣмъ болѣе, что только однѣ инстинктивныя или естественныя основы этихъ формъ у всѣхъ народовъ тождественны, въ деталяхъ же нельзя не видѣть характерныхъ для каждаго народа отличій, указывающихъ на самостоятельное развитіе ихъ архитектуръ.

Мало того, мы находимъ пирамиды въ Полинезіи, а именно, знаменитый Кукъ видѣлъ пирамиду на Таити, онъ описываетъ ее, какъ зданіе, поразившее его грандіозностью и прочностью постройки, несмотря на отсутствіе желѣза для скрѣпленія и для обработки камня, изъ котораго оно было сложено. Пирамида эта служила храмомъ, воздвигнутымъ для мѣстныхъ божествъ. Она была окружена стѣною и передъ нею, на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, возвышались алтари, покрытыя жертвами.

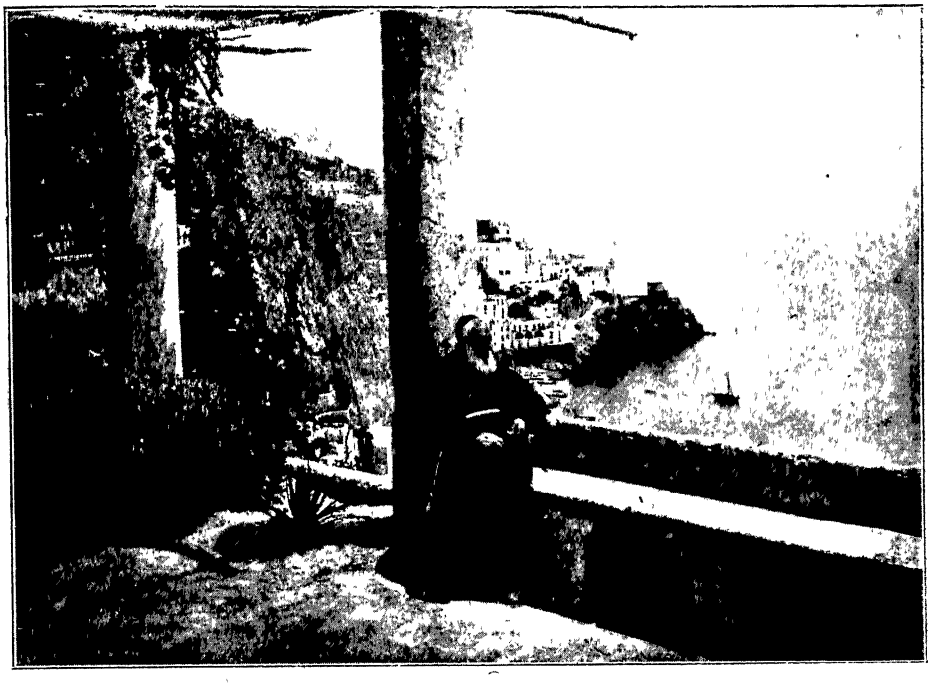
Архитектурою столь изолированнаго Тибета точно также излюблена форма пирамидъ.

Э. Реклю приводитъ рисунокъ Тейлора по Тюрнеру, изображающій монастырь въ Шигатцѣ (Chigatze), который по пирамидальной формѣ и плоскимъ стѣнамъ легко можно было бы принять за древне-египетскую постройку **).

Авторъ „Les Chamites“ справедливо замѣчаетъ: „bien d'autres

*) Напомнимъ слова Маріетта, подтверждающія такое предположеніе: „On aurait tort de prendre un temple égyptien pour une église ou même pour un temple grec. On n'y célèbre aucun culte public; on ne s'y assemble pas pour des prières en commun, personne même n'y est admis, que les prêtres. Le temple est un proscinème royal, c'est-à-dire un monument de la piété du roi qui l'a fait élever pour mériter la faveur des dieux. C'est une sorte d'oratoire royal, et rien de plus“.

**) Reclus. Nouvelle Geographie, t. VII, p. 75.



Монастырь капуциновъ, построенный на горѣ на берегу Средиземнаго моря близъ Амалфи.

régions que l'Egypte construisaient, avec moins de splendeur, il est vrai, des pyramides et des obélisques: la Chaldeo-Babilonie, le Tibet, la Chine, la Malaisie, la Polynésie, et particulièrement l'Amérique centrale, où leur nombre étonne autant que leur prodigieuses dimensions" *), хотя трудно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, будто форму пирамидъ обитатели всѣхъ этихъ странъ заимствовали изъ Индіи.

Земляныя постройки, курганы и тумулусы, воздвигнутые разнообразными племенами доисторическихъ народовъ и разсѣянные по всему лицу земли, какъ это замѣтили многіе, представляютъ собою тѣ же пирамиды, сооруженныя только изъ другого, болѣе доступнаго примитивной техникѣ, матерьяла. Они доказываютъ еще положительнѣе единство строительныхъ инстинктовъ у всего человѣческаго рода.

7. Вода, огонь и трупъ.

Мы видѣли, что обезьяны, населяющія горныя пещеры, предпочитаютъ для жизни горы, покрытыя лѣсомъ, т. е. любятъ, чтобы недалеко отъ мѣста ихъ ночлега росли деревья. Кромѣ того имъ необходима вода, и всѣмъ понятно, что онѣ предпочитаютъ пещеры и горы вблизи источниковъ, рѣкъ или озеръ, гдѣ онѣ могутъ найти воду для питья и для купанья.

*) Les Chamites, p. 419.

Весьма естественно, что и пещерный человѣкъ, имѣя инстинктивное пристрастіе къ скалистымъ горамъ, стремился въ то же время къ водѣ и къ лѣсу, ощущая въ нихъ постоянную потребность. Понятно, что человѣкъ предпочиталъ пещеру вблизи ручья или озера, передъ входомъ въ которую росли деревья, тѣмъ пещерамъ, вблизи которыхъ не было ни воды, ни лѣса. Инстинктивныя стремленія человѣка влекли его къ горамъ, къ лѣсамъ и къ водѣ, и первобытная эстетика необходимо должна была соединять эти три формы въ одномъ стремленіи къ прекрасному, къ желанному, къ необходимому.

Мы уже видѣли, какъ горы, ущелья и устья ущелій превратились въ пилоны, украшающіе входы древне-египетскихъ храмовъ, какъ священныя рощи превратились въ величественныя колонады ихъ дворовъ, какъ пещеры превратились въ святилища и естественныя ниши—въ божницы. Мы видѣли также, что храмы всѣхъ странъ древняго Востока имѣли свои архитектурные символы для выраженія тѣхъ же безсознательныхъ идей-стремленій; не трудно убѣдиться, что и священныя озера входили въ составъ этихъ храмовъ.

„Amenemhâit I-er jeta les fondations du temple ou le culte d'Amon s'abrita jusqu'aux derniers jours du paganisme. . Ousirtasen I-er l'élargit et bâtit au grand prêtre une belle maison a l'ouest de l'étang sacré... Monthotpou creusa un puits que les infiltrations du Nil alimentaient abondamment. Il élargit et cura le lac sacré sur lequel les prêtres lançaient l'arche sainte, la nuit des grands mystères. Les alluvions de cinquante siècles ne l'ont pas comblé entièrement *).

Авторъ даетъ изображеніе (по фотографіи) современнаго состоянія этого древняго священнаго озера и интересное его описаніе. Густавъ Ле-Бонъ, описывая устройство древне-египетскихъ храмовъ, говоритъ:

„Les cours intérieures se multiplaient, s'ornaient de petits sanctuaires, de portiques, de lacs sacrés... L'ensemble des constructions était entouré d'un mur extérieur, dépourvu de tout ornement“ **).

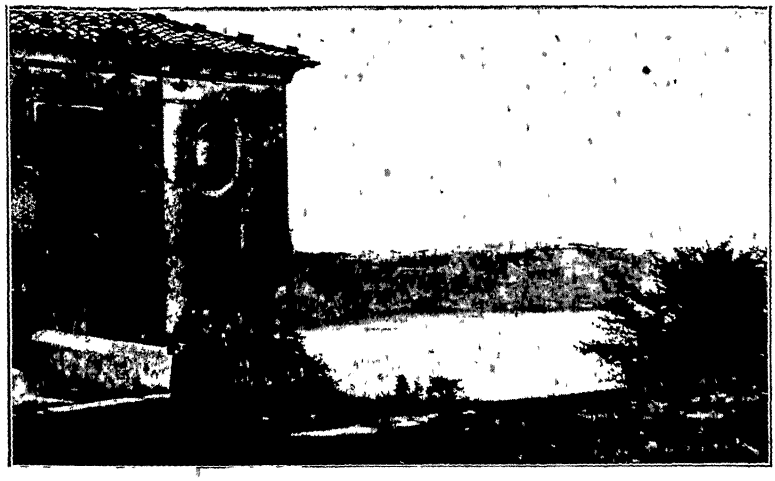
Онъ же приводитъ слѣдующія слова Маріетта:

„A côté de tous les temples est un lac Il est très vraisemblable que le lac devait jouer un rôle dans les processions et que les barques sacrées y étaient déposées, au moins pendant la durée des fêtes“ ***).

Въ древнемъ Вавилонѣ мы встрѣчаемъ аналогичныя принадлежности жилища божества: „За стѣнами ограды Вавилонскаго храма Милитты была священная роща, говоритъ Веберъ, и былъ бассейнъ, символъ божественной силы плодородія“ ****). Ассиріане говорили въ своей миѳологіи о водѣ-жизни, которую пили боги *****).

Особенно высокой степени достигло почитаніе воды у персовъ: „вода облаковъ, падающая плодотворнымъ дождемъ, и, дающіе освѣжительное питье, источникъ и плодотворящая рѣка, порождающая растительную жизнь, были священны и охраняемы отъ осквернѣнія нечистотами. Воду ручьевъ и рѣкъ можно было употреблять только для питья и для орошенія растеній; купаться въ нихъ было запрещено; было запрѣщено осквернять воду мочею, плевать въ воду; чтобы люди и

*) Maspero. Histoire ancienne des peuples de l'orient classique, стр. 507, 509 и 510.
**) Gustave Le Bon. Les Premières Civilisations, p. 431.
***) Тамъ же, стр. 435.
****) Веберъ. „Всеобщая Исторія“. Т. I. „Исторія Востока“, стр. 380.
*****) Тамъ же, стр. 385.



Монастырь Кастель Гандольфо.

кивотныя не оскверняли потоковъ, переходя ихъ въ бродъ, ирландамъ было заповѣдано строить черезъ нихъ мосты. По вѣрованію Зороастра, источники всѣхъ рѣкъ находятся на „Высокой Горѣ“ (Гора Березаити, Hara Berezaiti, — Альборджъ); она—„могучій пупъ воды“, съ котораго, ниспущенныя „Агурамаздою“, текутъ воды быстрымъ бѣгомъ коня. На этой горѣ находится Ардвисура, мать всѣхъ рѣкъ земли, источникъ, имѣющій силу очищать отъ всякаго осквернения. У великаго озера, въ которое стекаются всѣ воды, растутъ, по повелѣнію Агурамазды, прекраснѣйшія деревья, первообразы другихъ деревьевъ“.

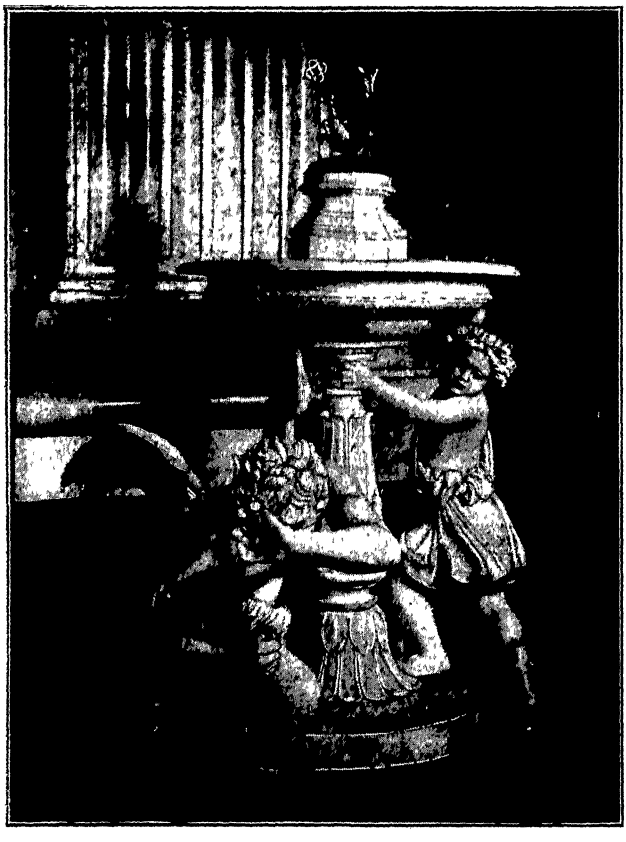
Въ Индіи мы встрѣчаемъ три главныхъ религіи, оставившихъ три рода памятниковъ,—это браманизмъ, буддизмъ и мусульманство. Всѣ три рода храмовъ, соотвѣтствующихъ этимъ тремъ религіямъ, имѣютъ свои священные водоемы, священные озера и пруды, входящіе, какъ бы, въ составъ архитектурныхъ мотивовъ индусскаго зодчества.

Древнѣйшіе, дожившіе до нашего времени, буддійскіе храмы высѣчены въ горахъ и представляютъ собою огромныя искуственныя пещеры. Многія изъ надземныхъ пагодъ состоятъ изъ пирамидальнаго святилища и двора, обнесеннаго стѣною и украшеннаго нѣсколькими городобными воротами. Во дворахъ помѣщаются священные пруды и озера. Въ магометанскихъ храмахъ, водоемы, выложенные камнемъ, имѣютъ большею частью прямоугольную форму и помѣщаются на нѣкоторомъ разстояніи передъ входомъ въ мечеть или въ мавзолей. Иногда храмы строятся на берегу священныхъ озеръ или, какъ острова, посрединѣ ихъ.

Въ цитированномъ не разъ сочиненіи Густава Ле-Бонъ „Les Civilisations de l'Inde“ можно найти рисунки такихъ храмовъ, ихъ озеръ и водоемовъ, сдѣланные по фотографіямъ съ натуры.

Прекрасный общій видъ Танджорскаго храма даетъ ясное по-

нятіе объ общей архитектурѣ пагодъ, пирамидальныхъ башенъ святилища и гопуры [1]). Другая фотографія изображаетъ колонаду, расположенную у входа въ священную гору Трипетти [2]), далѣе представленъ видъ священнаго озера того же храма [3]), пагода близъ Мадуры, построенная на священномъ озерѣ [4]), священный прудъ внутри



Чаша для св. воды въ соборѣ св. Павла въ Римѣ.

Комбаконумской пагоды [5]), мавзолей Етмадаула въ Агрѣ съ басейномъ, расположеннымъ у его входа [6]), каналообразный водоемъ Таджа въ Агрѣ [7]), четыреугольный водоемъ передъ порталомъ большой мечети въ Делли [8]), великолѣпный „Золотой Храмъ“ Амритзира новѣйшей арабской архитектуры, построенный на озерѣ Безсмертія [9]), и т. д.,—

[1]) Стр. 441, Gustave Le Bon. Les Civilisation de l'Inde.
[2]) Стр. 453, тамъ же.
[3]) Стр. 455 „ „
[4]) Стр. 491 „ „
[5]) Стр. 505 „ „
[6]) Стр. 569 „ „
[7]) Стр. 579 „ „
[8]) Стр. 607 „ „
[9]) Стр. 651 „ „

всѣ эти изображенія яснѣе всякихъ словъ говорятъ о всеобщности почитанія воды въ Индіи и о неотъемлемой ея принадлежности къ архитектурнымъ формамъ храмовъ различныхъ религій, со зданіями которыхъ она такъ чудно гармонируетъ, что, отнимая воду у нѣкоторыхъ изъ нихъ, мы отняли бы у нихъ большую часть ихъ архитектурной красоты, не говоря уже о вліяніи на религіозныя чувства народа.

„Въ старинныйшихъ мечетяхъ — пространство для молитвы, обнесенное колонами въ нѣсколько рядовъ, т. е. святилище, называемое максурой, большею частью отдѣляется отъ остального пространства мечети рѣшеткой. Здѣсь, въ толщѣ стѣны устроена молельная ниша (Кибла или Мирхабъ)... Передъ святилищемъ расположенъ открытый дворъ, въ центрѣ котораго устраивается очистительная цистерна (басейнъ) проточной воды для религіозныхъ омовеній и тутъ же около находится другой басейнъ со стоячей водой“ *).

„Англія, говоритъ Леббокъ, изобилуетъ признаками нѣкогда существовавшаго водопоклоненія... Къ колодцу св. Филлана, въ Комри, въ Пертшери, еще въ 1791 году приходили и были приносимы множество больныхъ, которые пили эту воду и обливались ею. Три раза въ продолженіи дня они обходили колодезь, или ихъ носили кругомъ него, по направленію движенія солнца; каждый больной клалъ камень на закраину колодца и оставлялъ клочекъ своей одежды, въ жертву мѣстному духу“... Въ слѣдующемъ описаніи мы видимъ прототипъ пагодъ или храмовъ, здѣсь есть и горы, и святилище, и озеро, и огонь, и шесты, замѣняющіе деревья.

„Буряты, хотя и буддисты, также признаютъ священныя озера. Аткинсонъ слѣдующимъ образомъ описываетъ одно изъ нихъ. Однажды, бродя послѣ обѣда, говоритъ онъ, я пришелъ къ небольшому, чрезвычайно живописному озеру Иксугунъ; оно лежало въ горахъ къ сѣверу отъ Санъ-Гинъ-Дала и почиталось священнымъ. На берегу его построенъ былъ небольшой деревянный храмъ, въ которомъ сосѣдніе жители приносили жертвы, состоящія изъ молока, масла и жира животныхъ; все это они сжигали на маленькихъ алтаряхъ.

„Большая скала на озерѣ почиталась священнымъ камнемъ; на ней вырѣзано было нѣсколько грубыхъ изображеній, а на противоположномъ берегу поставлены были шесты съ небольшими шелковыми флагами, на которыхъ вытиснены были какія-то надписи“.

„Въ новой Мексикѣ, недалеко отъ Цуни, д-ръ Белль описываетъ священный источникъ, около восьми футовъ въ діаметрѣ, обнесенный кругомъ камнями... Одинъ разъ въ году кадикъ и его приближенные исполняли надъ источникомъ извѣстнаго рода религіозные обряды: тщательно очищали его, приносили въ жертву духу Монтезумы сосуды и ставили ихъ въ опрокинутомъ положеніи наверху каменной стѣны. Многія изъ послѣднихъ уже исчезли, но нѣкоторыя остаются до сихъ поръ, и земля кругомъ усыпана черепками горшковъ, развалившихся отъ ветхости“.

---

*) Булгаковъ. Художественная Энциклопедія, т. II, стр. 191.

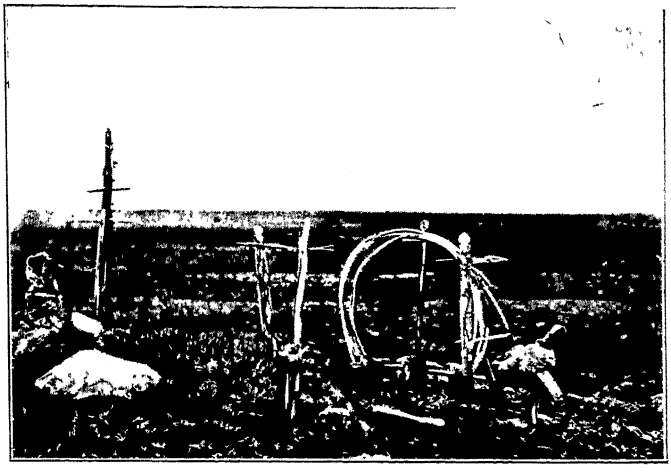
Палестина. Дерево Пресвятой Богородицы и Кедронскій ручей

Но первобытный человѣкъ въ самыя древнѣйшія изъ доступныхъ изслѣдованію эпохъ имѣлъ еще одну потребность, которую не имѣетъ ни одно изъ современныхъ животныхъ, живущихъ самостоятельно; онъ имѣлъ потребность въ огнѣ. Передъ входомъ въ пещеры, въ которыхъ обиталъ человѣкъ, обыкновенно находятъ прир аскопкахъ слои золы и угля *), ясно свидѣтельствующіе о томъ, что здѣсь, передъ дверью своего жилища, человѣкъ имѣлъ обыкновеніе держать огонь для согрѣванія своего прозябшаго тѣла, для поджариванья пищи, для отпугиванья хищныхъ звѣрей, для выкуриванія комаровъ, мошекъ и мухъ и для другихъ житейскихъ потребностей.

Этотъ огонь передъ входомъ въ жилище служилъ для удовлетворенія важнѣйшихъ жизненныхъ потребностей человѣка и, быть можетъ, сохранилъ человѣческій родъ отъ неминуемой гибели въ борьбѣ съ животными и съ неблагопріятными условіями климата ледниковой эпохи, а потому понятно, что и этотъ огонь долженъ былъ составлять предметъ инстинктивныхъ желаній человѣка, а впослѣдствіи предметъ его эстетическихъ стремленій и религіознаго поклоненія. И дѣйствительно, наравнѣ съ поклоненіемъ горамъ, пещерамъ и деревьямъ мы всюду встрѣчаемъ поклоненіе огню и водѣ.

Культъ мертвецовъ, не менѣе другихъ распространенный, даетъ основаніе предполагать, что нѣкоторые изъ первобытныхъ храмовъ могли образоваться непосредственно изъ человѣческаго

*) См. чертежъ разрѣза пещеры d'Aurignac, въ соч. „Hommes fossiles et hommes sauvages", études d'anthropologie, par A. de Quatrefagès, стр. 8.



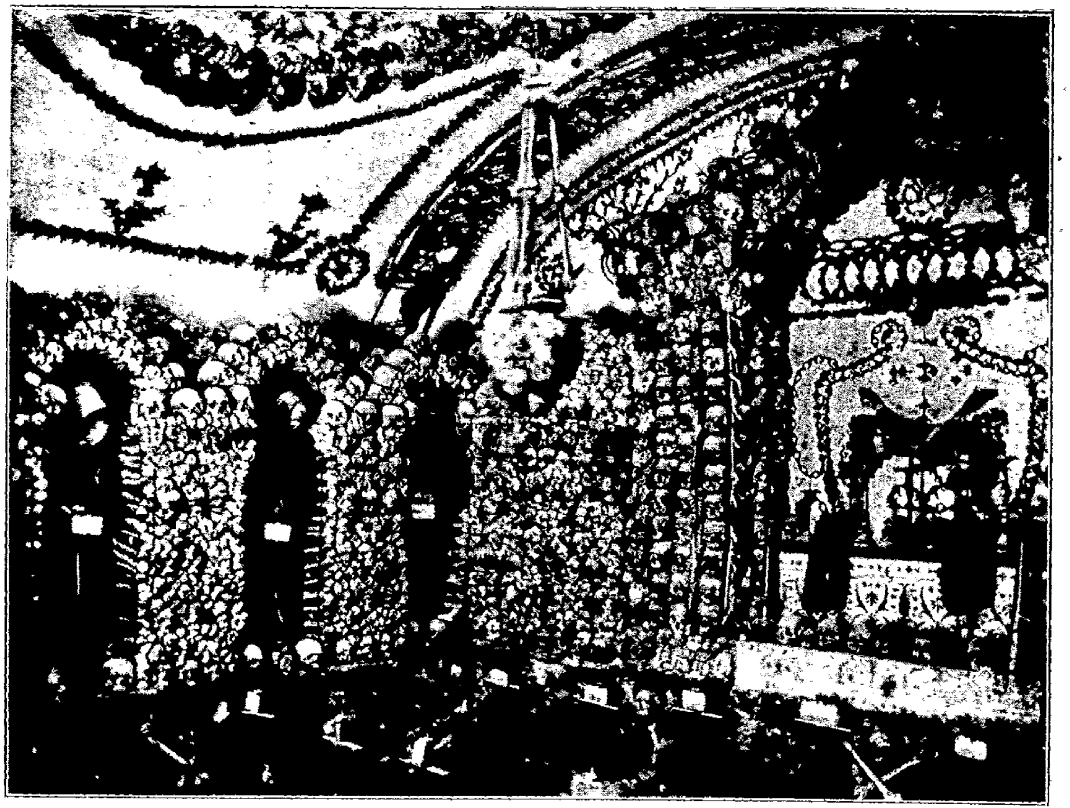
Самоѣдское капище *). (Обстановка обряда при изгнании болѣзни: ворота изъ согнутыхъ жердей—символъ *пещеры* или *свода*, четыре вертикальныхъ шеста съ крестообразными перекладинами, концы которыхъ грубо обдѣланы въ формѣ рукъ и вершины на подобіе человѣческой головы—священныя *деревья*, окружающія пещеру; слѣва символическое дерево большихъ размѣровъ и подъ нимъ, на священныхъ *камняхъ*—эмблемѣ горы—сидитъ божество—идолъ, одѣтый въ оленью шкуру; справа, впереди свода символъ огня и жертвы—подобіе туши и оленій черепъ, надѣтый на невысокій колъ).

жилища послѣ смерти хозяина и послѣ его погребенія въ собственномъ домѣ, какъ это дѣлалось въ доисторическія времена во многихъ странахъ и какъ это дѣлается теперь у нѣкоторыхъ некультурныхъ народовъ. Когда семья выселялась изъ дома, оставивъ въ немъ трупъ хозяина, домъ превращался въ жилище мертвеца или въ жилище его духа. Суевѣрное отношеніе къ оставленному жилищу и служеніе, какъ живому человѣку, покойнику соединяютъ въ себѣ культъ предковъ, культъ мертвеца и всѣ признаки зародыша обрядностей и религіозной архитектуры болѣе культурныхъ народовъ.

Древній обычай похоронъ хозяина въ собственномъ домѣ могъ, конечно, превратить этотъ домъ въ первобытный храмъ и въ божество трупъ, который и является въ данномъ случаѣ главнымъ атрибутомъ храма.

Въ такомъ обрядѣ можно видѣть, конечно, начало трупопоклоненія, точно такъ же, какъ начало человѣкопоклоненія, т. е. поклоненія изваяніямъ людей, и зародышъ обычая держать тѣла покойниковъ въ храмахъ или погребать ихъ въ священной оградѣ. Пирамиды Египта представляютъ собою храмы, которые строили фараоны для собственныхъ труповъ. Въ другихъ древне-египетскихъ храмахъ сохранялись, какъ святыни, муміи крокодиловъ, ибисовъ и трупы другихъ священныхъ животныхъ. Мусульманскія мечети очень часто хранятъ останки своихъ основателей. Присутствіе останковъ

*) Рисунокъ заимствованъ изъ очерка А. С. Боткина, воспроизведеннаго въ „Матеріалахъ для изученія Обской губы и Енисейскаго залива“ по фотографіи автора.



Оссарій капуциновъ. Орнаментація изъ человѣческихъ костей и труповъ.

придаетъ особое значеніе первобытному храму и возбуждаетъ религіозныя чувства людей.

Капуцины наполняли цѣлыя комнаты въ Римѣ человѣческими костями и разлагающимися трупами своихъ мертвецовъ, которыхъ они выставляли на показъ для воздѣйствія на сердца богомольныхъ посѣтителей. Они распространяли зловоніе и заразу по городу, пока, наконецъ, новое гражданское правительство Рима не запретило имъ продолжать эти вредные пріемы внушенія.

Всѣ эти факты трупопоклоненія хотя и не возникли непосредственно изъ проявленій термическихъ инстинктовъ человѣка, но имѣютъ съ ними тѣсную связь, а потому не могутъ быть пройдены молчаніемъ.

8. Первобытный храмъ.

Древнѣйшія божества народовъ, имѣвшихъ храмы, т. е. знакомыхъ съ зодчествомъ, въ своихъ обителяхъ должны были быть обставлены подобно первобытному человѣку, потому что древнѣйшіе храмы строились на основаніи эстетическихъ и религіозныхъ чувствъ, основанныхъ непосредственно на переживаніяхъ термическихъ инстинктовъ человѣка. А потому главнѣйшими составными частями первобытныхъ храмовъ должны были быть искуственныя или естественныя горы, окруженныя искуственными или естественными рощами (колонады и священныя рощи), возвышающіяся надъ искуственными или естественными водохранилищами (святыя озера, пруды, купели и проч.) и вмѣщающія въ себѣ пещеру — жилище божества или святилище, передъ входомъ въ которую зажигался священный огонь; на этомъ огнѣ должна была поджариваться или вариться пища для божества, т. е. совершаться обрядъ жертвоприношенія.

Наконецъ, въ пещерѣ должно обитать самое божество, его изображеніе или символъ, который нерѣдко замѣнялся останками предка, т. е. трупомъ или мумією.

Вотъ главныя составныя части и необходимыя принадлежности всякаго первобытнаго храма, которыя мы можемъ получить дедуктивно изъ предлагаемой теоріи переживанія инстинктивныхъ чувствъ.

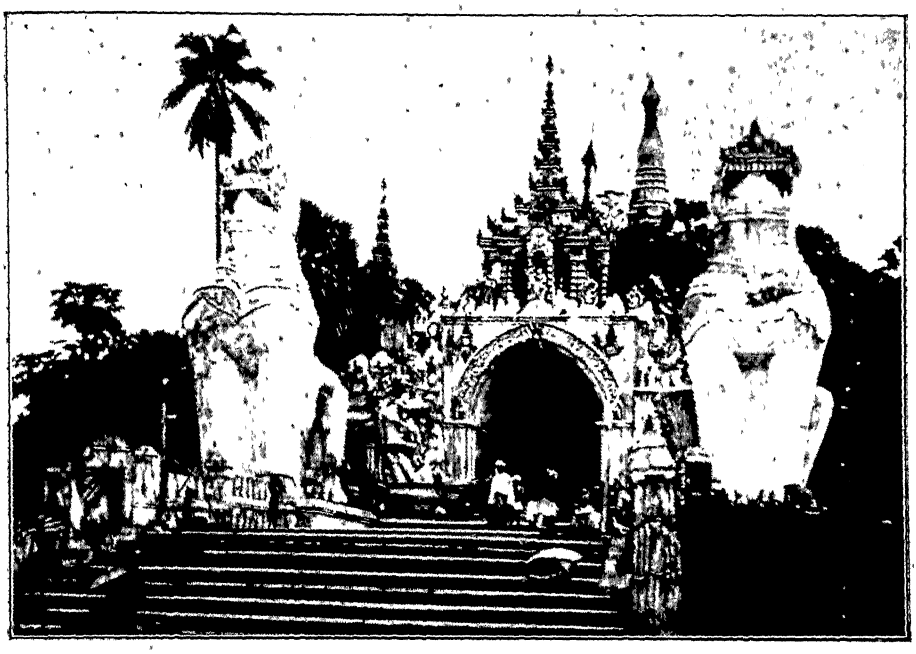
Стоитъ справиться съ данными археологіи, исторіи древнихъ и древнѣйшихъ народовъ, съ основами ихъ зодчества и вѣрованій, съ проявленіями эстетическихъ и религіозныхъ чувствъ современныхъ некультурныхъ народовъ, чтобы всюду замѣтить подтвержденіе этого дедуктивнаго вывода.

Знаменитый французскій египтологъ говоритъ: „on rencontrait dans tous les nomes les divinités dépourvues de caractère officiel et qui n'en étaient pas moin aimées pour cela. C'était en plein désert un *palmier* très haut, un *rocher* de silhouette extraordinaire, une *source*, qui filtrait de la *montagne* goutte à goutte et où les chasseurs venaient se désaltérer aux heures les plus chaudes du jour. C'était... un bouquet *d'arbres*, une *grotte* ou un *ravin dans la montagne* *).

„Chaque famille et presque chaque individu possédait de même ses dieux et ses fétices... On leur réservait une place dans un des

*) G. Maspero. Hist. Anc. des Peuples de l'Orient classique, p. 120.

Оссарій капуциновъ. Орнаментація изъ человѣческихъ костей и труповъ.



Входъ въ пагоду Швай Даголинъ.

coins de la maison, une *niche* dans la paroi, une *lampe* brûlait sans cesse devant eux" *).

Здѣсь мы видимъ почитаніе и горъ, и пещеръ, и деревьевъ, и воды, и соотвѣтственное соединеніе огня съ искуственной пещерою въ безхитростной божницѣ древняго египтянина.

Египетское зодчество безсознательно соединило предметы инстинктивнаго поклоненія: горы, пещеры, лѣса и озера, и культъ отвелъ мѣсто для огня передъ входомъ въ святилище-пещеру. Леббокъ **) приводитъ достаточное количество примѣровъ поклоненія деревьямъ, горамъ, камнямъ, огню и водѣ во всѣхъ странахъ, какъ Стараго, такъ и Новаго свѣта, доказывая, что поклоненіе этимъ предметамъ одинаково распространено между всѣми народами при извѣстной степени ихъ культурнаго развитія.

Земля почиталась персіянами святою, потому что „на ней стоитъ Святая гора", на ней растутъ тѣнистыя деревья, увѣнчанныя зеленью листьевъ, доставляющія благородныя дрова на питаніе огню; но въ особенности святъ былъ огонь... Огонь былъ богъ, дающій вѣрную охрану отъ злыхъ духовъ ***), подобно тому, какъ онъ давалъ вѣрную охрану отъ нападенія хищниковъ доисторическому обитателю пещеръ, защищая его отъ враговъ, даже во время сна.

Мы уже видѣли, что храмъ Іерусалимскій, подобно всѣмъ финикій-

*) Тамъ же, стр. 122.
**) Сэръ Дж. Леббокъ. Начало цивилизаціи.
***) Тамъ же, стр. 330.

скимъ храмамъ, долженъ былъ представлять собою зрѣлище горы, что святилище его было подобно пещерѣ, у входа въ которую по обѣ его стороны стояли два драгоцѣнныхъ искуственныхъ дерева, двѣ колоны, которыя ежели не почитались богами, то были по крайней мѣрѣ почтены, какъ живыя существа, имѣли имена Воазъ и Іохинъ. Внѣшній или „большой дворъ" былъ обведенъ стѣною съ колонадами, въ наружной стѣнѣ двора было нѣсколько воротъ, большихъ и прекрасныхъ. На внутреннемъ, жреческомъ дворѣ стояло, неподалеку отъ большихъ колонъ, другое колосальное произведеніе Гирима „мѣдное море", водоемъ, имѣвшій 30 локтей въ окружности, 10 локтей въ діаметрѣ по верхней окраинѣ. Окраина его была сдѣлана съ отгибомъ, въ формѣ края чаши. Этотъ басейнъ стоялъ на двѣнадцать мѣдныхъ быкахъ, „три глядѣли къ сѣверу, три къ западу, три къ югу, три къ востоку". Посрединѣ двора, передъ храмомъ, возвышался обложенный мѣдью жертвенникъ для жертвъ всесожженія, имѣвшій 20 локтей въ длину и ширину и 10 локтей въ вышину. Для омыванія жертвъ служили десять „омывальницъ, поставленныхъ по бокамъ жертвенника" *).

Индусы съ древнѣйшихъ временъ поклонялись, какъ божествамъ, и призывали въ молитвахъ и въ гимнахъ ведъ и воды, и горы, и деревья, и огонь.

Проф. Максъ Мюллеръ приводитъ слѣдующій стихъ изъ Ригъ-Ведъ, гдѣ мы встрѣчаемъ соединенными эти четыре объекта инстинктивныхъ эстетико-религіозныхъ стремленій человѣка:

„A notre secours nous invoquons les trois septuples rivières qui courent, les grandes *eaux*, les *arbres*, les *montagnes*, le *feu*. (Rig—Véda, X, 64,8.) **).

И дѣйствительно, какой смыслъ имѣло бы это возваніе древняго брамина къ водѣ, къ деревьямъ, къ горамъ и къ огню, ежели бы эти четыре разнородныхъ и не имѣющихъ ничего общаго между собою предмета не объединялись безсознательно въ темномъ инстинктивномъ стремленіи брамина, какъ объединялись они въ потребностяхъ самой жизни его отдаленныхъ предковъ, обитателей горныхъ пещеръ.

Первобытный храмъ—это не мѣсто, гдѣ сходятся вѣрующіе для молитвы, приносимой духу, не имѣющему иной обители кромѣ безконечнаго міра, это просто жилище человѣкоподобнаго божества, которое любитъ жить такъ, какъ это указываютъ человѣческіе инстинкты въ своихъ переживаніяхъ, которое любитъ горныя пещеры, расположенныя вблизи деревьевъ и воды, которое любитъ, чтобы у входа въ его жилище горѣлъ огонь и на немъ жарилось мясо.

И люди строили искуственныя горы и водоемы для своихъ боговъ, высѣкали въ скалахъ для ихъ жилища пещеры, окружали ихъ деревьями или каменными и металическими подобіями деревьевъ, зажигали огонь передъ входомъ въ святилище, закалывали жертвенныхъ животныхъ и жарили ихъ на этомъ огнѣ не потому, чтобы они знали своихъ боговъ, а потому что они чувствовали, что все это хорошо и прекрасно, потому что они служили и поклонялись своимъ же собственнымъ

*) Веберъ, тамъ же, стр. 597.
**) F. Max Müller. Origine et développement de la religion. Стр. 184.

инстинктамъ, которые, какъ боги, управляютъ всѣми поступками, желаніями и чувствами людей.

Нѣсколько разъ случалось мнѣ видѣть обряды, совершаемые русскими сектантами въ ихъ естественномъ храмѣ Нижегородской губерніи, описанномъ когда-то Печерскимъ (Мельниковымъ) въ его романѣ „Въ Лѣсахъ".

Лѣвый низменный берегъ Волги представляетъ собою обширную равнину, гдѣ на протяженіи сотенъ верстъ взоръ не находитъ ни одного холма, ни одной горки. Лѣса, поля, луга и болота смѣняютъ другъ друга въ этой однообразной и плоской мѣстности, такъ что, ежели инстинктивное стремленіе некультурнаго человѣка влекло его къ горѣ, онъ не могъ бы найти здѣсь ни одного предмета, достойнаго поклоненія, ни одного утеса или холма, возвышающагося надъ равниною, и для удовлетворенія своихъ естественныхъ эстетико-религіозныхъ чувствъ онъ былъ бы принужденъ отправиться въ далекое путешествіе.

И вотъ, какъ бы нарочно, для удовлетворенія этихъ чувствъ народа, среди гладкихъ, какъ столъ, луговъ, полей и болотъ, игра природы какимъ-то геологическимъ процесомъ выдвинула изъ земли нѣсколько обрывистыхъ холмовъ, составляющихъ одну красивую группу, и образовала продолговатое озеро у ихъ подножья, длиною около полуверсты.

Холмы поросли сосновымъ и березовымъ лѣсомъ. озеро, почти въ уровень съ плоскою частью береговъ, какъ бы, лежитъ на земной поверхности, но достигаетъ мѣстами 10-ти-саженной глубины, и все вмѣстѣ представляетъ прекрасный естественный храмъ, въ которомъ народъ нашелъ свои святыя горы, святыя рощи и святое озеро. Толпы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ стекаются ежегодно на поклоненіе этой мѣстности. Моленія происходятъ по ночамъ подъ деревьями, процесіи ходятъ съ зажженными свѣчами вокругъ озера по направленію движенія солнца. Озеро принимаетъ жертвы въ видѣ горящихъ свѣчей, которыя пускаются на его поверхность прилѣпленныя къ какой-нибудь щепкѣ или къ небольшой доскѣ. Пещеръ, кажется, нѣтъ. хотя и существуютъ разсказы въ народѣ о какомъ-то отшельникѣ, скрывающемся въ пещерѣ, которую онъ вырылъ въ одномъ изъ овраговъ св. горъ.

Какъ бы то ни было. таинственные обитатели горы принимаютъ жертвенные пятаки и копѣйки, которые благочестивые люди опускаютъ въ узкія и глубокія норы, вырытыя для этой цѣли по всей поверхности прибрежныхъ обрывовъ.

Народная фантазія, для объясненія своего непонятнаго инстинктивнаго поклоненія, придумала легенду о древнемъ христіанскомъ городѣ Китижѣ и о святомъ храмѣ, провалившемся. будто бы, въ озеро, ради спасенія отъ татаръ во время нашествія Батыя, и жителямъ этой подводной обители усердные богомольцы жертвуютъ свои трудовыя деньги. Инстинктъ народа чувствуетъ присутствіе храма въ этой мѣстности. Легенды достаточно опредѣленно не знаютъ многіе изъ начитанныхъ крестьянъ, являющихся ежегодно на богомолье; неграмотные знаютъ о ней еще меньше, и, очевидно, народъ стекается къ этому священному мѣсту однажды въ годъ на общую молитву,

лекомый единственно традиціоннымъ обожаніемъ мѣста и инстинктивнымъ побужденіемъ, которое легенда пытается лишь оправдать или объяснить, не будучи въ силахъ вызвать, или создать такого поклоненія.

Сходятся сюда сектанты разныхъ толковъ, не имѣя ничего между собою общаго, кромѣ естественнаго почитанія святыхъ горъ, озера и рощи. Возрѣнія ихъ слишкомъ различны, они презираютъ другъ друга, не вѣрятъ другъ другу и проводятъ время въ безконечныхъ и безплодныхъ спорахъ о догматахъ и о темныхъ текстахъ своихъ полусознательныхъ ученій. Нѣкоторые толки являются на общій праздникъ въ количествѣ одного лишь представителя, который, ни съ кѣмъ не сходясь въ религіозныхъ возрѣніяхъ, остается одинъ совершать свои молитвы и обрядности подъ деревомъ своего толка. Приходятъ сюда также и православные изъ окрестныхъ деревень, часто за многіе десятки верстъ, для молитвы и спасительнаго хожденія со свѣчей вокругъ озера, хотя ихъ ученіе нигдѣ не упоминаетъ о дѣйствительной святости святыни нижегородскаго раскола.

Само преданіе такъ темно, такъ сбивчиво и такъ мало извѣстно богомольцамъ, что его вліяніемъ нельзя объяснить почитаніе Свѣтлаго Озера. Конечно, паломники подражаютъ отчасти другъ другу; но вѣдь и птицы подражаютъ другъ другу при своихъ перелетахъ, отъ чего перелетъ все-таки не перестаетъ быть инстинктивнымъ.

Древне-греческіе и римскіе храмы, какъ мы видѣли, заключали въ себѣ архитектурные образы священныхъ деревьевъ и пещеръ; они часто стояли на берегу священныхъ водоемовъ, озеръ и рѣкъ или на берегу священнаго моря, были окружены священными рощами и строились нерѣдко на священныхъ горахъ. Въ нихъ поддерживались священные огни и въ служеніи весталокъ мы видимъ въ высокой степени развитой культъ огня.

Священныя рощи всѣхъ народовъ большею частью были расположены около священныхъ озеръ и заключали въ себѣ священные горы, холмы или камни. Огонь представлялъ всегда необходимый предметъ богослуженія.

Въ центрѣ древне-католическихъ круглыхъ храмовъ иногда устраивался басейнъ для крещенія, окруженный колонами (деревьями), которыя поддерживали тамбуръ, противъ входа располагалась ниша (пещера), передъ нишею помѣщался алтарь, съ зажженными во время богослуженія свѣчами. И въ настоящее время въ католическихъ церквахъ близъ паперти устраивается водоемъ, въ которомъ богомольцы омачиваютъ руку святою водою.

Еще одинъ примѣръ народомъ освященнаго мѣста въ глухой некультурной странѣ заимствуемъ изъ реферата И. Л. Яворскаго. Невдалекѣ отъ Чаартута, въ сѣверныхъ отрогахъ Гиссарскаго хребта, находится селеніе Машкеватъ, населенное таджиками. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого селенія, у самыхъ верховьевъ Машкеватской рѣчки, находится мѣстная святыня—Машкеватская пещера... Намъ пришлось въ теченіи часа времени ѣхать на лошадяхъ вверхъ по ущелью Машкеватской рѣчки, покуда мы не достигли такого мѣста, съ котораго начинается уже пѣшій путь. На этомъ мѣстѣ находится святой ключъ, въ которомъ туземцы-мусульмане и совершаютъ, передъ восхожденіемъ въ пещеры, омовеніе. Надъ ключемъ поставленъ ветхій шалашъ-

сакля, а самое мѣсто точно нарочно отмѣчено единственною растущею здѣсь старою арчею. Абсолютная высота этой сакли около 2630 метровъ. Отсюда мы начали въ 8 ч. 30 м. утра пѣшій подъемъ къ пещерамъ".

Далѣе описываются едва преодолимыя трудности этого подъема къ святынѣ таджиковъ.

„Но вотъ, наконецъ, мы достигли и входа въ пещеру. На переднемъ планѣ ея, прислонясь къ скалѣ, справа, находится въ стоячемъ (или сидячемъ?) положеніи мумія, настоящая, натуральная, человѣческая мумія.

„Мумія эта состоитъ изъ скелета, выступающаго по грудь изъ земли, перемѣшанной съ птичьимъ пометомъ. На скелетѣ хорошо сохранились покровы и мышцы на затылкѣ, обѣихъ лопаткахъ, отчасти на плечахъ и ребрахъ; черепъ оголенъ отъ кожи. Къ правому плечу, на которомъ тоже сохранилась часть мышцъ, прислонена человѣческая бедреная кость. Всѣ мягкія части муміи находятся въ изсохшемъ, окаменѣломъ состояніи. Въ обѣихъ челюстяхъ сохранилось нѣсколько зубовъ, въ нижней гораздо больше, чѣмъ въ верхней. Низкая, сложенная изъ камней, полукруглая ограда отдѣляетъ эту мумію отъ остального пространства пещеры... Изъ этой пещеры довольно узкій ходъ ведетъ въ двѣ слѣдующія пещеры... Стѣны этихъ двухъ пещеръ одѣты, какъ мантіею, бѣлымъ известковымъ натекомъ... Какъ на землѣ, такъ и въ боковыхъ впадинахъ пещеръ можно было замѣтить большое количество человѣческихъ костей и нѣсколько (до десяти) череповъ, цѣльныхъ и полуразрушенныхъ. Полъ этихъ пещеръ покрытъ слоемъ льда и температура воздуха была лишь 1,5°С...

„Путешествіе въ эти пещеры, на поклоненіе муміи, которую мѣстные мусульмане называютъ именемъ Исаакъ-Ходжи и считаютъ великою святынею, признается однимъ изъ важнѣйшихъ подвиговъ паломничества.

„Туземцы придаютъ этой муміи глубокую древность; одни говорятъ, что она извѣстна имъ уже въ теченіе 1236 лѣтъ, другіе и еще больше— 1427 лѣтъ, т. е. съ того времени, когда сюда еще не проникла магометанская религія. Паломники совершаютъ передъ этой муміей поклоненіе, заключающееся въ возжиганіи сальныхъ свѣчей и бараньяго сала. Эти свѣчи и факелы втыкаются въ землю у полукруглой ограды святого" *). Можно увеличивать до безконечности число примѣровъ изъ быта всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ, и въ самыхъ типическихъ случаяхъ мы всегда найдемъ гору, пещеру, деревья, воду и огонь и, наконецъ, самое божество, невидимо присутствующее, какъ духъ, или видимо, какъ изображеніе, изваяніе или останки человѣка, а иногда и животнаго, въ качествѣ главныхъ составныхъ частей храма, предметовъ религіознаго поклоненія и основныхъ эстетическихъ влеченій инстинктивнаго происхожденія. Эти же образы инстинктивныхъ влеченій необходимо должны были воплотиться въ архитектурѣ всѣхъ народовъ и составить ея самыя общія и основныя эстетико-символическія формы, въ дѣйствительности чего легко убѣдиться, изслѣдуя зодчество всѣхъ странъ какъ древняго, такъ и новаго міра.

*) Землевѣдѣніе, 1895 г. Кн. 1, стр. 70—73.

9. Менгиры.

Безспорно самый простой видъ мегалитическихъ памятниковъ представляютъ собою монолиты или менгиры („длинные камни"), поставленные обыкновенно вертикально и очень часто узкою стороною книзу.

Кажется,—что можетъ быть проще такихъ сооруженій? но до сихъ поръ не оканчиваются споры объ ихъ происхожденіи. Большинство, впрочемъ, склонно признать эти камни за могильные памятники погребенныхъ подъ ними людей.

Если бы какимъ-либо чудомъ отъ нашей эпохи черезъ сотню тысячелѣтій не сохранилось никакихъ иныхъ слѣдовъ современной жизни и цивилизаціи, кромѣ вертикально поставленныхъ деревянныхъ столбовъ, то едва ли наши отдаленные потомки поступили бы основательно, ежели бы приписали всѣмъ этимъ столбамъ одинаковый смыслъ и назначеніе въ нашемъ быту.

Вертикально поставленные деревянные столбы могутъ оказаться тротуарными тумбами, фонарными, телеграфными или верстовыми столбами, сваями, поддерживающими мосты или плотины, частями какихъ-либо построекъ, колонами, вереями, качелями, висѣлицами или основою могильныхъ крестовъ. Понятно, что, ежели подъ нѣкоторыми такими столбами можно было бы найти остатки человѣческихъ костей, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что всѣ они представляютъ собою могильные памятники.

Кромѣ того мы видѣли, что нѣкоторыя основныя эстетическія чувства и потребности возникаютъ изъ инстинктовъ, потерявшихъ свое жизненное значеніе, и что этимъ потребностямъ удовлетворяютъ только тѣ формы, дѣйствія, или предметы, которые ранѣе служили для удовлетворенія важнѣйшихъ инстинктивныхъ потребностей, желаній и чувствъ, т. е. которые были полезны или необходимы для жизни людей.

Формы, дѣйствія или предметы, утратившіе свою полезность для жизни, не сразу перестаютъ возбуждать человѣческое чувство и привлекать инстинктивныя желанія. Ставъ безполезными въ практическомъ отношеніи, они дѣлаются объектами безцѣльнаго поклоненія, т. е. предметами искуства или обрядностей, и не могутъ быть таковыми, не сыгравъ первенствующей роли въ жизни множества предшествовавшихъ поколѣній.

Изъ этого мы должны заключить, что, ежели многіе менгиры дѣйствительно представляютъ собою памятники, воздвигнутые въ ознаменованіе событій и въ память людей, и ежели они когда-либо возбуждали въ людяхъ ихъ религіозныя и эстетическія чувства, то такому періоду ихъ вліянія необходимо долженъ былъ предшествовать долгій періодъ ихъ чисто практической пользы и необходимости или по крайней мѣрѣ періодъ пользы и необходимости тѣхъ предметовъ, символомъ которыхъ служили для людей эти менгиры.

Постараемся показать возможность и того и другого.

Конечно, не всѣ монолиты должны быть причисляемы къ памятникамъ, имѣющимъ одинаковое происхожденіе. Назначеніе отдѣльно поставленныхъ камней могло быть, конечно, самое разнообразное: они

могли служить для сидѣнія или какъ столы и проч., когда они невелики, какъ части разрушенныхъ сооруженій разнообразнаго назначенія, ежели они достигаютъ значительныхъ размѣровъ, и, наконецъ, они могли имѣть чисто идейное, религіозное или случайное назначеніе и т. д.

Но, во всякомъ случаѣ, періоду ихъ идейнаго назначенія долженъ былъ предшествовать періодъ ихъ первостепеннаго значенія для жизни людей, вслѣдствіи чего только и могъ образоваться тотъ инстинктъ, переживанія котораго обусловили религіозное или эстетическое влеченіе человѣка къ стоячему камню. Нельзя отрицать первостепенной важности для жизни человѣка тѣхъ отдѣльныхъ большихъ камней, которые случайно находились около входа въ его жилище-пещеру и играли роль, аналогичную со стволами деревьевъ. растущихъ у этого входа. За такими камнями, какъ и за стволами этихъ деревьевъ, человѣкъ скрывался отъ преслѣдованія и нападенія врага, изъ-за нихъ онъ поражалъ непріятеля брошеннымъ камнемъ, стрѣлою, ударомъ палки или копья. Такіе камни и такіе стволы, играя роль щита, сохраняли жизнь человѣка, не разъ спасая его отъ смерти, и пещеры, окруженныя лѣсомъ или у входа въ которыя громоздились отдѣльные камни, пріобрѣтали особо важное значеніе въ первобытной жизни человѣка и несомнѣнное вліяніе на его инстинкты.

Первые менгиры могли быть поставлены у входа въ жилище человѣка въ качествѣ простѣйшаго укрѣпленія этого жилища и представляли собою нѣчто въ родѣ неподвижныхъ щитовъ. Переживанія подобныхъ щитовъ сохранились, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ религіозныхъ постройкахъ древности.

10. Кромлехи.

Кромлехи или кромлечи—это круги изъ камней, поставленныхъ вертикально на нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи. Такіе круги найдены во всѣхъ частяхъ свѣта *); очевидно, что подобнаго рода сооруженія были нѣкогда свойственны почти всему человѣчеству и представляли собою одно изъ проявленій его строительныхъ инстинктовъ. Трудно предположить, чтобы жители разныхъ странъ, никогда не имѣвшіе другъ съ другомъ общенія, научились этому искуству другъ у друга безъ всякой къ тому естественной склонности и безъ всякаго инстинктивнаго влеченія. Въ центрахъ кромлеховъ часто находятъ долмены или ихъ остатки. Въ Индіи кромлехи опоясываютъ тумулусы, т. е. памятники, ведущіе свое происхожденіе отъ первобытныхъ жилищъ человѣка. Мы видѣли, что тумулусы и долмены произошли отъ еще болѣе древней формы жилища, отъ пещеры. А потому надо предполагать, что и кромлехи являются выраженіемъ строительнаго искуства, основаннаго на инстинктахъ, образовавшихся еще во время пещерной жизни человѣка.

Мы уже говорили, что самыми удобными для обитанія были пещеры, окруженныя лѣсомъ, во-первыхъ, потому, что лѣсъ умѣряетъ слишкомъ сильныя колебанія температуры, во-вторыхъ, потому, что растительность скрываетъ входъ пещеры отъ враговъ и, въ-третьихъ, потому, что каждое изъ окружающихъ жилище деревьевъ представляетъ собою естественный щитъ или крѣпость для его обороны. Хо-

*) См. Люббокъ. Доисторическія времена, стр. 83.

зяевамъ пещеры было удобно скрываться за толстыми стволами деревьевъ отъ стрѣлъ, копій или отъ камней внезапно напавшаго непріятеля, точно такъ же, какъ имъ было удобно направлять на сильнѣйшаго врага изъ-за такого прикрытія свои смертоносные удары. Въ то отдаленное и безпокойное время, когда жизнь каждаго человѣка была гарантирована единственно лишь постоянною его готовностью къ смертельной борьбѣ, практическая роль окружающихъ входъ въ пещеру деревьевъ или камней должна была быть громадной. Имъ суждено было многократно спасать жизнь людей, которые около нихъ селились. А потому понятно, что инстинктивныя чувства первобытнаго человѣка должны были неразрывно связаться съ представленіемъ этихъ могучихъ стволовъ, окружающихъ и охраняющихъ его жизнь и его жилище.

Деревья, окружающія пещеру, казались, быть можетъ, воображенію первобытнаго человѣка чѣмъ-то въ родѣ домашнихъ боговъ или добрыхъ духовъ-тѣлохранителей. Они подставляли свою собственную грудь ударамъ врага, копья впивались въ ихъ тѣло, когда человѣкъ прибѣгалъ къ ихъ защитѣ. Понятно, что вблизи своихъ друзей и охранителей человѣкъ чувствовалъ себя въ безопасности, понятно, что, при внезапной тревогѣ или скрываясь отъ погони опасныхъ враговъ, онъ страстно стремился къ своимъ покровителямъ, былъ радъ и спокоенъ, видя ихъ близъ своего жилища, и полюбилъ ихъ типичныя формы.

Типичными свойствами характера войны у дикарей являются хитрость и трусость.

Особенно рѣдко проявляются эти черты въ войнѣ оборонительной, главными двигателями которой служатъ инстинкты самосохраненія. Атакою руководятъ другія—агресивныя чувства или потребности, которыя могутъ заглушать чувство самосохраненія. Движимый агресивными чувствами нападаетъ и дѣйствія его имѣютъ болѣе открытый, болѣе „храбрый“ характеръ, хотя ихъ мотивы не рѣдко болѣе порогны. Обороняющійся какъ дикарь, такъ и воинъ цивилизованной націи, наноситъ удары противнику большею частью изъ за прикрытія. Къ этому методу современная тактика, полная указаній на цѣлесообразное примѣненіе естественныхъ и искуственныхъ прикрытій какъ при оборонѣ, такъ и при атакѣ, учитъ прибѣгать и наступающаго.

Извѣстно, съ какою осторожною трусостью пользуются всякимъ прикрытіемъ сражающіеся дикари, руководясь однѣми лишь указаніями своихъ природныхъ инстинктовъ. Щиты, кольчуги, брони, панцыри и другія приспособленія дали возможность варварамъ и средневѣковымъ рыцарямъ проявлять чудеса храбрости, нося всюду съ собою надежнѣйшее въ то время прикрытіе.

Теперь подобная амуниція потеряла всякое практическое значеніе и военная наука, какъ и инстинкты первобытныхъ дикарей, рекомендуетъ пользоваться защитою деревьевъ, камней, земляныхъ насыпей, рвовъ, канавъ, и т. под. Фортификація разрабатываетъ спеціально вопросы о сооруженіи искуственныхъ прикрытій. Военный сигналъ, по которому стрѣлки расходятся на опредѣленное другъ отъ друга разстояніе для стрѣльбы въ непріятеля, соотвѣтствуетъ слѣдующимъ словамъ, которыя заучиваются солдатами:

Разсыпаться стрѣлкамъ
По камнямъ, по кустамъ
По два въ рядъ.

Изъ этого можно легко видѣть, насколько указанія первобытныхъ инстинктовъ сохранили свое жизненное значеніе въ сраженіяхъ нашего времени, сдѣлавшись достояніемъ военной науки.

Если нѣкоторые, незнакомые съ дѣломъ, писатели восклицаютъ патетически, что „только трусы стрѣляютъ изъ за деревьевъ", то называютъ трусами всѣ арміи міра, но нисколько не введутъ насъ этимъ въ заблужденіе относительно ихъ личной „храбрости". Самые большіе изъ трусовъ кричатъ о своей неустрашимости, самые храбрые изъ героевъ многократно сознавались, что чувствуютъ страхъ во время опасности. Истинная храбрость—это разсудительность.

Камни и деревья служили первыми естественными прикрытіями для сражающихся дикарей и лучшимъ укрѣпленіемъ ихъ первобытныхъ жилищъ.

Переживали, конечно, тѣ семьи и тѣ племена, пещеры которыхъ были хорошо укрѣплены, т. е. окружены хорошими деревьями или камнями, жилища которыхъ представляли собою первобытныя естественныя крѣпости. Привычка къ такимъ укрѣпленнымъ жилищамъ должна была вызвать любовь къ нимъ, т. е. желаніе ихъ имѣть, и, передаваясь наслѣдственно, образовала инстинкты, побуждающіе отыскивать или сооружать подобныя жилища. А потому, когда, за недостаткомъ пещеръ, люди, руководимые инстинктомъ, стали сооружать долмены, они, конечно, стремились укрѣплять свои новыя жилища стволами деревьевъ — частоколомъ или какимъ-либо ихъ подобіемъ, т. е. ставили долмены близъ деревьевъ или окружали свое жилище стоячими камнями—кромлехами. Ежели многіе изъ долменовъ и тумулусовъ, быть можетъ, и не были никогда окружены кромлехами, то это вовсе не доказываетъ, будто инстинктивнаго стремленія къ нимъ не существовало, такъ какъ. во-первыхъ, не всѣ стремленія осуществляются, идеалы людей реализуются только въ рѣдкихъ, въ счастливѣйшихъ случаяхъ, во-вторыхъ, кромлехи замѣнялись частоколомъ и, наконецъ, мѣстности, гдѣ находятъ одни только долмены, безъ признаковъ кромлеховъ, могли быть покрыты лѣсомъ, который дѣлалъ излишнимъ его подобіе—стоячіе камни.

Наоборотъ, кромлехи, окружающіе нѣкоторые изъ долменовъ, доказываютъ существовавшее къ нимъ инстинктивное влеченіе человѣка. Мы можемъ предположить не безъ основанія, что вначалѣ только одни дома вождей и начальниковъ племени укрѣплялись кромлехами, точно такъ же, какъ впослѣдствіи только ихъ могилы ими украшались, а еще позднѣе, лишь значительнѣйшіе изъ первобытныхъ храмовъ обладали этими священными принадлежностями первобытнаго религіозно-эстетическаго поклоненія.

Что люди дѣйствительно отожествляли стоячіе камни съ деревьями, а слѣдовательно, что они имѣли для нихъ когда-то одинаковое практическое и эстетическое значеніе, ясно видно изъ одной старой бретонской легенды. Въ лѣсу Ценнонъ есть кромлехъ и долменъ, извѣстные подъ именемъ могилы Мерлина, вблизи отъ нихъ бьетъ священный источникъ. Жители совершаютъ до сего дня на этомъ мѣстѣ свои религіозные обряды.

Мерлинъ, по преданію, былъ внукомъ солнца, онъ зналъ природу вещей и былъ могучъ, какъ волшебникъ. Мерлинъ любилъ мо-

лодую Вивіану и это мѣсто было мѣстомъ ихъ свиданій. Однажды онъ очертилъ на землѣ кругъ концомъ своей палки и потомъ подошелъ къ своей возлюбленной и сѣлъ съ нею рядомъ около источника. Вскорѣ ихъ взорамъ представился волшебный садъ, деревья котораго были усыпаны цвѣтами и плодами, ароматомъ ихъ наполнился воздухъ. Въ срединѣ сада возвышался великолѣпный замокъ, изъ него выходили прекрасныя дамы, онѣ весело пѣли и танцовали въ саду. Садъ этотъ названъ былъ Садомъ Веселья. „Я желаю—сказала Вивіана—чтобъ этотъ Садъ Веселья никогда не разрушался, чтобъ мы въ немъ жили вѣчно, вдвоемъ, не старѣя, не разлучаясь, никогда не переставая любить другъ друга, не переставая быть счастливыми, какъ счастливы теперь".

„Я исполню ваше желаніе",—отвѣтилъ Мерлинъ...

И съ тѣхъ поръ этотъ садъ превратился въ могилу, на его мѣстѣ стоятъ вѣчные камни—кромлехъ и долменъ, подъ которыми покоятся Вивіана и Мерлинъ въ вѣчныхъ объятіяхъ смерти.

Очевидно, что въ этой легендѣ кромлехъ является нетлѣннымъ, неразрушимымъ садомъ, въ центрѣ котораго стоитъ такая же неразрушимая обитель—долменъ, оба вполнѣ пригодные, по мнѣнію составителей легенды, для вѣчной жизни безсмертныхъ духовъ, въ качествѣ священной могилы, хранящей останки влюбленныхъ Вивіаны и Мерлина.

Въ Америкѣ, въ Скалистыхъ Горахъ, въ трехъ верстахъ отъ Маниту. находится такъ-называемый Садъ Боговъ.

„Садъ Боговъ представляетъ довольно обширную площадь, совершенно лишенную всякой растительности; это въ полномъ смыслѣ слова пустыня, но пустыня, усѣянная самыми разнообразными и причудливыми скалами изъ третичныхъ песчаниковъ высокой красоты. Песчаники эти по большей части ярко-краснаго цвѣта... Въ одномъ мѣстѣ стоятъ одинокіе, такъ-называемые эоловы столбы... въ другомъ—пласты поставлены отвѣсно... нѣтъ даже травинки: одинъ голый камень" *).

Нельзя не видѣть аналогіи между Садомъ Веселья бретонской легенды и этимъ американскимъ Садомъ Боговъ. Кто бы ни далъ послѣднему это фантастическое названіе, европейскіе ли колонисты или туземные дикари, сама асоціація двухъ столь различныхъ представленій, какъ каменистая мѣстность, вполнѣ лишенная растительности, и садъ, указываетъ на тѣсную связь, существующую въ чувствѣ людей между деревьями и стоячими камнями, на ихъ эквивалентное значеніе для чувствъ или инстинктовъ человѣка. А потому понятно, какъ легко дерево могло обратиться въ менгиръ, менгиръ въ каменную колону, а послѣдняя въ одну изъ привлекательнѣйшихъ формъ архитектуры. Кромлехи могилъ, а впослѣдствіи храмовъ, постепенно превратились въ красивыя колонады круглыхъ греческихъ и римскихъ базиликъ, сперва языческихъ, а потомъ и христіанскихъ.

Колонада, кольцомъ опоясывающая площадь передъ соборомъ Петра въ Римѣ, представляетъ собою, очевидно, величайшій изъ христіанскихъ кромлеховъ, точно такъ же, какъ представляетъ полукромлехъ колонада Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ.

*) Витковскій. За Океанъ, стр. 319.

Всѣ круглыя колонады, служащія украшеніями памятниковъ, тумулусовъ и другихъ сооруженій или имѣющія какое-либо религіозное значеніе, должны быть причислены къ утратившимъ свой практическій смыслъ кромлехамъ, произошедшимъ отъ деревьевъ и камней, окружавшихъ первобытное логовище человѣка.

Первоначально входъ въ жилище могъ, очевидно, укрѣпляться двумя или нѣсколькими менгирами. Впослѣдствіи мы находимъ на древнемъ Востокѣ обычай ставить передъ входомъ въ святилище двѣ каменныя или металическія колоны, а въ Египтѣ два обелиска передъ пилонами храмовъ. Съ другой стороны, изъ кромлеха могла образоваться впослѣдствіи ограда или городъ, а также башня, стѣна или крѣпость, увѣнчанныя зубцами, представляющими собою полное подобіе менгировъ по формѣ и по смыслу своего назначенія. Кольцо крѣпостныхъ зубцовъ, вѣнчающихъ круглую башню, ни что иное, какъ кромлехъ, поднятый на нѣкоторую высоту, т. е., какъ бы, воздвигнутый на горѣ.

Когда крѣпостные зубцы потеряли свое значеніе, вслѣдствіи измѣненія орудій и методовъ обороны, они превратились въ архитектурныя украшенія, и мы можемъ въ наше время видѣть ряды безполезныхъ менгировъ и цѣлые кромлехи въ качествѣ украшеній на зданіяхъ мирныхъ домовъ и церквей, и даже на мебели или на иныхъ произведеніяхъ человѣческаго искуства, свидѣтельствующіе намъ о прочности связи этихъ, теперь безполезныхъ, формъ съ нашими инстинктивными чувствами.

Поклоненіе камнямъ обще всему человѣчеству. „Къ тѣмъ безжизненнымъ предметамъ, которые привлекаютъ къ себѣ благочестіе людей, принадлежатъ повсюду камни — говоритъ Пешель,—на вершинѣ Сербаля находится каменный кругъ, въ который бедуины вступаютъ лишь снявши башмаки. То же должно сказать и о сосѣднемъ, Джебель-Мунаджатѣ, который арабы называютъ горою Бесѣды Двухъ; въ каменный кругъ на этой горѣ они слагаютъ приношенія“. Павзаній говоритъ, что въ прежнія времена всѣ эллины почитали вмѣсто статуй камни *). Символомъ Гермеса или Меркурія былъ вертикально поставленный камень **).

Во многихъ тумулусахъ мы опять-таки находимъ, ежели не въ подлинникѣ, то въ видѣ символовъ, всѣ главные предметы инстинктивныхъ влеченій человѣка, всѣ главные атрибуты его первыхъ религій, а именно: горы, пещеры, деревья, воду, огонь и трупы людей.

Насыпанный сверхъ долмена и кромлеха тумулусъ, безъ сомнѣнія, изображаетъ естественную гору, долменъ является первобытнымъ подражаніемъ пещерѣ, кромлехъ изображеніемъ вѣчнаго сада, вода обыкновенно находится близъ тумулусовъ, о ней также свидѣтельствуютъ глиняные кувшины, погребенные въ курганахъ и игравшіе, очевидно, важную роль при похоронныхъ обрядахъ. У многихъ племенъ, какъ извѣстно, существовалъ обычай ходить на поклоненіе могиламъ своихъ родственниковъ. Женщины часто совершали этотъ обрядъ съ кувшинами, наполненными водою, которую онѣ выливали на могилы или оставляли около нихъ вмѣстѣ съ кувшинами.

---

*) Оскаръ Пешель. „Народовѣдѣніе“, стр. 254, 255, 256.

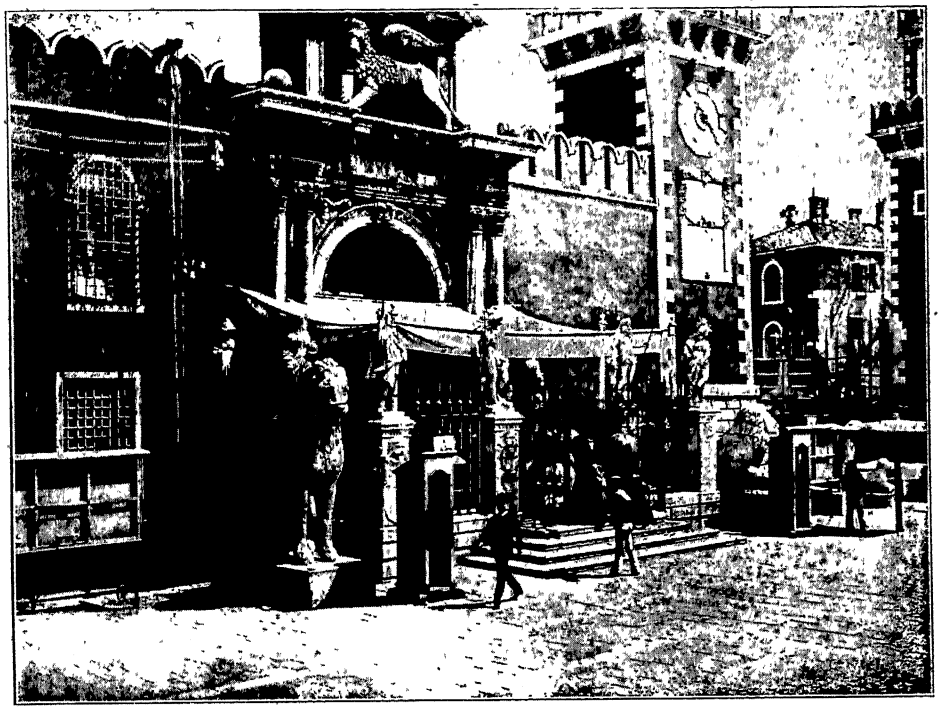
**) Люббокъ. „Начало Цивилизаціи“, стр. 220. Много другихъ примѣровъ камнепоклоненія можно найти въ этихъ двухъ сочиненіяхъ.

Объ употребленіи огня при погребеніи свидѣтельствуютъ очаги, сложенные изъ камней и засыпанные подъ курганами. Въ этихъ очагахъ часто находятъ угли. И, наконецъ, главное божество, обитавшее въ этомъ жилищѣ духовъ, скрывалось въ святилищѣ, въ своей пещерѣ, т. е. подъ долменомъ и представляло собою останки погребеннаго человѣка. Нерѣдко тумулусъ представляетъ полный прототипъ храма; онъ содержитъ всѣ его главныя части, и не трудно прослѣдить, какъ архитектура болѣе культурныхъ народовъ могла изъ этихъ первобытныхъ символовъ развить свои главныя, хотя непонятныя, но всегда очаровывающія человѣка, формы. Во многихъ тумулусахъ находятъ одни лишь долмены, безъ всякихъ слѣдовъ кромлеховъ. Иногда, какъ, напр., въ Индіи, кромлехи воздвигались снаружи тумулусовъ и часто опоясывали ихъ въ нѣсколько этажей, подымаясь одни надъ другими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ долмены, какъ пещеры въ горѣ скрыты не въ центрѣ, но около края тумулусовъ, а иногда они возвышаются на самой вершинѣ кургана и т. д.

Но какъ бы вкусы человѣчества ни были измѣнчивы, они, очевидно, имѣютъ свои органическія основы, и естественные законы управляютъ ихъ измѣненіями. Эти основы и эти законы открываетъ намъ изученіе инстинктовъ человѣка.

Такимъ образомъ, кромлехи можно разсматривать, какъ первобытные форты или укрѣпленныя жилища человѣка. Промежутки между составляющими ихъ менгирами иногда заполнялись до нѣкоторой высоты мелкими камнями или же, быть можетъ, заграждались деревянными или иными щитами. Внутри кромлеховъ, точно такъ же какъ и вокругъ нихъ, быть можетъ, располагались другія постройки изъ глины, плетней, тростника или бревенъ, отъ которыхъ, конечно, не могло сохраниться остатковъ. Въ этомъ случаѣ кромлехи иногда представляли собою внѣшнюю стѣну селенія, иногда ихъ внутреннюю цитадель, нѣчто въ родѣ кремля или замка, въ который жители могли укрывать своихъ женъ и имущество отъ непріятеля и даже выдерживать осаду сильнѣйшихъ враговъ. Понятно, что въ мирное время такія внутреннія укрѣпленія могли служить для цѣлей религіозныхъ, а также для совѣщаній суда и другихъ общественныхъ потребностей.

Замѣчательно, что у чуановъ „подъ названіемъ „котла“ подразумѣваютъ кругъ, огороженный толстыми столбами или стволами деревьевъ, который всегда устраивается посрединѣ бечуанскихъ городовъ и долженъ служить мѣстомъ совѣщаній... „Въ наиболѣе близкомъ пунктѣ къ жилищу короля заборъ всего плотнѣе, и здѣсь находится мѣсто, гдѣ властелинъ, сидя на небольшомъ стулѣ и окруженный съ обѣихъ сторонъ старшинами племени, своими родственниками и вождями, слушаетъ доклады гонцовъ, сидящихъ передъ нимъ на землѣ въ смиренной позѣ, охотниковъ, шпіоновъ и пр. Нерѣдко въ этомъ огороженномъ кругѣ построена небольшая крытая деревянная хижина, въ которой обыкновенно горитъ огонь; ею пользуются въ дождливое время для совѣщаній. Эти „котла“ служатъ также замѣной фортовъ. Если онѣ лежатъ у подножія возвышенностей, то часть забора, обращенная къ послѣднимъ, сооружается изъ высокихъ, тяжелыхъ древесныхъ стволовъ, съ цѣлью ослабить дѣйствіе метатель-



Арсеналъ въ Венеціи.

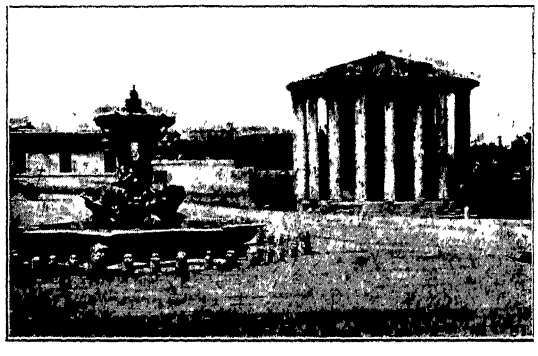
ныхъ снарядовъ. Каждая група семейныхъ хижинъ имѣетъ свою „котла“, гдѣ всѣ собираются для работы, ѣды и болтовни“ *).

Жилища и дворы чуановъ имѣютъ въ планѣ удивительное сходство съ кромлехами. Дворъ чуанскаго вождя представляетъ собою 4 концентрическихъ круга, въ центрѣ которыхъ возвышается деревянный столбъ, стѣны образуютъ самый меньшій изъ круговъ, онѣ имѣютъ одно лишь входное отверстіе, оно же служитъ единственнымъ окномъ; внѣшній кругъ представляетъ собою ограду на подобіе „котла“, два средніе круга состоятъ изъ вертикально поставленныхъ, на большомъ другъ отъ друга разстояніи, деревянныхъ столбовъ, которые мѣстами соединены низенькими земляными стѣнками и поддерживаютъ навѣсъ крыши. Они образуютъ вокругъ жилища, какъ бы, двойную крытую колонаду, оставляя открытымъ дворъ въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ внѣшними кругами. Жилища менѣе знатныхъ и богатыхъ чуановъ состоятъ изъ меньшаго числа круговъ. Не предназначались ли въ темныя доисторическія времена нѣкоторые изъ кромлеховъ для той же цѣли, которой служили еще недавно круги деревянныхъ столбовъ этихъ чуанскихъ построекъ?

Не дѣлая слишкомъ поспѣшныхъ заключеній, интересно сравнить древнее слово кромлехъ (отъ crom—кругъ, окружность и

*) Фр. Гельвальдъ. Естественная исторія племенъ и народовъ, стр. 87—88.

lech—мѣсто) со словомъ кр о м а—псковская цитадель, отъ котораго П. М. Строевъ и Я. Гротъ производятъ слово кр е м л ь, упомянутое въ первый разъ въ лѣтописи 1331 г. въ формѣ: кр е м н и к ъ. Карамзинъ производитъ кремль отъ кр е м е н ь. Терминомъ кр о м ь н ы й городъ или кр о м ъ назывались древнія русскія оборонительныя ограды. Кр о м ы, древній укрѣпленный городъ, упоминается въ 1147 г., въ XVI вѣкѣ онъ носитъ имя: Кр о м с к о е Г о р о д и щ е, нынѣ Кромы уѣздный городъ Орловской губерніи на рѣкѣ Кр о м ѣ, имѣющей притокомъ Кр е м я ч ъ. Мѣстность уѣзда богата девонскими доломитами, известняками и пр.; въ селахъ К а м е н е ц ъ и К и р о в о-Г о р о д и щ е и во многихъ другихъ добывается жерновикъ.



Храмъ Весты въ Римѣ.

Мы должны заключить, что менгиры и кромлехи происходятъ отъ камней и лѣсовъ, окружавшихъ естественное логовище первобытнаго человѣка, что, вначалѣ, они служили для укрѣпленія первыхъ искуственныхъ жилищъ, т. е. долменовъ, и иногда, быть можетъ, служили также для затѣненія, поддерживая легкую крышу изъ хвороста, камыша и листьевъ; впослѣдствіи, превратились въ первобытныя цитадели и крѣпости, служа основаніемъ развитію позднѣйшихъ крѣпостныхъ стѣнъ, башенъ, замковъ, кремлей, зубцы которыхъ сохраняютъ до нашего времени наглядное изображеніе ихъ первобытнаго примѣненія и которые, отслуживъ свое жизненное предназначеніе, превратились, наконецъ, въ наши дни въ общепринятыя формы зубцовъ орнаментаціи или архитектурныхъ украшеній. Съ другой стороны, первобытные менгиры превратились въ колоны, а кромлехи въ колонады, особенно въ круглыя колонады индійскихъ топъ, могилъ, храмовъ и общественныхъ зданій и въ спеціальную архитектурную форму круглыхъ базиликъ.

Въ сказкахъ и въ обрядностяхъ разныхъ народовъ мы находимъ суевѣрный смыслъ, приписываемый м а г и ч е с к о м у к р у г у, очерченному на землѣ. Такой кругъ должны были чертить первобытные строители кромлеховъ. Человѣкъ, ставшій въ магическій кругъ, находится въ безопасности отъ преслѣдованія злыхъ духовъ, его спасаетъ символъ кромлеха, подобно тому, какъ послѣдній спасалъ отъ враговъ его позабытыхъ предковъ. Инстинкты человѣка сохраняли

еще связь представленія круга съ чувствомъ безопасности въ то время, когда въ дѣйствительности эта связь давно уже не существовала при новыхъ условіяхъ жизни.

11. Заключеніе.

На основаніи всего этого, мнѣ кажется, мы имѣемъ право сдѣлать тотъ выводъ, что архитектурно-эстетическія стремленія людей, чувство красоты и творчество, основанныя на этихъ стремленіяхъ, представляютъ собою инстинктивное возвращеніе къ оставленнымъ и давно забытымъ формамъ первобытнаго жилища и его обстановки, т. е. къ формамъ, которыя когда-то служили цѣлямъ сохраненія жизни человѣка и составляли объекты его цѣлесообразныхъ инстинктивныхъ потребностей и стремленій; что архитектурною красотою мы часто называемъ то, безполезное въ нашихъ постройкахъ, прообразъ чего когда-то удовлетворялъ насущнымъ потребностямъ организма, поддерживалъ его жизнь и сохранялъ ее въ теченіи тысячелѣтій; что безполезная склонность людей къ архитектурнымъ красотамъ, существующая у всѣхъ народовъ, свидѣтельствуетъ только объ устойчивости и живучести инстинктовъ, которые продолжаютъ еще дѣйствовать, руководить поступками и чувствами людей даже и тогда, когда они утратили всякій практическій смыслъ, всякую цѣлесообразность, подъ вліяніемъ измѣнившихся условій среды.

Едва ли имѣетъ какія-либо серьезныя основанія распространенное мнѣніе, будто художники создаютъ прекрасное, т. е. создаютъ объекты эстетическихъ эмоцій людей и даже создаютъ эти эмоціи. Такое мнѣніе, мнѣ кажется, настолько же неосновательно, насколько ошибочно предполагать, что жрецы выдумали религіи и объекты религіознаго поклоненія. На основаніи описаннаго легко убѣдиться, что причина эмоцій эстетическихъ самою природою заложена въ основу механизма нашей сознательной жизни, и если бы никогда не существовало на землѣ ни одного художника, эмоціи эти нашли бы свои объекты въ природѣ и проявлялись бы съ такою же силою, съ какою онѣ проявляются теперь передъ твореніями искуства или при исполненіи таинственныхъ обрядностей. Художники не могутъ, дѣйствительно, выдумать ничего новаго, способнаго вызвать эмоціональное поклоненіе человѣка, всякая такая попытка, какъ бы она ни была глубокомысленна, должна погибнуть, не достигнувъ никакихъ результатовъ. Художникъ или шаманъ можетъ только подмѣтить, прослѣдить и заимствовать у природы тѣ факторы, которые властны надъ чувствами людей, которые приводятъ инстинкты человѣка въ активное состояніе; онъ можетъ воспользоваться этими факторами, группировать ихъ и концентрировать съ цѣлью сильнѣйшаго воздѣйствія, но создавать ихъ не можетъ, такъ какъ всякая новая форма окажется безсильной и жалкой и будетъ отвергнута чувствомъ, которое съ ней незнакомо и не признаетъ ее.

Инстинкты всѣхъ животныхъ, какъ мы это видимъ, имѣютъ то характерное отличіе отъ ихъ чисто сознательныхъ дѣйствій или случайныхъ поступковъ, что они совершаются болѣе или менѣе однообразно разными индивидами одного и того же вида даже и въ тѣхъ

случаяхъ, когда группы животныхъ, имѣющихъ тѣ же инстинкты, разобщены между собою и не могутъ другъ у друга заимствовать пріемовъ и образа дѣйствій. Инстинкты одинаковы тамъ, гдѣ одинаковы организмы и внѣшнія условія жизни. Мы, я надѣюсь, выяснили удивительное однообразіе въ основныхъ инстинктивныхъ стремленіяхъ, на которыхъ основано зодчество, у разнообразнѣйшихъ племенъ человѣка, населяющихъ или населявшихъ когда-либо землю.

Трудно было бы предположить для объясненія этого замѣчательнаго однообразія, что формы архитектурной красоты и предметы поклоненія заимствованы однѣми расами или племенами людей отъ другихъ. Жители Азіи, Африки и Европы проявляли въ свое время не только одинаковыя чувства къ одинаковымъ предметамъ, но даже ихъ сооруженія и памятники, служившіе нѣкогда для удовлетворенія эстетическихъ и религіозныхъ потребностей, оказались вполнѣ сходными не только между собою, но и съ сооруженіями и памятниками обитателей Полинезіи и Америки, съ которыми народы Стараго свѣта были слишкомъ разобщены для возможности заимствованій.

Въ этомъ замѣчательномъ фактѣ мы видимъ одно изъ главныхъ доказательствъ инстинктивнаго происхожденія первобытныхъ религій и строительнаго искуства человѣка.

Ежели мы для животныхъ приписываемъ однообразію ихъ инстинктовъ, а не подражанію или заимствованію, тотъ фактъ, что нѣкоторыя птицы и млекопитающія, никогда не покидающія американскаго материка, вьютъ свои гнѣзда или устраиваютъ свои норы и логовища точно такъ же, какъ близкіе къ нимъ виды животныхъ Стараго свѣта, то какое же мы имѣемъ основаніе отрицать возможность тѣхъ же причинъ и законовъ въ основаніи строительной дѣятельности разныхъ племенъ человѣка? Еще болѣе однообразія, чѣмъ въ развитой сравнительно архитектурѣ древнѣйшихъ цивилизацій, находимъ мы въ первобытныхъ постройкахъ доисторическихъ народовъ всего земного шара. Если бы мы судили безпристрастно, то, даже по одному лишь внѣшнему сходству подобныхъ построекъ, мы должны были бы ихъ отнести къ безспорнымъ проявленіямъ строительныхъ инстинктовъ, какъ относимъ къ нимъ гораздо болѣе сложныя и, часто, примѣняющіяся къ исключительнымъ условіямъ мѣстности, искусныя сооруженія бобровъ Стараго и Новаго свѣта. Описанные факты доказываютъ мнѣ, что не какія либо идеи или сознательные принципы легли въ основу чувства архитектурной красоты, формы доисторическихъ памятниковъ и смысла символическихъ построекъ и обрядовъ современныхъ, древнихъ или первобытныхъ народовъ, но только инстинктивныя чувства, однородныя у всякаго нормальнаго человѣка и одинаковыя въ главныхъ чертахъ у всѣхъ человѣческихъ расъ, и что инстинктивныя чувства сохраняются, утративъ цѣлесообразность, въ силу своей органической устойчивости. А потому миѳологіи и созданія чистаго искуства народовъ могутъ намъ освѣтить исторію естественнаго развитія ихъ первобытныхъ инстинктовъ и образа жизни въ отдаленнѣйшія эпохи доисторическихъ временъ точно такъ же, какъ анатомическія переживанія или, по выраженію Дарвина, зачаточные органы раскрываютъ намъ прошлое строенія организма и освѣщаютъ тайну его происхожденія.

Въ изученіи инстинктовъ людей мы можемъ найти разгадку большей части явленій человѣческой и общественной жизни, до сихъ поръ не получившихъ никакого объясненія, основу естественной этики, естественной соціологіи, естественной эстетики, критерій для оцѣнки человѣческихъ твореній, поступковъ, чувствъ, стремленій и вѣрованій, основные законы психологіи, естественные законы исторіи, законы учрежденій, законы законодательствъ, когда-либо созданныхъ людьми, законы образованія и развитія чувствъ, законы педагогики и т. д., и т. д.

Только въ изученіи инстинктовъ людей вижу я путь къ дѣйствительному познанію человѣка и общества со всею ихъ многосложною жизнью и дѣятельностью, и указать на этотъ путь было главною цѣлью моего очерка.

Изложенные взгляды мои самостоятельны, образовались они вслѣдствіи многолѣтняго изученія разнообразнѣйшихъ сторонъ, почти незатронутаго еще наукою, вопроса. Они тщательно провѣрялись мною по даннымъ физіологіи, антропологіи, психологіи, исторіи и проч. въ теченіи послѣднихъ 5—6 лѣтъ, и такъ какъ нѣкоторыя, приведшія къ нимъ, мнѣнія мои, укрѣпляя мое къ нимъ довѣріе, были за послѣднее время выражены нѣкоторыми авторитетными учеными, я и рѣшился представить на судъ благосклонныхъ читателей новую теорію инстинкта, новые взгляды на жизнь и новыя объясненія дѣятельности и стремленій человѣка.

И. П. Кондыревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВВЕДЕНІЕ. Принципъ жизни. . . . . I—XXI

I. Установленъ ли наукою „законъ“ борьбы за существованіе.
II. Теорія Мальтуса и професоровъ Шенка и Оршанскаго . . . VI
III. Борьба и подборъ IX
IV. Законъ органическихъ явленій XII

Часть I критическая.

Что означаетъ слово инстинктъ? . . . . . 1.
Гербертъ Спенсеръ. Основанія психологіи . . . . . 4.
Г. Гефдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ . . . . . 6.
Дж. Роменсъ. Умъ животныхъ . . . . . 7.
G. J. Romanes. L'Evolution mentale chez les Animaux . . . . . 8.
Т. Рибо. Наслѣдственность душевныхъ свойствъ . . . . . 10.
H. Beaunis. Les sensations internes . . . . . 11.
Н. Н. Ланге. Психологическія изслѣдованія . . . . . 11.
К. Ушинскій. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія . . . . . 12.
Д-ръ Эдуардъ фонъ-Гартманнъ. Философія безсознательнаго . . . . . 12.
В. Вундтъ. Основанія физіологической психологіи . . . . . 22.
В. Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ . . . . . 23.
Чарльзъ Дарвинъ. Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора. Происхожденіе человѣка. Инстинктъ . . . . . 27.
В. Вагнеръ. Психологическая природа инстинкта по новымъ даннымъ экспериментальной физіологіи. Вопросы зоопсихологіи. Генезисъ инстинкта. Что такое ошибки инстинкта. . . . . 31.

Какъ относится инстинктъ къ сознательному дѣйствію и къ рефлексу?

1. Возможны ли движенія не сознательныя и не рефлекторныя? . . . 35.
2. Инстинкты не рефлексы . . . . . 38.
3. Инстинкты не вполнѣ сознательны . . . . . 43.
Заключеніе . . . . . 49.

Часть II общая.

Что такое инстинктъ? . . . . . 50.
Органическія основы безсознательной жизни, сознанія и чувствъ.
1. Основы безсознательной дѣятельности . . . . . 53.
2. Задержка безсознательныхъ отправленій, какъ причина сознательныхъ дѣйствій . . . . . 57.
3. Сознаніе и его анатомическія условія . . . . . 57.
4. Подчиненная роль сознанія . . . . . 59.

Что такое чувство?

Стр.

1. Чувство и ощущеніе . . . . . 62.
2. Боль . . . . . 63.
3. Ощущеніе, боль и чувство . . . . . 72.
4. Желаніе 73
5. Тревога . . . . . 74.
6. Страданіе и наслажденіе, какъ регуляторы инстинктивныхъ движеній, и ихъ несовершенства . . . . . 79.
7. Самоопредѣленіе тревоги . . . . . 81.

Рефлекторное чувство . . . . . 85.

Механизмъ рефлекторнаго чувства . . . . . 93.

Часть III спеціальная.

Термическіе инстинкты.

1. Инстинкты, связанные съ процесами теплообразованія и потери тепла организмами . . . . . 102.
2. Термическіе инстинкты, какъ регуляторы мышечной дѣятельности. 104.
3. Термическіе инстинкты, какъ регуляторы дыханія и питанія (Термическіе вкусы и термическій голодъ) . . . . . 110.
4. Инстинкты-регуляторы потери тепла . . . . . 118.
5. Инстинкты, увеличивающіе потерю тепла . . . . . 119.
6. Инстинкты, уменьшающіе потерю тепла . . . . . 123.
7. Переживанія термическихъ инстинктовъ . . . . . 127.

Строительные инстинкты человѣка.

1. Лѣтнее жилище . . . . . 133.
2. Зимнее жилище . . . . . 135.
3. Строительное искуство и красота въ архитектурѣ . . . . . 137.
4. Психологическое значеніе дерева въ архитектурѣ . . . . . 145.
5. Психологическое значеніе пещеры въ архитектурѣ . . . . . 172.
6. Психологическое значеніе горы въ архитектурѣ . . . . . 195.
7. Вода, огонь и трупъ . . . . . 203.
8. Первобытный храмъ . . . . . 211.
9. Менгиры . . . . . 218.
10. Кромлехи . . . . . 219.
11. Заключеніе . . . . . 227.

Оглавленіе . . . . . 230.